

ВОЙНА И ОРУЖИЕ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

**Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции**
18–20 мая 2016 года

Часть IV

Управление культуры Минобороны России
Российская академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции**

18–20 мая 2016 года

Часть IV

Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС
2016

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС
Научный редактор – *С.В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В.М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С.В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук,

С.В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, Заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В.И. Кобякова, начальник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук.

Война и оружие Новые исследования и материалы

Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции

В пяти частях

Часть 4

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

ISBN 378-5-7937-1304-7

© ВИМАИВиВС, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© СПбГУПТД, 2016

Ю.А. Мионов (Ардатов, Мордовия)

**НИКОЛАЙ АЛЬБЕРТОВИЧ БЕНУА –
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
ЗВУКОМЕТРИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ АРТИЛЛЕРИИ**

В МУЗЕЕ артиллерии, войск связи и инженерных войск (ВИМАИВиВС), в зале, где размещена экспозиция, посвященная Первой мировой войне, имеется экспонат, справочная табличка которого гласит, что это – звукометрическая станция конструкции Бенуа Н.А. образца 1914 года.

Документальное же описание жизни талантливого первооткрывателя способа обнаружения скрытых стреляющих неприятельских орудий отсутствует. Это объясняется закрытостью и малой изученностью архивов. В статье сделана попытка восполнить имеющиеся пробелы в исследовании личности первооткрывателя и изобретателя.

Рис. 1. Звукометрическая станция Н.А. Бенуа в музее

Николай Альбертович Бенуа родился 21.09 (2.10) 1881 г. в Санкт-Петербурге, рядом с Никольской площадью, в доме Войцеховского № 33, в котором снимали квартиру его родители.¹

Отец его – Альберт Николаевич Бенуа – дворянин, академик живописи, архитектор и музыкант. Мать – Мария Карловна Бенуа (Кинд) – талантливая пианистка. В 1882 г. семья переехала в родительский дом Бенуа по адресу: Никольская улица (с 1892 г. улица Глинки), дом № 37, напротив Никольского морского собора. В семье отца Альберта Николаевича было четверо детей:

дочери Мария и Эмилия и сыновья Альберт и Николай. В 1889 г. родители развелись. Мария Карловна переехала жить сначала к своим родителям, а затем повторно вышла замуж. Дети остались жить с Альбертом Николаевичем.

Подготовку к учебе Николай получил в подготовительных 1–2 классах гимназии № 5, в которой учился его отец. В 13 лет поступил в 3 класс реального училища Карла Мая на Васильевском острове, которое окончили многие родственники Бенуа. В 1899 г. Николай успешно, по первому разряду, окончил седьмой класс этого учебного заведения.³

В 1900 г. Николай едет в Швейцарию, где получает дополнительное образование в Женеве, на юридическом факультете университета, в объеме двух семестров.⁴

После беседы с отцом принимает решение стать офицером. В соответствии с действующими законами Российского государства, по

Рис. 2. Николай Бенуа в три года

своему дворянскому происхождению, по протекции отца был зачислен 26 августа 1902 г. вольноопределяющимся, рядовым в 9-ю роту лейб-гвардии Преображенского полка. В апреле – мае 1903 г. сдал экзамен и получил свидетельство на право производства в офицеры по первому разряду⁵.

В ноябре 1903 г. приказом царя произведен в подпоручики с установленным ему денежным содержанием 1508 руб. 50 коп. в год.

Началась офицерская служба Николая Альбертовича в лейб-гвардии Преображенском полку в Санкт-Петербурге, которая заключалась в охране императорских поездов, перемещающихся по железным дорогам⁶.

27 января (9 февраля) 1904 г. началась война Японии с Россией за контроль над Манчжурией и Кореей. Вследствие ряда поражений русской армии и флота в ходе войны в стране назрело недовольство внутренними условиями жизни. Это вылилось в ряд забастовок, митингов. В январе 1905 г. царские войска расстреляли мирную демонстрацию, которая несла петицию царю. В это время Николай Альбертович участвовал со своей ротой в поддержании порядка на улицах, охранял заводы и офицерское собрание.⁷

Война с Японией продолжалась, и Николай Альбертович был командирован для сопровождения в Манчжурию 1-го Петербургского эшелона переведенных из флота в действующую армию. Известие об окончании войны с Японией застало эшелон в пути. Несмотря на это, он был доставлен к месту назначения.⁸ После командировки военная служба Николая Альбертовича продолжалась. Он по-прежнему охранял линии железной дороги, по которым должен был перемещаться императорский поезд.

Рис. 3. Николай Бенуа – учащийся гимназии К. Мая (из собрания музея К. Мая)

В 1907 г. Николай Альбертович берет отпуск по домашним обстоятельствам и едет во Францию, где в Парижской высшей политической школе продолжил свое юридическое образование.

По возвращении в полк в конце 1907 г. Николаю Альбертовичу приказом царя присваивается воинское звание поручик. В это время ему поручают наблюдение за подготовкой знаменосцев, заведывание школой солдатских детей в полку. За время службы награжден орденом Святого Станислава 3-й степени, китайским орденом Двойного Дракона 3-й степени, медалями: «В память Русско-японской войны», «В ознаменование 100-летия годовщины Отечественной войны 1812 года», «В память 300-летия царствования дома Романовых», «В память 200-летия Полтавской победы», ему вручен полковой нагрудный знак.⁹

В 1908 г. Николай Альбертович был командирован в саперный лагерь под Санкт-Петербургом, где были слышны выстрелы с главного артиллерийского полигона. Далее он пишет: «Я задумался над тем, как хорошо было бы, находясь вдали от стреляющих и совершенно невидимых орудий, по звуку их выстрелов определять места их нахождения. Сейчас же сложилась у меня наметка решения задачи в виде двух больших мембран, которые, казалось мне, легко могут быть снабжены такими механизмами, которые давали бы возможность судить об амплитуде их колебаний. Вращая каждую из таких мембран и направляя ее на стреляющее орудие, наблюдатель по максимуму амплитуды ее колебаний мог бы судить и о правильности взятого направления. Спаривая же два полученных направления (с двух точек базы), он получал бы искомую точку. Но минутного размышления было достаточно, чтобы убедиться в невозможности при массовом огне направления с двух точек базы их мембран на одну и ту же цель. В результате я бросил эту мысль, и она была забыта. Но несколько дней спустя, в саперном лагере, совершенно случайно в поле моего зрения попал человек, который в 200–300 метрах от меня вбивал кол. Тот факт, что мы сначала глазом улавливаем падение молота, и только спустя несколько мгновений до нас доходит звук падения, и то, что в мозгу была уже разбужена мысль, сразу вызвала ответную реакцию в виде совершенно законченного геометрического решения, которое и составляет исчерпывающее содержание метода разности времен. Когда идея метода вполне оформилась в моем представлении, я живо ощутил, что найден ключ к разрешению одной из важнейших артиллерийских задач. Этим моментом опреде-

лился и поворот всей моей жизни, который на 25 лет связал меня с звукометрией»¹⁰.

На первом этапе Николай Альбертович разработал теорию метода определения невидимых стреляющих орудий. В результате им была получена основная звукометрическая формула. Согласно формуле, для определения направления на стреляющее орудие требуется выяснить время прохождения звуком выстрела точек стояния звукоприемников. Для практической отработки метода Николай Альбертович использовал выстрел сигнальной пушки с Петропавловской крепости. На Литейном мосту им была размечена база в 320 метров. На концах базы стояли люди-слухачи с секундомерами. При появлении дыма выстрела они запускали секундомеры, а при слышимости звука выстрела останавливали стрелку. При этом точность отсчетов составляла 0,2 секунды, что давало ошибку в направлении на источник звука в 2-00 деления угломера.¹¹ Николай Альбертович решил заменить слухачей звукоприемниками, а для повышения точности отсчета времени использовал прибор электрический хроноскоп, изобретенный М. Гиппом и изготовлявшийся швейцарской фирмой «Фаварже и К^о». В 1908 г. Бенуа съездил в Швейцарию, в город Нейшатель, на фирму Фаварже. Там он заказал трехсигнальный хроноскоп. Точность отсчета времени его составляла 0,001 с. Впоследствии фирме Фаварже был заказан четырехсигнальный хроноскоп.¹²

Вся схема, включающая трехсигнальный хроноскоп, переделанный изобретателем, три звукоприемника, провода и источник питания, получила название звукометрическая станция Бенуа. Николай Альбертович после полной разработки метода и проведенных им испытаний в ноябре 1908 г. подал заявку в Главное артиллерийское управление (ГАУ) на предмет испытания прибора и заключения договора на его приобретение. В это же время Бенуа приглашает корреспондента газеты «Новое время» для ознакомления с изобретением, о котором подробно написал в статье. Именно это время он сам считает началом звукометрии, началом звуковой разведки артиллерии.

Первое испытание прибора было проведено в городе Ковно (Каунас) в 1910 г. Следующие опыты проводились в крепости Осовец (ныне польский город), и крепости Очаков (ныне украинский город в устье Днепра). При дальностях до целей 6–8 километров и углах засечки 10 градусов ошибки в определении направления составляли 0–01 деление угломера, а по дальности 3 %. При испытаниях было

выяснено, что для определения координат цели требуется 24 минуты, а для развертывания схемы на местности до готовности к работе – 30 минут.¹³

Рассмотрев результаты всех испытаний, комиссия под председательством генерала артиллерии Шкларевича вынесла заключение, что усовершенствование прибора продолжать стоит, но в обстановке массовой стрельбы артиллерии. В ноябре 1911 г. Николаю Альбертовичу высочайшим приказом присвоено воинское звание штабс-капитан, а в ноябре 1913 г. высочайшим же приказом, по его просьбе, он зачислен в запас гвардейской пехоты.¹⁴

После всех испытаний метод определения координат по звуку выстрела орудия был забракован, а аппаратуру признали негодной, и за полтора месяца до начала Первой мировой войны с нее был снят гриф секретности.

В 1914 г. Николай Альбертович берет в жены дочь мастера Балтийского завода Серафиму Михайловну Лушкину, 1896 года рождения.

С началом Первой мировой войны Бенуа принимает решение ехать в район боевых действий с целью проверить метод определения стреляющих орудий по звуку их выстрела в боевых условиях. ГАУ разрешило ему это. Сам Бенуа пишет об этом: «Отряд акустической разведки выступил на фронт в августе 1914 года. Отряд был небольшой. Помимо меня, его возглавляющего, в него входило пять человек. Отряд выступил, снабженный двумя хроноскопическими станциями моей конструкции. Все имущество его возилось на двух двуколках. Первое боевое крещение отряд получил на Люблинском фронте, в районе деревень Быхова и Голензово. Нам удалось определить позицию только одной батареи. Второе применение прибора произошло в сентябре 1914 года в районе деревни Голензово на Висле. Здесь удалось определить позиции трех батарей, но проверить результаты было невозможно, так как начался отход. Отношение к прибору начало меняться со времени Ивангородской операции в октябре 1914 года, где первые бои у деревни Олексово дали возможность проверить показания прибора тем, что найденную цель обстреляли и привели к молчанию. Особенно же яркие результаты были получены у деревни Пенково. В этих боях с обеих воюющих сторон участвовало много батарей. Помню мое волнение, когда после отступления австрийцев по приказанию командира мортирного дивизиона была назначена комиссия для осмотра позиций, найденных прибором. Мы все сели на лошадей, и поскакали в направлении деревни Пенково.

И какова была наша радость, когда мы в небольшом удалении от гребня обнаружили артиллерийские окопы с большим количеством воронок от разрывов наших снарядов. С этого момента слух о приборе быстро стал распространяться по армии. Когда же мы в ноябре 1914 года в боях под Краковом произвели первое корректирование огня своей артиллерии, части стали нас требовать наперебой. Особо ценные результаты были получены в районе деревни Парембо-Гурно в ноябре. За две недели стояния на этих позициях нам удалось определить и обстрелять целый ряд неприятельских батарей. В результате этих успехов в декабре отряд оттянули в Петроград, где на его основе создали инструкторское ядро, которому поручили формирование первых команд «артиллерийских наблюдательных станций» с приборами моей системы¹⁵». Таким образом, в этих боях впервые в мире была проведена разведка невидимых стреляющих орудий и корректировка стрельбы нашей артиллерии с помощью звукометрической станции.

О положительных результатах применения прибора было доложено Верховному главнокомандующему и государю императору. После этого ГАУ заказало Николаю Альбертовичу изготовить шесть комплектов приборов его системы для обеспечения трех звукометрических команд. За это по договору ему было выплачено всего 116 000 рублей.¹⁶ В апреле 1915 г. Генеральный штаб распорядился сформировать три команды артиллерийских наблюдательных станций. Артиллерийская наблюдательная станция включала в себя два аппарата Бенуа, соединенных на общей базе 3–5 верст. Штаб одной наблюдательной станции включал трех офицеров и 18 нижних чинов.¹⁷ В мае 1915 г. по распоряжению генерал-инспектора артиллерии ГАУ обращается в Военный Совет с ходатайством о выделении 782 500 рублей на изготовление ста звукометрических станций Бенуа. Канцелярия Военного министра сообщает ГАУ о выделении первой трети испрашиваемой суммы в размере 260 833 рубля.¹⁸

В июне 1915 г. ГАУ заключило с Николаем Альбертовичем контракт на изготовление ста приборов его системы для обнаружения невидимых стреляющих орудий на сумму 782 500 рублей. В контракте указывалось, что четырехсигнальный хроноскоп для станции будет изготовлен в Швейцарии фирмой «Фаварже и К^о». В технических условиях на прибор было указано, что точность определения положения стреляющего орудия должна составлять 2,25 % по дальности и 1/300 по направлению. В июне 1915 г. Николай Альбертович

обращается в ГАУ с просьбой разрешить продемонстрировать действие прибора представителям Англии, Франции и Бельгии в учебной команде на Охте на выстрелы Главного артиллерийского полигона. Такое разрешение было дано.

В октябре 1915 г. на полигоне были проведены испытания двух станций Бенуа. Они подтвердили способность прибора засекаать звук стреляющих орудий в соответствии с техническими требованиями. В это же время подготовленные Бенуа команды трех артиллерийских наблюдательных станций убыли на фронт и приступили к боевой работе.¹⁹

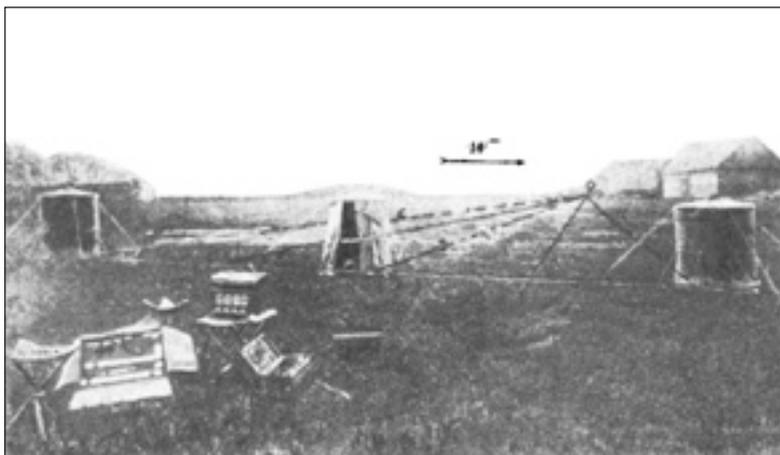

Рис. 4. Звукометрическая станция Бенуа на позиции

К ноябрю 1916 г. было изготовлено пятьдесят комплектов звукометрических станций Бенуа и отправлено еще шесть команд артиллерийских наблюдательных станций. Но вследствие ряда рапортов начальника первой артиллерийской наблюдательной станции подполковника Лукомского, в которых он утверждал о неудовлетворительной организации работы станции, Генеральный штаб своим распоряжением приостановил формирование новых команд.²⁰

В июле 1916 г. Николаю Альбертовичу было вынесено предписание градоначальника Петрограда о перенесении завода из города в целях разгрузки от промышленных предприятий²¹. Не получив разрешения оставить механический завод товарищества Бенуа и К^о в Петрограде на Охте, Бенуа выехал в Казань. Там, под Казанью, в го-

родке Паратове (в настоящее время Зеленодольск) Николай Альбертович выкупил у разорившегося за годы войны Волжско-Вишерского акционерного общества механический завод за 1 миллион 200 тысяч рублей. Он решил изготавливать на этом заводе звукометрические станции своей системы, а также мины системы Лихонина и осветительные ракеты. Осенью 1917 г. механический завод общества Бенуа и К^о был эвакуирован в Паратов. Сюда Николай Альбертович перевез свою жену и сыновей Николая и Дениса. Вследствие переезда Бенуа в Паратов военное министерство приняло решение перенести формирование звукометрических команд в Казань, в запасную артиллерийскую бригаду. Но февральская революция и последующие революционные события меняют эти планы. Уже в сентябре 1917 г. Особое государственное совещание принимает решение секвестрировать Паратовский механический завод, а на его площади перевести Ижорский механический завод.

Революционное время отразилось и на самом Николае Альбертовиче. В Казани он создает «Ново-социалистическую партию деловых максималистов» и проводит в Казани два ее съезда. Партия состояла из лиц непролетарского происхождения – дворян, офицеров, купцов. Во время восстания чехословацкого корпуса и захвата им Казани Николай Альбертович находился в Паратове.²²

Осенью 1918 г. Бенуа с семьей возвращается в Петроград. Туда же перевозится часть его завода по изготовлению звукометрических станций. Советское правительство принимает решение о привлечении военспецов на службу. В 1918 г. Николай Альбертович принимается на службу в Красную армию и назначается начальником инструкторской команды с приборами Бенуа и акустической разведки артиллерийского управления.²³ В это время его завод на Охте в Петрограде был национализирован и переименован в «Буревестник», а Бенуа арендовал свое же предприятие.

В 1921 г. в Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ), в его научно-техническом отделе, организуется комиссия опытов по звуковой разведке «Комзвук». Все звукометрическое имущество, оставшееся в армии, организационно сосредоточивается в Московском учебном артиллерийском звукометрическом отряде РККА (МУАЗМО).²⁴

В 1922 г. в стране развернулась кампания по борьбе с взяточничеством во всех областях жизни. В это время Николай Альбертович предлагал свои звукометрические станции для Красной армии. В 1924 г. он предложил взятку для успешного продвижения своего за-

каза. И был задержан с поличным, арестован органами НКВД и осужден к 8 годам лишения свободы. До 1927 г. Николай Альбертович отбывал наказание в тюрьме. В 1927 г. в связи с 10-й годовщиной Октябрьской революции был освобожден по амнистии.²⁵ По возвращении из тюрьмы был принят на завод имени Кулакова (бывший Гейслера), расположенный в Ленинграде. На этом заводе, в лаборатории точной механики, Николай Альбертович в должности старшего инженера продолжил свою работу в области звукометрии. В 1927–1929 гг. он переконструировал звукометрическую станцию образца 1915 г., и она была принята на вооружение РККА как станция системы Бенуа 1927 г. Сам себя в документах он называет изобретателем в области звукометрии. В открытой базе патентов СССР с 1924 по 1934 г. имеется семь его заявок на изобретения в области звукометрии. Еще в феврале 1915 г. Николай Альбертович предлагал Главному управлению кораблестроения построить прибор для определения места прохождения подводной лодки, основанный на открытом им принципе. В октябре 1929 г. Николай Альбертович конструирует звукометрическую станцию с графической записью звука орудийного выстрела. В это время ГАУ ВС СССР принимает решение провести 1-ю конференцию звукометристов, которая работала в октябре 1929 г. На конференции были подведены итоги развития звукометрии и поставлены задачи, требующие незамедлительного решения. В это время Николай Альбертович передал в ГАУ безвозмездно акустическую лабораторию, расположенную в Кузьмолово. Это позволило развернуть практические исследования в звукометрии.²⁶ В 1929 г. ГАУ провело конкурс на лучшую звукометрическую станцию для РККА. В конкурсе приняли участие десять образцов звукометрических станций. Три из них представил на конкурс Николай Альбертович. По результатам испытаний первое место заняли инженеры А.И. Данилевский и А.В. Евтюхов со своей звукометрической станцией ДЕ-30. Решением артиллерийского комитета эта станция с чернильной записью и была принята на вооружение. В 1932 г. звукометрические станции Бенуа 1915–1927 г. были сняты с вооружения. Николай Альбертович продолжал работать в акустической лаборатории завода им. Кулакова. Под его руководством разрабатывалась аппаратура, которую впоследствии приняли на вооружение как «звукометрическую станцию чернильной звукозаписи образца 1936 года». Именно она была на вооружении Красной армии во время Великой Отечественной войны.

В октябре 1934 г. научной и военной общественностью было широко отмечено 25 лет создания звуковой разведки и подчеркнута роль Бенуа как основателя этого метода. Сам Николай Альбертович напечатал в журналах ряд статей по истории открытия метода звуковой разведки в артиллерии. Приказом Реввоенсовета за подписью Тухачевского ему был вручен ценный подарок «за самоотверженную работу, связанную с развитием звукометрии»²⁷.

В декабре 1934 г. в Смольном был убит С.М. Киров – секретарь Ленинградской партийной организации, член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б). Сталин решил использовать это в своих целях. В закрытом письме ЦК ВКП(б) было принято решение очистить Ленинград от «бывших людей». «Бывшими» были обозначены знать и дворянство. Операция НКВД проходила с 28 февраля по 27 марта 1935 г. Всего было арестовано и осуждено в ходе операции Особым совещанием НКВД 11 702 человека. Из них глав семей – 4833 человека, членов семей – 6239 человек²⁸. К Николаю Альбертовичу с арестом пришли 18 марта.

На следующий день состоялся его допрос и вынесено заключение: дело по Бенуа Н.А. направить на Особое совещание УНКВД с ходатайством о привлечении к заключению в концлагерь сроком на 5

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Управление НКВД - СССР по Ленинградской области
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1807 Бенуа 19 1898 г. Ленинград

Бенуа, Николай Альбертович 19

1. Фамилия Бенуа

2. Имя и отчество Николай Альбертович

3. Дата рождения 19.12.1898

4. Место рождения г. Ленинград

5. Место жительства г. Ленинград, ул. Тельмана, д. 10, кв. 3

6. Пол и группа (показатели) мужск. 1-й группы

7. Подпись Бенуа Николай Альбертович

8. Подпись Бенуа Николай Альбертович

9. Судимости нет

10. Специальное образование (под запиской и документальными доказательствами)

а) до революции г. Ленинград, 1919 г.

б) после революции г. Ленинград, 1929 г.

11. Состав семьи нет

Рис. 5. Протокол допроса Н.А. Бенуа

лет. Жену и двоих сыновей выслать в Казахстан вместе с ним. Семье было предписано в четыре дня выехать к месту поселения. Николай Альбертович с семьей убыл к месту ссылки. Находясь в ссылке, делает отчаянные попытки привлечь внимание к себе и своей семье. Так, он обращается в различные военные инстанции с предложениями по военным изобретениям. И ряд лиц начали ходатайствовать о замене места ссылки на город Горький для работы над изобретениями.²⁹

Жена Серафима Михайловна также в свою очередь в мае 1935 г. обратилась с письмом в НКВД, в котором она описывает своих родных – потомственных пролетариев и своего мужа. Она просит вернуть его к работе как изобретателя и конструктора. В этом письме Серафима Михайловна упоминает, что и в мирной промышленности Николай Альбертович изобрел осциллографическую станцию для нефтеразведки.³⁰ Младший сын Денис дважды обращался к жене Горького Е.П. Пешковой с просьбой помочь вернуться в Ленинград.³¹ В результате этих усилий в апреле 1936 г. ссылка детям была отменена.

В 1938 г. НКВД разрабатывает операцию по ликвидации Русского Общевоинского Союза (РОВС). Так как младшая сестра Николая Альбертовича Камилла была женой главы эмиграции на Дальнем Востоке генерала Д.Л. Хорвата, то было решено использовать родственные связи Н.А.Бенуа с границей. Николай Альбертович отказался в этом участвовать.

Его арестовали в ссылке 13 февраля, а жену – 8 марта 1938 г. К обоим применили статью УК СССР 58 «шпионаж», и приговорили к расстрелу. Серафима Михайловна была расстреляна 12 марта, а Николай Альбертович – 16 ноября 1938 г.³²

Дело его жизни – звуковое разведывание – было продолжено его последователями. Звуковая разведка сыграла важную роль в годы Великой Отечественной войны в борьбе с вражеской артиллерией. В настоящее время звуковая разведка армий мира использует современные системы связи и вычислений, но в их основе заложены принципы, открытые Н.А. Бенуа.

¹Александр Бенуа. Мои воспоминания. Кн. 1–3. М.: Наука, 1980. С. 460.

²РГАЛИ. Ф. 938. Оп. 1. Ед. хр. 51.

³РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 30778. Л. 95.

⁴Архив университета Женевы (Швейцария). № 2646, 2782.

⁵РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 30778. Л. 97.

⁶РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44540. Л. 6.

⁷Архив УФСБ РФ. Архивно-уголовное дело № П-19891. Л. 3.

⁸РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44540. Л. 7.

⁹Там же. Л. 1.

¹⁰Артиллерийский журнал. 1935. Январь. С. 4.

¹¹Г.А. Никитин. Основания устройства звукометрической аппаратуры. Ч. 3. М., 1947. С. 9.

¹²Dr. Thomas Schraven. The Hipp Chronoscope. Krefeld (Germany), 2003. S. 27–28.

¹³Г.А. Никитин. Указ. соч. С. 10.

¹⁴РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 44540. Л. 4–5.

¹⁵Артиллерийский журнал. 1935. Январь. Л. 4–5.

¹⁶РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 30. Л. 12.

¹⁷Там же. Л. 23.

¹⁸Там же. Л. 61–64.

¹⁹Там же. Л. 199–201.

²⁰Там же. Л. 549.

²¹Там же. Л. 298–302.

²²Архив УФСБ. Архивно-уголовное дело № П-19891. Л. 4–5.

²³Там же. Л. 1.

²⁴РГВИА. Ф. 39360. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

²⁵Архив УФСБ. Архивно-уголовное дело № П-19891. Л. 2.

²⁶Архив ВИМАИВиВС. Ф. бр. Оп. 1. Д. 1534. Л. 15–18.

²⁷Архив УФСБ. Архивно-уголовное дело № П-19891. Л. 1.

²⁸ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 697. П. 277–287.

²⁹Архив УФСБ. Архивно-уголовное дело № П-19891. Л. 15.

³⁰Там же. Л. 26.

³¹ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1380. Л. 91.

³²Там же. Л. 87–91.

Ю.А. Мионов (г. Ардатов, Мордовия)

ПРИМЕНЕНИЕ АКУСТИЧЕСКИХ ПРИБОРОВ ДЛЯ РАЗВЕДКИ АРТИЛЛЕРИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА показала, что на поле боя появились новые технические средства – дальнобойные пушки, танки, аэропланы и дирижабли, подводные лодки... И все они имели свои звуки. Большое количество изобретателей устремило свою мысль на создание приборов для определения дальности и направления на источник звука.

В артиллерии, когда она применялась с открытых позиций, до войны Японии с Россией направление на цель определялось путем провешивания плоскости симметрии ствола орудия с траекторией полета снаряда. Дальность же до стреляющего орудия определялась либо оптическим дальномером, либо засеканием по секундомеру времени после выстрела, за которое звук доходил до наблюдающего. Секундомеры были дороги и не всегда имелись в наличии.

Артиллерист бельгийской армии майор Лебуланже предложил ГАУ свой звуковой дальномер, который назывался телеметр¹ (рис. 1).

Рис. 1. Дальномер-телеметр Лебуланже

По сути, это был прибор, измеряющий время опускания поплавка-указателя до прихода звука выстрела от стреляющего орудия. После остановки указателя дальность сразу же прочитывалась по шкале прибора в саженях. Недостатки прибора – зависимость показаний от температуры и ветра, малая шкала расстояния (2,0 версты). Ошибка в определении расстояния достигала 10 % измеряемой дальности. После испытаний ГАУ отказалось приобретать прибор для снабжения артиллерии.

К типу акустических дальномеров относится и фонотелеметр Тувенена, измеряющий время движения звука выстрела и показывающий по шкале дальность до источника звука.

Война приняла позиционный характер. В этих условиях артиллерийский поручик Суханов успешно использовал секундомер для определения дальности и корректирования стрельбы по германской батарее.

Французский артиллерист майор Вилляр разработал способ определения дальности до стреляющего орудия по времени слышимости звука выстрела и разрыва снаряда. Разработанные им таблицы были основаны на знании времени полета снаряда и калибра германской артиллерии. Они были предложены и русским артиллеристам².

В связи с невидимостью стреляющих батарей стали разрабатывать новые способы определения направления на стреляющее орудие. Первым эту задачу поставил и решил в 1908 г. поручик лейб-гвардии Преображенского полка Н.А. Бенуа. Открытый им закон разности времен позволил использовать для определения направления на невидимое стреляющее орудие высокоточный хронометр или хронограф. О своем открытии он объявил в газете «Новое время» в октябре 1909 г., не раскрывая открытый им метод. Корреспондент газеты присутствовал на испытаниях прибора на Главном артиллерийском полигоне на Охте и в своей статье подробно описал вид и состав прибора, его устройство, принцип действия и точность прибора. Рассказал он и о самом изобретателе.³

В России с началом Первой мировой войны появилось множество изобретателей, разрабатывающих способы определения направления на невидимые стреляющие орудия. Приборы Бенуа, Ширского, Байрактарова–Богословского, Авдулина имели мембранные приемники звука. В приборах Володкевича и Желтова, Левина, Элскниса приемниками звука выступали люди – слухачи. Учитывая тот факт, что для измерения коротких интервалов времени уже были разрабо-

таны приборы, то главная задача изобретателей заключалась в выборе прибора и приспособлении его для звукометрии.

Хроноскопическая станция Бенуа образца 1909 г. представляла собой трехшкальный регистрирующий прибор, три мембранных приемника, провода и электрическую батарею. Для регистрирующего прибора был использован трехшкальный хроноскоп фирмы Favarger & Cie (Швейцария, Нейшатель), разработанный М. Гиппом. Эта большая модель 257 В с тремя шкалами имела точность отсчета 0,01 с. Завод пружины позволял прибору работать 15 мин. Прибор стоил 700 швейцарских франков (по курсу валют 333 р. 34 к.)⁴ (рис. 2).

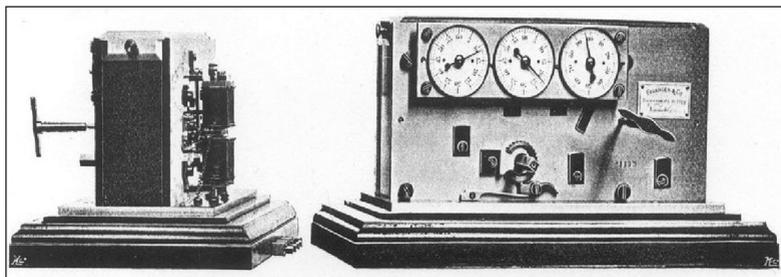

Рис. 2. Хроноскоп. Модель 257 В

Неудовлетворительная точность трехшкального хроноскопа 257 В привела к его замене на четырехциферблатный хроноскоп модели 257 D. Этот хроноскоп Бенуа специально заказал фирме. Его характеристики согласно преискуранту на прибор: четыре циферблата, точность отсчета времени 0,001 с; время работы от одного завода пружины 15 мин; стоимость 850 швейцарских франков (по курсу валют 404 р. 77 к.)⁵ (рис. 3).

Прибор впоследствии дорабатывался

Рис. 3. Хроноскоп. Модель 257 D

в товариществе механических заводов Бенуа и К°. В него устанавливались миллиамперметры, реле, электропитание. Полный комплект звукометрической станции включал в себя 62 предмета и стоил 7852 р. (рис. 4).

Звук выстрела улавливался мембранами трех приемников. Мембраны представляли собой

вогнутую бумагу, в центре которой крепился контакт с платиновой стрелкой. А так как они начинали колебаться с приходом звуковой волны, то это колебание разрывало контакт электрической цепи, в которую были включены приемники. Разрыв цепи приводил к остановке соответствующего шкального хроноскопа. После остановки хроноскопов по шкалам приборов определялось время работы прибора, а по разности времен пары приемников – угол между линией базы и направлением на цель по особым угловым таблицам. Пересечение двух направлений с трех спаренных приемников на планшете позволяло определить место цели.

Прибор испытывался изобретателем в боевой обстановке и подтвердил возможность засекать невидимые стреляющие орудия по звуку их выстрела. За время Первой мировой войны на фронт было отправлено 9 наблюдательных команд, по два прибора Бенуа в каждой. Первоначальное определение координат с помощью двух коротких баз приводило к ошибке в 100–600 м. Учитывая то, что направление на цель определялось с ошибкой по направлению в 3–4 малых деления угломера, Бенуа организовал засечку цели двумя приборами. Это позволило определять место цели с ошибкой 20–40 м. Применение наблюдательных станций с приборами Бенуа на фронте не привело к ощутимому положительному результату. В условиях массированного огня засечка целей становилась невозможной. Рас-

Рис. 4. Регистрирующий прибор звукометрической станции Бенуа

поряжением главного инспектора артиллерии формирование новых наблюдательных команд было приостановлено. В связи с докладами начальника 1-й наблюдательной команды полковника Лукомского о неудовлетворительных результатах и его предложением реорганизовать методику боевой работы с приборами Бенуа было принято решение отозвать наблюдательные команды с фронта в Петроград. Из Петрограда личный состав, штатное имущество и лошадей переправили в Казань, во 2-ю запасную тяжелую артиллерийскую бригаду. Согласно принятому Генеральным штабом решению на этой базе началось формирование семи корпусных отрядов артиллерийских наблюдательных станций с приборами Бенуа. Каждый отряд новой организации в боевой работе развертывал 4 прибора Бенуа, с 4 приемниками на каждый прибор. Всего по штату в корпусном отряде имелось 5 офицеров, 11 артиллеристов, 79 рядовых. Боевая работа обеспечивалась 5 приборами Бенуа в комплекте, 11 повозками, 9 ло-

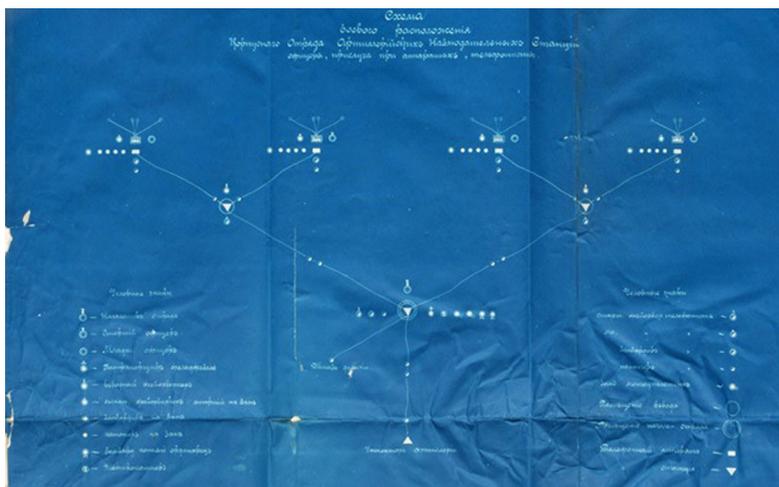

Рис. 5. Схема боевого расположения корпусного отряда артиллерийских наблюдательных станций

шадью и двумя мотоциклами⁶ (рис. 5)⁷.

По мере формирования корпусных отрядов они отправлялись на фронт. Первые 5 отрядов были отправлены в октябре 1917 г.

Хронографическая станция Володкевича–Желтова (ВЖ) появи-

лась в 7-й армии Юго-Западного фронта в январе 1917 г. Первоначально на Юго-Западный фронт с Киевского полигона было направлено 14 команд звукометрических станций ВЖ. В сентябре этого же года было принято решение о формировании еще 24 команд. Регистрирующий прибор станции представлял собой телеграфный аппарат Морзе, на котором размещался барабан с бумажной лентой. Над лентой размещена лента для пишущей машинки. Рядом с лентой закреплены три молоточка с электромагнитами. Скорость движения ленты постоянная и регулируется специальным механизмом. Привод станции – от пружинного двигателя граммофона. В некоторых станциях вместо молоточков использовалось роликое перо телеграфного аппарата. Станция размещалась в тылу, а в окопах на передовой, на удалении 5–6 верст друг от друга, выставлялись три наблюдательных поста с наблюдателями-«слухачами». Впереди каждой акустической базы располагался наблюдатель, который предупреждал зуммером о звуке выстрела как «слухачей», так и расчет хронографа. Их место нахождения наносилось на карту или план с большой точностью. Каждый пост связан проводом с электромагнитом станции. Как только наблюдатель слышит звук выстрела, он нажимает кнопку, подавая ток на электромагнит. Магнит втягивает сердечник-молоточек, который, ударяя по бумажной ленте, оставляет на ней отметку. То же делают наблюдатели на остальных постах. Так как посты находятся от источника звука на разном расстоянии, то и отметки на ленте будут не в одно время. Получается разность времени отметок. Зная скорость движения ленты, определяют разность времени в миллисекундах. Зная время и скорость звука, обрабатывают результаты засечки методом касательной к окружностям и на карте определяют место нахождения цели. Зная координаты цели, по карте или плану готовят данные для ответной стрельбы нашей артиллерии по выявленной цели. Штат одной станции включал двести человек, так как наблюдатели сменялись каждые два часа, а на наблюдательном пункте находилось 12 человек. Точность измерения в этой станции зависела от одинаковости реакции «слухачей». Отзывы о станции от инспектора артиллерии Юго-Западного фронта были положительными.⁸

Аналогичная станция была предложена на Северном фронте сапером И.А. Элкнисом.

Хронографическая станция П. Левина, появившаяся на фронте одновременно со станцией ВЖ, отличалась от нее лишь системой записи отметок. Инженер рядовой Левин использовал для записи

метеорологический термограф. Барабан приводился в движение пружиной. Записи на бумажной ленте производились чернилами перьевыми самописцами, прикрепленными к электромагнитам. Шкалой для измерения служили отметки от камертона, записанные на бумажной ленте с частотой 100 колебаний в секунду. В качестве приемников звука здесь также использовались «слухачи». Обработка результатов засечки проводилась по методу касательной к окружностям. Большим плюсом этой станции было размещение «слухачей» на базе 600–1000 м. На каждом конце базы размещалось по три слухача. Сначала Левин решал задачу определения места цели графическим способом, подыскивая касательную к окружностям. Позже он нанес на прозрачную пластмассу окружности. Впоследствии он предложил вообще отказаться от центрального регистрирующего прибора, а снабдить наблюдателей двухстрелочными секундомерами, которые запущены одновременно, а останавливаются каждым звукопостом по приходу звука выстрела.

Предупреждение о начале запуска секундомеров должен давать пост предупреждения, выдвинутый вперед. Обработку измерений предложено проводить на одном из постов. Для перехода от измеренного времени к определению направлений Левин рассчитал таблицы и диаграмму, которые ускоряют определение места цели на планшете. Кроме этого, им был разработан способ учета влияния ветра на показания прибора⁹ (рис. 6).

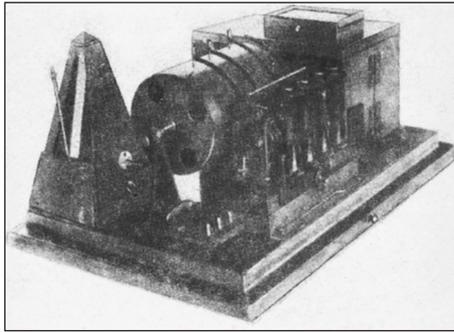

Рис. 6. Регистрирующий прибор станции Левина

В приборе Н. Байрактарова – М.М. Богословского использован принцип разности времен. Богословский изготовил регистрирующий прибор на основе баллистического гальванометра. Приход звука регистрировали приемники диафрагменного типа, размещенные попарно на геометрической базе 1 км. Приемники акустической базы размещались в 160 м друг от друга. Авторы приступили к изготовлению полевых приборов, но революционные события прервали

их работу.

Параллельно с ними разрабатывал свой прибор инженер А.И. Ширский. В 1917 г. он изобрел и запатентовал прибор для измерения коротких интервалов времени – миллисекундомер, который решил использовать для звуковой засечки стреляющих невидимых орудий. Идею способа ему предложил из действующей армии поручик 47-го стрелкового Сибирского полка Г.В. Боголюбов. Миллисекундомер Ширского имел точность отсчета 0,0001 с. Шкала прибора имела диапазон 0,25–0–0,25 с. Для работы прибора требовалось 2–3 миллисекундомера (по числу акустических баз). Мембрана звуковых приемников изготавливалась из слюды. Станция работала на коротких базах. Ширский предложил использовать блокирующие звукоприемники, выделяющие из массы выстрелов узкий сектор. Дальность засекаемых орудий предполагалась в 12 км. Время на развертывание станции на местности – примерно один час. Точность станции – 0–02 д.у. Расчет станции – 5 человек. Прибор был изготовлен только в 1922 г.¹⁰ (рис. 7).

Звукометрические станции Российской армии не оказали значимого влияния на результаты разведки вражеских батарей. Их испытания и реорганизация продолжались вплоть до 1918 г. Принятое главным генерал-инспектором артиллерии решение отозвать станции с фронта, провести сравнение результатов их работы на Сергиевском (Лужском) полигоне офицерской артиллерийской школы так и осталось невыполненным.

Разработка акустических приборов в армиях Германии, Франции, Англии началось после ознакомления с изобретением Н.А. Бенуа.

В 1913 г. капитан Ловенстайн в Германии запатентовал способ засечки стреляющих орудий с помощью секундомера с трех точек. Все работы по звукометрии в этой стране были сосредоточены на

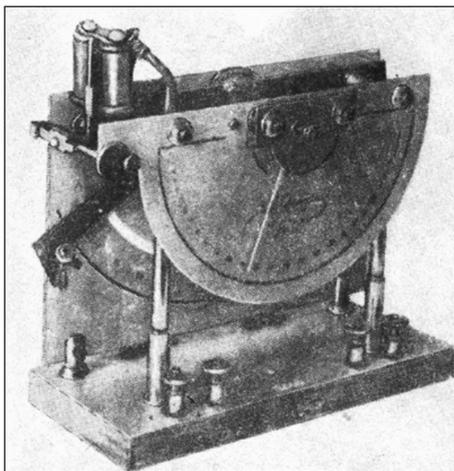

Рис. 7. Прибор инженера А.И. Ширского

Ванском полигоне. Там была создана школа звукометрической разведки. С началом войны работы по звуковой разведке активизировались. Каждый армейский корпус Германии имел в своем составе звукометрическую команду, которых всего насчитывалось на фронте 60. Эти команды обнаруживали стреляющие невидимые батареи, наносили их на план и вели корректирование стрельбы своей артиллерии. Звукометрическая команда была укомплектована секундомерами, термометром, анемометром, планшетом в масштабе 1 : 25000, телефонами.

Для боевой работы команда организовывала четыре наблюдательных пункта, предупредителя и пункт обработки. Наблюдательные пункты располагались друг от друга на расстоянии 4–5 км. Все они имели телефонную связь с предупредителем и пунктом обработки.

После предупреждения о выстреле все наблюдатели включали секундомер, а при слышимости звука выстрела останавливали его. Полученные значения времени докладывались на пункт обработки. Там по этим сведениям, с учетом метеоданных, на планшете определяли координаты стреляющего орудия. По четырем выстрелам круговая ошибка составляла 40–60 м.¹¹

Кроме засечки по секундомерам немцы использовали засечку стреляющего орудия специальным прибором (рис. 8).

База между рупорами 2 м. Точность наведения на источник звука 0–03 деления угломера. Прибор являлся дополнительным средством

Рис. 8. Прибор для засечки стреляющего орудия. Германия, 1916 г.

в звуковой разведке.

При организации звуковой разведки на 100 км фронта требовалось 36 звуковых команд с предупредителями.¹²

Развитию звуковой разведки во Франции способствовали эксперименты со звуком выстрела на Гаврском полигоне. В результате плодотворных исследований профессор Эсклангон получил интересные результаты в физике звука выстрела. Именно он определил отличие баллистической волны от дульной. В 1914 г. профессор Нордман в Париже показал военному комитету, как можно определить место стреляющего орудия. Он познакомился с директором института Маррея, в котором имелся струнный гальванометр для записи электрокардиограммы сердца. Вдвоем они улучшили прибор, введя шесть струн. Запись сигналов производилась на закопченный цилиндр. Звук принимался угольными микрофонами. Этот прибор был взят на воо-

Рис. 9. Французская звукометрическая станция

ружение французской армии (рис. 9).

В это же время капитан Руже открыл способ засечки стреляющих орудий с помощью секундомера.

В 1916 г. профессор Эсклангон сконструировал звукометрическую

станцию, в которой уже отличалась баллистическая волна звука от дульной. Приемниками звука в его аппаратуре служили мембранные приемники с закрепленными угольными микрофонами. Колебания волны передавались через мембрану на угольный микрофон, в результате чего менялась сила тока в первичной цепи трансформатора. Запись производилась на закопченную фотоленту путем царапания сухим пером. Постоянство движения ленты обеспечивалось часовым механизмом, а масштаб времени – специальным хронографом. Станция включала в себя регистрирующий прибор, приборы звукопостов и предупредителя и метеоприборы.¹³

Результаты работы звуковой разведки: «В 6 французской армии в июне 1918 года было определено оптической разведкой 595 батарей, звуковой разведкой – 487 батарей, с шаров – 47 батарей, авиацией – 101 батарея.

В 1917 году после отступления немцев были сверены позиции немецких батарей с разведанными. Из 90 батарей определены по звуку – 57. Из них 20 – точно, 29 – с ошибкой менее 50 метров, 6 – с ошибкой 50–100 метров и 2 – с ошибкой более 100 метров».¹⁴

В Англии исследованиям в области артиллерии и артиллерийской разведки уделялось недостаточно внимания. В 1915 г. полковник Хэдди был в командировке во Франции, где ознакомился с достижениями в деле звукового разведывания. После доклада военному комитету было принято решение создать комиссию из трех человек и послать их для получения опыта во Францию. Офицеры ознакомились с постановкой дела звукового разведывания и закупили там один комплект звукометрической станции, который получили в октябре 1915 г. В это время лейтенант В. Брэгг создает экспериментальный акустический отдел. В Англии проводят звукометрическую конференцию с участием видных ученых, которые работали с Резерфордом над вопросами ядра. Сборы проводились ежемесячно. Каждый ученый получил тему для разработки. Англичанам удалось преодолеть проблемы с приемниками звука, с защитой от ветра. Звукометрический отдел работал на территории Франции, в районе Ипра, в фермерском домике без окон. Там разместили струнный гальванометр, а микрофоны разместили по дуге, произвели их топопривязку с точностью до метра и соединили проводами с гальванометром. Точность определения места стреляющего орудия составляла 25–50 м.¹⁵

Результаты использования звуковой разведки: «За 1917–1918 годы на фронте звуковая разведка английской армии произвела 11 315 оп-

ределений места стреляющих батарей, а оптическая – 7540. После отступления немцев были обследованы позиции артиллерии и сравнены с разведанными. Точно определено 93 процента батарей. В звукометрических командах насчитывалось 6000 человек». ¹⁶

Вывод: Первая мировая война активизировала научную и техническую мысль в вопросах акустической разведки. Использование акустических приборов имело большое значение в противобатарейной борьбе.

¹ В.В. Витовский. Топография. СПб., 1904. С. 337–338.

² Труды I Всероссийского съезда инженеров, работающих в области военной промышленности. М.: ИГУВП, 1922. С. 34.

³ Газета «Новое время». 1909. № 12069 от 17 (30) октября. С. 3.

⁴ Dr. Thomas Schraven. The Hipp Chronoscope. Krefeld (Germany), 2003. S. 25–27.

⁵ Там же. С. 27–28.

⁶ РГВИА. Ф. 504. Оп. 10. Д. 30. Л. 624–641.

⁷ Там же, л. 646.

⁸ Никитин Г.А. Основания устройства звукометрической аппаратуры. М.: ВАА, 1947. Ч. 3. С. 23–24; Труды I Всероссийского съезда инженеров, работающих в области военной промышленности. С. 40.

⁹ Никитин Г.А. Основания устройства звукометрической аппаратуры. С. 24–25; Труды I Всероссийского съезда инженеров, работающих в области военной промышленности. С. 39–40.

¹⁰ Никитин Г.А. Основания устройства звукометрической аппаратуры. С. 22–23; РГВИА. Ф. 24751. Оп. 1. Д. 181. Л. 2–4; РГА ВМФ. Ф. Р28. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–4, 10–11, 15–16.

¹¹ Основы звукометрической разведки. Издание разведотдела штаба РККА. М, 1924. С. 2, 8, 13, 22–23.

¹² Там же, с. 23–27.

¹³ Никитин Г.А. Основания устройства звукометрических приборов. С. 83–88.

¹⁴ Журнал «Война и мир». М., 1924. № 14. С. 35.

¹⁵ Никитин Г.А. Основания устройства звукометрических приборов. С. 89–90.

¹⁶ Fraser Scott. Artillery Survey in World War I. 2006. S. 6–7.

И.П. Мирошникова (Москва)

В ПАМЯТЬ ПРЕБЫВАНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В ВОЕННЫХ ЛАГЕРЯХ НА ЧУЖБИНЕ: КРЕСТЫ И КОЛЬЦА «ГАЛЛИПОЛИ» В МУЗЕЙНОМ СОБРАНИИ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В МУЗЕЙНОМ СОБРАНИИ Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (ДРЗ) коллекция фалеристики является одной из наиболее ценных. В ней собраны ордена и медали Российской империи, награды и знаки Белых армий и правительств, фразички, жетоны, брелоки. Среди знаков Белого движения особую группу составляют знаки, учрежденные в память пребывания Русской армии на чужбине, и большая часть из них связана с Галлиполи.

Известно, что идея озаменовать «галлиполийское сидение» особым знаком зародилась еще в первые месяцы пребывания Русской армии в Галлиполи и воплотилась в жизнь летом 1921 г., когда был объявлен конкурс на лучший проект, вызвавший большой интерес среди всех чинов армии.

Комиссия под председательством командира марковцев генерал-майора Пешни при штабе Врангеля в Константинополе приняла проект знака в форме креста, установленного на вершине Галлиполийского памятника¹.

Положение о знаке начиналось словами: «В озаменование величия духа и высокого понимания долга перед Родиной, старыми знаменами и Андреевским флагом кадров Русской Армии и Флота утверждается знак “В память пребывания Русской Армии в военных лагерях на чужбине в 1920–1921 гг.”».

Далее шли описание, правила ношения и порядок получения знака: «Знак представляет собою железный равноконечный крест. На лицевой стороне по обводу креста белая эмалевая кайма шириной в 0,08 дюйма; на верхнем и нижнем концах даты 1920–1921. Посередине надпись “Галлиполи”, “Лемнос”, “Кабакджа” в зависимости от

того, в каком из лагерей находились части армии. Для флота – “Бизерта”; для района Константинополя – только дата. Цифры и надпись белые гладкие. Остальное поле черное. Обратная сторона гладкая.

Знак носится на левой стороне груди выше всех нагрудных знаков при всех формах одежды (в том числе и шинели).

Каждому из получивших право на ношение знака выдается за подписью командира части именное удостоверение».

В этом приказе были указаны предполагаемые годы пребывания русской армии в лагерях: «1920–1921». Однако обстоятельства сложились иначе: последнее подразделение русских войск покинуло лагерь в Галлиполи в мае 1923 г. Поэтому Врангель еще в двух приказах установил для знаков «Галлиполи» и «Кабаджа – Галлиполи» дополнительные даты: «1920–1922» и «1920–1923»².

В фонде архивного собрания ДРЗ хранятся мемуары сестры милосердия Зинаиды Степановны Мокиевской-Зубок, находившейся в Галлиполи с декабря 1920 по апрель 1923 г. и получившей два удостоверения на право ношения галлиполийского знака. Вот что она вспоминает об этом: *«Перед отъездом первой партии галлиполийцев в Болгарию из Ставки Главнокомандующего Русской армии от генерала Врангеля пришел приказ: всех галлиполийцев наградить особым нагрудным знаком (в виде железного Креста) за заслуги перед Родиной с надписью «Галлиполи 1920–1921». Все военные и сестры милосердия получили одинаковые Кресты, а дамы – миниатюрные Кресты-брошки. С крестами, т. е. Особыми Нагрудными Знаками выдавали удостоверения на право ношения за подписью командиров или начальников учреждений. Копию своего удостоверения за номером 3743 и Крест я сохранила до сих пор».* И ниже: *«В конце апреля 1923 г. пришел пароход для нас галлиполийцев (в Сербию) и началась погрузка. Итак, мы распрощались с Галлиполи, где просидели два с половиной года. Всем, кроме казаков с Лемноса, дали удостоверение на право ношения Особого нагрудного знака с надписью «Галлиполи 1920–1922»³.*

Производство самых первых знаков было налажено еще в Галлиполи. В лагере их делали вначале в мастерских технического полка, позже – в артиллерийской мастерской. Материалом для знаков служил различный металлический лом, так что порой нельзя точно сказать, из какого именно металла изготовлен тот или иной крест.

По идее галлиполийский знак – крест железный, но от железа с самого начала пришлось отказаться, так как оно оказалось трудным для выделки и быстро ржавело.

Галлиполиец Г. Рубанов, автор одного из проектов галлиполийского креста, а ранее – одного из 18 проектов памятника, так описывает появление первых нагрудных знаков: «...однажды, после получения приказа об утверждении знака, по улицам Галлиполи прошелся офицер, конечно, из технического полка с черным крестом с надписью «Галлиполи 1920–1921». На другой день уже несколько человек технического полка разгуливали с новым знаком – оказалось, сработали его ночью в своих мастерских. Первый крест был из олова – грубый и тяжелый, на гимнастерке отвисал»⁴.

Работа над знаками была долгой и кропотливой: каждый делался вручную. Эта работа велась по праздникам, в свободное от основных занятий время.

Известно, что первый «удачный» крест был поднесен генералу Кутепову – Первому галлиполийцу.

Кресты галлиполийской выделки, грубоватые и «примитивные», теперь очень редки и трудно находимы. По словам П. Пашкова, сделано их было весьма ограниченное количество, и далеко не все галлиполийцы в лагерях носили их, так как крест надо было покупать, получая всего одну турецкую лиру в месяц, не всякий был способен заплатить пол-лиры, т. е. половину своего месячного жалованья⁵.

Поэтому каждый дошедший до нас знак галлиполийского производства особенно ценен. Галлиполийский крест из собрания Дома русского зарубежья замечателен вдвойне, поскольку он мемориален. Принадлежал крест, как свидетельствует удостоверение на право его ношения, капитану Алексеевского артиллерийского дивизиона А.Ф. Удовицкому.

Александр Федорович Удовицкий (13 марта 1894 – 21 февраля 1979) – выпускник Киевского Константиновского военного училища, участник Первой мировой войны и Белого движения. Награжден орденами Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Георгиевским оружием. В Добровольческой армии с 1918 года: пулеметный офицер на бронепоезде «Генерал Корнилов», затем – капитан Артиллерийского дивизиона. Галлиполиец. В эмиграции – во Франции. Работал шофером. Член Русского общевоинского союза (РОВС) и Союза русских шоферов. Умер 21 февраля 1979 г. в Нейи, под Парижем. Похоронен на местном кладбище.

Галлиполийский крест А.Ф. Удовицкого выполнен из свинцово-оловянного сплава, покрыт черной краской, имеет размеры

Рис. 1. Нагрудный знак «В память пребывания Русской армии в военных лагерях на чужбине. Галлиполи 1920–1921» и удостоверение № 15357 на право его ношения капитана А.Ф. Удовецкого.

Галлиполи. 1921 г.

Свинцово-оловянный сплав, краска.

Кустарная работа.

32,5 x 32,5 мм.

Музейный фонд ДРЗ, № КПоф 876

32,5 x 32,5 мм; на его оборотной стороне есть два ушка, отличных вместе с крестом, при помощи которых он крепился к форме. Именно так выглядели первые нагрудные знаки галлиполийского производства.

Кроме креста галлиполийцы имели право носить кольца с надписью «Галлиполи».

Кольца и броши были введены не специальными приказами Врангеля, а «Уставом Общества галлиполийцев»⁶. В нем говорилось: «Как внешний символ единения общества, последние имеют право ношения кольца с надписью «Галлиполи» с соответствующим номером и черного креста с той же надписью и датами пребывания в Галлиполи. Право ношения кольца предоставляется всем членам общества. Номер его соответствует записи в книгах, находящихся в Главном правлении».

Хотя главнокомандующий Русской армией не издавал специального приказа об учреждении Галлиполийского кольца, но он утвердил «Описание и правила ношения кольца для членов Общества галлиполийцев».

Кольца, хранящиеся в Доме русского зарубежья, судя по размерам, мужское и женское, выполнены в точном соответствии с этими правилами⁷.

Кольцо должно было носиться на безымянном пальце левой руки. Исключительное право изготовления кольца принадлежало Правлению Общества. Кольцо могло быть приобретено только через Правление Общества⁸.

В цитированных выше воспоминаниях Г.Г. Рубанов пишет: «...В 1923 году я приехал из Болгарии, где еще мы все донашивали военную форму, в Прагу и здесь увидел иной значок – миниатюрный, приспособленный для ношения на штатском костюме»⁹.

Эти миниатюрные, так называемые «фрачные», эмалевые крестики вскоре становятся членским значком Общества галлиполийцев. В конце 1920-х гг. членам Общества было разрешено их ношение в петлице штатского костюма¹⁰.

В нашей коллекции имеется три таких «фрачника». Один из них принадлежал капитану стрелкового полка Дроздовской дивизии И.В. Виноградову.

Рис. 2. Кольца с надписью «Галлиполи №».
Галлиполи. 1920-е гг.
Железо с медной спайкой.
Д. 20 мм. Шир. 8 мм.
Музейный фонд ДРЗ,
№ КПоф 877, 878

Иван Васильевич Виноградов (12 февраля 1895 – 12 января 1981) – архимандрит, деятель Русской православной церкви, участник Белого движения. Во время Первой мировой войны участвовал в боях на Румынском фронте, был ранен, командовал ротой. В начале 1918 г. вступил в отряд полковника Михаила Дроздовского, с которым совершил переход из Ясс на Дон, где присоединился к Добровольческой армии. В ноябре 1920 г. в составе Русской армии эвакуировался из Крыма в Турцию. Находился в Галлиполийском лагере, потом переехал с полком в Болгарию. В 1925 г. состоял в списках Дроздовского стрелкового полка, вошедшего в РОВС.

Рис. 3. Знак франный Галлиполийского Креста «Галлиполи 1920–1921» на розетке «дроздовских» цветов капитана стрелкового полка Дроздовской дивизии

И.В. Виноградова.

Прага. 1922 г.

Бронза золоченая, эмаль.

17 x 17 мм.

Музейный фонд ДРЗ, № КПоф 399/1-2

В 1926 г. принят на второй курс Свято-Сергиевского богословского института в Париже и пострижен митрополитом Евлогием (Георгиевским) в монашество. С 1928 г. (или с 1929 г.) служил в Праге. С 1932 г. – игумен, с 1936 г. – архимандрит. С 1927 г. участвовал в деятельности Русского Общевоинского союза (РОВС), с января 1944 г. – главный священник РОВС. После занятия Праги советскими войсками в мае 1945 г. был арестован и отправлен в СССР. Приговорен военным трибуналом к десяти годам лишения свободы и отправлен в Карлаг. В 1946 г. по ходатайству архиепископа Сергия (Королева) и патриарха Алексия I был освобожден из лагеря и направлен под надзор в город Актюбинск. В 1947 г. стал настоятелем Казанского храма в Алма-Ате, с 1948 г. – настоятель Никольского кафедрального собора; с 1958 г. – настоятель Вознесенского храма в Ельце и благочинный Елецкого округа. Был

награжден Патриаршим посохом. Скончался архимандрит Исаакий 12 января 1981 г.

Галлиполийский миниатюрный крест архимандрита Исаакия поступил в ДРЗ укрепленным на розетке, выполненной из шелковой ленты «дроздовских» цветов.

Нам до сих пор не встречалось описание и изображение такого способа ношения на лацкане Галлиполийского креста. Его можно было бы считать оригинальным, но недавно в фонды Дома поступил еще один миниатюрный знак «В память пребывания Русской армии в военных лагерях на чужбине», принадлежавший, судя по черно-красной розетке, теперь уже корниловцу¹¹.

Поэтому есть основание предполагать, что существовала традиция ношения галлиполийских петличных нагрудных знаков на розетках цветов воинских частей их владельцев.

Галлиполийский фрачник ротмистра Первого гусарского полка Н.П. Забелина передан нам вдовой его сына Ксенией Ивановной Забелиной. Вероятно, для того, чтобы иметь возможность носить дорогую ему реликвию не только в официальных случаях, Николай Петрович укрепил фрачный галлиполийский знак на своем перстне.

Николай Петрович Забелин (28 августа 189 – 1979) – выпускник Александровского военного училища 1915 г., прапорщик 84-го Ширванского Его Величества полка 21-й пехотной дивизии. В 1916 г. дважды ранен, признан инвалидом, но продол-

Рис. 4. Знак фрачный Галлиполийского Креста «Галлиполи 1920–1921» на розетке «корниловских» цветов. Болгария (?). 1920–1930-е гг. Бронза золоченая, эмаль. 17 x 17 мм. Музейный фонд ДРЗ, № КПоф 879/1-2

Рис. 5. Миниатюрный нагрудный знак «В память пребывания Русской армии в военных лагерях на чужбине.

Галлиполи 1920–1921» ротмистра 1-го Гусарского полка Н.П. Забелина на перстне с печаткой.

1920-е гг.

Бронза золоченая, эмаль.

17 x 17 мм.

Музейный фонд ДРЗ, № КПоф 730

жал служить. Награжден орденами Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2-й ст. с мечами и двумя орденами Св. Станислава. В 1919 г. служил в Северо-Западной и Северной армиях. В 1920 г. находился с частями генерала П.Н. Врангеля в Крыму и Галлиполи (1920–1921 гг.). В 1921 г. получил чин ротмистра. С 1921 до 1927 г. находился с частями генерала И.Г. Барбовича на пограничной службе в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. В 1941 г. находился в Германии в плену. После

окончания Второй мировой войны переселился с женой и сыном в США, в Сан-Франциско. В 1947 г. вступил действительным членом в Общество русских ветеранов. Похоронен на Сербском кладбище в Сан-Франциско.

Последний по времени документ, имеющий отношение к теме памятных галлиполийских знаков, был принят в 1954 г. Начальник РОВС генерал Архангельский утвердил последнее изменение в Уставе Общества галлиполийцев – «дополнение о наследственной передаче права ношения нагрудного знака с надписью «Галлиполи 1920–1921», имеющее целью сохранение этого знака и после смерти последнего галлиполийца:

«Каждый Галлиполиец еще при жизни своей имеет право ходатайствовать о передаче своего нагрудного знака одному из его детей, по личному выбору, независимо от возраста и пола.

Выдача документа о наследственной передаче нагрудного знака принадлежит Главному Правлению».

Право наследственной передачи распространялось и на все остальные лагерные знаки.

Сохраненные наследниками своих владельцев галлиполийские реликвии в числе других предметных и документальных свидетельств истории Белого движения стали теперь ценнейшими экспонатами музея Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

¹ Главнокомандующий Русской армией генерал Врангель утвердил этот проект приказом № 369 от 15 ноября 1921 г.

² Приказ главнокомандующего Русской армией № 37 Галлиполи 25 февраля 1922 г. и распоряжение генерала Врангеля № 61 гор. Сремски Карловци 30 июня 1923 г.

³ ДРЗ. Архив. Ф. 1. Оп. 1. А-122 (2). С. 63.

⁴ Цит. по: Рудиченко А.И., Дуров В.А. Награды и знаки белых армий и правительств. М.: «Звезда и крест», 2005. С. 324.

⁵ Пашков П. Ордена и знаки отличия Гражданской войны // Военная быль. 1961. № 50. С. 24–31.

⁶ Учреждено 22 ноября 1921 г. в годовщину прибытия русских войск в Галлиполи.

⁷ Материал – железо с медной спайкой. Ширина ленты кольца 8 мм, толщина – 2 мм. Края ленты кольца с наружной стороны завалены. На наружной стороне ленты кольца надпись «ГАЛЛИПОЛИ» и «№» печатным русским шрифтом.

⁸ Где изготавливались первые галлиполийские кольца, точно неизвестно, а в 1930-х гг. они производились в парижской мастерской В. Богоявленского и в берлинской фирме М. Евгеньева.

⁹ Цит. по: Рудиченко А.И., Дуров В.А. Награды и знаки белых армий и правительств. С. 324.

¹⁰ Согласно Уставу Общества, утвержденному генералом Врангелем еще в Галлиполи 22 ноября 1921 г. и частично измененному 22 ноября 1924 г., действительными членами Общества являлись все чины Русской армии, имеющие право на ношение нагрудного знака, а также женщины и дети, которые пережили «галлиполийское сидение». На 15 марта 1925 г. в карточном каталоге действительных членов Общества галлиполийцев числилось: «чинов 1-го армейского корпуса – 11 998, казачьих войск – 131, членов-соревнователей – 221, умерших – 73, выбывших по собственному желанию – 7 и исключенных – 82».

¹¹ Кому именно принадлежал этот нагрудный знак, пока неизвестно.

А.А. Михайлов (Санкт-Петербург)

**МОРСКИЕ ТВЕРДЫНИ. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ПУБЛИЦИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
О СОЗДАНИИ ВОЕННО-МОРСКОЙ БАЗЫ
НА СЕВЕРЕ РОССИИ: А.Е. КОНКЕВИЧ
И В.Н. СЕМЕНКОВИЧ**

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. ведущие морские державы активно наращивали свои военные флоты и вырабатывали военно-морскую стратегию. Среди российских военных и военно-морских специалистов в то время широкое распространение получил тезис об угрозе, исходившей для России со стороны сразу двух сильных держав: Германии и Великобритании. Наиболее эффективным способом борьбы с противниками (особенно с Великобританией) многие военные моряки считали действия быстроходных и хорошо вооруженных крейсеров на морских коммуникациях противника. Однако, чтобы выполнять свои функции эффективно, крейсера должны были обладать возможностью выйти на океанские просторы и надежными базами для ремонта, пополнения запасов топлива, боеприпасов, продовольствия, отдыха экипажа и проч.¹

В 1880–1890-е гг. среди государственной элиты развернулись жаркие дискуссии относительно места расположения «открытого порта». Споры велись также на страницах прессы, увлекли значительную часть образованного общества.

Выдвигались иногда экзотические варианты базирования крейсеров, как, например, побережье Северной Африки или Аргентины. Чаще прочих, однако, звучали предложения создать военно-морскую базу на Тихом океане или в какой-либо незамерзающей гавани на Мурманском побережье Баренцева моря. Сторонники дальневосточного варианта, не без оснований, указывали на то, что порт Владивосток и Тихоокеанская эскадра уже существуют и нуждаются лишь

в усилении. Дополнительным доводом в пользу их позиции были также действия Китая, взявшего в то время курс на модернизацию армии и флота. Оппоненты возражали, однако, что Владивосток, в силу своей удаленности от берегов Европы, окажется малополезен в случае столкновения России с Германией или Великобританией.

Порт в Баренцевом море был бы расположен ближе к вероятному театру военных действий и, одновременно, позволял не опасаться вражеской блокады. Автор статьи о военном значении Мурманского побережья, опубликованной в 1883 г. журналом «Морской сборник», отмечал: «Судно, вышедшее из одного из портов или губ Мурманского берега, будет иметь в военное время более преимуществ для исполнения своего назначения, вступая прямо в открытый океан по выходе из порта, нежели судно, вышедшее из Кронштадта или Ревеля, выход которого в случае блокады этих портов будет совершенно даже немислим»².

Идею создания северной военно-морской базы активно поддерживали многие представители администрации северных губерний России, полагавших, что строительство порта, связанное с ним развитие коммуникаций оживят экономику Севера, переживавшую во второй половине XIX в. далеко не лучшие времена.

Вместе с тем, широкое распространение получило мнение, что основным противником следует считать Германию, и, следовательно, в первоочередном усилении нуждается Балтийский флот. Приверженцы этого взгляда выступали за создание военно-морской базы в незамерзающей гавани Балтики, что нашло отражение в планах сооружения Либавского порта и крепости³.

Дискуссии о достоинствах и недостатках «либавского», «мурманского», «дальневосточного» проектов нашли яркое отражение в отечественной публицистике, причем, как это очень часто бывает, позиции авторов диктовались не одними лишь соображениями военного или экономического порядка, но политическими и общественными позициями, межведомственной конкуренцией в государственном аппарате, личными симпатиями и антипатиями и др.

Среди лиц, принявших в спорах наиболее активное участие, особенно выделяются публицистическим талантом, энергией, смелостью (а порой и дерзостью) суждений отставной капитан 2-го ранга Александр Егорович Конкевич (1842–1917?) и бывший инженер флота Владимир Николаевич Семенкович (1861–1932).

А.Е. Конкевич происходил из дворянского рода Новгородской губернии. В декабре 1859 г., в 17-летнем возрасте, он поступил на

службу юнкером по флоту в 9-й флотский экипаж, располагавшийся в Кронштадте, в 1860–1863 гг. совершил плавание на фрегате «Генерал-Адмирал» в Атлантику и Средиземное море. В 1863 г. Конкевич стал мичманом, в 1864 г. отправился на транспорте «Гиляк» в кругосветное плавание, которое позже описал в очерке⁴.

Вернувшись из долгого похода, Конкевич служил на винтовом корабле «Николай I», где получил чин лейтенанта, на парохо-до-фрегате «Смелый», броненосном фрегате «Петропавловск». В 1869–1873 гг. он вновь находился в кругосветном плавании на корвете «Боярин». В 1874 г. – в должности старшего офицера на «Боярине», с которого перешел на броненосную батарею «Не тронь меня!».

С началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. А.Е. Конкевич, достигший к тому времени чина капитан-лейтенанта, принял участие в боевых действиях на Дунае. По окончании боевых действий он возглавил только что созданный военный флот Болгарии (его ядро составляла Дунайская флотилия). На этой должности Конкевич проявил незаурядную энергию, добился отправки группы болгар на обучение военно-морскому делу в Кронштадт, способствовал открытию Машинной школы, улучшению материально-технической базы флотилии.

Однако в 1883 г. командир флотилии и его помощник лейтенант В.И. Шишмарев были обвинены в нарушении финансовой отчетности и присвоении казенных средств⁵. 20 июня 1883 г. В.И. Шишмарев покончил жизнь самоубийством. Конкевич упорно защищался и, проведя пять месяцев в заключении, был болгарским судом полностью оправдан. Тем не менее, ему пришлось покинуть военно-морскую службу и выйти в отставку в чине капитана 2-го ранга. Многие современники полагали, что с Конкевичем расправились сторонники «немецкой партии» из окружения князя Болгарии Александра Баттенберга или (и) влиятельные лица из Морского министерства, о деятельности которого офицер отзывался крайне резко.

С.Ю. Витте, лично знавший Александра Егоровича, например, отмечал в своих мемуарах: «Конкевич кончил курс в морском корпусе и прямо делал карьеру морского офицера. Но затем, так как расходился во взглядах со своим начальством и писал разные статьи против морского министерства, то он должен был выйти в отставку»⁶.

Советский писатель-маринист Д.А. Лухманов (1867–1946), встречавшийся с Конкевичем эпизодически, в одной из своих книг рассказывал: «Вернувшись в Петербург, он (Конкевич. – А.М.) переругался

с управляющим морским министерством и вышел в отставку. Несколько лет командовал торговыми пароходами на Белом море (отсюда псевдоним «Беломор») и писал»⁷.

Действительно, в отставке А.Е. Конкевич активно занялся публицистикой, сотрудничая преимущественно с журналами консервативной ориентации. Помимо упомянутого псевдонима «Беломор», он выступал как «Максимилиан Гревизирский», «А. Бурун» и др. или подписывал статьи просто литерами «А.К.», «А. К-чь». В центре внимания, естественно, оставался флот.

Особенно привлекала отставного моряка идея крейсерской войны. В 1886 г. Конкевич опубликовал в журнале «Русское судоходство» фантастический роман «Крейсер “Русская Надежда”», в котором описал происходящую в будущем англо-русскую войну. Вскоре роман вышел отдельным изданием (напечатала его небольшая и малоизвестная типография С.С. Любавина)⁸. По сюжету романа, исход борьбы между Россией и Великобританией решает быстроходный и мощный русский крейсер. Он смело действует как рейдер в водах Атлантического и Индийского океанов (автор с большим знанием дела и вкусом перечисляет захваченные «призы»), топит, в ходе минной атаки, британский броненосный фрегат «Агамемнон» в Новой гавани Сингапура. В художественное повествование Конкевич весьма умело вставил вполне реальные факты о российском и иностранных флотах. В частности, броненосец «Агамемнон» имелся у Британии на самом деле (спущен на воду в 1883 г.).

Роман Конкевича вызвал интерес специалистов как в России, так и за рубежом. Характерно, что он очень быстро был переведен на английский язык. Обсуждение перспектив крейсерской войны, однако, неизбежно подводило публициста к проблеме военно-морской базы.

В 1887 г. олонецкий губернатор Г.Г. Григорьев (рис. 1) приступил к подготовке проекта строительства военного порта в Мотовском заливе Баренцева моря⁹. К изыскательским работам он привлек А.Е. Конкевича, который пришел к выводу, что наилучшим местом для размещения порта является бухта Озерко в губе Большая Мотка. Авторы проекта подняли также вопрос о сооружении канала, который соединил бы новый порт с Балтикой, позволил бы оперативно перебрасывать на Север корабли Балтийского флота, боеприпасы, оборудование и прочее.

Журнал «Русское Судоходство» опубликовал об экспедиции Конкевича редакционную заметку, в которой давал высокую оценку и

Рис. 1. Г.Г. Григорьев – олонецкий губернатор в 1870–1890 гг.

его действиям, и самой гавани. Особо подчеркивалось, что бухта имеет удобные выходы для флота и «не дает возможности легко запереть его (как в Маркизовой луже¹⁰), что, естественно, приумножает его (флота. – *А.М.*) силы и значение, что делает его грозным, хотя бы, и для более сильного на морях противника...»¹¹.

Проект заинтересовал морского министра И.А. Шестакова, который распорядился направить на Мурманский берег капитана 2-го ранга Иванова для обследования гаваней. Однако, в ноябре 1888 г. Шестаков умер, а его пре-

емник Н.М. Чихачев был сторонником развития военно-морской базы в Либаве. Проект создания военно-морской базы на Севере оказался невостребованным. Конкевич обрушил на Морское министерство шквал критики, причем не только за дорогостоящие работы в Либаве, но и за увлечение строительством броненосцев. Видный издатель В.П. Мещерский писал в мемуарах о том, что статьи Конкевича вызывали у Чихачева сильнейшее раздражение, особенно если касались броненосцев¹².

Между тем А.Е. Конкевич развернул работу над новым фантастическим произведением – романом «Роковая война 188??», который в 1888 г. появился на страницах журнала «Русское Судоходство», а затем, в 1889 г., был опубликован отдельным изданием¹³.

В романе описывалась вымышленная война России против Австро-Венгрии, Италии и Турции. Основной базой российского флота, по воле авторской фантазии, стал порт Александрия в Мотовском заливе, который был сооружен в сжатые сроки и скрытно. «Об Александрии, – писал Беломор, – никто и ничего не знал, не только в Кронштадте, но даже в Лондоне, Берлине и Вене»¹⁴.

Конкевич подчеркивал удобство Мотовского залива для обороны, его преимущество не только перед балтийскими бухтами, но и перед другими гаванями Баренцева моря. При этом он рекомендовал построить канал через узкий перешеек, соединяющий полуострова Рыбачий и Средний. «Александрийский порт, – писал Конкевич, – также (как и другие гавани. – А.М.) мог быть блокирован с востока, но канал открывал флоту выход на запад, прямо в открытое море. Неприятель никогда не мог бы решиться наблюдать за русским флотом с западной стороны, открытой северным штормам, так как там нет никакой возможности держаться под парами или на якоре, не рискуя разбиться о скалистые берега полуострова»¹⁵.

Автор с увлечением описывал, как быстроходные и снабженные сильной артиллерией российские крейсера захватывают пролив Босфор, наносят удары по итальянскому побережью Средиземного моря и побеждают итальянскую эскадру. Устрашенная Великобритания, по воле автора, в войну так и не вступила.

Роман Конкевича вызвал противоречивые отклики. Воинственная риторика отставного моряка задела немало публицистов либерального толка, были раздражены также сторонники первоочередного развития Либавского порта. Критики немало иронизировали по поводу легкости, с которой одерживались русским флотом победы на страницах романа. «Русская мысль», например, с иронией пересказывала своим читателям сюжет «Роковой войны»: «Тем временем Балтийский флот несется на Север, воздвигает по щучьему велению, по нашему хотению, первоклассный порт и неприступную крепость в незамерзающем заливе близ Варенгенского на границе Норвегии. <...> Англия ничего этого не знает – так как мы все это секретно обделали. А когда узнала, то все уже устроено, и Англия напугана до того, что пикнуть не смеет»¹⁶.

Некоторые оппоненты Беломора-Конкевича заявляли даже, что своими произведениями он подталкивает Россию к войне с иностранными державами. Интересно, что редакция «Русского Судостроения» не просто заступалась за своего автора, но в ответных статьях резко обвиняла критиков в недостаточном внимании к интересам России и недостатке патриотизма.

В одной из редакционных статей говорилось: «Досталось А. Беломуру и за то, что он дерзнул создать в незамерзающих водах русского Севера новую морскую твердыню. Оказывается, что для устройства военного порта в собственных пределах России требуется разре-

шение и Англии, и Швеции, – и, чего доброго, самого Фердинанда Кобургского¹⁷. Так думают в Москве русские якобы мыслители. А почему они так думают – потому, что очень либеральны, к иностранцам почтительны, а к русской чести и достоинству – пренебрежительны»¹⁸.

Подобные инвективы в адрес противников сооружения порта на Мурмане в дальнейшем звучали довольно часто.

Идеи, высказанные в «Роковой войне...», получили развитие в нескольких последующих произведениях. В конце 1889 г. А.К. Конкевич опубликовал в журнале «Русский Вестник» статью «Военный порт на Мурмане»¹⁹. Здесь доводы в пользу северной морской базы были изложены уже без фантастических домыслов, подкреплялись экономическими, политическими, военными резонами.

В начале статьи публицист твердо заявлял, что создать флот, равный по мощи объединенному флоту Германии и Британии или даже одному британскому, Россия не в состоянии. Однако это не означало невозможности вести борьбу с неприятелем. Конкевич вновь возвращался к тезису о крейсерской войне и размещении базы на Мурмане, а именно в бухте Озерко, которую характеризовал как «самую лучшую и спокойную гавань на Мурманском берегу», «превосходную стоянку для судов всякого ранга»²⁰.

Обосновывая свое мнение, Конкевич писал: «Гавань Озерко может быть легко и удобно соединена каналом с заливом Волоковым, составляющим южную часть обширного Варангского фиорда... Такое искусственное соединение открыло бы флоту, стоящему в заливе Озерко, два выхода в океан и чрезвычайно затруднило бы блокаду флота, находящегося в нем»²¹.

Блокировать русский флот в северной гавани неприятель не мог, как полагал Конкевич, также в силу климатических условий. «Лето на Севере очень коротко, – писал он, – а штормы и ненастье постоянные. Легко представить себе, какая участь постигнет и блокирующий флот, и транспорты у негостеприимных и суровых берегов Мурмана»²².

Особое внимание уделено строительству Беломорско-Онежского канала, «по которому могли бы быть доставлены (в порт на Мурмане. – *А.М.*) все необходимые жизненные припасы и боевые материалы»²³.

Вместе с тем, автор оспаривал мнение о необходимости иметь большие силы на Балтике из-за угрозы вражеского десанта, направ-

ленного в «сердце» Империи. Он приводил расчет, согласно которому для переброски 100-тысячной армии Англии пришлось бы задействовать «не менее 300 пароходов с общим водоизмещением в два миллиона тонн»²⁴. Но такой огромный караван было бы очень непросто защитить от ударов крейсеров.

В один год со статьей Конкевич начал публиковать в журнале «Русское Судоходство» свой очередной роман «Морские твердыни России»²⁵.

На этот раз главным противником России становился Китай. А. Конкевич рисовал впечатляющую картину быстрой модернизации и усиления китайских вооруженных сил, при этом, сохраняя верность избранному методу, вкраплял в повествование вполне реальные факты и имена. «Восьмизнаменные маньчжурские ины и лензви, – писал он, – были усилены вспомогательными войсками, с приданием китайских отрядов армии Лихун-чжана. Они были снабжены магазинками Винчестера, скорозарядными Гочкиса и ружьями Маузера. В Гирине возник большой арсенал с пороховым заводом. В этом арсенале выделялись и снаряжались металлические патроны и из стальных болванок, доставляемых Англией и Германией, готовились пушки»²⁶.

«Лихун-чжан», точнее Ли Хунчжан (1823–1901) – видный государственный деятель, действительно стремился создать сильную армию, вооружить ее современным оружием. Даже арсенал в Гирине (на северо-востоке Китая) не вымысел публициста: его основал в 1881 г. цинский сановник У Дачэн²⁷. В июле 1886 г. китайская военная эскадра адмирала Дин Жучана посетила с визитом Владивосток, где произвела сильное впечатление на морского министра Шестакова. При этом между Россией и Китаем возникали нередко разногласия относительно пограничных территорий.

По сюжету романа, накануне конфликта Россия начала активно строить Сибирскую железную дорогу, ведущую к Владивостоку, что вызвало волнение в Пекине. Подогревались противоречия также действиями китайских разбойников-хунхузов и спорами из-за границы. Однако войны бы не началось без происков Англии, «если бы за спиной китайских чиновников не было европейских друзей подстрекателей»²⁸.

А. Конкевич отмечал, что основные боевые действия развернулись на суше, но сам описывал исключительно подвиги российского флота. По его словам, со времени событий, описанных в романе «Роковая война 188?? года» прошло немало лет, и порт Александрия

на полуострове Рыбачий превратился в мощную базу. Суровая обстановка Севера, по рассказу Конкевича, благотворно повлияла на моряков-балтийцев, поначалу избалованных и изнеженных. Не без иронии он писал в романе: «Нелегко далась морская служба флоту с Крюковского канала и Маркизовой лужи! Целые поколения, выросшие на этих мутных водах или у лакированных невских пристаней и считавшиеся прежде опытными и зрелыми, оказались юными и наивными в своем деле при иной, чисто морской обстановке. Люди в морской форме пришли на безлюдные и дикие берега забытого моря под впечатлением кают-компанийских дивертисментов, балов и прощальных импровизаций»²⁹.

Однако «нужда и опасность – суровые, но наилучшие воспитатели моряка»³⁰, а потому Северный флот превратился со временем в грозную силу, способную, что самое главное, действовать на океанских просторах. «Все бассейны Балтики – могилы наших крейсеров, – утверждал Конкевич. – Для них только открытые моря настоящее поле действий; только полная свобода выхода – несомненное и плодотворное оправдание государственных расходов»³¹.

Прикрытие Владивостока, как повествуется в романе, осуществляла малочисленная и рассредоточенная Сибирская флотилия. Одному из ее кораблей тем не менее удалось совершить настоящий подвиг. Крейсер «Патрокл», возвращаясь из Нагасаки, атаковал китайскую эскадру в порту «Лушунь-Коу» (Люйшуньюоу, будущий Порт-Артур).

При описании этого боя Конкевич включил в текст немало деталей, явно призванных порадовать его постоянных читателей. «Патрокл» командовал капитан Лидин, действовавший (юным офицером) еще в романе «Крейсер “Русская Надежда”». Китайскому адмиралу автор дал насмешливое имя «Калпак-фу» и сообщил, что сведения о мощи собственного флота он почерпнул из «Санкт-Петербургских Ведомостей» и «Вестника Европы» (оба издания часто критиковали Конкевича). Сам бой сделал бы честь любому авантюристическому роману. Лидин использовал брандеры, сделанные из трофейных джонок, высадил десант, взорвавший арсенал, обстрелял порт из орудий. Свершив все это, «Патрокл» благополучно ушел во Владивосток.

Однако разгром эскадры Калпак-фу исхода войны не решил. В порту Чифу собралась более мощная эскадра другого китайского флотоводца, адмирала Ракамбо-фу (его имя явно напоминало о попу-

лярном герое французского авантюрного романа Рокамболе), включавшая хорошо вооруженные броненосцы. Для предотвращения вражеского набега на Владивосток из Александрии вышла русская эскадра крейсеров под командованием адмирала Иванова. Русские корабли проделали большой путь: прошли Северным Ледовитым и Атлантическим океанами, через Гибралтар достигли Средиземного моря, затем Суэцким каналом добрались до Индийского океана. Долгое плавание позволило автору поговорить устами героев о новейших военно-морских теориях и кораблестроении.

Апогеем повествования стало столкновение эскадр Иванова и Ракамбо-фу у берегов Чифу. Сначала, по сюжету романа, китайский адмирал бросил вперед миноносцы, но русские отбили их шрапнелью. После этого русские крейсера атаковали броненосцы противника, которые даже не успели сняться с якорей. «Бой под Чифу, – пишет Конкевич, – продолжался недолго. Ракамбо-фу был застигнут врасплох и слишком разочарован в своих надеждах на мины и миноносцы. Он, этот китайский адмирал, первым спустил свой флаг»³².

Победившая эскадра Иванова отправилась во Владивосток. На этом, собственно, роман и заканчивается. Несколько намеченных автором сюжетных линий остались без всякого развития. Не сыграл заметной роли, например, вскользь упомянутый адмирал Ампоширов, в образе которого писатель, вероятно, хотел изобразить своих врагов из Морского министерства («ампошировать» (от французского «empocher») означало в то время «присваивать», «красть»). Не описано и само окончание войны. Но главный, с точки зрения автора, вывод звучал вполне ясно. «По велению власти, такой же могучей и безграничной, как и сама страна, – писал он, – создалась на Рыбачьем полуострове твердыня. Оттуда, как мы видели выше, в критическую минуту явилась своевременно и помощь в виде эскадры быстроходных крейсеров»³³.

В 1892 г. в журнале «Русский вестник» А.Е. Конкевич опубликовал обширную работу «Письма о флоте», давшую импульс многим дискуссиям. В ней автор, верный своей идее крейсерской войны, вновь поднял вопрос о строительстве военного порта на Мурмане. При этом он подчеркивал, что побережье Северного Ледовитого океана играло большую роль для обеспечения безопасности России в прошлом и будет играть в будущем. «Это историческое значение Северного побережья, – писал Конкевич, – для России не окончилось и окончится лишь тогда, когда уладятся все мировые вопросы,

держащие народы под ружьем в ожидании минуты броситься друг на друга»³⁴.

Своеобразным отголоском работы «Беломора» стала публикация «Русским Судоходством» в январе 1893 г. статьи «Переписка о флоте», подписанной литератами «М.К.». Ее автор резко критиковал строительство военно-морской базы в Либаве и решительно утверждал: «Операционными базисами для наших крейсерских операций должны быть Владивосток и порт на Мурмане. Оба порта должны быть соответственно устроены и снабжены; оба должны быть соединены непрерывными рельсовыми путями с империею»³⁵.

Энергичного и влиятельного сторонника идея создания военного Мурманского порта получила в лице архангельского губернатора А.П. Энгельгардта, назначенного на должность в июне 1893 г.

Выступления администраторов, публицистов, ученых, видимо, произвели впечатление на центральные власти. Летом 1894 г. Мурманское побережье посетил министр финансов С.Ю. Витте с целью выбора места для порта. Среди сопровождавших министра лиц был и А.Е. Конкевич, который к тому времени вернулся на государственную службу и занял должность полицмейстера в Либаве. Напомним, что Витте отзывался о Конкевиче в мемуарах с большим уважением.

При осмотре побережья особенно благоприятное впечатление произвела на Витте, по его собственному признанию, Екатерининская гавань³⁶ (рис. 2). Возвратившись в столицу, он представил императору

Серия I. Мурмань. Екатерининская гавань № 12.

Рис. 2. Екатерининская гавань. Начало XX в.

Александрю III доклад, в котором предложил устроить военный порт именно в этой гавани³⁷.

Император с планом Витте согласился. Пресса начала усиленно печатать материалы о предстоящем строительстве. А. Конкевич в июле – ноябре 1894 г. опубликовал целую серию очерков о Мурмане на страницах газеты «Гражданин».

В одной из первых статей цикла он с горечью отмечал: «О Мурмане у нас знают менее, нежели о планетах Марс или Венера, популярных гг. Фламарионом³⁸ и Глазенапом³⁹»⁴⁰.

Конкевич настойчиво напоминал читателям о своем взгляде на военное значение северных берегов России. «Я считаю с существующими фактами, – писал он, – и утверждал, и буду утверждать, что пока России нужен военный флот и пока наш русский Царь за благо считает созидать его – этот флот должен иметь открытый незамерзающий порт с свободным выходом во всякий критический момент. Ни старый Кронштадт, ни сооружаемая в сыпучих песках Курляндии Либава, запертая Бельтами⁴¹, не отвечает моим определению и понятию о вооруженной силе, и я не переставал говорить о Мурмане. Только там наши крейсера и броненосцы оправдают возлагаемые на них надежды»⁴².

Всех, кто выражал сомнение в целесообразности сооружения северного порта или хотя бы акцентировал внимание на проблемах, возникавших при реализации намеченных планов, А. Конкевич подвергал самой резкой критике.

Среди прочего, он обрушился на защитников традиционного уклада жизни поморов, опасавшихся, что бурные экономические перемены могут угрожать их интересам, в том числе в области судостроения (на традиционные кочмары, карбасы и шняки публицист смотрел без всякого пиетета, характерного для многих историков и этнографов). С раздражением и злой иронией он восклицал: «Какой это детский, наивный лепет! Казна должна запретить вырубку леса на продажу, дать его невеждам, умеющим кое-как тюкать топорами, и, вероятно, дать субсидии за это тюканье корыт, неспособных лавировать, безопасно держаться на воде и плавающих на авось»⁴³.

Досталось от Конкевича также либеральным публицистам, сетовавшим на чрезмерное, по их мнению, внимание правительства к развитию армии и военного флота. По адресу одного из изданий, со страниц которого такого рода суждения звучали особенно часто, публицист с неприязненным изумлением замечал: «Не может же русский

человек с таким сокрушением и с такой ненавистью смотреть на развитие своих родных вооруженных сил. Однако ж все вышеприведенное написано правильно по-русски. «Неделя» – бесспорно русский журнал, очень распространенный и читаемый многими тысячами людей. Удивительно!»⁴⁴.

Помимо собственно проблем военного порта, А. Конкевич в опубликованных очерках значительное внимание уделил планам строительства на Севере железных дорог (рис. 3). В одной из статей он

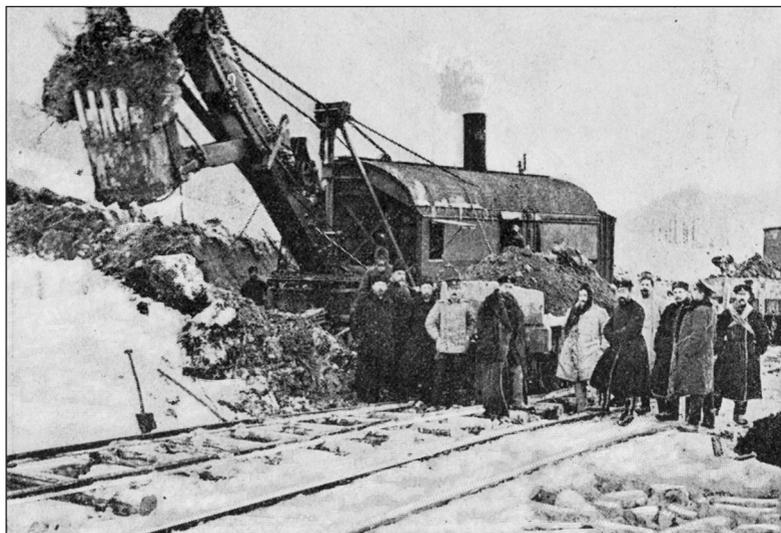

Рис. 3. Дорожное строительство на Мурмане. Фотография конца XIX в.

отмечал: «Главное, в чем нуждается Мурман и что сделает целый переворот в нем – железная дорога. Я не беру на себя смелость намечать путь, по которому выгоднее всего было бы положить рельсы, но исходною точкою дороги должна быть гавань, удобная для военного флота»⁴⁵.

Один из очерков Конкевич завершил настоящим панегириком военному флоту и его северной базе: «Смелым Бог владеет! Смелым будет и наш родной флот на берегу бесконечного океана, по которому Господь и Царь укажут этому лучшему из всех орудий защиты и нападения, обогащения и распространения цивилизации новые пути и новые цели для блага нашей великой родины. <...> Когда я закрываю глаза, я вижу эту исходную точку рельсового пути, соединяю-

щего Петербург с океаном, на берегу величественного Мотовского залива, в тихой гавани Озерка. Там я вижу гордо развевающийся Андреевский флаг, и крейсера, и русских адмиралов»⁴⁶.

1894-й год ознаменовался также выходом в свет одной из наиболее ярких работ по «северной тематике» – брошюры «Север России в военно-морском и коммерческом отношениях», изданной редакцией журнала «Русское обозрение»⁴⁷.

Ее автор публицист Владимир Николаевич Семенович был человеком явно незаурядным⁴⁸. Он принадлежал к небогатой дворянской семье, состоявшей в отдаленном родстве со старинным дворянским родом Шеншиных. Бабка В.Н. Семеновича, Анна Неофитовна Шеншина приходилась сестрой отчиму знаменитого русского поэта А.А. Фета, и хотя такое родство (скорее, даже, свойство) являлось весьма отдаленным, именно Семенович стал со временем душеприказчиком бездетного литератора.

Служебный путь Владимир Николаевич начал в качестве инженера-механика, но в 1887 г. вышел в отставку, чтобы заняться общественной деятельностью. С 1890 г. он начал активно выступать в печати, публикуя статьи по различным социальным и политическим проблемам в газете «Московские ведомости», журналах «Русский архив», «Русское богатство» и др.

Знавшие Семеновича современники отмечали его энергию и взрывной, бурный темперамент. А.П. Чехов, имение которого, Мелихово в Московской губернии, располагалось неподалеку от имения Семеновича, по воспоминаниям А.И. Яковлева, в шутку прозвал его «свирепым соседом»⁴⁹. На деле, однако, между Чеховым и Семеновичем сложились вполне мирные, более того, приятельские отношения, поддерживалась переписка.

Уже на первых страницах брошюры «Север России в военно-морском и коммерческом отношениях» В.Н. Семенович заявлял, что взяты за перо его побудила тревога за судьбу северных территорий, которые плохо освоены и становятся добычей иностранцев.

«Острова и материка эти, – писал он с горечью, – бесспорно, по праву первого открытия, должны принадлежать нам. Но <...> они принадлежат всем, кроме нас! Одни мы уступили за гроши Американцам – этих меньшинство – а другие – большинство, открыв, позабыли и забросили, и их теперь позанимали разные нации, ведущие из-за нашего добра и по сейчас бесконечные споры, а мы, – которые могли бы обладать в таких морях миллионами квадратных верст

поверхности, – должны выпрашивать у наших соседей как милости какого-нибудь островка для угольной станции, без чего нашим судам не только в военное время, но даже в мирное нельзя совершать дальних плаваний...»⁵⁰.

Рассуждая о военном флоте на Севере, В.Н. Семенкович исходил из положения, что Россия буквально окружена врагами, самыми могучими из которых являются Германия и Англия. «Врагов много, – утверждал он, – они повсюду – значит надо следить за ними повсюду, если уж нельзя заставить их повсюду бояться»⁵¹.

Решению поставленной задачи, по мнению Семенковича, наиболее удовлетворяли крейсерский флот с базами на Мурмане и во Владивостоке, опираясь на которые можно было вырваться на океанские просторы.

«Взяв за опорные пункты для нашего флота побережья Тихого океана и незамерзающего Мурмана, – писал он, – мы будем иметь силу, могущую быть направленной на горе тем, кто вздумает нас вызвать на борьбу и, встав твердой ногой на берегах открытых настоящих морей, мы сразу уйдем от рутины содержания какого-то оборонительного флота – морской кавалерии на безногих лошадях...»⁵². В подкрепление своего мнения В.Н. Семенкович много и пространно цитировал статью «М.К.» и работы Конкевича.

Полемизирую с теми, кто считал создание северного порта слишком дорогостоящей затеей, Семенкович писал: «Неужели же у нас, тратящих десятки миллионов на разные поправки⁵³, «Ливадии»⁵⁴ и прочие морские диковины, не найдется денег на то, без чего не может развиваться родной флот; неужели же мы, тратящие сотни миллионов на содержание адмиралтейских чиновников, носящих подчас и военные чины, не соберемся затратить хоть что-нибудь на наш Север – колыбель нашего мореходства? Нет, этому не хочется верить; не хочется верить, что мы сами, своими руками, отдадим иностранцам единственное место, где сможет развиваться наш флот, а сами будем сидеть на берегах Маркизовой лужи в ожидании, когда нам придется снова потопить наши суда, как мы сделали это в Крымскую кампанию...»⁵⁵

Однако, военное значение Севера, по мнению В.Н. Семенковича, не ограничивалось одними военно-морскими базами (рис. 4). Публицист полагал, что малонаселенный регион, без должной защиты, может сам подвергнуться нападению со стороны Германии, если таковая сумеет заключить союз со Швецией. А подобная операция создаст угрозу самой российской столице.

Рис. 4. Становище Трещино на Мурманском берегу

«Кто может помешать Немцам, – писал Семенкович, – высадить один или несколько корпусов в той же Виктории (Нарвике. – *А.М.*) и перекинуть их в какие-нибудь полсутки до Lulea (Лулео – шведский порт на берегах Ботнического залива. – *А.М.*). Ведь тогда Немцы будут не только хозяевами Ботнического побережья, но, будучи в нескольких часах от Улеборга и всей сети Финляндских железных дорог, могут серьезно грозить Петербургу!»⁵⁶.

При всей спорности многих положений, брошюра В.Н. Семенковича произвела сильное впечатление на заинтересованную проблемой Севера часть общества. Впечатление это усиливалось явным ростом интереса к региону со стороны правительства.

Между тем в 1894–1895 г. разгорелась дискуссия уже в лагере сторонников «мурманского проекта». А.Е. Конкевич продолжал настаивать на том, что идеальным местом для порта является гавань Озерко, его оппоненты выступали за Екатерининскую гавань. Развернувшиеся споры нашли отражение на страницах книги «По Студеному морю», которая была посвящена поездке на Мурманское побережье С.Ю. Витте и отличалась чрезвычайно красивым оформлением⁵⁷.

Автор текста, журналист Е.Л. Львов-Кочетов, часто выступавший под псевдонимом «Русский странник», стремился продемонстриро-

вать знание военного дела (в молодости он служил в кавалерии) и рассуждал о том, что Екатерининская гавань лучше приспособлена к обороне, чем Озерко. Вместе с тем, Львов-Кочетов с большим уважением отзывался о заслугах Конкевича в деле пропаганды строительства северного военного порта⁵⁸.

На деле, однако, застопорился вопрос о сооружении военно-морской базы как таковой. В октябре 1894 г. скончался император Александр III. Его сын и преемник Николай II встал на сторону приверженцев вооружения и укрепления Либавы. В итоге в 1896–1899 г. на берегах Екатерининской гавани был возведен коммерческий, а не военный порт, правда, хорошо оснащенный в техническом плане (рис. 5).

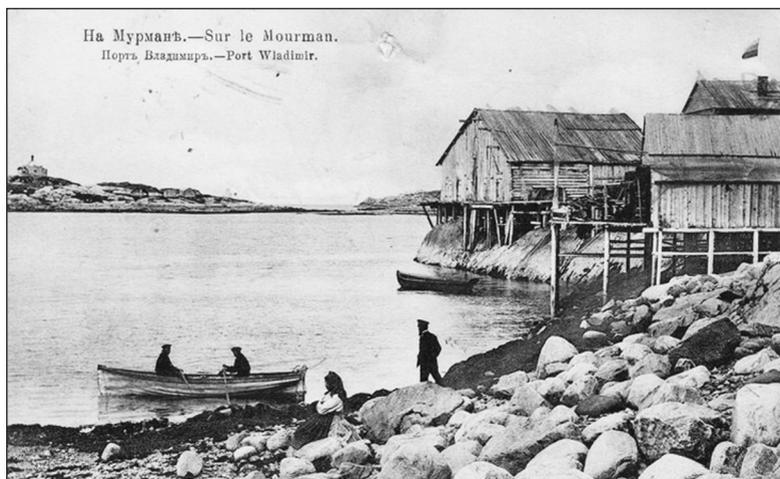

Рис. 5. Порт Владимир. Начало XX в.

Часть сторонников развития Мурмана беды в этом не видели. П.А. Энгельгардт, например, с уверенностью писал: «Когда Екатерининская гавань превратится в благоустроенный торговый порт, тогда и нашим военным судам представится возможность пользоваться этим портом как удобною и вполне безопасною стоянкою»⁵⁹. Иные государственные деятели и вовсе полагали, что начинать создание военной базы прежде, чем будет развита экономика региона, невозможно. Например, генерал-лейтенант Соллогуб, председательствовавший в комиссии по строительству на Севере России железной

дороги, заявлял: «В настоящее время Мурманский берег является местом почти совершенно незаселенным. Устройство военного порта в подобной местности потребовало бы от государства огромных денежных затрат и, что самое главное, было бы преждевременным <...> Но если на Мурмане создадутся экономические интересы, если он населится, то, несомненно, вслед за экономическими интересами явятся и заботы об охране этих интересов»⁶⁰.

Конкевич держался иной точки зрения и продолжал настаивать на необходимости создания на Мурмане именно военного порта, необходимого для борьбы с вражескими флотами, а не только для защиты Севера. В 1896 г. он переиздал отдельной брошюрой свои «Письма о флоте». Имевшиеся материалы публицист дополнил новым, отдельным очерком, в котором вновь указывал на выгоды размещения военно-морской базы на Мурманском побережье⁶¹.

Вскоре после выхода «Писем», в 1897 г. А. Конкевич получил (явно при поддержке Витте) ответственное назначение в Министерство финансов, где возглавил Отдел торгового мореплавания. На этой должности он оставался вплоть до 1899 г.

Впоследствии А.Е. Конкевич был членом Совета Министерства торговли и промышленности, правления Русского общества пароходства и торговли, заместителем председателя в Ученом комитете торгового мореплавания.

В.Н. Семенович в начале XX в. профессионально занялся историческими исследованиями. Он работал в Археологическом институте (в Москве), подготовил к публикации записки французского путешественника П.-М. де Ламартиньера, который в 1653 г. посетил северные области «Московии», побывал в Сибири, на о. Вайгач и на Новой Земле.

Полемика о создании военного порта на Мурмане продолжалась в 1890-е годы с неослабевающим напряжением. При этом очень часто повторялось предложение сделать главной базой гавань Озерко, способную, по мнению авторов, стать «русским Гибралтаром»⁶².

Неудачная для России Русско-японская война 1904–1905 гг. вновь заставила правящие круги и общественность обратиться к проблеме военно-морских баз на Севере и его обороноспособности в целом⁶³.

Однако несмотря на многочисленные проекты и проработку вопроса специалистами, вопрос о военно-морской базе на Севере оставался открытым вплоть до начала Первой мировой войны. Лишь с началом невиданного ранее по масштабам военного конфликта,

когда вступившая в антироссийский союз Турция закрыла проливы Босфор и Дарданеллы, а Германия направила мощный флот на Балтику, проекты создания в Северном Ледовитом океане военно-морской базы были переведены в сферу практической деятельности. Был основан порт Романов-на-Мурмане, началось строительство Мурманской железной дороги, сформирована флотилия Северного Ледовитого океана и др. Однако, многие принципы, на которых была выстроена проведенные меры, закладывались и разрабатывались именно в ходе бурных дискуссий рубежа XIX–XX вв.

Показательно, что разработчики проекта Мурманской железной дороги сочли необходимым пригласить к сотрудничеству А.Е. Конкевича, находившегося уже в очень преклонных годах. В январе 1917 г. А.Е. Конкевич, по соизволению императора, получил к своей фамилии почетную приставку «Мурманский».

К сожалению, бурные политические катаклизмы 1917 г. прервали работы. Конкевичу-Беломору они, не исключено, стоили жизни: он пропал без вести (предположительно в Мурманске). Жизнь В.Н. Семеновича после 1917 г. ждет еще своего исследователя.

¹ Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб.: Издательство «Лекс», 2006. С. 80.

² Козлов М. Несколько слов о значении Мурманского берега в гидрографическом и морском отношении // Морской сборник. 1883. № 9. С. 23.

³ Жаринцов Д.Ф. О сооружении Порта императора Александра III в Либаве. Публичные лекции, чит. в Кронштадтск. Морск. собрании, в зале Морск. музея. СПб: тип. Морск. м-ва, 1895. 41 с.

⁴ А.К-ъ. Русский транспорт в кругосветном плавании // Русское Судоходство. 1887. № 10–11. С. 80–96.

⁵ Грибовский В.Ю. Вице-адмирал Рожественский. М., СПб.: АСТ-Terra Fantastica, 2002. С. 355.

⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III. Берлин: «Слово», 1923. С. 358.

⁷ Лухманов Д. Солёный ветер. Жизнь моряка. М.: «Мор. Транспорт», 1958. С. 286–287.

⁸ А.К. Крейсер «Русская Надежда». СПб.: Издание С.С. Любавина, 236 с.

⁹ Федоров П.В. Рождение Северного военно-морского флота: долгий путь воплощения идеи // Ученые записки МГПУ. Исторические науки. Вып. 9. Мурманск, 2009. С. 7.

¹⁰ Маркизова лужа – популярное среди моряков того времени насмешливое название Финского залива, по титулу маркиза И.И. де Траверсе (1754–1831), занимавшего в 1811–1828 гг. пост морского министра.

¹¹ Ред. Нашим читателям // Русское Судоходство. 1887. № 16–17. С. 1.

¹² Мещерский В.П. Мои воспоминания. СПб.: Ф. Кройс, 1912. С. 215.

- ¹³ Беломор А. Роковая война 188?? года. СПб., 1889. 115 с.
- ¹⁴ Там же. С. 28.
- ¹⁵ Там же. С. 41.
- ¹⁶ Ред. «Роковая война 18?? года. А. Беломор // Русская Мысль. 1889. № 7. С. 285.
- ¹⁷ Фердинанд Кобургский (1861–1948) – немецкий принц, князь (1887–1908) и царь (1908–1918) Болгарии. Вел прогерманскую, враждебную России политику.
- ¹⁸ Сказочный флот // Русское Судоходство. № 119. 1890. С. 8–9.
- ¹⁹ А.К. Военный порт на Мурмане // Русский Вестник. 1889. Т. 205. № 12. С. 75–85.
- ²⁰ Там же. С. 83.
- ²¹ Там же. С. 82.
- ²² Там же. С. 84.
- ²³ Там же. С. 82.
- ²⁴ Там же. С. 78.
- ²⁵ Беломор А. Морские твердыни России // Русское Судоходство. 1889. № 95. С. 1–6; № 96. С. 1–5; № 97. С. 3–8; № 98. С. 2–6; № 101. С. 1–6; № 102. С. 1–6; № 110. С. 1–6; № 112. С. 16–31; № 114. С. 3–9; 1890. № 119. С. 17–30; № 120. С. 5–16.
- ²⁶ То же // Русское Судоходство. 1889. № 102. С. 3.
- ²⁷ История Северо-Восточного Китая, XVII–XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.). Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1987. С. 264–265.
- ²⁸ Беломор А. Морские твердыни России // Русское Судоходство. 1889. № 102. С. 5.
- ²⁹ То же // Русское Судоходство. 1889. № 114. С. 4–5.
- ³⁰ Там же. С. 4.
- ³¹ То же // Русское Судоходство. 1890. № 120. С. 27.
- ³² Там же. С. 12.
- ³³ Там же. С. 16.
- ³⁴ Беломор А. Письма о флоте. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. С. 34.
- ³⁵ М.К. Переписка о флоте // Русское судоходство. 1893. № 136–137. С. 15.
- ³⁶ Там же. С. 360.
- ³⁷ Либава или Мурман? Из архива графа С.Ю. Витте // Прошлое и настоящее: сборник. Вып. 1. Л., 1924. С. 25–39.
- ³⁸ Фламарион Камиль Никола (1842–1925) – известный французский астроном, популяризатор астрономических знаний.
- ³⁹ Глазенап Сергей Павлович (1848–1937) – выдающийся русский астроном, автор многих учебников и научно-популярных книг по астрономии.
- ⁴⁰ А.К. С Мурмана // Гражданин. № 192. 15 июля 1894 г. С. 2.
- ⁴¹ Бельты – проливы Большой и Малый Бельты, соединяющие Балтийское море с Категагом, ведущим далее в Северное море.
- ⁴² А.К. Порт на Мурмане. Мой ответ «Неделе» // Гражданин. № 317. 17 ноября 1894 г. С. 2.
- ⁴³ А.К. По пути в Мурман // Гражданин. № 184. 7 июля 1894 г. С. 2.
- ⁴⁴ А.К. Порт на Мурмане. Мой ответ «Неделе» // Гражданин. № 315. 15 ноября 1894 г. С. 2.
- ⁴⁵ А.К. С Мурмана // Гражданин. № 193. 16 июля 1894 г. С. 2.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Семенович В.Н. Север России в военно-морском и коммерческом отношениях // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 6. Кн. 1.

СПб., 2012. 236 с.

⁴⁸ Подробнее о нем см.: Басик И.И., Михайлов А.А. Письма о Севере гражданина и патриота России // Патриотизм – феномен российской истории: материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2013. С. 43–50.

⁴⁹ Яковлев А.И. У Чехова в Мелихове // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1960. С. 359.

⁵⁰ Семенкович В.Н. Север России... С. 34.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 143.

⁵³ Поповки – два броненосца береговой обороны, «Новгород» и «Киев», построенные по инициативе адмирала А.А. Попова. В целях размещения мощной артиллерии им был придан круглый план, что, по мнению многих современников, привело к низким боевым качествам кораблей.

⁵⁴ Императорская яхта «Ливадия», построенная в 1873 г. по очень дорогостоящему проекту. Погибла в кораблекрушении в Черном море.

⁵⁵ Семенкович В.Н. Север России... С. 79.

⁵⁶ Там же. С. 66–67.

⁵⁷ Львов-Кочетов Е.Л. По Студеному морю: поездка на Север: Ярославль, Вологда, Архангельск, Мурман, Норд-Кап, Трондгейм, Стокгольм, Петербург. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1895. 251 с.

⁵⁸ Там же. С. 152.

⁵⁹ Энгельгардт П.А. Русский Север. Путевые записки. СПб.: Издательство А.С. Суворина, 1897. С. 138.

⁶⁰ Сиденснер А. Описание Мурманского побережья. СПб.: Типография Морского министерства, 1909. С. 132.

⁶¹ Беломор А.Е. Письма о флоте. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. С. 255–258.

⁶² Шавров Н.А. Колонизация, ее современное положение и меры для русского заселения Мурмана // Российское Судоходство. 1898. № 2 (191). С. 44.

⁶³ Сиденснер А. Описание Мурманского побережья. СПб.: Глав. гидроупр. Мор. Мин-ва, 1909. С. 131.

А.В. Михайлов, Г.В. Малахов (Тула)

ЗНАМЕНА ИЗ АРСЕНАЛА ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНОГО ЗАВОДА (1825–1859)

В ФОНДАХ Тульского оружейного завода (ТОЗ) Государственного архива Тульской области имеется ряд документов 1825–1859 гг. о принятии на хранение в арсенал ТОЗ знамен от различных воинских частей.¹ Это рапорты полковых командиров о передаче знамен на хранение и описания знамен или их элементов, которые сохранились: полотнищ или их частей, древков, наверший (копий), скоб, наградных и памятных лент.

Изучение этих документов позволяет уточнить сведения об истории некоторых знамен: о том, знамена каких образцов поступали в полки; за какие заслуги жаловались; сколько времени находились в воинских частях; в каком состоянии и на каком основании сдавались в арсенал.

Однако из-за сильной изношенности полотен (что видно из их описаний) для идентификации знамен, определения времени и повода для выдачи полку требуется привлечение дополнительных сведений.

Обратимся к документам Сибирского гренадерского полка, Азовского, Одесского, Охотского, Днепровского, Колыванского, Тобольского, Томского и Украинского пехотных полков. Рапорт командира Сибирского гренадерского полка датирован 1825 г., прочие – 1859 г.

Знамена Сибирского гренадерского полка:

В рапорте командира Сибирского гренадерского полка подполковника Юницкого говорится, что в вверенный ему полк присланы 2 новых знамени вновь утвержденных образцов, а «...старые, пришедшие в совершенную ветхость... представлены к сдаче в арсенал».

Описание знамен отсутствует, так как указания о необходимости составления описаний сдаваемых знамен появились в 1835–1838 гг.

Тем не менее известно, что Сибирскому гренадерскому полку в 1798 г. были пожалованы (по разным источникам) 10 штук² или 6 штук³ простых (не георгиевских) знамен образца 1797 г. У одного крест белый, углы «зеленые с черным пополам», у остальных крест зеленый, «углы черные с розовым пополам». Кроме того, известно, что следующие знамена, также простые, были пожалованы в 1824 г.

Следовательно, в арсенал могли быть сданы знамена образца 1797 г. Что касается их количества, то можно предположить, что взамен двух новых знамен, полученных согласно рапорту в ноябре 1825 г., было сдано соответственно 2 старых, либо остальные знамена были утеряны. Видимо, именно эти знамена (2 знамени Сибирского полка «из зеленой, черной и розовой материи») числятся в «Описании артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 г.»⁴.

Знамена Азовского пехотного полка:

«Знамя 1-го батальона. Полотно шелковое из зеленой и белой материи с надписью в середине 1700–1850, порванное и пробитое в некоторых местах пулями в последнюю войну, к нему копье бронзовое с орлом внутри, две серебряные кисти на такой же тесьме, скоба на древке с вензелем (Петра I) с надписями “1700 года пехотного Матвея Трейдена полк”, “1850 Азовского пехотного полка 1 батальона”».

Знамя 2-го батальона аналогичное.

«Георгиевское знамя 3-го батальона. Полотно шелковое из зеленой и белой материи с надписью... 1700–1850 и надписью “За оборону Правод против Турецкой армии в 1829 году”, порванное и пробитое в некоторых местах пулями в последнюю войну, к нему копье бронзовое с лавровым венком, внутри коего находится Георгиевский крест, раздробленный неприятельской пулей в деле 4 августа 1855 года на Черной речке, и остался на поле сражения, две серебряные кисти на шелковой георгиевской ленте. Скоба на древке с вензелем (Петра I) с надписями “1700 год пехотный Федора Балка полк”, “1830 год за оборону Правод против турецкой армии в 1829 году”, “1850 год Азовского пехотного полка 3 батальона”».

Согласно «Росписи знамен, штандартов и особых знаков отличий, в войсках состоящих» (1853)⁵ знамена 1-го и 2-го батальона с надписью «1700–1850» были юбилейными, пожалованными по приказу от 25 июня 1850 г. в связи со 150-летием этих батальонов.

Что касается надписей на скобах *«1700 года пехотного Матвея Трейдена полк»*, то известно, что организованный в 1700 г. полк Матвея Трейдена в 1704 г. был разделен и послужил основой для формирования полков Бенедикта Повиша (Шлиссельбургский полк) и Ивана Буша. Последний с 1708 г. именовался Азовским пехотным полком.

Георгиевское знамя 3-го батальона также было юбилейным. Надпись *«1700–1850»* была размещена в центре под орлом. Надпись *«За оборону Правод против Турецкой армии в 1829 году»* располагалась по краям полотнища.

Последняя надпись была сохранена на знамени и скобе 3-го батальона, так как он был образован из переведенного в Азовский пехотный полк 1-го батальона 37-го егерского полка, получившего георгиевское знамя с надписью *«За оборону Правод против Турецкой армии в 1829 году»* 6 апреля 1830 г.

Надпись на скобе 3-го батальона *«1700 год пехотный Федора Балка полк»* говорит о том, что он ведет свою родословную и старшинство от полка Федора (Фридриха) Балка, созданного в 1700 г.

Впоследствии надписи на полотнищах и скобах изменялись. 30 августа 1856 г. Азовский полк был награжден новыми Георгиевскими знаменами с надписью: в 1, 2 и 4-м батальонах – *«За дело на Кадыкойских высотах 13 октября 1854 г. и за Севастополь в 1854 и 1855 гг.»*; в 3-м батальоне эта надпись была добавлена к отличию *«За оборону Правод против Турецкой армии в 1829 году»*.

Следовательно в арсенал сдавались юбилейные знамена, полученные в 1850 г.

Знамена Одесского пехотного полка:

«Знамя 1-го батальона. Полотно совершенно изорванное... скоба на древке с вензелем и надписями “1708 года Гренадерский Билица полк”, “1711 года Орлова, Коробова и Монастырева полк”, “1720 года Гулица запасной полк”, “1815 года в воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях 1814 года января 17 дня при Бриен-Лешато и 20-го при селении Ла-Ротьере”, “1838 года Одесского егерского полка 1 батальона”. Копье бронзовое с Георгиевским крестом, две серебряные кисти на георгиевской ленте».

Знамя 2-го батальона аналогичное.

Эти знамена были получены в 1815 г.

«Знамя 3-го батальона. Полотно, полинявшее из зеленой и белой материи ветхое и изорванное, скоба на древке с вензелем (Александр-

ра I) и надписями “1803 года Галицкий мушкетерский полк”, “Одесского егерского полка 3 батальона”, копье бронзовое с орлом и двумя серебряными кистями».

Надписи на скобах свидетельствуют о том, что в 1838 г. родословная батальонов велась от полков, основанных в 1708, 1711, 1720 и 1803 гг.

Кроме знамен, согласно описанию, были сданы «Две Анненские ленты с надписью «Ленты на знамена Всемилостивейше пожалованы 1, 2 батальонам Одесского егерского полка в 1838 году».

Следует отметить, что в описании лент допущена ошибка. Полкам жаловались Александровские ленты, то есть ленты, по расцветке соответствующие лентам ордена Александра Невского. И Анненские, и Александровские ленты были красного цвета, но Анненская лента имела желтые полосы по краям. В описании указано, что «...по краям ленты идет серебряная вызолоченная дорожка и на краях бахрома». Видимо, эта «дорожка» и привела к ошибке в названии ленты.

По «Росписи знамен и штандартов 1853 г.»⁶ 1-й и 2-й батальоны имели знамена с надписью: «1815 года в воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях 1814 года января 17 дня при Бриен-Ле-Шато и 20-го при селении Ла-Ротьер».

Знамя 3-го батальона надписи не имело, так как было пожаловано батальону 38-го егерского полка, поступившего в Одесский полк и знамени не имевшего.

Известно, что 14 июня 1857 г. каждому из трех батальонов были вручены новые георгиевские знамена. 1-му и 2-му батальонам – с надписью: «В воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях 17 и 20 января 1814 года под Бриен-Ле-Шато и Ла-Ротьер, в воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях 25 декабря 1853 года при Четати, 4 августа 1855 года на реке Черной и за Севастополь в 1854 и 1855 годах». 3-му батальону – с надписью: «В воздаяние отличных подвигов, оказанных в сражениях 25 декабря 1853 года при Четати, 4 августа 1855 года на реке Черной и за Севастополь в 1854 и 1855 годах».

Следовательно, в арсенал были сданы знамена, пожалованные в 1815 г., и ленты, полученные батальонами в 1838 г.

Знамена Охотского пехотного полка:

«Знамя 1 батальона. Георгиевское знамя, пожалованное в 1820 году в вознаграждение отличного мужества и храбрости, оказан-

ных в благополучно оконченную компанию в 1814 году. Копье медное, вызолоченное, с Георгиевским крестом, полотно ветхое, которое невозможно развернуть, кисти серебряной канители ветхие на ветхой георгиевской ленте. Скоба с вензелем императрицы Екатерины II и надписью “1785 года Сибирские полевые батальоны”, “1838 года 1 батальона Охотского егерского полка”».

«Знамя 2 батальона. Георгиевское знамя, пожалованное в 1820 году в вознаграждение отличного мужества и храбрости, оказанных в благополучно оконченную компанию в 1814 году. Но скоба с вензелем императора Александра I и надписями “1803 года Подольский мушкетерский полк”, “1838 года 2 батальона Охотского егерского полка”».

«Знамя 3 батальона. Время пожалования знамени неизвестно. Копье в отличие от 1 и 2 батальонов с Государственным гербом, скоба с вензелем императора Александра I и надписями “1803 года Подольский мушкетерский полк”, “1838 года 2 батальона Охотского егерского полка”».

В описании есть неточность. Первые Георгиевские знамена были пожалованы полку в 1814, а не в 1820 г. Согласно описи 1853 г. знамена имели надпись: «За отличное мужество и храбрость в войне с Францией 1812, 1813 и 1814 годов».⁷

В 3-м батальоне было знамя без надписи.

Следует отметить, что скобы, установленные на древках Георгиевских знамен по указу от 25 июня 1838 г., не содержат сведений об отличиях.

30 августа 1856 г. 1, 2, 3 и 4-му батальонам пожалованы Георгиевские знамена за Севастополь с надписями: на знаменах 1-го и 2-го батальонов – «В вознаграждение отличного мужества и храбрости, оказанных в 1812, 1813 и 1814 г. и за Севастополь в 1854 и 1855 г.», на знаменах 3-го и 4-го батальонов – «За Севастополь в 1854 и 1855 годах».

Следовательно, с учетом содержания надписей на скобах и ветхости полотен, можно заключить, что в арсенал сдавались знамена, пожалованные в 1814 г.

Знамена Днепровского пехотного полка:

«Знамя 1-го батальона. Полотно совершенно изорванное, копье бронзовое с орлом, скоба на древке с вензелем и надписью “1769 года Московский легион”, “1838 года Днепровского пехотного полка 1 батальона”».

Знамя 2-го батальона аналогичное.

«Знамя 3-го батальона. Полотно, полинявшее из зеленой и белой материи с вензелем в середине и по углам с надписью “За оборону Правод против турецкой армии в 1829 году”, а в середине полотна “1700 года”, копье бронзовое с лавровым венцом, в середине Георгиевский крест, две серебряные кисти на шелковой георгиевской тесьме. Скоба на древке с вензелем и надписями “1700 Пехотный Федора Балка полк”, “1830 года за оборону Правод против Турецкой армии в 1829 году”, “1850 года Днепровского пехотного полка 3 батальона”».

Согласно описи знамен 1853 г.⁸ 22 мая 1810 г. батальонам были пожалованы новые знамена без надписи за подвиги при штурме крепости Базарджик, взамен утерянных во время войны с Францией в 1799 г. в Голландии.

В 1850 г. 3-му батальону пожаловано Георгиевское знамя с надписью: *«За оборону Правод против Турецкой армии в 1829 году»* и под орлом: *«1700–1850»*.

30 августа 1856 г. 1-му и 2-му батальонам полка пожалованы Георгиевские знамена *«За Севастополь в 1854 и 1855 годах»*, а 3-му батальону – Георгиевское знамя *«За оборону Правод от Турецкой армии в 1829 и за Севастополь в 1854 и 1855 годах»*.

В 1850 г. 3-му и 4-му батальонам пожалованы на знамена Александровские ленты, ошибочно указанные в описании как Анненские.

Следовательно, можно сделать заключение о том, что сдавались в арсенал знамена, находившиеся в полку с 1810 г., юбилейное Георгиевское знамя 1850 г. и Александровские ленты, полученные в 1850 г.

Знамена Кольванского пехотного полка:

«Знамена георгиевские цвета зеленого с белым, за усмирение Трансильвании в 1849 г... При них копьа с орлом посредине (на навершие) позолоченные с надписью (на скобе) у 1 и 2 батальонов “1798 года Мушкетерский Генерал майора Миллера полк”, “1850 года за усмирение Трансильвании в 1849 году”, “1850 года Кольванского Егерского полка 1 батальона”» (и соответственно 2-го батальона).

У 3-го батальона: *«1713 года Невский пехотный полк...»*, *«1850 года за усмирение Трансильвании в 1849 году»*, *«1850 года Кольванского Егерского полка 3 батальона»*.

Эти знамена были пожалованы 19 марта 1850 г.

Кольванский пехотный полк имел Георгиевское знамя с надписью *«За Севастополь в 1854 и 1855 годах»*.⁹

Следовательно, в арсенал сдавались юбилейные знамена, полученные в 1850 г.

Знамена Тобольского пехотного полка:

Знамя 1-го батальона. *«Скоба медная вызолоченная с вензельным изображением императора Петра I и надписями “1703 года Пехотный князя Репнина полк”, “1838 года Тобольского пехотного полка 1 батальона”»*. Знамя 2-го батальона аналогичное.

Знамя 3-го батальона. *«Полотно с надписью “За отличие против французов в 1812, 1813 и 1814 годах”, скоба медная вызолоченная с вензельным изображением императрицы Екатерины II и надписями “1742 года Сенатская рота”, “1814 года за отличие против французов в 1812, 1813 и 1814 годах”, “1838 года Тобольского пехотного полка 3 батальона”»*.

У всех знамен крест зеленый, углы белые.

30 августа 1856 г. всем батальонам полка пожалованы Георгиевские знамена с надписями: у 3-го батальона – *«За отличие в 1812, 1813 и 1814 против французов, за дело при Четати 25 декабря 1853 г. и за Севастополь в 1854 и 1855 годах»*, у 1, 2, 4-го батальонов – *«За дело при Четати 25 декабря 1853 г. и за Севастополь в 1854 и 1855 годах»*.

Следовательно, в арсенал сдавались знамена, полученные в 1838 г.

Знамена Томского пехотного полка:

Знамя 1-го батальона. *«Полотно с надписью “За усмирение Трансильвании в 1849 году”, скоба медная, вызолоченная, с вензельным изображением императрицы Екатерины II и надписями “1771 года 9, 10, 11 и 12 легкие полевые команды”, “1850 года за усмирение Трансильвании в 1849 году”, “1838 года Томского егерского полка 1 батальона”»*.

Знамена 2-го и 3-го батальонов аналогичные.

У 3-го батальона скоба *«...медная вызолоченная с вензельным изображением императора Петра I и надписями “1713 года Невский пехотный полк”, “1850 года за усмирение Трансильвании в 1849 году”, “1838 года Томского егерского полка 3 батальона”»*.

30 августа 1856 г. 1, 2, 3 и 4-му батальонам Томского пехотного полка пожалованы Георгиевские знамена *«За усмирение Трансильвании в 1849 и за Севастополь в 1854 и 1855 годах»*, крест белый, углы черно-белые.

В 1850 г. пожалованы Александровские ленты, также ошибочно названные в описании Анненскими. Количество полученных лент не указано. Сдана одна лента.¹⁰

Следовательно, в арсенал сдавались знамена, полученные в 1838 г., и Александровская лента 1850 г.

Знамена Украинского пехотного полка:

«Знамя 1-го батальона. Полотно остался один маленький кусок... скоба на древке с вензелем (Николая I) и надписями “1798 года Мушкетерский генерал-майора Берха полк”, “1838 года Украинско-го егерского полка 1 батальона”».

Знамя 2-го батальона аналогичное.

«Знамя 3-го батальона. Полотно шелковое из зеленое с белым... скоба на древке с вензелем (Александра I) и надписями “1803 года Галицкий Мушкетерский полк”, “1838 года Украинский егерский полк 3 батальона”».

В 1856 г. 1, 2, 3 и 4-му батальонам Украинского пехотного полка пожалованы Георгиевские знамена, крест белый, углы черно-белые.

Следовательно, в арсенал сдавались знамена, полученные в 1838 г.

Как следует из рапортов, передача знамен на хранение в арсенал была узаконена *«на основании 201 статьи, II книги III части Свода военных постановлений по IV продолжению»*¹¹.

Кроме документов, касающихся принятия знамен в арсенал, имеются документы о передаче знамен на хранение в другие места: Московское артиллерийское депо, Санкт-Петербургский арсенал, в соборы губернских городов (ополченские знамена).

К примеру, в приказе командира ТОЗ от 30 октября 1835 г. говорится: *«Государь Император при обозрении Арсенала тульского оружейного завода Высочайше повелеть соизволил, находящиеся в нем шесть штандартов (кавалерийских) отправить в Московское Артиллерийское депо при надлежащем описании...».*

В приказе Артиллерийского департамента от 27 апреля 1856 г., касающегося роспуска дружин Государственного подвижного ополчения, отмечено: *«...Знамена тех дружин ополчения, которыми сданы оные в арсеналы, доставить по распоряжению Артиллерийского департамента на почтовых по принадлежности в губернские города... по получении знамен в означенных городах, поставить оные для всегдашнего хранения в Соборах губернских городов».*

Таким образом, в арсенале ТОЗ кроме оружия, предназначенного для снабжения армии, хранились изношенные и выслужившие свой срок боевые знамена.

Некоторые знамена сохранились до настоящего времени. Например, знамена Тульского ополчения в 1856 г., переданные из арсенала ТОЗ в Успенский собор Тульского кремля¹², находятся в фондах Тульского краеведческого музея.¹³

Часть знамен Сибирского гренадерского полка, возвращенных в полковой музей из Санкт-Петербургского арсенала, хранятся в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника.¹⁴

¹ ГАТО. Ф.187. Оп. 1. Д. 1650а, 1653.

² Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленными по высочайшему повелению. СПб., 1899. Т. IX. С. 41.

³ Габаев Г. Роспись русским полкам 1812 г. Киев, 1912. С. 207.

⁴ Петрова Е.П. Знамена Сибирского гренадерского полка в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 497.

⁵ Росписи знамен, штандартов и особых знаков отличий, в войсках состоящих. СПб., 1853. С. 140–141.

⁶ Там же. С. 145.

⁷ Там же. С. 137.

⁸ Там же. С. 142.

⁹ Там же. С. 133–134.

¹⁰ Там же. С. 132–133.

¹¹ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1650а. С. 3.

¹² Рогожина С.А. Тульское ополчение в Крымской войне // Тульский краеведческий альманах. 2007. № 5. С. 190–192.

¹³ Фонд ТОКМ. 2764Т287, 2766Т256.

¹⁴ Петрова Е.П. Знамена Сибирского гренадерского полка в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. С. 500.

А.В. Михайлов, В.В. Птицын, С.А. Астахов (Тула)

**ИЗ ИСТОРИИ РУЖЕЙНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
(РАБОТЫ ПО ПРАВКЕ СТВОЛОВ ПОРУЧИКА
А. КОРСАКОВА (1861) И ТЕХНИКА
А. ИВАНОВА (1928))**

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX столетия основными операциями технологии изготовления ружейного ствола были: 1) изготовление ствольной пластины; 2) сворачивание ее в трубку; 3) заварка трубки – получение заготовки ствола; 4) сверление канала ствола; 5) обточка наружной поверхности ствола.

Позже, с появлением литой стали ствольные заготовки изготавливались прокаткой в виде «пушек» – цилиндров с черновым отверстием.

Правка как сварных, так и литых стволов производилась неоднократно. Сначала после отжига, перед сверлением канала ствола правилась ствольная заготовка.

При сверлении канала сварного ствола для получения заданного калибра использовалось более 20 сверл различного диаметра. Материал сверла – углеродистая сварочная сталь – даже при невысоких режимах резания требовал обильного охлаждения. *«В продолжение всей работы ствол беспрерывно поливается холодной водою в том месте, где действует перо сверла, без чего последнее от сильного разгорячения потеряло бы закал и вследствие этого сделалось бы неспособным срезать металл».* Но при быстром охлаждении водой ствол прикалывался и под действием внутренних напряжений металла изгибался. За каждым сверлением следовал отжиг ствола. *«Постоянное разгорячение ствола действием сверл и охлаждение его водою производят в железе закал, отчего оно твердеет и таким образом затрудняет дальнейшую обработку ствола. Чтобы возвратить железу прежнюю его мягкость, высверленные вчерне стволы отжигают, т. е. нагревают до темно-красного каления и затем*

дают остыть»¹ После отжига для возвращения стволу прямолинейности производилась правка.

С 1870-х гг., с появлением более качественных инструментальных материалов и инструментов (сверл и разверток) с лучшей геометрией режущей части сверление канала ствола из литой стали производится в три операции: черное, среднее и белое сверление. Но отжиг и правка производились так же после каждой операции.

Принципиально технологии правки стволов, разработанные в XVIII–XIX столетиях, сохранились до настоящего времени. Согласно описаниям процесса правки, приводимой в технической литературе (описание оружейных технологий в трудах академика И. Гамеля² и генерал-лейтенанта И. Гогеля³) и в архивных документах (1825–1826 гг.)⁴ для правки использовалась наковальня с прямоугольным углублением и молоток с закругленным носом. *«Определив место и величину погиба, правильщик укладывал ствол над углублением наковальни вершиной погиба вверх. Затем делал несколько ударов по части ствола, находящейся над серединой углубления, передвигая ствол при каждом ударе. Во время правки ствол поворачивал вокруг оси сначала в одну, а потом в другую сторону»*. Сила ударов и их число соизмерялись с глубиной и длиной изгиба. Сначала выпрямлялись изгибы от середины до обреза ствола, затем выправлялась казенная часть.

Судя по описанию технологии правки, сделанному спустя столетие, оборудование и приемы правки практически не изменились. *«В практике выпрямления стволов выработался особый вид наковальни, с пустотой внутри. Эта пустота ограничена стенками, позволяющими сокращать точки опоры ствола в том случае, если лог его короче диагонали внутреннего квадрата, передвигая ствол к тому или иному углу, противоположному диагонали. Иногда в стенках наковальни делаются полукруглые пропилы для того, чтобы не вогнуть стенки ствола вовнутрь. В том же случае, если лог ствола длиннее диагонали квадрата наковальни, выпрямление производится путем последовательных ударов по изогнутой стороне с постепенным продвижением его до пределов по соображению правщика. Наковальня покоится на дубовой деревянной тумбе, прочно стоящей на полу. Для нанесения ударов употребляются молотки медные, железные и стальные, довольно значительного веса с короткой ручкой... наковальня и молоток прекрасно выполняют свои назначения в опытных руках мастера-правщика»⁵.*

В некоторых случаях во избежание «молотобоин» стволы правились ударами о закругленную деревянную болванку. Правильщик, взяв ствол за конец, ударял местом изгиба по закруглению болванки. Если изгиб слишком близок концу ствола, то погиб выправлялся в отверстии, просверленном в болванке.

Кроме этих простых и грубых инструментов, применяемых в основном для правки во время черновых операций, употреблялись правильные станки.

Проверка прямизны ствола и определение мест изгибов производилась двумя способами: по струне и на глаз.

Согласно описанию 1825 г. способа проверки по струне: *«Правильщик, приняв ствол, поверяет канал его по натянутой струне... Для сего употребляется род лука, но длиннее ствола, или смычек, у которого вместо волос натянута струна, которая... с одного конца скидывается, дабы, пропустя ее через ствол, нацепить так, чтобы она натянута была внутри канала ствола... ежели ствол не верен, выправляют его нажимною машиною»⁶.*

В месте изгиба наблюдался зазор между струной и стенкой канала. Ствол выправлялся до того момента, пока зазор не исчезнет.

Основными частями «нажимной машины» (станка для правки) были правильная линейка и резьбовая тяга с крюком. Во время правки ствол устанавливался погибом напротив тяги, при вращении ключа крюк, надавливая в месте изгиба, выправлял ствол. Таким способом выправлялись как значительные, так и незначительные погибы.

Судя по описанию технологии правки стволов 1861 г., в то время применялись точно такие же станки⁷. По сведениям офицера Ижевского оружейного завода поручика А. Корсакова проверка окончательно обработанного канала ствола «на глаз» на этом предприятии была введена бельгийскими фабрикантами оружия Фалисом и Трапманом в стволонарезательных мастерских с 1856 г. На Тульском же оружейном заводе такая проверка производилась с начала XIX столетия.

Сравнивая методы проверки ствола по струне и на глаз, поручик Корсаков приходит к выводу, что *«проверка на глаз удобнее и чувствительнее... в особенности в стволах нарезных, где при несколько неровных краях нарезов, как например с заусенцами, показания струны легко могут быть ошибочны, и единственное затруднение к повсеместному введению правки на глаз составляет тот, гораздо больший навык, которого требует этот род правки против правки по струне»⁸.*

Правщики высокой квалификации было немного, причем секреты проверки ствола на глаз передавались оружейниками из поколения в поколение. То есть этот процесс был полностью в руках у узкого круга практиков, на деятельность которых не могло повлиять руководство завода.

Видимо такое положение привело к появлению работы поручика А. Корсакова «Определение на глаз кривизны ружейного ствола по тени в канале его», опубликованной в журнале «Оружейный сборник» № 1 за 1861 г. В работе автор приводит расчеты, пользуясь которыми, можно определить место и направление погиба ствола по отражению тени дульного среза в канале ствола.

Определение изогнутости ствола на глаз производилось следующим образом: Если посмотреть в канал полированного ствола на свет, можно увидеть ряд теней в виде концентрических кругов, которые являются отражением обреза ствола. Согласно расчетам, приведенным в указанной работе, круги располагаются на известном расстоянии от дула. Первый – на $\frac{2}{3}$ расстояния от дула ствола до глаза, второй – на $\frac{4}{5}$ этого расстояния, третий – на $\frac{6}{7}$ и т. д. О погнутости ствола можно судить по изменению этих расстояний. Далее по положению «тени отражения», получаемой при смещении ствола относительно глаза правщика, и ее густоте определялось направление погиба и место погиба на длине ствола.

Однако положение с правкой стволов по тени на глаз не изменилось.

Как писал в 1925 г. работник Тульского оружейного завода, выдающийся военный инженер-технолог Б.П. Каневский: *«Вопрос о правке стволов, имеющий громадное значение в ружейном производстве, до сего времени являлся совершенно не проработанным... одна из важнейших операций ружейного производства, влияющая на бой ружья, – правка целиком была в руках группы мастеров-правщиков и находилась вне сферы влияния технического управления... были случаи, когда правщики ставили производство в тяжелое положение... предъявляя различные требования, которые обычно администрация вынуждена была в значительной степени выполнять»⁹.*

Не существовало ни теории правки, ни методов практического обучения мастеров-правщиков.

И вот в 1928 г., спустя 67 лет после опубликования работы А. Корсакова, появился труд начальника ствольной мастерской Тульского оружейного завода А. Иванова «Правка ружейных стволов. Теория и

практика выпрямления погнутоостей в гладких и нарезных стволах по теням их каналов». Видимо, работе придавалось большое значение, так как она была издана Артиллерийским управлением РККА совместно с НТС треста РУЖ.

В предисловии к книге автор отмечает, что он первым разработал теорию правки стволов. Видимо, А. Иванов не знал или не хотел упоминать о работах поручика А. Корсакова по определению положения и направления изгиба ствола.

В действительности в труде А. Иванова не содержатся теоретические разработки, объясняющие «производственные секреты» правки канала ствола по тени. Однако автором систематизированы многообразные виды теней при изгибах стволов различного рода.

Он рассматривает конфигурацию теней при пологих и крутых погибах ствола, находящихся на различном расстоянии от дульного среза. Погибы ствола в двух местах и в разных плоскостях. Сложные случаи погибов, такие как *«два лога в одной плоскости, два лога в одной плоскости, но с диаметрально-противоположными вершинами, два лога в различных плоскостях»*.

Соответственно виду погибов описываются практические приемы их устранения. Например: *«Устранение изгиба на середине ствола, ударяя им по тумбе, требует большой внимательности и расчета. Лучшие всего, путем легких ударов, убедиться в способности ствола сопротивляться изгибам, т.е. в его мягкости или пружинности, и уже, взвесив эту сопротивляемость, производить удар необходимой силы»*¹⁰.

Ценность книги состоит в том, что она могла стать хорошим пособием для подготовки правщиков. Большим достоинством труда является разработанная автором годовая программа обучения правщиков, позволяющая не только получить необходимые навыки, но и развить природные данные человека, например, зрительную память.

Следует отметить, что работа поручика Корсакова в отношении практического приложения уступает труду техника Иванова.

В настоящее время правщики ружейных стволов остаются элитой оружейников, а искусство правки по-прежнему передается «из рук в руки».

¹ Каппель. Описание изготовления 6-и линейной винтовки на Сестрорецком оружейном заводе. СПб., 1860. С. 21.

² Гамель И.Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826. С. 133.

³ Гогель 1-ый. Подробное наставление о приготовлении, употреблении и сбережении огнестрельного и белого солдатского оружия. СПб., 1825. С. 172.

⁴ ГАТО. Ф.187. Оп. 1. Д. 837. Л. 5–6.

⁵ Иванов А.Д. Правка ружейных стволов. Теория и практика выпрямления погнутоостей в гладких и нарезных стволах по теням их каналов. М., 1928. С. 25.

⁶ Гогель 1-ый. Подробное наставление о приготовлении, употреблении и сбережении огнестрельного и белого солдатского оружия. С. 172–173.

⁷ Корсаков А. Определение на глаз кривизны ружейного ствола по тени в канале его // Оружейный сборник. 1861. № 1. С. 38–47.

⁸ Там же.

⁹ Иванов А.Д. Правка ружейных стволов. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 34.

В.Н. Мороз (Санкт-Петербург)

ПЕРЕСТРОЙКА КРЕПОСТИ СВЕАБОРГ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

УКРЕПЛЕНИЯ, составляющие Свеаборгскую 1-го класса крепость, расположены под 60°5' северной широты и 43°10' восточной долготы по меридиану, проведенному через остров Ферро, на шести Варшерских островах, лежащих в двух верстах на юго-восток от Гельсингфорского рейда. Восходя к баснословной почти истории древней Скандинавии, можно полагать, что эти острова служили некогда пристанищем для смелых варяжских мореходов, и таким образом объяснить их название – Варг-Шкер или Варг. Они прикрывают рейд Гельсингфорса...

В начале мая 1713 г. император Петр Первый, приступив к Гельсингфорсу с гребною своей флотилией, приказал бригадиру Чернышеву сделать высадку с западной стороны и бомбардировать город. После отступления шведов русские под начальством генерала-адмирала графа Апраксина заняли снова Гельсингфорс и приступили к укреплению города и проходов в гавань. С морской стороны были заграждены под водой проходы в Гельсингфорский рейд по южной стороне, впоследствии шведы заградили и проходы между берегом Финляндии и северным берегом острова Дегера. «По ходу военных действий и после оставления передовых своих крепостей Шведский король Фридрих убедился в необходимости устроить новый оплот Финляндских границ, а главным запасным и сборным местом назначен Гельсингфорс, где образованные природой гавань и рейд укреплением Варг-Шерских островов могли быть приведены в оборонительное и достаточно сильное положение не только для сохранения шхерной флотилии, но и большого флота. Первоначальный проект крепости Свеаборг, кроме укрепления на 7–8 островах у входа в

Гельсингфорский рейд, занимал предначертание обширного укрепления вокруг Гельсингфорса»¹ (рис. 1).

Свеаборг (Суоменлинна) под названием «Волчьи шхеры» (*фин. Susisaaret, швед. Vargskär*) – крепость, которая более ста лет была местом базы для российского флота и являлась оборонительным со-

Рис. 1. Основные проливы в Гельсингфорском рейде

оружием на северном берегу Финского залива.

В 1748 г. положено основание самим укреплениям, первоначально на острове Густов-верд заложением Королевских ворот, на которых укреплены 4 каменные доски с надписями на шведском языке, означающими в переводе следующее:

1. Здесь повелением короля Фридриха положен первый камень в 1748 г.
2. Король Густав положил последний камень.
3. Свеаборг, прилежащий с одной стороны к морю, а с другой к берегу, даст мудрому обладание над морем и сушею.
4. Эти острова Варг-Шерские из пустыни превращены в Свеаборг...

«Возникает, по существу, первый парадокс: крепость проектировали шведы, строили финны, расплачивались французы, а прослужила она дольше всего на оборону России!

Второго парадокса ждать пришлось недолго. К началу войны 1808–1809 гг. первоначальный проект крепости так и не был завершен: отсутствовала защита тыла со стороны материка. Крепость слыла Северным Гибралтаром и считалась недоступной с моря, но оказалась почти беззащитной со стороны материка, а особенно во время ледостоя.

К 1897 г. закончилось перевооружение Свеаборгских батарей. Общее их количество составляло 52».²

Далее из документов Главного Управления Генерального Штаба (ГУ ГШ) можно проследить, как шло перевооружение крепости Свеаборг в начале XX в.

2.10.1910 г. № 610. Начальнику штаба войск гвардии и Петербургского военного округа.

Заключение по проекту усиления Свеаборгской крепости.

В крепости была образована особая комиссия для разработки подробного и вполне законченного проекта ее усовершенствования. При этом было предложено принять за основу высказанные соображения о задачах крепости и о размере кредита, а равно и условие, чтобы при распределении работ по годам она в определенный срок получила бы достаточно законченный вид в артиллерийском и инженерном отношениях. При составлении заключения приходится рассматривать параллельно оба предложения: составленное в ГУ ГШ и в местной крепостной комиссии. Заключение по существу сводится к тому, насколько при данных средствах и поставленных условиях

упомянутыми проектами достигается осуществление задач, возложенных на крепость. Крепостная комиссия в точности придержалась предложений ГШ, но приложила особую мотивированную записку о необходимости вынесения вперед береговых батарей южного фронта. «Это вынесение вперед дальнобойных батарей, при условии переноса портовых сооружений из города на острова крепости, является совершенно необходимым, даже если бы эти работы обошлись и дороже предназначенных сумм. Если отказаться от выноса береговой обороны вперед, то ни портовые сооружения, ни вообще все сооружения крепости совершенно не будут обеспечены от бомбардирования; каждый снаряд, направленный по батареям, непременно попадет в какое-либо здание или сооружение и таким образом необходимейшие, самые жизненные части крепости могут быть быстро разрушены».

10/12 ноября 1911 г. № 636. Комендант Свеаборгской крепости командиру 22-го армейского корпуса (АК) «Об усилении оборонительных средств Свеаборгской крепости».

«С прибытием на Гельсингфорский рейд бригады линейных кораблей задача крепости расширяется. Она должна дать безопасную от бомбардирования стоянку не только минному, но и линейному флоту. Потребуется усиление постоянного гарнизона Свеаборга по крайней мере на 4 батальона, которые будут организовывать временно-укрепленную позицию. Для борьбы с тяжелой артиллерией противника необходимо ныне же назначить в состав артиллерии Свеаборга 6-дм в 120 пудов пушки с комплектом и платформами, которые имеются в излишке в крепостях разоруженных.

Для отыскания мест расположения укрытий тяжелых батарей противника необходимо организовать скорее авиационный отдел при 3-й воздухоплавательной роте, с 2–3 аэропланами и дирижаблем ближней разведки. Местность в Финляндии и в окрестностях Гельсингфорса представляет такую массу широких и длинных укрытых позиций для тяжелых батарей, что при невозможности производства воздушной разведки они будут обстреливать суда и крепость совершенно безнаказанно. Привязные шары для этой разведки не годятся.

Что касается берегового фронта, то о слабости его вооружения в отношении дальности огня уже несколько раз доложено. В крепости состоят 12 пушек Канэ, дальность которых 12 верст (стальной бомбой), но 8 из них не имеют оснований, 4 поставлены крепостной ар-

тиллерией без расходов из казны, все они не имеют снарядов, несмотря на личные неоднократные доклады в ГАУ, несмотря на рапорты, сведений о доставке их не имеется, а потому крепость ныне остается в том же положении, как и до присылки орудий, т. е. противник может безнаказанно бомбардировать флотом, стоя на якоре, с дистанции 10 верст, а имея громадную дальность огня, и с дистанции 14 верст может поражать суда на рейде, даже если они совершенно примкнули к берегу материка.

При приближении противника на более близкую дистанцию стрельба крепостной артиллерии также не может иметь хороших результатов, открытые, установленные на столбах телефонные линии для дальномеров и других приборов сейчас же будут сбиты, как доказал опыт Порт-Артура. Батареи должны будут производить стрельбу без этих приборов, что признается невозможным в береговой артиллерии, а потому необходимо воздушные линии заменить подземными. Всего для этого потребуется около 24 верст кабеля, при 8 рублях за сажень – 94 000 р. Прокладка линий потребует денег вдвое больше, но я ходатайствую пока только об отпуске подземного кабеля; прокладку произведу нижними чинами в период мобилизации или в период ожидания близкой войны. Кроме того, крепостному инженерному управлению необходимо отпустить средства на постройку оснований для 11-дм пушек с установками для большого обстрела, чем увеличится дальность их до 12 верст (пушки и установки имеются). Необходимо также увеличить боевой комплект к орудиям кругового обстрела и полевым, приняв во внимание борьбу с противником на материке. Для довершения организации минной обороны безусловно необходимо сформировать подвижную охрану заграждений и проходов» (рис. 2, 3).

24.12.1911 г. № 1333. Начальнику Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа.

«Свеаборгская крепость, представляющая единственное убежище русского флота на фланге морских путей к столице Империи, должна быть без всякого промедления поставлена в такие условия, чтобы она была в состоянии:

1. обеспечить не только минный флот, как было указано в прежнем задании ГУ ГШ, но и флот линейный [защитой] от дальнего артиллерийского огня современных линейных судов, не говоря уже о бомбардировании с кораблей, стоящих на якоре или маневрирующих на близких дистанциях;

2. сохранить от разрушения артиллерии огнем портовые сооружения, без которых совершенно не может существовать действующий флот;

3. дать укрытие флоту от артиллерийского огня противника, захватившего соответствующие сухопутные позиции вблизи города;

4. задерживать наступление сухопутных сил возможно долгое время;

5. выполнить все эти задачи, не будучи зависимыми в своих жизненных потребностях от города, население которого не только никогда не сочувствовало русскому делу, но иногда обнаруживало явно враждебное настроение.

До проведения же в жизнь этого проекта, на что потребуется некоторый промежуток времени, безусловно, необходимо без всякого промедления:

1. поставить на вооружение крепости дальнобойные орудия, как указывает в своем рапорте комендант крепости;

2. снабдить эти и прочие орудия крепости надлежащим боевым комплектом;

3. соединить батареи подземной телефонной линией;

4. создать крепостную подвижную оборону минных заграждений.

Из изложенного очевидно, что в настоящем виде Свеаборг, в данное время важнейшая гавань на Балтийском море, не только не обеспечивает флоту безопасности и спокойной работы по починке судов, но является даже опасной стоянкой для нашей морской силы».

17–18 апреля 1912 г. № 5269.

«Начальник ГШ, по поручению Военного министра, приказал сообщить о желательности ускорить снабжение Свеаборгской крепости фугасными бомбами к 6-дм пушке Канэ».

17–18 апреля 1912 г. № 5267. «ГШ Начальнику штаба войск гвардии и Петербургского военного округа по поручению Военного министра приказал уведомить, что вопрос об устройстве крепости Свеаборг будет подлежать обсуждению по окончательному решению вопроса об укреплении Ревеля–Поркалауда. Сношения же с ГА и ИУ об установке на вооружение имеющейся материальной части, за счет обыкновенных кредитов 1912 и 1913 гг., и об ускорении снабжения крепости фугасными снарядами делаются одновременно с ним».

17–18 апреля 1912 г. № 5272. ГШ в ГИУ.

«В Свеаборгской крепости не установлены на вооружение имеющиеся уже в крепости 6-дм пушек Канэ и 4 таких установлены

без расходов от казны. Сверху не установленных еще 9-дм и 11-дм пушек для стрельбы под большими углами возвышения. Начальник ГШ приказал, что постройка или переделка оснований для указанных пушек признана настоятельно необходимой и должна быть произведена за счет обыкновенной сметы на оборонительные работы 1912 или 1913 гг., дабы не нарушить распределенные суммы на 1912 г.»

19 июня 1912 г. № 5576. Начальник Крепостной части в Главное инженерное управление (ГИУ).

«Журнал особого совещания по усилению крепости Свеаборг. Ввиду постановки на рейд бригады линейных кораблей Балтийского флота задача крепости расширяется, она должна дать безопасную от бомбардирования стоянку. Частичное выполнение некоторых мероприятий может не войти потом в общую систему проекта переустройства крепости. Правда, проект такого переустройства уже имеется, но рассмотрение его задерживается не выясненностью значения Свеаборга. В частности, предлагается занятие и укрепление позиций (Фредрихсбергской и Хертонесской) на сухопутных фронтах, что едва ли нужно, как потому что забота о прикрытии крепости с сухого пути должна лежать на сухопутных войсках, так и потому, что развитие этих позиций оттянет к крепости значительные силы полевых войск, не менее 4 батальонов. Признавая укрепление сухопутных фронтов не подлежащим исполнению, следует отказаться и от снабжения крепости артиллерией для вооружения ее фортов.

Вопрос о снабжении крепости авиационными отрядами также следует разрешить в отрицательном смысле, так как такими отрядами должны быть снабжены прежде всего полевые войска, затем крепости западного, и только затем могут быть снабжены ими крепости второстепенные, как Свеаборг. К тому же действия авиационных отрядов в этой крепости будет значительно стеснены лесами. Что касается усиления вооружения берегового фронта установкой на вооружение имеющихся уже в крепости 6-дм пушек Канэ, то скорейшее исполнение этого, а равно снабжение крепости снарядами к ним (ныне имеется лишь 22 % положенного числа фугасных бомб), представляется настоятельно необходимым. Поставку оснований для этих орудий было бы желательно произвести за счет обыкновенной сметы Главного инженерного управления. Об установке на вооружении 9-дм пу-

шек на лафетах большого вертикального обстрела уже сделано сношение с ГИУ.

Недостатки телефонно-телеграфной артиллерийской сети могут быть устранены, как это делается Главным артиллерийским управлением и в других крепостях, за счет обыкновенной сметы этого управления. При этом докладывается, что даже важнейшие сухопутные крепости, которые могут подвергаться длительному, систематическому обстреливанию, не снабжены пока подземным кабелем. Вопрос о сформировании саперно-телеграфной роты будет разрешен при рассмотрении общего вопроса об организации инженерных войск в крепостях, который уже разрабатывается в отделе по устройству и службе войск. Снабжение крепости запасами инженерного имущества уже решено как часть общего вопроса снабжения этим имуществом всех крепостей. Целесообразно устройство опреснителя, до пересмотра общего проекта переустройства крепости. Заводить суда для подвижной охраны заграждений и проходов едва ли возможно. Если крепость является стоянкой флота, то флот и должен нести эту службу.

18 декабря 1912 г. «Совещание выслушало указания коменданта крепости о положении флота на рейде в случае открытия военных действий, выясненного 17 декабря с. г. в управлении Свеаборгского порта и 18 декабря у командира 22-го АК в присутствии командующего морскими силами Балтийского флота.

Крепость Свеаборг по своему положению ныне, прикрывая единственную базу флота в западной части Финского залива, не теряет своего значения до постройки укреплений Ревель–Поркалауда, и даже по окончании этой постройки она сохраняет свое значение, так как Свеаборгский военный порт остается базой и постоянной стоянкой для минной дивизии (рис. 4).

Не имея дальнобойного и скорострельного вооружения, однако, крепость не в состоянии обеспечить флоту ни стоянки на рейдах, ни свободного выхода в море, в особенности для расположенной ныне в Свеаборгском порту на зиму бригады линейных кораблей, которая может выйти в море только одним Густавсвердским проливом, узким и извилистым фарватером.

Для ускорения дела, временно, вооружение батарей могло бы быть, в крайнем случае, взято из состоящих на батареях в крепости, а именно: 6-дм Канэ – 12, 11-дм пушки – 8.

К этим крепостным орудиям имеется налицо боевой комплект, для 11-дм пушек полностью, а для Канэ – с некоторым недостатком,

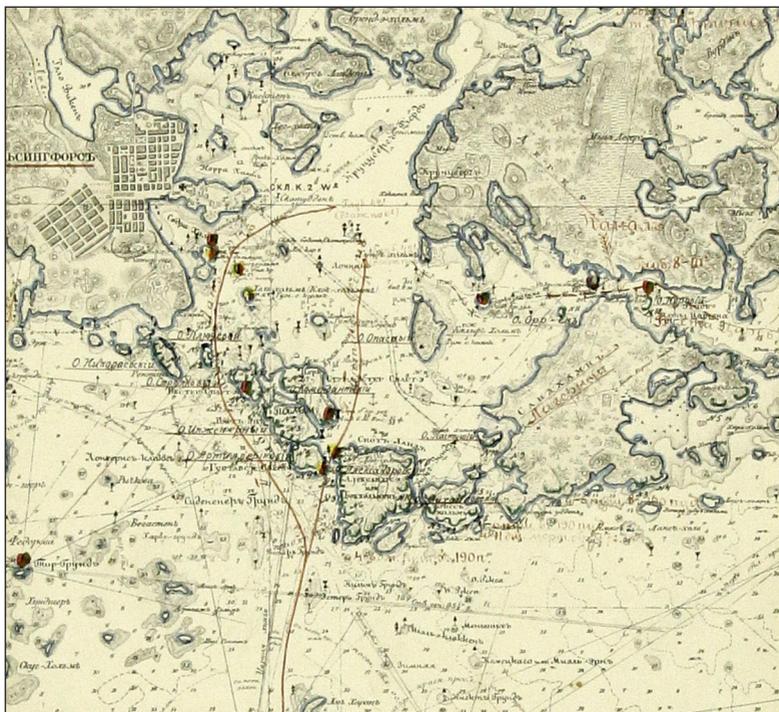

Рис. 4. Вход в Свеаборгский порт

и материальная часть, кроме 4 станков для 11-дм пушек, которые, однако, есть в свободном запасе ГАУ, у которого также имеются недостающие в крепости орудия мелкого калибра.

Таким образом, для устройства упомянутых батарей необходимы лишь инженерные работы по возведению батарей, которые по сравнительно небольшой стоимости (1 млн р.) в отношении базы флота представляются весьма исполнимыми. Работы эти предполагается выполнить так, чтобы батареи были сразу годны для постановки указанного вооружения для борьбы с неприятельским флотом. Необходимо 1 млн р. кроме этого:

1. отпустить недостающие боевые припасы;
2. ускорить доставку разрешенных лафетов для 11-дм пушек, полевых скорострельных орудий, прожекторов и другого, уже испрошенных в крепости артиллерийских предметов;
3. назначить в порт ледокол (флота или лоцманского ведущего);

4. усилить состав крепостного инженерного управления двумя военными инженерами и двумя кондукторами, хотя бы прикомандированием».

28 декабря 1912 г. № 9769/355. Командир 22-го армейского корпуса Главкомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа. «Ввиду серьезности настоящего положения, теперь же приступить к установке имеющихся в крепости 11-дм орудий и 6-дм пушек Канэ (орудия и запасы имеются, исключая 4 станка для 11-дм орудий, которыми крепость может быть снабжена из наличия ГАУ), как указано в прилагаемом журнале совещания по усилению крепости Свеаборг. В дополнение к намеченному вооружению настоятельно необходимо в ближайшем будущем добавить более современные пушки большого калибра, вместо 10-дм пушек, для вооружения передовых батарей Свеаборга, заказывать более современные 12-дм пушки в 50 калибров длиною».

28 декабря 1912 г. № 6965. Докладная записка по ГУ ГШ.

«По сведениям морского ГШ, во внутренний Свеаборгский рейд ведут проливы:

1. Юго-Западный – Лонг-Эрнский, глубиною до 7 сажений, а потому и неудободоступный для самых больших военных судов;

2. Южно-Александровский (Густав-Свердский), глубиной 7 сажений, доступен для всех судов.

Кроме этих двух главных проливов имеется еще один, незначительный – Восточный, между островами Лагерный и Дегере, глубиной всего 8–10 футов, соединяющий внутренний рейд с бухтой Царевна, этот пролив устроен как канал небольшой глубины с деревянными стенками. Затем, через перешеек у м. Херсонес прорыт канал, глубиною 8 футов. Все прочие протоки между островами Свеаборга доступны лишь гребным лодкам, и то не везде.

16/17 января 1913 г. Копия к № 5578.

«Стратегическое назначение Свеаборгской крепости. После ее переустройства она должна выполнить нижеследующие назначения:

1. преграждать своими батареями и минными заграждениями проходы с моря на внешний и внутренний Гельсингфорский рейды от прорыва легковооруженных судов противника и установки ими минных заграждений в проходах и на рейде;

2. содействовать выходу наших шхерных судов с внутреннего на внешний рейды, а также в море, при наличии в последнем равнозначных судов противника;

3. господствовать огнем части батарей над г. Гельсингфорсом.

Батареи должны быть обеспечены, своим устройством и средствами гарнизона, от захвата их открытою силою».

9 марта 1913 г. № 5743. Начальнику Морского ГШ. «В письме от 26 января 1913 г. № 388/117 Вы предложили заменить разработанное в ГУ ГШ изложение стратегического назначения Свеаборгской крепости нижеследующим. Свеаборгская крепость, после ее переустройства, должна выполнять следующие назначения:

1. Оборонять своими батареями и минными заграждениями как входы в Гельсингфорский рейд через Густавсвертский и Лонгэрнский проходы, так и все подступы с моря, в районе 8 миль, считая от Комендантского острова, от прорыва через них легковооруженных судов противника, установки им минных заграждений или уничтожения наших заграждений.

2. Господствовать огнем части батарей над г. Гельсингфорсом».

12 июля 1913 г. Морской министр Военному министру.

«В настоящее время, впредь до окончания постройки порта Императора Петра Великого (в 1916–1917 гг.) главные силы Балтийского флота должны быть дислоцированы в Свеаборге, в силу этого, принимая во внимание, что на Свеаборгский рейд в настоящее время ведет только один проход, доступный для линейных судов, возникают опасения о возможности легко заградить Густавсвертский проход или подходы к нему с моря, расположенные в районе вод, омывающих крепостные верки Свеаборга».

10 октября 1913 г. № 9519 НШ войск гвардии и Петербургского военного округа в ГУ ГШ.

«К вопросу о реквизиции судов по объявлению мобилизации. Такая реквизиция могла бы быть произведена на следующих основаниях:

1) по объявлении мобилизации предоставить право производства реквизиции судов в район Свеаборгской крепости морскому ведомству и передать в распоряжение командиру Свеаборгского порта все суда, принадлежащие Финляндским лоцманскому и таможенному ведомствам и Финляндской казне (большие ледоколы);

2) с первого дня мобилизации в распоряжение коменданта крепости поступают мелкие буксирные суда, приписанные к Гельсингфорскому порту (числом 6);

3) потребность крепости в ледоколах и судах удовлетворяется командиром Свеаборгского порта по требованию коменданта крепости,

если нет экстренных работ ледоколов для надобности действующего флота и безусловно в отношении прочих судов».

14 октября 1913 г. Сведения по вопросу переустройства крепости Свеаборг.

«В конце 1908 г. ввиду выраженной Высочайшей воли, чтобы Свеаборгская крепость не только не была упразднена, но, напротив того, приведена в надлежащую боевую готовность, отвечающую понятию современной крепости, было представлено подробное соображение об усилении Свеаборга в артиллерийском, инженерном и других отношениях, в основу которого было положено:

1. Выдвинуть морскую оборону на впереди лежащие острова, укрепив острова на флангах.

2. Обезопасить тыл крепости от артиллерийского огня неприятеля возведением на высотах материка двух групп укреплений (фортов)».

Вслед за тем в 1909 г. (20 июня, № 271) вновь был представлен вариант проекта об усовершенствовании Свеаборгской крепости непосредственно в Главный крепостной комитет (касательно устранения главных недостатков существующей крепости). Оба проекта остались неосуществленными, причем первый из них потому, что он являлся не планом усиления крепости, а предложением новой крепости.

При этом Главный крепостной комитет не преминул обратить внимание на то, что Свеаборг, имея лишь береговой фронт, является собственно не крепостью, а береговой позицией; тыл крепости совершенно не обеспечен какими-либо укреплениями, между тем, по мнению комитета, занятие противником высот Дегер-э на северо-востоке и Графского на северо-западе ставит ее в невозможное положение, так как тыл всех батарей открыт для взоров и огня полевых батарей. Крепость своими слабыми силами занять эти высоты не в состоянии; подготовить какие-либо позиции на них в мирное время не представляется возможным, так как земля принадлежит частным лицам. Ввиду этого Главный крепостной комитет, не считая возможным касаться вопроса о расширении крепости для образования круговой позиции, признал настоятельно необходимым просить ГУ ГШ указать, как крепость будет обороняться с сухого пути.

Данные для руководства при проектировании переустройства крепости: «Согласно программе развития морских вооруженных сил России в ближайшее десятилетие, базой для нашего будущего актив-

ного флота в Балтийском море является Ревель, а для дивизии шхерных миноносцев, предназначенных действовать в тыл неприятелю, в случае блокады ими Ревеля, базой предназначен Свеаборг...». Оборудование Свеаборгского порта должно состоять из средств для производства текущего и боевого ремонта и снабжения названной дивизии миноносцев, а также для дислокации его в мирное время. Согласно той же программе, назначение Свеаборга как крепости формулировано так: «Свеаборг обеспечивает флоту, опирающемуся на Свеаборгский порт как на базу:

- 1) безопасную и спокойную стоянку флота на рейдах, в гаванях и доках, при приготовлении к выполнению поставленных ему задач;
- 2) свободный выход флота из порта во всякое время.

Укрепления Свеаборга должны обеспечить, как с моря, так и с суши, от бомбардировки, штурма и от внезапных нападений. Полное оборудование и укрепление Свеаборга, согласно указаниям той же программы, должно быть закончено по возможности скорее, и не позднее как в течение трех лет после начала ее выполнения. Так как Свеаборг по предположению морского ведомства уже в настоящее время является базой минного флота, какими войсками и на каких позициях предполагается достигнуть обеспечения этой базы с сухого пути в настоящее время, и не вызовет ли это обстоятельство необходимости внесения изменений в то стратегическое развертывание, которое разработано к мобилизационному расписанию 1910 года, так как ко времени введения его в действие усиления Свеаборга ожидать нельзя...».

На основании данных местной комиссией в Свеаборге был составлен обстоятельный проект усиления крепости, причем, работы и нужды были исчислены в общей сложности на сумму 50 млн р.

В проекте предусматривалось как усиление морского фронта вынесением батарей на передовые острова, так и обеспечение учреждений порта на материке (без города) постройкою двух укреплений и двух фортов (на Херсонесе и на Графском) на суше. Только этим способом, по мнению местной комиссии, возможно было выполнить задачу обеспечения укреплениями портовых учреждений, расположенных в городе, и гаваней от бомбардировок и штурма с суши.

Между тем, в Государственную Думу был внесен законопроект об ассигнованиях на ближайшее 10-летие кредита на мероприятия по усилению государственной обороны для новой разработки проекта усовершенствования крепости Свеаборг, но только в пределах 5 млн р.

Основания эти заключались в следующем: «крепость Свеаборг намечена служить опорным пунктом для миноносцев. Оборудование ее для того положено было закончить возможно скорее, и во всяком случае не позднее 3 лет после начала выполнения программы», и далее «Свеаборг должен давать обеспеченное укрытие базирующимся на него морским силам, как с моря, так и с суши, от бомбардирования и атаки открытой силой...»

«Переходя к установке оснований для тех работ Военно-Сухопутного ведомства, которые вытекают из приведенного Высочайшего повеления, и принимая во внимание назначение крепости господствовать над г. Гельсингфорсом и ближайшими его окрестностями и служить оплотом русской власти, выяснилось:

1) что полное обеспечение стоянки минного флота с сухого пути от бомбардирования не достижимо по свойствам местности и особенностям обстановки без совершенно непосильного для государства расхода сил и средств;

2) что общее назначение также не требует подобного широкого развертывания крепостного обвода на суше;

3) что гарнизон не должен превзойти 4-х батальонов пехоты.

При составлении на изложенных основаниях расчетов определена необходимость разделить работы по переустройству Свеаборга на 2 очереди: на 3 года, на 6 лет, считая с начала вступления в силу программы усиления крепостей. Ввиду соображений, изложенных выше, выноса обороны вперед на дальние острова не предполагается, за исключением восточного фронта. На восточном фронте, вообще слабым и ныне, предположено устроить здесь батарею для 10-дм, 6-дм и несколько мелких пушек – чем обеспечивается также с этой стороны и порт, перенесенный, как сказано, на острова крепости. На существующем же южном береговом фронте вооружение усиливается установкою четырех 10-дм пушек и 12 6-дм пушек Канэ, уже доставленных в крепость из Либавы. Существующие в крепости 11-дм пушки обр. 1877 г. предположено снабдить лафетами большого вертикального обстрела, для увеличения дальности, и увеличить их боевые комплекты новыми фугасными бомбами. Существующие батареи для этих пушек должны быть переустроены на бетонные.

Между тем, с 1911 г. на Свеаборге стали уже базироваться не только вторая минная дивизия и канонерские лодки, но и часть линейных кораблей Балтийского флота, с постановкой их на зимовку во льдах порта. Число кораблей с каждым годом все увеличивалось, а в ны-

нешнем, 1913 г. положено базировать на Свеаборгский порт, с постановкой на зиму, еще и отряд заградителей; в будущем же 1914 г., насколько мне известно, имеется в виду поставить в Свеаборг также и дредноуты, для входа и выхода коих на рейды предполагается углубить Петровский, Большой Кабельный Ход (между островами Стрелковым, Госпитальным, Комендантским и Инженерным). Одновременно с этим, вместе с морским начальством, были выбраны места стоянки для больших судов на внешнем рейде, с составлением на внутреннем рейде лишь мелких судов; это было сделано в расчете, что передовые острова, конечно, будут вскоре укреплены. Но и это представление не имело успеха.

Вооружение этих батарей требуется скорострельное, но так как в крепости скорострельных орудий нет, то эту потребность необходимо заменить числом орудий, причем большие калибры не требуются. Указанные условия можно удовлетворить оставлением нижеследующих батарей средних береговых калибров.

Для Лонгернского пролива:

6-дм пушек в 190 пудов – 8 орудий, по 4 на Стрелковом и Николаевском островах.

9-дм пушек – 8 орудий, по 4 на Инженерном и Артиллерийском островах.

Для Александровского пролива:

6-дм пушек в 190 пудов – 6 орудий на Александровском острове.

6-дм пушек в 190 пудов – 4 орудия на Михайловском острове.

6-дм пушек в 190 пудов – 8 орудий на Лагерном острове.

9-дм пушек – 4 орудия на Артиллерийском острове.

9-дм пушек – 6 орудий на Михайловском острове.

Всего: 44 орудия – 10 батарей.

Все эти орудия, имея круговой обстрел, могут выполнить и задачу господства на Гельсингфорсом, но для последней цели желательно оставить и батарею 11-дм мортир на Михайловском острове, имеющую громадное фугасное действие, которое необходимо для надлежащего морального воздействия на население».

14 октября 1913 г. № 681. Комендант Свеаборгской крепости в ГШ.

«Для разрешения новых задач крепости признается необходимым оставить 12 из существующих крепостных батарей, вооружением которых (48 орудий) выполняется также третье назначение крепости – господство над г. Гельсингфорсом, а отчасти и поддержка пере-

довых островов. Кроме того подлежат оставлению все мелкие орудия как противостурмовое вооружение. Для надлежащего обеспечения батарей от захвата их открытой силой крайне необходимо добавить к вышеупомянутому вооружению 3-дм скорострельные пушки и пулеметы. Все остальное вооружение нынешней крепости (84 орудия) могло бы быть упразднено».

15/16 октября 1913 г. № 6298. Военный министр морскому министру.

«Совещание это пришло к выводам, что реквизиция судов по объявлению мобилизации могла быть произведена на следующих основаниях:

1) по объявлении мобилизации предоставить право производства реквизиции судов в районе Свеаборгской крепости Морскому ведомству и передать в распоряжение командира Свеаборгского порта все суда, принадлежащие Финляндским лоцманскому и таможенному ведомствам и финляндской казне.

2) с первого дня мобилизации в распоряжение коменданта крепости поступают мелкие буксирные суда, приписанные к Гельсингфорскому порту (число 6).

3) потребность крепости в ледоколах и судах удовлетворяется командиром Свеаборгского порта по требованию коменданта крепости, если нет экстренных работ ледоколов для надобности действующего флота и безусловно в отношении прочих судов».

7 февраля 1914 г. № 6210. Доклад по ГУ ГШ о переустройстве Свеаборгской крепости.

«Военному министру. Секретно.

Стратегическое назначение Свеаборгской крепости.

Свеаборгская крепость, после ее переустройства, должна выполнять нижеследующее назначение:

1) Оборонять своими батареями и минными заграждениями, как вход в Гельсингфорский рейд через Густавс-Свертский и Лонг-Эрнский проходы, так и все подступы к последним с моря – от прорыва через эти проходы легковооруженных судов противника, установки ими минных заграждений и вытравливания или уничтожения наших заграждений.

2) Содействовать выходу наших шхерных судов с Гельсингфорского рейда в море огнем своих батарей примерно до плесов, определяемых отмелями Кют-э, Грошхерс-Бодарне и Кремаре.

3) Господствовать огнем части батарей над г. Гельсингфорсом.

Батареи должны быть обеспечены своим устройством и средствами гарнизона от их открытой силы.

Проект приказа по морскому ведомству о закрытии пролива Густавсверт для прохода коммерческих судов.

1. Густавсвертский пролив, ведущий на Свеаборгский рейд, объявляется закрытым для прохода всех судов, не принадлежащих Русскому Императорскому Правительству.

2. Проход Густавсвертом может быть разрешен судам, не принадлежащим Русскому Императорскому Правительству, если они по своим размерам не могут пользоваться проливом Лонг-Эрн. На это требуется особое разрешение командира Свеаборгского военного порта и соблюдение изданных правил о проходе Густавсвертом.

3. Суда, пытающиеся пройти Густавсвертом без надлежащего разрешения, будут останавливаться военной силой и привлекаться к установленной ответственности».

26 июля 1914 г. № 22/2407.

«Легенда (секретно). По сведениям Крепостного отдела ГВТУ. К работам на передовых островах крепости Свеаборг не приступлено. По сведениям Крепостной части ГУ ГШ на вооружении существующих батарей установлено:

- 11-дм. пушек обр. 1867 и 77 гг. – 16
- 9-дм пушек обр. 1867 г. – 16
- 6-дм пушек в 190 пуд. обр. 1877 г. – 25
- 57-мм береговых пушек – 15
- 11-дм береговых мортир – 10

Итого: 82»³

Современность. Суоменлинна в современном Хельсинки — один из главных туристических объектов. Эта старинная крепость (*фин.* Suomenlinna — «Финская крепость»), расположенная на островах, больше известна под именем Свеаборг (*швед.* Sveaborg — «твердыня Швеции»). Построенная шведами, она 110 лет была русской крепостью.

Сейчас это район Хельсинки. Сюда один за другим отправляются экскурсионные теплоходы, в этом месте с удовольствием отдыхают и сами столичные жители. Здесь работает один из интереснейших морских музеев Европы.

Создателем Свеаборга и важнейшим персонажем в истории Суоменлинны является шведский адмирал Августин Эренсверд (1710–1772), отвечавший за разработку проекта крепости и руководивший

строительством с самого его начала в 1748 г. Он был не только выдающимся военным, но и одаренным художником и чертежником. На острове Сусисаари находится надгробный памятник Эренсверду, установленный по распоряжению короля Густава III.

При проведении ремонтных работ в Суоменлинне стремятся в максимальной степени сохранить оригинальные конструкции. При ремонте фрагментов стараются по возможности использовать такие же материалы и приемы строительства, как и раньше. Суоменлинна является объектом всемирного наследия человечества, внесенным в список ЮНЕСКО, и популярной достопримечательностью, но одновременно и домом для 850 человек, живущих тут круглый год. Природа и море, а также туристическая привлекательность накладывают свой отпечаток на быт Суоменлинны.

Крепость, основанная на почти безлесных островах, в настоящее время стала живописным уголком природы. Парки, ухоженные дворы, маленькие огороды вместе с естественными берегами островов, лугами и земляными валами создают современные ландшафты крепости.

Ежегодно Суоменлинну посещают около 700 000 туристов. Здания и крепостные сооружения находятся под защитой закона об охране памятников истории. И этот закон строго выполняется – свидетельством тому современное состояние крепости.

Ознакомившись с официальными документами, можно прийти к выводу:

1. Все ведомства, заинтересованные в перевооружении крепости Свеаборг, душой и помыслами были за, но вот беда: ни одно из них не хотело брать на себя ответственность и довести все до логического конца.

2. Даже обоснованные затраты на перевооружение крепости для чиновников ничто не значили. Их рекомендации, как правило, обладали над здравым смыслом, что мы не раз видели в нашей истории.

¹ Прямыцкий С.А. Приморская крепость Свеаборг // Цитадель. 2009. № 16. С. 104.

² Там же. С. 108.

³ Документы ГУ ГШ по крепостям Свеаборг и Выборг // Инженерно-документальный фонд ВИМАИВиВС.

В.А. Мосунов (Санкт-Петербург)

НАСТУПЛЕНИЕ 67-й АРМИИ В ФЕВРАЛЕ 1943 ГОДА

ПРОРЫВ БЛОКАДЫ Ленинграда 18 января 1943 г. стал первой победой стратегического значения на всем Северо-Западном театре военных действий. Действительно, начиная со времени освобождения Тихвина и отхода войск группы армий «Север» на рубеж по р. Волхов войска Ленинградского и Волховского фронтов более не смогли достигнуть крупного успеха в ходе целой серии наступательных операций. Одновременно прорыв блокады означал и начало второго этапа операции «Искра». Перед 67-й армией Ленинградского фронта под командованием генерал-майора М.П. Духанова была поставлена задача выйти к р. Мойка. В течение 10 дней войска армии вели наступление. Весь их успех в боях ограничился тем, что они на своем левом фланге «продавили» немецкую оборону на несколько сот метров. В ходе боев М.П. Духанова сменил на посту командующего армией генерал А.И. Черепанов, ранее возглавлявший 23-ю армию Ленинградского фронта.

После неудач в конце января 67-й армии дали небольшую передышку. 1 февраля 1943 г. Ставка ВГК приказала командованию Ленинградского и Волховского фронтов перейти к фланговым ударам по Мгинской группировке противника. В итоге это вылилось в Смердыньскую и Красноборскую операции. В новых условиях 67-я и 2-я Ударная армия должны были продолжать наступление. Здесь же необходимо сказать, что, несмотря на то, что задачи второго этапа операции «Искра» оказались не выполнены, войска уже трех фронтов (теперь к операции подключили и Северо-Западный фронт) должны были провести уже гораздо более масштабную операцию. Она получила название «Полярная звезда». В ее рамках

боевые действия на мгинском направлении являлись вспомогательными.

Ранним утром 1 февраля командующий войсками Ленинградского фронта подписал оперативную директиву. Согласно этой директиве 67-я армия получила следующие задачи. Она должна была закончить ликвидацию противника в районах роши «Ландыш», «треугольника» железных дорог. После этого, с утра 3 февраля армия должна была приступить к выполнению последующих этапов операции. Они включали в себя срезание клина в обороне противника в треугольнике Арбузово, 2-й Городок, железная дорога на Синявино. Далее планировалось ликвидировать противника в районе Рабочих городков и 8 ГРЭС. На втором этапе армия должна была прорвать оборону противника на рубеже р. Мойка, р. Мга и выполнить задачу по выходу на рубеж Отрадное, ст. Пелла, ручей Черный¹.

Для продолжения наступления 67-я армия получила две свежие стрелковые дивизии. Это были 90 и 142-я стрелковые дивизии. 90-я стрелковая дивизия Н.И. Проскурина имела в своем составе до 7300 человек², ее уже сосредоточили во втором эшелоне 67-й армии. Дивизия дислоцировалась северо-восточнее Марьино. В 142-й стрелковой дивизии А.Ф. Машошина было около 9000 человек личного состава. Общим для всех стрелковых дивизий Красной армии было слабое артиллерийское вооружение. Однако за счет армейского усиления плотность артиллерии была доведена до очень больших величин – до 180 орудий и минометов на 1 км фронта.

Их основным противником была усиленная 28-я егерская дивизия, входившая в состав XXVI армейского корпуса 18-й армии. Сам корпус входил в так называемую группу Карла Хильперта, который управлял всеми немецкими войсками южнее Ладоги. 28-я егерская дивизия уже почти десять дней отбивала атаки соединений 67-й армии. На правом фланге егерей у наших бойцов обозначился успех. С подходом двух свежих дивизий войска 67-й армии получили здесь значительное численное превосходство над противником. Исходя из количества наших стрелковых батальонов и того, что в бой бросались свежие части, определенный шанс на успех был. Однако с самого начала дела пошли совсем не так.

Новые дивизии должны были наступать с участков 55 и 11-й стрелковых бригад и 224-й дивизии. Их общими усилиями немецкая оборона у «треугольника» и западнее него, у роши «Ландыш» была если не прорвана, то просто продавлена на юго-запад. Ширина этого

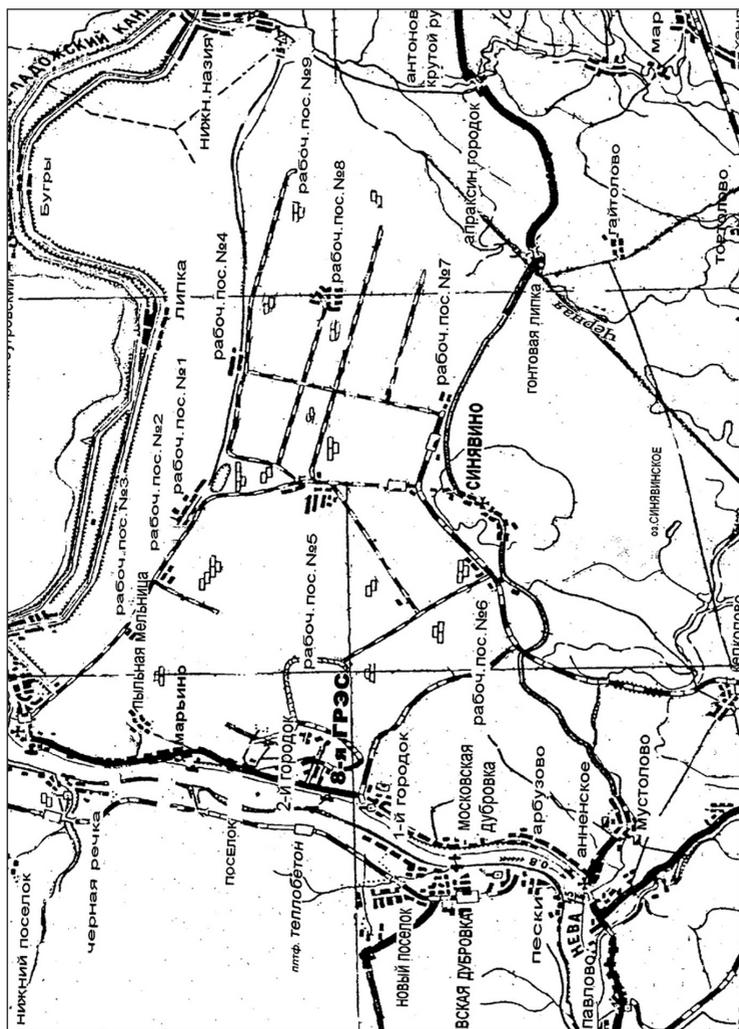

Рис. 1. Общая схема района боевых действий 67-й армии

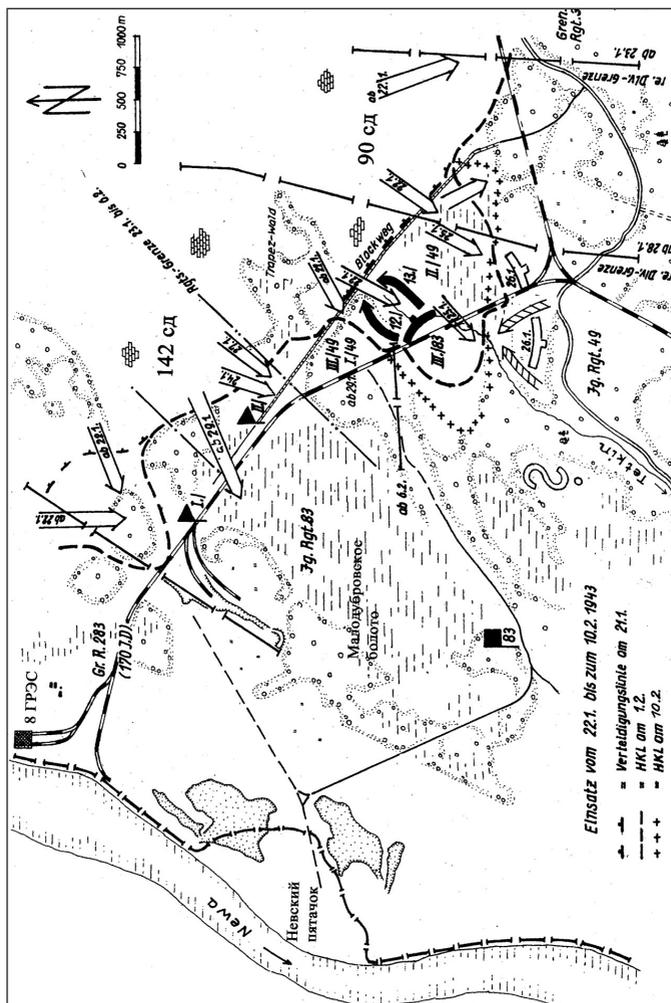

Рис. 2 Схема участка между «треугольником» железных дорог и 8 ГРЭС
 + - крайний рубеж продвижения войск 67-й армии в ходе январских боев
 - - - - - рубеж атаки для 90 и 142 сд.

занятого участка составляла около километра. Глубина его составляла примерно столько же.

План наступления предусматривал удар левым флангом 67-й армии. 90-я стрелковая дивизия должна была сменить остатки 224-й дивизии. А справа от нее в бой вводились части 142-й дивизии. Вначале, еще 2 февраля, обе дивизии, когда основная их часть совершала марш, выделили стрелковые батальоны для действий совместно со стрелковыми бригадами. Конечно, положительного итога у таких действий быть не могло. И того, что требовал Говоров, а именно: ликвидации противника в районе роши «Ландыш» и «треугольника» железных дорог, добиться не удалось. Но это было только начало.

Еще большие неприятности случились, когда основные силы совершали марш к линии фронта. Так, 142-я стрелковая дивизия совершала свой марш в ночь со 2 на 3 февраля. Она выступила в темное время суток, но ее движение было вскрыто противником, и немецкая артиллерия вела огонь по колоннам дивизии, вызывая довольно чувствительные потери. На марше часть дивизии перемешалась с колонной из состава 90-й стрелковой дивизии. Это тоже не добавило организованности действий. И именно в этот день дивизия должна была атаковать. При выходе на исходные позиции частей 90-й дивизии также возникли проблемы. Толком принять эти позиции от 224-й стрелковой дивизии не удалось. Поэтому должная подготовка к наступлению, которое началось в 12 часов, проведена не была.

Результат не заставил себя долго ждать. И если 142-я стрелковая дивизия еще как-то продвинулась у железной дороги, то дивизия Проскурина вообще оказалась непонятно где. В журнале боевых действий армии говорится, что ее подразделения оказались в боевых порядках 224-й дивизии. На 16 часов дня сам Проскурин не знал, кто из его людей где находится и что конкретно выполняет. Связь в его дивизии не работала вообще. Только посыльные еще как-то передвигались от одного командира к другому. Поэтому его решение *«выполнять задачу теми же силами»* выглядит довольно нелепо из-за общей неразберихи.

В итоге, по немецким данным, егеря 28-й дивизии отбили все атаки. У одного из убитых в бою офицеров 142-й стрелковой дивизии немцы обнаружили приказ на наступление. Теперь им было понятно, чего ожидать дальше. Чтобы несколько облегчить положение егерей, часть их позиций у «треугольника» передали соседям из 21-й пехотной дивизии. В штабе 26-го корпуса решили, что прежде чем егерс-

кая дивизия окончательно будет выбита, лучше отвести ее на другой, более спокойный участок.

За первый же день наши части понесли крайне высокие потери. Только в 142-й стрелковой дивизии было убито и ранено более 1200 человек. Эта цифра продублирована в журнале боевых действий армии как итоговая цифра потерь за день. Однако это неверно. Потери 90-й стрелковой дивизии вследствие откровенного бардака на ее участке были просто неизвестны. Для сравнения, потери 28-й егерской дивизии за этот день были около 150 человек. Соотношение убийственное, но вполне объяснимое. Это был результат общей организации наступления. Артиллерия 67-й армии просто провалила контрбатареиную борьбу, притом сделала она это уже не в первый раз. Так, с минометами противника должна была бороться целая гаубичная бригада, полки которой образовывали контрминометную группу. Однако противник засыпал наступающие части снарядами и минами.

4 февраля ситуация частично повторилась. Части двух немецких дивизий прочно удерживали линию обороны. В штабе 67-й армии считали, что командиры показали недостаточную осведомленность о противнике, плохое управление подразделениями и т. д. О том, как ставились задачи и какие именно, хорошо говорится в журнале боевых действий 90-й стрелковой дивизии. Ее командир поставил задачу ликвидировать артиллерийским огнем опорный пункт в «треугольнике железных дорог». Как и каким образом он предполагал это сделать, в распоряжении не уточнялось.

Но затягивать наступление армии было нельзя, Говоров еще днем 3 февраля поставил Черепанова в известность о готовящемся наступлении 55-й армии В.П. Свиридова. Исходя из задач, поставленных перед Черепановым, его части должны были наступать навстречу армии Свиридова. Однако и на этот раз действия армии оказались провальными. 5 февраля немцы вновь отбили все атаки.

Виновные были найдены. Как и ожидалось, ими оказались командиры. В приказе по 67-й армии от 5 февраля говорилось:

«Плохое управление войсками, неудовлетворительное знание системы огня и обороны противника, недочеты в организации ближнего боя в лесу при слабой ориентировке на местности командного состава дают возможность противнику сдерживать наступление частей 142 и 90 сд»³.

Через день последовал еще один приказ. В нем уже разбирались причины невыполнения приказа и неудачи наступления 5 февраля.

Основными причинами этого, по мнению А.И. Черепанова, являлись отвратительное руководство со стороны командиров дивизий и полков.

В приказе Черепанова от 6 февраля говорилось буквально следующее:

«Несмотря на наличие благоприятных условий (подготовка войск в течение 4 февраля, более тщательная отработка взаимодействия пехоты и артиллерии, обеспечение радио и телефонной связью), дивизии 5.2. 43 снова своей задачи не выполнили.

Основная причина этого кроется в отвратительном управлении боем со стороны командиров (Машиошина и Проскурина) и полков (946 сп, 173 сп). Бестолковщина в руководстве своими частями командирами и проявленное невежество командиром 90 сд Проскуриным привело к тому, что 2/946 сп 142 сд и 5.2.43 занял свое исходное положение с большим запозданием, а 173 сп 90 сд своим левым флангом вышел вместо приказанного ему исходного положения в тылы боевых порядков соседа. Преступно потеряв время, 173 сп не занял участка к югу от ж.д. в свое время завоеванных кровью лучших бойцов, отдал их без боя.

Командование 90 сд вместо исправления своей преступной бездеятельности, встало на путь бездоказательного охаивания боевых действий 224 сд, заявляя, что участки к югу от ж.д. якобы вообще не занимались.

Командир 142 сд Машиошин не принял также мер к закреплению за собой достигнутого 3.2. 461 сп рубежа...

Особо отмечаю, что нерешительное поведение командиров 90 и 142 сд и командиров 173 сп и 946 сп – привело к тому, что части вместо энергичного продвижения вперед, вместо стремления сблизиться с противником для его уничтожения и выхода тем самым из под воздействия артиллерийского огня пр-ка, целыми подразделениями залегали, подвергали себя безнаказанному расстрелу, преступно теряя людей и материальную часть»⁴.

Из этого приказа можно получить четкое представление о том чудовищном хаосе, в котором воевали наши части. И о том, насколько дорого обходились недисциплинированность на всех уровнях и полнейшая безответственность, которая бытовала среди лиц командного состава. Правда, часть упреков Черепанов мог отнести и на счет своего штаба. Вывод двух стрелковых дивизий в исходное положение должен был осуществляться именно его офицерами. А именно крайняя

неорганизованность марша и привела к таким тяжелым последствиям. Да и для части командиров дивизий он являлся непосредственным начальником еще во время командования 23-й армией. Ведь 142-я стрелковая дивизия прибыла как раз из ее расположения.

В итоге за эти несколько дней два полка 142-й стрелковой дивизии понесли чудовищные потери. В 461-м стрелковом полке к 6 февраля осталось 287 человек⁵. А до начала наступления полк насчитывал более чем 2200 человек личного состава.

Имели ли действия 67-й армии какой-то серьезный эффект? Как отразилась ее активность на действиях соседа, способствовала ли она какому-нибудь успеху 2-й Ударной армии? Документы противника отвечают однозначно: нет, не имели. Никакой серьезной помощи соседу они не оказали и успешному штурму Синявинских высот не способствовали. Жертвы 67-й армии оказались ничем не оправданными потерями. Выход из сложившегося позиционного тупика не состоялся.

Далее, с 6 по 12 февраля армия активных наступательных действий не вела. Немцы в это время провели небольшую перегруппировку. 21-я пехотная дивизия получила обратно часть своего 45-го гренадерского полка, который отвели с Синявинских высот. Дивизия должна была провести небольшую операцию и восстановить положение у ручья Теткин. Помимо этой операции, Хильперт приказал снова занять участок и «срезать» клин, вбитый восточнее Рабочих городков. В последнем случае операция должна была проводиться только после перегруппировки. Смысл этой перегруппировки заключался в том, что 28-я егерская дивизия передала свой участок 170 и 21-й пехотным дивизиям. Перегруппировку немецкие части должны были закончить к 12 февраля. Егеря отводились на берег Невы, на «тихий» участок у Невского «пяточка». Оборона противника дополнительно усиливалась самоходными истребителями танков.

До начала нового наступления 67-й армии немцы попытались отбить клочок истерзанной земли у ручья Теткин. Это случилось 9 февраля. В итоге их отбили. Но новое наступление не заставило себя долго ждать. Ведь в рамках общего наступления трех фронтов уже началась операция войск 55 и 54-й армий. И 67-я армия также должна была наступать. Новое наступление проводилось не только с участка торфоразработок. Теперь и с Невского «пяточка» должна была наступать 138-я стрелковая бригада. Она сменила на плацдарме части 46-й стрелковой дивизии.

Ударная группировка армии на торфоразработках вновь включала и части 13-й стрелковой дивизии. Действия стрелковых частей поддерживали отдельные танковые батальоны и две танковые бригады. Следует отметить, что наступление было назначено на 12 февраля, но приказом Черепанова его перенесли на следующий день. Получается, что был шанс поймать немцев в момент их перегруппировки.

Перед ударной группировкой на торфоразработках находились батальоны 170 и 21-й пехотных дивизий. Против 138-й стрелковой бригады действовали части егерей 28-й дивизии.

13 февраля после 50-минутной артподготовки в наступление с торфоразработок перешли 102 и 142-я стрелковые бригады, 13 и 142-я стрелковые дивизии вместе с танками двух танковых бригад. Это были 152-я бригада и 30-я гвардейская танковая бригада.

Судя по донесению группы Хильперта, нашим частям удалось несколько потеснить 170-ю дивизию. На левом фланге 21-й дивизии все атаки были отбиты. Наступление с Невского «пяточка» успеха не имело. Благодаря тому, что 170-я дивизия получила эсэсовские расчеты с мощными 75-мм противотанковыми орудиями, немцы смогли расстрелять около 20 наших танков перед железной дорогой. Потери в людях были относительно умеренные. В 170-й дивизии вышло из строя около 200 человек.

В частях 21-й дивизии после артподготовки и последовавшего боя было уничтожено и вышло из строя 157 пулеметов. Чтобы заменить их, теперь перебрасывались французские, но они не являлись полноценной заменой.

Причина неуспеха армии в новом наступлении виделись в плохом взаимодействии и неиспользовании огня артиллерии, отсутствии маневра танков и т. д. Правда, пространства для маневра тут не было вообще. Машинам нужно было идти на заснеженную насыпь по подтаявшему снегу (температура в этот день была плюсовая). Пехота отставала от танков, что тоже было неудивительно. Когда бойцы поднимались в атаку, их засыпал настоящий стальной град. В очередной раз немецкая артиллерия была не подавлена. Хотя усилиями артиллеристов удалось разбить ряд огневых точек и уничтожить самые уязвимые цели, например, 88-мм зенитки, но орудия прямой наводки, которые выдвигались прямо в боевые порядки пехоты, жили недолго и расстрелять все огневые точки противника были не в состоянии...

Что касается потерь армии, то в журнале боевых действий говорится о том, что части 67-й армии потеряли 123 человека убитыми и 542 ранеными. Из всего того, что известно сейчас, можно сделать вывод, что наибольшие потери понесла 138-я стрелковая бригада. В ней за день боя было убито и ранено больше 300 человек. На следующий день армия должна была продолжить наступление.

Но прежде чем перейти к нему, немного о планах противника. Как уже ясно, немцы вынуждены были отказаться от проведения одной из своих операций. При всем этом, еще в январе немецкие командиры обсуждали вопрос о том, чтобы спрямить линию фронта. Речь шла об отводе войск к р. Мга. Вопрос отступления обсуждался на самом высоком уровне. И разрешение на отход давал сам А. Гитлер. После того как штаб ГА «Север» получил официальное разрешение, приказ по XXVI армейскому корпусу подвел под эти обсуждения черту. Это случилось как раз 13 февраля. Немцы планировали сдать участок с Рабочими городками и отойти на тыловую позицию 26-го корпуса севернее р. Мга. Операция должна была проводиться в ночное время, на нее отводилось всего две ночи. Ее назвали операция «Берта». Сначала планировалось отвести части 170-й дивизии, а на следующую ночь должны были отойти и егеря.

14 февраля артподготовка перед наступлением 67-й армии продолжалась всего 20 минут. Тем не менее, 13-я стрелковая дивизия потеснила противника за железную дорогу. Исходя из донесения группы Хильперта, можно сделать вывод, что дивизия отбила у немцев участок 500 метров шириной и столько же по глубине. Этот успех был следствием того, что на правом фланге 391-го гренадерского полка целый батальон его пехоты оказался без командиров и начал отход под огнем танков, с которыми немцам нечем было бороться. В результате приведением этих отступивших солдат в чувство занимался сам оказавшийся здесь Хильперт⁶.

На остальных участках положение наших войск осталось прежним. На Невском «пяточке» бойцам 138-й стрелковой бригады вряд ли даже удалось дойти до немецких траншей. Плотный огонь сразу прижал их к земле.

День наступления обошелся 67-й армии крайне дорого. Только убитых насчитывалось до 460 человек, еще почти 1800 было ранено и около 140 человек пропало без вести. Правда, в бою был достигнут определенный успех. Но по своему значению он был минимален.

Как угроза для операции «Берта» он даже не рассматривался. А ее планировали завершить к 17–18 февраля.

15 февраля немцы отбили все атаки. Тяжелые бои на небольшом отвоеванном участке шли за насыпь железной дороги. Он за день несколько раз переходил из рук в руки. Видимо, немецкие солдаты уже находились на грани своих боевых возможностей. Тем не менее, в этот день развить успех не удалось. 15 танков из двух танковых бригад были приданы 13-й стрелковой дивизии. В итоге, за день на участке прорыва остались подбитыми 13 боевых машин. День наступления обошелся армии более чем в тысячу человек убитыми и ранеными. После этого 67-й армии было приказано к утру следующего дня выйти на берег Невы и заблокировать немцев в районе 8 ГРЭС.

Ночью армия продолжала активные действия. 13-я стрелковая дивизия продолжала наступать. Бой ночью и ранним утром 16 февраля получился крайне упорным. Солдаты 391-го гренадерского полка теперь просто побежали, и четверо из числа бежавших были расстреляны прямо на поле боя. Считается, что наши бойцы заняли территорию 8 ГРЭС к 10 ч 30 мин утра 16 февраля. Это сделали бойцы 102-й стрелковой бригады. Казалось бы, вот он – успех. Но было одно существенное «но». В ночь с 15 на 16 февраля немцы начали первый этап операции «Берта». И Городокский узел сопротивления был ими уже оставлен. К тому моменту, когда бойцы 102-й бригады заняли его и далее саму электростанцию, подразделения 170-й пехотной дивизии уже отступили.

Немецкие солдаты отходили к «Гранатной дороге». В связи с захватом 8 ГРЭС обычно вспоминается красивый эпизод, описанный в воспоминаниях командующего артиллерией 67-й армии И.М. Пядусова⁷. В частности, он пишет об особой роли артиллерии в штурме 8 ГРЭС и о том, что благодаря перехваченной радиোগрамме наша артиллерия смогла накрыть и почти полностью уничтожить целый полк немецкой пехоты, направлявшийся на выручку станции. Что ж, с ролью артиллерии в борьбе с 8 ГРЭС мы еще разберемся, так как здесь существует целый ряд мифов. Что же касается перехваченной радиোগраммы и уничтоженного полка, то здесь мы имеем место с легендой. Опровергнуть ее достаточно просто. Ведь немцы не подвели войска к 8 ГРЭС, а наоборот, выводили их оттуда. При этом в рассказе И.М. Пядусова просто отсутствует хронология событий, а это уже вызывает серьезные сомнения. Более того, немцы успели

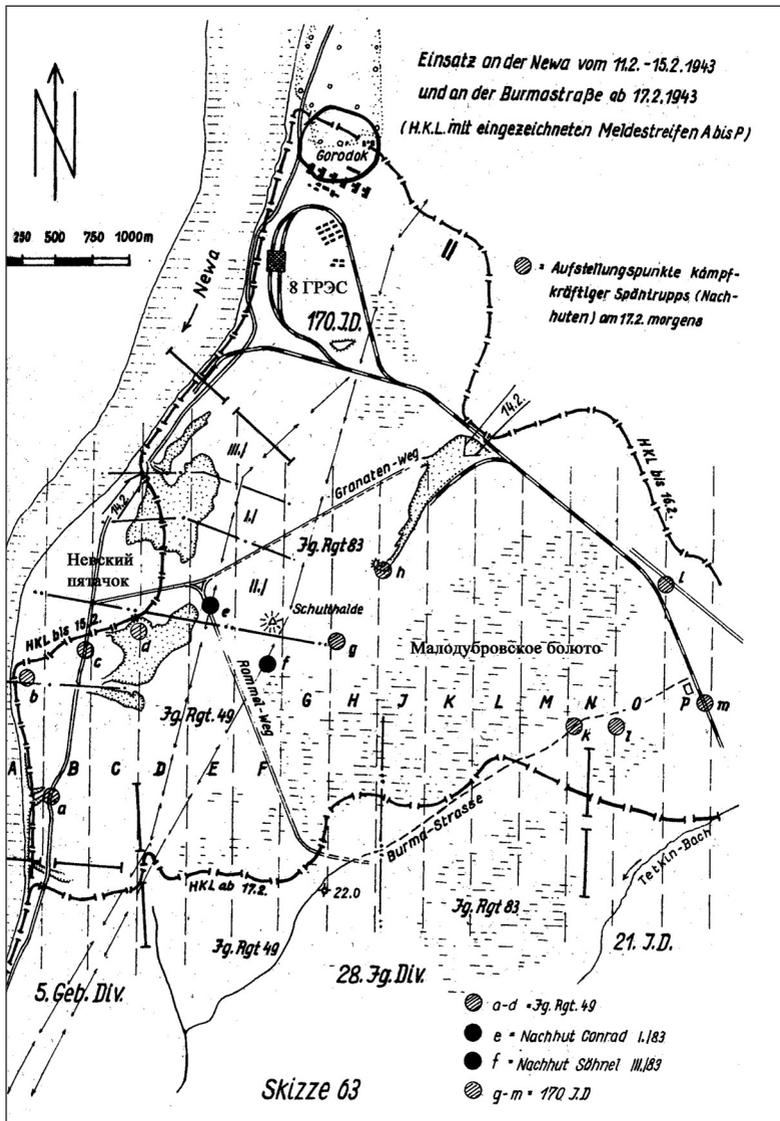

Рис. 3. Боевые действия в феврале 1943 г. и отход противника

взорвать часть электростанции перед уходом и оставили на ее территории массу сюрпризов. Тем не менее, эта версия стала каноничес-

кой. И пример этого мы найдем с легкостью, когда откроем историю Ленинградского военного округа, точнее, ее первое издание. Рассказ о захвате 8 ГРЭС, приведенный там, полностью соответствует рассказу И.М. Пядусова⁸.

Однако, пусть рассказ И.М. Пядусова и содержит фантастические подробности, существует ряд документальных свидетельств о боях 16–17 февраля. Эти свидетельства с течением времени и с помощью таланта литообработчика с легкостью могли трансформироваться в красивую легенду.

Из оперсводки штаба артиллерии за 67-й армии 17 февраля мы знаем следующее: *«Как установлено осмотром занятого нашими войсками песчаного карьера /3988/ в результате огневого налета артиллерии по карьере в момент смены частей противника оказалось подбитыми 24 орудия противника, преимущественно ПТО и до 600 трупов»*⁹. Еще одно свидетельство приводится в отчете артиллерии 67-й армии, где говорится о том, что противник контратакой пытался задержать наступление 13-й стрелковой дивизии. И его контратака была сорвана 10-минутным огневым налетом, что в итоге позволило бойцам дивизии продвинуться вперед и соединиться со 138-й стрелковой бригадой¹⁰.

А другое свидетельство мы находим в разведсводках Ленинградского фронта, где приводятся показания пленного из 391-го гренадерского полка. Тот рассказывает, что их части получили 15 февраля приказ на выход для смены частей. И при выходе они попали под сильный артиллерийский огонь¹¹.

Да и в журнале боевых действий 67-й армии приводятся сведения о скоплении живой силы и автотранспорта противника. По этому скоплению днем вела огонь артиллерия. При известной фантазии такие материалы легко обрастали самыми фантастическими подробностями. И превращались в легенды. К сожалению, суровая реальность говорит нам о том, что, несмотря на все трудности, противник смог завершить первую фазу операции «Берта». Потрепанные части двух немецких дивизий отошли на заранее подготовленные позиции.

В итоге 67-я армия наконец-то соединилась с частями на Невском «пяточке». Пал самый мощный узел обороны противника на Неве. Но перспективы дальнейших действий особо радужными не были. Общие итоги были довольно печальными. Вновь наши части понесли большие потери, в ходе боя и в ходе подготовки к нему было

сделано немало ошибок. Пехота страдала от действий артиллерии противника, танкисты – от отвратительного взаимодействия в ходе боя. Собственно, каждый раз повторялась одна и та же картина с минимальными вариациями.

Поражает то, что, имея такую массу артиллерии при почти полном господстве в воздухе, наши командиры так и не воспользовались ее возможностями полностью. Ответ здесь прост – оперативность действий артиллерии не обеспечивалась наличием радиосвязи. Радиосредств переставало хватать уже на уровне полк – дивизион, а ниже, на уровне батареи, вообще господствовал принцип «какую цель вижу, по ней и стреляю». Командиры батарей вели бой вместе с пехотой, гибли вместе с ней, но иного выхода при такой организации не было. В итоге, выпустив массу боеприпасов, артиллерия не могла надежно обеспечить стрелковым частям успех в бою. Вся масса израсходованных боеприпасов часто выпускалась по пустому месту.

После удачного отвода своих войск немцы вывели из Южного Приладожья 170-ю дивизию. Теперь войскам 67-й армии противостояли только 28-я егерская и 21-я пехотная дивизии. Немецкое командование в крайне сложной ситуации блестяще провело отвод войск. После этого немцы оказались на выгодных позициях. А вот наши командиры опять были вынуждены действовать в условиях, когда способ действий и их место навязывались противником. Отдав значительный участок территории, немцы сильно выиграли, а вот наше командование особого простора для действий войск не получило. Занятый участок был в значительной мере заболочен. Это было Малодубровское болото, и там остались только немецкие дороги. Месторасположение дорог было пристреляно. Немцы вновь сидели на относительно возвышенных участках местности, например, на высоте 22,0. Они опирались на заранее подготовленную систему полевых укреплений. Оттуда они контролировали это достаточно большое и труднопроходимое пространство.

В течение нескольких дней 67-я армия не предпринимала активных действий. К 22 февраля она должна была снова перейти в наступление. Для этого решено было использовать 86-ю стрелковую дивизию. Ее командира полковника Трубачева ранило в феврале во время взрыва склада с боеприпасами в Шлиссельбурге. К 13 февраля дивизия получила более 2 тыс. человек пополнения. Ее численность довели до почти 8 тыс. человек. Основным стрелковым вооружени-

ем осталась винтовка, станковых и ручных пулеметов было в дивизии до 220 штук.

В течение нескольких ночей февраля дивизия сменила части 138 и 142-й стрелковых бригад и 13-й стрелковой дивизии. Она заняла исходный рубеж для наступления: северная окраина Арбузово, «Паук», отм. 20,5. Дивизия имела задачу во взаимодействии с 142-й стрелковой дивизией с утра 22 февраля прорвать оборону противника. Главный удар наносился на ее левом фланге. Дивизию в это время возглавлял заместитель командующего 67-й армией генерал-майор В.К. Парамзин. Ранее он командовал 142-й стрелковой дивизией. Помимо артиллерии, вместе с дивизией предстояло действовать двум танковым бригадам. Это были уже давно участвующие в боях на этом направлении 152 и 220-я бригады.

142-ю стрелковую дивизию для этого наступления пополнили за счет других частей армии. Лишь часть пополнения она получила из состава маршевых рот. Как оказалось впоследствии, большая его часть была не обучена.

22 февраля артподготовка продолжалась всего 35 минут. Действия 67-й армии оказались безуспешными. Оборона противника прорвана не была. Армия вновь понесла большие потери. Танкисты в ходе боя лишились большей части своих боевых машин¹².

Что касается немцев, то они вскрыли подготовку к наступлению. Их радиоразведка работала хорошо. Артиллерия снова вела огонь по нашим боевым порядкам. О наступлении 22 февраля в журнале боевых действий 26-го корпуса приведены лаконичные донесения 28 и 21-й дивизий. Они говорят об отбитых атаках и большом количестве уничтоженных танков.

23 февраля ситуация повторилась. За два дня части армии потеряли до 1000 человек убитыми и ранеными. Некоторое время наши войска еще демонстрировали активность. Так, 25 февраля дивизии 67-й армии снова атаковали. И потерпели такую же неудачу, как и в предыдущие дни. Только к 27 февраля бои все же закончились. Понесенные соединениями армии потери были очень велики, только 142-я стрелковая дивизия потеряла больше 6 тыс. человек. Общие потери 67-й армии за февраль месяц, по неполным данным, составили около 20 тыс. человек.

Как обычно, самые важные выводы делались, когда все кончилось. Для нашего командования «вдруг» стало ясно, что пополненная незадолго до наступления дивизия просто не способна нормаль-

но вести бой. Ее пехота очень часто была или плохо, или вообще не обучена. Самый большой провал в подготовке касался тактики мелких подразделений. Так плохо подготовленные люди были не в состоянии использовать даже то скромное оружие, которое у них было. Командиры стрелковых полков и батальонов оказались не способны управлять своими подчиненными в бою. Поэтому взаимодействие с танками было просто провальным. Наши штабисты сделали также очень неприятный для себя вывод по поводу того, какими силами противник сдерживал наступление наших войск. По их данным, немцам хватало одного-двух пехотных батальонов, чтобы остановить нашу стрелковую дивизию. Последнее не должно никого удивлять. Большое количество пулеметов и минометов давало немецким пехотным командирам шанс делать боевые порядки своих войск достаточно разреженными и, следовательно, гораздо менее уязвимыми для огня артиллерии. Используя то, что к переднему краю было малое количество удобных подходов, немцы организовывали многослойную систему огня, преодолеть которую было крайне непросто. А если ее все же удавалось преодолеть, то следующим неприятным сюрпризом становились немецкие контратаки.

¹ Центральный архив Министерства Обороны РФ (ЦАМО) РФ. Ф. 424. Оп. 10246. Д. 69. Л. 25, 26.

² ЦАМО РФ. Ф. 424. Оп. 10246. Д. 375. Л. 121.

³ Там же. Д. 116. Л. 55.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ Марчуков А. В. От Ленинграда до Берлина. Воспоминания артиллериста о войне и однополчанах 1941–1945. М., 2015. С. 274.

⁶ National Archives and records Administration (NARA). Т. 314. R. 761. Fr. 905.

⁷ Пядусов И.М. Незабываемое // Пароль – «Победа!». Л., 1969. С. 310.

⁸ Ордена Ленина Ленинградский военный округ: Исторический очерк // Барышников Н.И. и др. Л., 1968. С. 336.

⁹ Филиал ЦАМО РФ (Архив ВМФ) Ф. 191. Д. 18. Л. 101.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 424. Оп. 10256. Л. 8 (об).

¹¹ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 170. Л. 149.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 2139. Л. 55.

В.В.Наумов (Санкт-Петербург)

ВЗГЛЯД С ОБЕИХ СТОРОН НА ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ НА ОСТРОВЕ ДАМАНСКОМ

СЕГОДНЯ отношения между Россией и Китаем строятся на дружественных отношениях, в русле уважения и достоинства. Но были в этих отношениях в 60-е годы прошлого столетия и темные пятна, о которых не следует забывать никогда. Это прежде всего события на острове Даманском. Сейчас остров – военно-административная зона КНР, и россиянам, да и другим иностранцам, туда никак не попасть, но своих туристов они туда регулярно приглашают, как было написано в одном из китайских блогов: «Чтобы китайский народ не забывал свою историю и помнил о подвиге на острове Драгоценный» (так называется остров Даманский китайцами). Вообще мемориалов Драгоценного острова два: один находится непосредственно на о. Даманский, а второй расположен в 134 километрах от него в городе Баоцин провинции Хэйлуцзян. Второй – это кладбище, где похоронены 67 мучеников (погибших там солдат они называют мучениками), и там же сооружен мемориальный комплекс.

Каковы же реальные события того конфликта? Постараемся еще раз вспомнить и понять.

В тот период прошлого столетия Китай, нарастив военную мощь и стремясь к росту своего влияния, стал пробовать себя в различных вооруженных конфликтах. Так, например, 1958 г. – вооруженный конфликт с Тайванем, 1962 г. – пограничная война с Индией. В 1964 г. китайцы вспомнили о положении Парижской мирной конференции 1919 г., в которой говорилось о том, что границы между государствами должны проходить, как правило (но совершенно не обязательно), посередине главного фарватера реки. При этом они предложили СССР пересмотреть границы между государствами. Проведенные

странами по этому вопросу переговоры закончились безрезультатно. В 1968 г. власти Китая заявили, что СССР встал на путь «социалистического империализма». И отношения обострились до предела.

Причиной вооруженного конфликта послужил тот факт, что остров Даманский находится с китайской стороны от главного русла Уссури.

Следуя указаниям властей, на территорию СССР систематически стали заходить и заниматься хозяйственной деятельностью китайские крестьяне. При задержании они нагло заявляли, что находятся на китайской территории. Хунвэйбины, не церемонясь, нападали на пограничные патрули. Счет инцидентов исчислялся тысячами.

В ночь с 1 на 2 марта 1969 г. на остров Даманский тайно высадилось около трех сотен китайских солдат, вооруженных карабинами СКС и автоматами Калашникова. Для огневой поддержки нарушителей на китайском берегу были сосредоточены безоткатные орудия, крупнокалиберные пулеметы и минометы.

В 10.20 2 марта 1969 г. пограничный пост наблюдения зафиксировал, как к острову с китайской стороны продвигается вооруженная группа численностью около 30 человек. Начальник заставы старший лейтенант Стрельников и 32 пограничника выехали к месту инцидента.

В 10.45 Стрельников голосом выразил протест по поводу нарушения границы и потребовал, чтобы нарушители покинули территорию СССР. В ответ китайцы открыли огонь из стрелкового оружия, сразу же уничтожив большую часть прибывших пограничников. В числе первых погиб начальник заставы старший лейтенант Стрельников. Пленных не брали.

Позже на месте конфликта были обнаружены тела 19 пограничников, добытых выстрелами в упор или заколотых ножами, с выколотыми глазами, отрезанными ушами. Китайцы издевались над ранеными как могли.

После того, как на помощь пограничникам пришли бойцы соседней заставы, нарушителей с острова выбили, несмотря на их численное превосходство. Командовал прибывшими на подмогу пограничниками старший лейтенант Бубенин. Несмотря на то, что Бубенин был дважды ранен и контужен, благодаря его умелому руководству ведения боя командный пункт китайцев уничтожили. Китайцы в панике стали покидать свои позиции, унося убитых и раненых.

В 12.00 к месту вооруженного конфликта прибыл вертолет с начальником Иманского погранотряда полковником Леоновым, а затем и подкрепление с соседних застав.

После всего произошедшего в нескольких километрах от Даманского срочно развернули 135-ю мотострелковую дивизию, имевшую на вооружении системы залпового огня «Град».

Однако, желая взять реванш, китайцы подтянули к границе 24-й пехотный полк, общей численностью пять тысяч человек.

14 марта, около 15 часов, Иманский отряд получил от вышестоящего командования странный приказ: убрать пограничные наряды с острова. Как только наряды покинули остров, к нему стали выдвигаться китайские солдаты группами по 10–15 человек. А когда 8 БТР под командованием подполковника Яншина двинулись к острову, китайцы моментально отошли на свой берег. В 20.00 из той же инстанции пришел новый приказ: занять остров. Что было и сделано.

Около 09.00 15 марта, используя громкоговорящую установку, китайцы стали призывать советских пограничников покинуть «китайскую территорию». С нашей территории также заработала громкоговорящая установка, с призывом к китайцам одуматься.

Около 10.00 15 марта с китайской стороны начался массированный обстрел острова артиллерией и минометами. Три роты китайской пехоты двинулись в атаку. Несколько часов продолжался ожесточенный бой.

Командование дивизии в 17.00, в нарушение инструкции Политбюро ЦК КПСС не вводить в конфликт советские войска, отдало приказ своей артиллерии (в том числе отдельному реактивному дивизиону БМ-21 «Град») открыть огонь по позициям китайцев на острове. Это был первый случай применения в бою ракетных установок «Град», удар которых решил исход сражения. Противник спешно покинул остров.

Не обошлось и без курьезов. Из воспоминаний участника событий Юрия Витальевича Сологуба, полковника в отставке: «Штаб ракетных войск и артиллерии округа, а не штаб дивизиона, как должно было быть, произвел расчеты, выдал данные для стрельбы на огневые позиции. 18 боевых машин дали залп, и 720 стокيلогаммовых реактивных снарядов (РС) ушли к цели за несколько минут! Но когда развеялся дым, то все увидели, что в остров не попали ни одним снарядом! Все 720 РС улетели на 5–7 км дальше, вглубь китайской территории, и разнесли деревню со всеми штабами, тылами, госпиталями, со всем, что там находилось в это время!

Потому и наступила тишина, что китайцы такой наглости от нас не ожидали!»

Нельзя не вспомнить такую героическую личность, как командира отделения пограничной заставы Нижне-Михайловской Уссурийского ордена Трудового Красного Знамени пограничного отряда младшего сержанта Юрия Васильевича Бабанского, проявившего героизм и мужество во время пограничного конфликта. Когда китайские провокаторы, вторгшиеся на советскую территорию, из засады расстреляли вышедшую им навстречу группу пограничников во главе с начальником заставы старшим лейтенантом И.И. Стрельниковым, Юрий Бабанский взял на себя командование группой оставшихся на заставе пограничников и смело повел их в атаку. Маоисты обрушили на горстку отважных огонь крупнокалиберных пулеметов и гранатометов, минометов и артиллерии. На протяжении всего боя младший сержант умело руководил подчиненными, метко стрелял, оказывал помощь раненым. Когда противник был выбит с советской территории, Бабанский более 10 раз ходил в разведку на остров. Это он с поисковой группой нашел расстрелянную группу И.И. Стрельникова и под дулами автоматов и пулеметов противника организовал их эвакуацию; это он со своей группой в ночь с 15 на 16 марта обнаружил тело геройски погибшего начальника погранотряда полковника Д.В. Леонова и вынес его с острова.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1969 г. младшему сержанту Ю.В. Бабанскому присвоено звание Героя Советского Союза (медаль «Золотая Звезда» № 10717).

Итогом вооруженного конфликта явилось то, что в боях за остров Даманский потери со стороны СССР составили 56 человек убитыми и 70 человек ранеными. Свои потери Китай скрывает до сих пор. По приблизительным подсчетам, они составили от пятисот до семисот человек. Соглашение о демаркации границы между Китаем и СССР было подписано только 16 мая 1991 г. Обогранный кровью советских военнослужащих остров Даманский отошел Китаю.

1. Начало и развитие пограничной конфронтации между Советским Союзом и Китаем // coldwar.ru.

2. В. Голанд. Из сборника очерков «Герои Усури» // Библиотечка журнала «Пограничник». 1969. № 4 (22). М., 1969.

3. Палка против кулака. Признания бойца китайского спецназа // Литературная Россия. 2001. № 6.

4. Евдокимов П. Остров инженера Даманского // Спецназ России. 2004. № 3.

А.Д. Немцев (Курск)

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ХОДЕ ХАРЬКОВСКОЙ ОПЕРАЦИИ ВОЙСК ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ И СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (МАЙ 1942 ГОДА)

СОГЛАСНО директиве командования Юго-Западного направления № 00275 от 28 апреля 1942 г. прорыв обороны в районе Харькова было решено осуществить на двух участках. На северном – протяженностью 55 километров должны были действовать войска 21, 28, 38-й армий (командующие – генерал-майор В.Н. Гордов, генерал-лейтенант Д.И. Рябышев, генерал-майор К.С. Москаленко), на южном – в полосе 36 километров – войсками 6-й армии (командующий – генерал-лейтенант А.М. Городнянский) и оперативной группы фронта под командованием генерал-майора Л.В. Бобкина.

21-я армия (в ее состав входили 8-я мотострелковая, 297, 301, 76, 293, 227-я стрелковые дивизии (командиры – полковники Н.Д. Козин, Г.А. Афанасьев, А.А. Соколов, Г.Г. Воронин, генерал-майор П.Ф. Лагутин, полковник Г.А. Тер-Гаспарян) 1-я мотострелковая, 10-я танковая бригады (командир – полковник В.А. Бутман-Дорошевич), 8-й отдельный танковый батальон с четырьмя артиллерийскими полками РГК) получила задачу: в ходе наступления силами левофланговых 76, 293 и 297-й дивизий и 10-й танковой бригады, наступая с территории южных районов Курской области, прорвать вражескую оборону на 14-километровом участке, прикрыть правый фланг 28-й армии на рубеже Пристень – Петровка и к исходу третьего дня операции, закрепившись на достигнутых рубежах, надежно обеспечить маневр частей 28-й армии (169-й стрелковой дивизии), охватывающих Харьков с севера и северо-запада. 10-я танковая бри-

гада и 8-й отдельный танковый батальон армии насчитывал 48 танков (3,5 на один километр фронта прорыва). В армии имелось 331 орудие и миномет (23,6 орудия на один километр фронта прорыва).¹ Для прорыва на северном фланге командование фронта сосредоточило для наступления 13 дивизий (21-я армия – 3 (76, 227, 293-я); 28-я армия – 6; 38-я – 4), 349 танков и 1709 орудий.²

Необходимо отметить, что, несмотря на наступательный оптимизм, царивший среди командного состава Юго-Западного направления, подготовка к наступательной операции в районе Харькова, начавшаяся в конце апреля 1942 г., была связана с большими трудностями. Многие соединения и части находились на удалении от отведенных им участков прорыва, поэтому их приходилось перемещать вдоль фронта. Одновременно нужно было формировать новую 28-ю армию, 10 апреля 1942 г. занявшую рубежи на территории Харьковской области, и размещать соединения, прибывавшие в ее состав из резерва Ставки Верховного Главнокомандования.³ Все это осложнялось весенней распутицей и связанным с ней плохим состоянием дорог.

К 11 мая 1942 г. плотность гитлеровских войск на участках ударных группировок Юго-Западного фронта резко увеличилась. Боевые группы и смешанные части противника были организационно объединены в пехотные дивизии. В оперативной глубине враг разместил сильные резервы.

Итак, подготовляемое наступление на Харьков не явилось внезапным для противника.⁴

Большой вред делу нанесла недооценка сил врага. Эта особенность в деятельности военных советов Юго-Западного направления и фронта, еще зимой 1942 г. наложившая заметный отпечаток на принимаемые решения, теперь проявлялась еще резче. В эти дни армейская разведка стремилась собрать наиболее полные сведения о противнике. Значительную помощь ей оказывали территориальные органы НКВД, в том числе и Курской области. Так, в разведсводке № 49 от 9 мая 1942 г., направленной начальником управления НКВД по Курской области майором госбезопасности П.М. Аксеновым в разведотдел 21-й армии, значилось, что в Белгороде располагались штабы 75-й пехотной дивизии и 79-й пехотной дивизии. Указывалось также, что место расположения штаба еще одной дивизии установить пока не удалось. Отмечалось, что линию фронта возле сел Мелихово и Большая Игуменка Белгородского района держит 202-й

полк 75-й немецкой дивизии. В составе второго батальона этого полка находилась 6-я рота русских добровольцев, сформированная в апреле 1942 г. из молодежи Белгородского района Курской области. По данным агентурной разведки НКВД в район Белгорода с Украины прибывали отряды дезертиров из Красной армии, хорошо обмундированных и одетых в немецкую форму⁵. В других донесениях отмечалось, что из Курска и Льгова в направлении на Конотоп–Сумы–Харьков перебираются танковые части, в том числе из дивизий СС⁶.

Как впоследствии оказалось, гитлеровцы на этом участке фронта также готовили наступательную операцию под кодовым названием «Фридрикус-1». Штабы Юго-Западного направления, Юго-Западного и Южного фронтов оказались в полном неведении о намерениях противника. В таких условиях 12 мая 1942 г. началось наступление советских войск на Харьков.

На участке прорыва северной ударной группировки от села Нежеголь (16 км севернее Волчанска) советская артиллерия нанесла первый огневой удар по опорным пунктам противника. Артиллерийская подготовка продолжалась ровно час. Довольно успешно решались задачи прорыва немецкой обороны в полосе 21-й армии. В немалой степени этому способствовало то, что вечером 11 мая специально подготовленные отряды 76-й стрелковой дивизии (командир – полковник Г.Г. Воронин) неожиданно для противника форсировали реку Северский Донец и захватили на левом берегу два небольших плацдарма. По решению командира дивизии туда ночью переправились главные силы. С этих плацдармов дивизия и перешла в наступление, вклинившись к полудню 12 мая в оборону противника в полосе до 5 километров по фронту и 3–4 километра в глубину.⁷ Ее успех умело использовали части 293-й стрелковой дивизии (командир – генерал-майор П.Ф. Лагутин). Во взаимодействии со 169-й стрелковой дивизией 28-й армии (командир – полковник С.М. Рогачевский) при поддержке 156-го артполка РКК и бронепоезда № 4 59-го Отдельного дивизиона бронепоездов (ОДБП) наносила удар в направлении Бугроватки и Старицы. Ей противостояли части 71-й пехотной и 3-й танковых дивизий врага.

Менее успешно действовали соединения 28-й армии. В полосе наступления развернулись тяжелые, кровопролитные бои. Так, командование 169-й стрелковой дивизии получило задачу – личным составом 556-го полка 12 мая 1942 г. овладеть селом Терновья Больше-Троицкого района Курской обл.⁸ Противник, как выяснилось, хо-

рошо укрепил этот участок обороны, подготовив населенные пункты к круговой обороне. Лишь воинам 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала А.И. Родимцева при поддержке 90-й танковой бригады (командир – подполковник М.И. Малышев) на своем участке удалось прорвать оборону врага.

В итоге первого дня наступления войска северной ударной группировки прорвали главную полосу вражеской обороны, продвинувшись на глубину от 6 до 10 километров. Южная ударная группировка вклинилась вглубь обороны противника на 12–15 километров.

Успешно начавшееся наступление войск Юго-Западного фронта встревожило командование 6-й немецкой армии. Бывший первый адъютант армии полковник В. Адам писал: «Подготовка к переброске наших войск для летней кампании 1942 года шла полным ходом. Но на долю 6-й армии выпало еще одно тяжелое испытание. Советские соединения, располагавшие значительными силами, включая и многочисленные танки, предпринимали 12 мая новое наступление с изюмского выступа и под Волчанском. Для нас создалось угрожающее положение. Наносящим удар советским войскам удалось на ряде участков прорвать нашу оборону... Советские танки стояли в 20 километрах от Харькова... Почти столь же серьезным было положение под Волчанском, северо-восточнее Харькова. Понадобилось ввести в бой буквально последние резервы 6-й армии, чтобы задержать противника».⁹

Выполняя распоряжение Ф. фон Бока, генерал Ф. Паулюс в течение 12 мая 1942 г. выдвинул из Харькова в район Приволье 3-ю и 23-ю танковые дивизии, до трех полков пехоты из состава 71-й и 44-й пехотных дивизий. Эти войска предназначались для нанесения контрудара по левому флангу ударной группировки в направлении на северо-восток. 4-й воздушный флот под командованием генерала В. Рихтгофена получил задачу обеспечить мощную поддержку авиацией.

Анализируя итоги действий северной группировки за день 12 мая 1942 г., Главком Юго-Западного направления (ЮЗН) маршал С.К. Тимошенко пришел к выводу, что в общем наступление развивается по плану. Главкома очень тревожило появление двух немецких танковых дивизий. Ф. Паулюс посчитал, что наступление из района Волчанска является самым опасным, и поэтому принял решение ввести в сражение свои танковые силы.

13 мая 1942 г. войска северной советской группировки при активной поддержке авиации продолжали атаки на прежних направлени-

ях. В полосе наступления 21-й армии 76 и 293-я стрелковые дивизии соединились на западном берегу Северского Донца, образовав плацдарм, достаточный для накапливания сил и средств, способных прорваться вглубь вражеской обороны. Главком ЮЗН отдал указания генералу В.Н. Гордову ускорить продвижение войск на запад и овладеть опорными пунктами противника на правом берегу Северского Донца в Графовке и Муроме (Шебекинский район Курской обл.). Однако организация наступления в полосе действий этих двух дивизий не была столь эффективной. Им сразу не удалось преодолеть упорное сопротивление врага. 293-я стрелковая дивизия медленно продвигалась к с. Муром. Первыми к нему вышли подразделения 1034-го стрелкового полка, которые заняли восточную часть села.

На направлении главного удара войска 28-й армии (169-я и 175-я стрелковые дивизии полковника С.М. Рогачевского и генерала А.Д. Кулешова) сломали сопротивление гарнизона врага в Варваровке, но выбить гитлеровцев из с. Терновое Больше-Троицкого района Курской области не смогли. Как вспоминал бывший член Военного Совета 28-й армии генерал-лейтенант Н.К. Попель: «Наша артиллерия во время артподготовки не достала до Терновой. Здесь укрылось не меньше двух полков вражеской пехоты, танки, тяжелые орудия. К вечеру две дивизии блокируют эту деревню... в темноте гитлеровцы попытались вырваться из Терновой... пехота прикрытия была смята, но через огневые позиции артполка майора Шкидченко прорваться не удалось... Бой у Терновой не стихал. На деблокирование гарнизона прибыл танковый полк. Вырваться из кольца немцам не удалось, но и сдаваться они не собирались. Две наши дивизии были прикованы к Терновой...»¹⁰.

Самым неприятным событием дня явилось то, что выдвинувшийся вперед южный фланг 28-й армии оказался обнаженным. Одновременно с танковым контрударом Ф. Паулюс постарался укрепить свою оборону в полосе наступления 28-й армии, усилив 79-ю и 294-ю пехотные дивизии. Следовательно, удар на Харьков с северо-востока начал тормозиться уже 13 мая.

14 мая 1942 г. дивизии 28-й армии продвинулись еще на 6–8 километров и вышли к тыловому рубежу противника, проходившему по правым берегам рек Харьков и Муром. Части 169-й стрелковой дивизии в этот день вели ожесточенные бои в районе с. Липцы.¹¹

Начальник штаба 21-й армии генерал-майор А.И. Данилов докладывал, что противник по-прежнему удерживает опорные пунк-

ты Графовка, Шамино и Муром (Шебекинский район Курской обл.). 76-я и 293-я дивизии пытались взять эти узлы сопротивления фронтальными атаками, но безуспешно.

Главком С.К. Тимошенко «не без соответствующего назидания» приказал генералу В.Н. Гордову прекратить бесполезные атаки, частью сил наступавших дивизий блокировать опорные пункты, а главными силами развивать наступление на северо-запад. К исходу дня 14 мая с. Муром было освобождено частями 293-й стрелковой дивизии, которые вышли к рубежу Нехотеевка – МТФ севернее Мурома. В боях за Муром противник потерял до батальона пехоты, было захвачено 12 орудий, 15 пулеметов, до миллиона патронов, 5 тысяч снарядов и мин, 6 автомашин и много другого военного имущества и снаряжения.¹²

Маршал С.К. Тимошенко решил активизировать действия фланговых дивизий 21-й армии В.Н. Гордова и сорвать маневр противника. Эту задачу выполнила 227-я стрелковая дивизия, которая успешно прорвала оборону на одном из участков 17-го армейского корпуса противника. Разгромив противостоящие части, она за день продвинулась на 6 километров и овладела рядом населенных пунктов. Из состава 29-го армейского корпуса, оборонявшегося на подступах к Белгороду, Ф. Паулюс все же использовал 168-ю пехотную дивизию. В районе с. Мясоедово (Белгородский район Курской обл.) была организована атака силами полка 301-й стрелковой дивизии.

Тем не менее, общий итог боев к исходу дня 14 мая 1942 г. в полосе северной группы был положительным, фронт прорыва составил здесь 56 километров. Войска, действовавшие в центре группы, продвинулись в глубину обороны врага на 20–25 километров.

В ночь на 15 мая 1942 г. штаб Юго-Западного фронта подготовил донесение в Ставку Верховного Главнокомандования, в котором он констатировал успех первых трех дней наступления. «На правом крыле фронта наши войска, наступая на Харьков с востока, разгромили части 79, 294, 297, 71-й пд, нанесли значительные потери 3-й и 23-й тд и к исходу 15 мая вышли на фронт: Маслова Пристань, Муром, Пыльная, Веселая, Петровская, р. Бабка. Общая ширина фронта прорыва обороны противника достигает 50 км и глубина нашего проникновения – 18–25 км». Оценивая результаты боев северной ударной группировки с резервами противника, отмечалось, что, несмотря на причиненный двум немецким танковым дивизиям большой урон, они продолжают оставаться серьезным препятствием для

советских войск в их наступлении на Харьков. Командование ЮЗН (С.К. Тимошенко, И.Х. Баграмян, Н.С. Хрущев) делало слишком оптимистичный вывод, что «до сего времени противник не разгадал замысла нашей операции и своей основной ударный кулак направил на второстепенный участок фронта и этим предоставил свободу действий нашим ударным группировкам... Сейчас противник в районе Харькова не располагает такими силами, чтобы развернуть против нас встречное наступление. Наши действия на Харьковском направлении создают весьма благоприятные условия для намеченного наступления Голикова (Брянский фронт)».¹³

Оценивая общее развитие событий 15–16 мая 1942 г., следует отметить крайнюю осторожность в проведении операции со стороны командования Юго-Западного направления. Приказ на ввод в прорыв 21-го и 23-го танковых корпусов (командиры генералы Г.И. Кузьмин и Е.Г. Пушкин) не последовал вплоть до третьего дня наступления 6-й армии. Документы показывают, что наступление войск левого крыла Юго-Западного фронта поставило в очень тяжелое положение войска Ф. Паулюса на Красноградском направлении.

Утром 15 мая на северном участке, в полосе 21-й армии обстановка начала особенно осложняться. В район Зиборовка, Бочковка, Черемушное (на границе Микояновского и Шебекинского районов Курской области) из-под Белгорода стали прибывать передовые части 168-й пехотной дивизии. Они с ходу начали контратаки в направлении Мурома. Почти одновременно 3-я и 23-я немецкие танковые дивизии и до трех полков пехоты нанесли удар в северо-восточном направлении (на стыке 21-й и 28-й армий). Из района Борщевая, Черкасские Тишки (Харьковская обл.) до 80 танков и пехота атаковали наши позиции в районе Петровского и продвинулись на 3–5 километров к востоку от этого села. Командир 169-й стрелковой дивизии полковник С.М. Рогачевский докладывал в штаб 28-й армии, что немецкая танковая колонна (30 танков и 20 автомашин) с пехотой двинулось на Терновую, чтоб прорваться к окруженному гарнизону с северо-востока. На северо-западной окраине Терновой вновь завязались ожесточенные бои. В результате неожиданной немецкой атаки батальон из 38-й стрелковой дивизии, понеся большие потери, оставил захваченную с таким трудом окраину села и отступил в рощу, примыкавшую к деревне с юго-запада.¹⁴

Главком С.К. Тимошенко подтвердил приказ: временно прекратить наступление, закрепиться на достигнутых рубежах для надеж-

ного обеспечения фланга ударной группировки. 15 мая 1942 г. наступательные задачи фактически получили только 21-я армия и правые фланговые – 169-я и 175-я дивизии 28-й армии.

В итоге наступления частей Красной армии была освобождена значительная территория Микояновского района Курской области – населенные пункты Серета, Солнцево, Вергелевка, Устинка, Нечаевка, Ревенек.¹⁵

Бои северной ударной группировки 16 мая 1942 г. в основном носили оборонительный характер. Враг предпринял несколько сильных контратак. Их удалось отбить, но войска 21-й армии не смогли продвинуться вперед, особенно в районе Зиборовки, Нечаевки. На левом фланге (против 227-й дивизии) разведка обнаружила, что ночью противник отвел свои главные силы на рубеж р. Харьков. Командир 227-й дивизии полковник Г.А. Тер-Гаспарян и командир 175-й дивизии 28-й армии генерал А.Д. Кулешов, воспользовавшись этим, продвинули свои части на западный берег р. Липец.

На 17 мая задача северной группы оставалась прежней – разгромить вклинившуюся танковую группировку противника. Здесь уместно отметить одно обстоятельство, касающееся возможностей, которые представились 38-й армии в этот день, но не были реализованы. С раннего утра 17 мая после короткой артиллерийской подготовки танки 3-й и 23-й немецких дивизий, поддерживаемые цепями пехоты, атаковали стыки 21-й, 28-й и 38-й армий. Наиболее тяжелая обстановка сложилась в полосе 169-й и 175-й дивизий 28-й армии, которые находились на стыке 21-й армии. Уже 17 мая стало ясно, что наступление советских войск на Харьков находится под серьезной угрозой. Военный совет и командование ЮЗН не предприняло мер для остановки наступления и защиты южного фланга наступающей группировки.

К сожалению, этот серьезнейший просчет военного командования ЮЗН привел к тому, что 17 мая 1942 г. из района Славянска был осуществлен удар группы генерала Э. Клейста в составе 11 дивизий и 360 танков.¹⁶

19 мая 1942 г. соединениям 28-й, левого фланга 21-й и правого фланга 38-й армий еще ставилась задача разгромить танковую группировку врага в составе 3-й и 23-й танковых дивизий. Согласно замыслу эту группировку предполагалось окончательно уничтожить, тем самым исключив в дальнейшем всякую угрозу для наших войск с ее стороны.

Из содержания приказа командования Юго-Западного направления № 00320 от 19 мая 1942 г. видно, что замысел командования Юго-Западного направления был смелый, и представлялся он авторам простым и реальным.¹⁷ На деле все обстояло далеко не так просто. Необходимо было срочно, в ограниченное время перегруппировать разбросанную на обширном пространстве большую массу войск, что в тех условиях было, конечно же, нереально.

20 мая 1942 г. северная ударная группировка советских войск пыталась продолжать наступление, но безуспешно. Танковая группа противника нанесла контрудар, в результате которого войска 21-й и 28-й армий со значительными потерями вынуждены были отойти в исходное положение – почти на те самые рубежи, с которых они начали наступательную операцию неделю назад. Под ударами превосходящих сил 28-я армия отошла на исходные рубежи в район с. Мартыновка, оставив села Терновую, Липцы, Веселое на территории Больше-Троицкого района,¹⁸ а 21-я армия – за Северский Донец на территорию Шебекинского района Курской области, где закрепилась на рубеже Нежеголь, Красная Поляна. 293-я стрелковая дивизия с 19 по 27 мая в районе Нежеголь, имея в стрелковых полках лишь по 110–120 активных штыков, отбивала яростные атаки противника на участке шириной 8 километров.

22 мая 1942 г. войска танковой группы Клейста соединились с частями 6-й полевой армии Ф. Паулуса. Наступавшие советские войска оказались в глубоком вражеском кольце.

Исход советского наступления на Харьков и всей Харьковской операции трагичен. К началу операции в войсках Юго-Западного фронта и правого крыла Южного фронта насчитывалось 765 300 человек. Потери советских войск в ходе операции составили 277 190 человек (безвозвратные – 170 958, санитарные – 106 232), что составляло 27,6 % всего личного состава.¹⁹

В боях в районе Харькова погибли многие советские военачальники: заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, командующий и член Военного Совета 6-й армии генерал-лейтенант А.М. Городнянский и бригадный комиссар И.А. Власов, командующий, член Военного Совета и начальник штаба 57-й армии генерал-лейтенант К.П. Подлас, бригадный комиссар А.И. Попенко, генерал-майор А.Ф. Анисов, командующий армейской группой генерал-майор Л.В. Бобкин, командующий 21-м танковым корпусом генерал Г.И. Кузьмин, многие командиры дивизий.²⁰

Таким образом, успешно начатая Харьковская наступательная операция к концу мая 1942 г. закончилась крупной неудачей. Объясняя причины, приведшие войска ЮЗН к тяжелейшему поражению, командование направления в докладе в Ставку ВГК писало: «Ставка, Верховному Главнокомандующему тов. Сталину. ... VI Основные причины поражения.

1. Хорошо задуманное и организованное наступление на Харьков оказалось не вполне обеспеченным от ударов противника на Барвенковском направлении. Ослабление боевого состава и нарушение намеченного боевого построения обороны 9-й армии, вызванные боями за Маяки и уменьшением ее состава на одну стрелковую дивизию (216 сд), лишило эту армию возможности создать глубоко эшелонированную оборону с наличием достаточных резервов, способных не допустить прорыва фронта. Поражение 9-й армии в значительной мере явилось результатом несостоятельности командования этой армии для управления войсками в сложных условиях боя. Разведка всех видов 9-й армии и Южного фронта своевременно не вскрыла готовящегося удара и этим лишила командование возможности принять дополнительные меры для отражения удара противника по 9-й армии.

2. Было очевидно, что без поворота основной массы танковых соединений 6-й армии на восток нельзя избежать назревающей катастрофы. Своевременно не были приняты меры для немедленного поворота 21-го и 23-го танковых корпусов на восток навстречу танковым соединениям противника, стремившимся к захвату переправ через р. Сев. Донец на участке Савинцы, Петровская. Вместо того чтобы бить противника сразу массированно, вначале был повернут лишь один 23 тк, затем с опозданием на одни сутки – 21 тк с 248 сд.

3. Командование армий и часть командиров корпусов и дивизий со своими штабами оказались несостоятельными руководить войсками в сложных условиях боя. Как правило, руководящий командный состав армий, корпусов и дивизий в ответственные моменты операций и боя не руководил соединениями войск, а разъезжал по подразделениям. Так происходило в группе генерала Костенко и 6-й армии в период полуокружения, когда командующий армией уезжал в одну дивизию, член Военного совета – в другую, начальник штаба – в третью. Такое самоустранение от руководства войсками армии в целом окончательно приводило к потере управления войсками на поле боя. Это одна из основных причин поражения 9-й, 6-й и 57-й армий.

4. Большую роль в поражении наших войск в этой операции сыграла авиация противника, которая со второго дня нашего наступления завоевала господство в воздухе и непрерывными ударами большого количества самолетов по войскам наносила поражение, приковывала к земле и лишала их маневра на поле боя. ВВС фронта, невзирая на стремление массировать свои действия на важнейших направлениях, все-таки из-за значительного количественного превосходства авиации противника не обеспечивали действия своих войск.

Главнокомандующий войсками ЮЗН маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. Член Военного Совета ЮЗН Н.С. Хрущев. Начальник штаба ЮЗН генерал-лейтенант И.Х. Баграмян».²¹

В этом документе командование Юго-Западного направления обвинило командармов, командиров корпусов и дивизий, их начальников штабов в неумении руководить войсками. И.В. Сталин дал свою оценку действиям командования Юго-Западного направления в директивном письме Военному Совету Юго-Западного фронта. Верховный Главнокомандующий писал: «В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт благодаря своему легкомыслию не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18–20 дивизий».

Наиболее строго Верховный Главнокомандующий наказал начальника штаба фронта генерала И.Х. Баграмяна. Об основных виновниках провала операции – маршале С. К. Тимошенко и члене Военного Совета Н.С. Хрущеве И.В. Сталин выразился так: «Понятно, что дело здесь не только в тов. Баграмяне. Речь идет также об ошибках всех членов Военного Совета и прежде всего тов. Тимошенко и тов. Хрущева. Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе – с потерей 18–20 дивизий, которую пережил фронт и продолжает еще переживать, то я боюсь, что с Вами поступили бы очень круто. Поэтому вы должны учесть допущенные Вами ошибки и принять все меры к тому, чтобы впредь они не имели места».²²

В конце мая 1942 г. Ставка ВГК поставила перед войсками Юго-Западного фронта задачу перейти к обороне на занимаемых рубежах, прочно закрепиться на них силами 21-й, 28-й, 38-й армий, а также остатками 9-й и не допустить развития наступления противника на восток. Чтобы решить эту задачу, Ставка усилила фронт семью стрелковыми дивизиями, двумя танковыми корпусами и четырьмя танковыми бригадами.

Таким образом, наступательная операция на южном крыле советско-германского фронта крупными силами и с более решительными целями, чем Харьковская, могла быть осуществима. Это вовсе не означает, что решающим для исхода Харьковской наступательной операции был недостаток сил и средств. Еще больше сказались на итогах этой операции и связанных с ней событиях серьезные недостатки в руководстве ее подготовкой и ведением со стороны Военного совета Юго-Западного направления, фронта и командующих армиями.

В поисках ответа на вопрос о реальности замысла Харьковской наступательной операции в мае 1942 г. мы находим две группы фактов. Это, с одной стороны, соотношение сил и средств на участках прорыва, сложившееся в целом в пользу войск фронта, и высокий наступательный дух, царивший в наших войсках. Именно благодаря им, в особенности героизму и отваге советских воинов, в первые дни наступления возникла чрезвычайно опасная для врага ситуация, грозившая сорвать его планы. Гитлеровский генерал З. Вестфаль по существу признал это, заявив относительно боев под Харьковом в те дни: «Победа досталась нам только после серьезных усилий».²³

К сожалению, факторы, делавшие реальным осуществление целей операции, сводились к нулю отмеченными выше недостатками в руководстве организацией и ведением ее. Наиболее пагубной оказалась недооценка сил противостоящего врага в целом и отдельных его группировок.

¹ Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Записки командарма. М., 1969. С.184, 188; Исаев А.В. Наступление маршала Шапошникова. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005. С. 314.

² Там же. С. 188.

³ Рябышев Д.И. Первый год войны. М., 1990. С. 176–177.

⁴ Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. Записки командарма. С. 186–187.

⁵ АУ ФСБ КО. Ф. 4-го отдела НКВД. Д. 141. Л. 22.

⁶ Там же. Л. 29.

⁷ Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. М., 1977. С. 84; Военно-исторический архив 2002. № 8 (32). С. 37.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 26. Л. 44.

⁹ Адам В. Трудное решение. М., 1967. С. 40.

¹⁰ Попель Н.К. В тяжкую пору. М., 1959. С. 321–322.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 6. Л. 52–54.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 1197. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 226. Д. 17. Л. 1–6.

¹⁴ Рябышев Д.И. Первый год войны. С. 206.

- ¹⁵ ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 2. Д. 125. Л. 1.
- ¹⁶ Военно-исторический архив. 2002. № 8 (32). С. 62.
- ¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 220. Оп. 226. Д. 17. Л. 27–29.
- ¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 161. Д. 842. Л. 243–244; Ф. 1410. Оп. 1. Д. 18 (карта); Д. 19. Л. 122.
- ¹⁹ Памяти Павших. Великая Отечественная война (1941–1945). М., 1995. С. 96.
- ²⁰ Генерал Ф.Я. Костенко погиб 26.05.1942, место захоронения неизвестно (Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 4. М., 1999. С. 241–242; Военно-исторический журнал. 1993. № 5. С. 19); генерал А.М. Городнянский погиб 27.05.1942, перезахоронен в 1965 г. в Харькове (Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 2. М., 1995. С. 461; Военно-исторический журнал. 1992. № 5. С. 17); генерал К.П. Подлас погиб 25.05.1942, похоронен в районе д. Копанки Изюмского района Харьковской обл. (Военная энциклопедия: в 8 т. Т. 6. М., 2002. С. 449; Военно-исторический журнал. 1993. № 9. С. 5); генерал Л.В. Бобкин погиб 26.05.1942, место захоронения неизвестно (Военно-исторический журнал. 1991. № 11. С. 27); генерал танковых войск Г.И. Кузьмин погиб 28.05.1942 г., место захоронения неизвестно (Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 9; Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою. М., 2005. С. 697).
- ²¹ ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 238, 266–269.
- ²² Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). М., 1996. С. 264.
- ²³ Вестфаль З., Крейне В. и др. Роковые решения. М., 1958. С. 117.

Е.И.Нератова (Санкт-Петербург)

ПО ИТОГАМ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ... НЕСКОЛЬКО ПРЕДМЕТОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ВОЙНА 1853–1856 гг., известная также как Восточная или Крымская, завершилась подписанием Парижского мирного договора. Он был подписан между Россией и коалицией стран – союзников по Крымской войне. Договор не был выгодным для России. Только в сугубо территориальных вопросах он вынудил отодвинуть границу Российской империи с Дуная на Днестр. Другие же территориальные вопросы были решены путем «обмена»: все занятые союзниками места на Черноморском побережье возвращались России в обмен на возвращение Османской империи территорий, завоеванных за время войны российскими войсками, включая города Баязет, Кагызман, Ардаган и Карс.

Российскому этнографическому музею (РЭМ), основанному много позже окончания Крымской войны, эта война, как это ни покажется странным, принесла неожиданный трофей – комплекс предметов (рис. 1), состоящий из штанов, двух курток и жилета, пояса-кобуры, пояса с сумочками, шелкового кушака, головного убора, носков, ноговиц с подвязками, обуви и воинского снаряжения: кинжала в ножнах, патронташа с газырями, двух пистолетов и ружья.¹

В собрание Российского этнографического музея эти предметы поступили в 1948 г. в результате закрытия в Москве Музея народов СССР (МН СССР) и передаче его коллекций в наш музей (тогда – Государственный музей этнографии).

МН СССР до 1934 г. назывался Центральным музеем народоведения (ЦМН), а до 1924 г. являлся этнографическим отделением Московского Публичного и Румянцевского музея (до 1913 г. – Мос-

Рис. 1. Гуржийский комплекс. Середина XIX в. Собрание РЭМ

ковского Публичного и Румянцевского музеума).

В собрание Московского Публичного и Румянцевского музеума (МП и РМ) эти предметы были включены по окончании Первой Всероссийской этнографической выставки,² проходившей в 1867 г. в здании Московского Манежа.

Эта выставка стала значительным событием своего времени и имела колоссальный резонанс не только в научных кругах. Всероссийская этнографическая выставка была задумана Обществом любителей естествознания при Московском университете (с 1868 г. оно стало носить название Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии) в 1864 г. (инициатором выступил член общества антрополог Анатолий Петрович Богданов) и готовилась в течение двух с половиной лет.

Интересующий нас комплекс предметов поступил в дар для выставки от Императорского Русского Географического Общества (ИРГО)³ вместе с манекеном. Выставочный комитет поручил скульп-

птору Сергею Ивановичу Иванову⁴ выполнить голову для манекена. И благодаря раскрашенным фотографиям, сделанным в 1870-х гг. фотографом Торвальдом Андреевичем Митрейтером мы можем видеть как выглядел этот манекен (рис. 2).

Поиски информации об истории поступления этого комплекса в ИРГО⁵ позволили выяснить, что данный костюм и вооружение были переданы в дар генерал-майором, действительным членом общества Михаилом Игнатьевичем Иваниным⁶. Этот дар был привезен в Петербург и 8 апреля 1858 г. передан в ИРГО с сопроводительным письмом дарителя.⁷ Дар М.И. Иванина был рассмотрен на заседании Совета ИРГО 3 мая 1858 г., на котором было определено передать эти вещи в Этнографический музей Русского Географического Общества⁸.

Рис. 2. Фотография манекена с гурийским комплексом мужской одежды и вооружением из Московского Публичного и Румянцевского музеума. Фотограф Т.А. Митрейтор. 1870-е гг. Собрание РЭМ

Как именно и от кого попали эти предметы к М.И. Иванину, выяснить пока не удалось. Но уже в настоящее время ясно, что они были приобретены им (или получены в дар) во время его работы в комиссии по демаркации азиатских границ России с Турцией, назна-

ченной в 1858 г. в соответствии с приведением Парижского договора в исполнение.

М.И. Иванин был включен в эту комиссию как генерал-майор Генерального штаба, состоявший к этому времени при наместнике Кавказа князе Александре Ивановиче Бярятинском по особым поручениям и участвовавший во время Крымской войны во многих экспедициях Левого крыла Кавказской линии (Терская область).⁹

Опираясь на описание дара, данное самим М.И. Иваниным, на историко-политическую ситуацию в крае в середине XIX в., на надпись, выполненную арабской графикой на хвостовике ружейного ствола: «владелец майор»,¹⁰ а также на некоторые элементы костюма и особенности его отделки, можно сделать сразу несколько предположений по принадлежности переданных Иваниным в ИРГО предметов:

Первое предположение – весь комплекс был собран из имеющегося «бесхозного», в том числе трофейного вооружения, а костюм изготовлен новым для подарка члену комиссии по демаркации границ.

Второе предположение – это реальная, бытовавшая одежда «с частью боевых и походных принадлежностей гурийского воина среднего состояния»¹¹ с трофеями.

Третье предположение – это одежда и принадлежности кобулетца (гурийца из Кобулета (Кобулет) или его окрестностей – территории Гурии, входившей в состав Османской империи, промышленявшего работорговлей).

Четвертое предположение – это одежда, боевые и походные принадлежности не просто гурийца-подданного Османской империи, но майора¹² Османской армии.

Почему возможно столько версий о одном и тому же комплексу предметов? Дело в том, что в него входит несколько любопытных и частично противоречащих друг другу элементов.

Во-первых, «мячик с пришитыми к нему тесьмами»,¹³ являющийся непременной принадлежностью человека, похищающего людей. Как писал Иванин: «Пограничное положение Гурии с Турцией, в смежности с единоплеменниками гурийцев – кобулетцами, принявшими во второй половине прошлого столетия магометанскую веру, гористая и лесистая местность особенно способствует здесь к воровству людей, для чего преимущественно выбираются красивые мальчики и девочки от 8 до 12 лет. Чтобы крик пленных не открыл след похитителей, черкесы держат кинжал над пленным, угрожая смертью при

малейшем крике; лезгины всовывают ему в рот палку, а кобулетцы впихивают в рот шарик или мячик с пришитыми к нему тесьмами, которые и завязывают на затылке. При всех мерах осторожности и бдительности пограничной нашей стражи, ремесло это производится кобулетцами довольно успешно. Со времени Парижского мира украдено у гурийцев до 100 мальчиков и девочек». ¹⁴ Носили такой мячик-кляп обычно на поясе. О «пленопродавстве» и контрабанде как о любимом промысле части местного населения в окрестностях реки Чолок (Чолоки) в середине XIX в. говорили и многие источники того времени. Так, сведения об этом можно найти в «Записке о военных действиях Гурийского отряда...» ¹⁵ К сожалению, из привезенных М.И. Иваниным предметов мячик-кляп был утрачен еще в Москве.

Во-вторых, кремневое турецкое ружье в довольно простой отделке, без украшений ствола и ложа (скромные черневые украшения присутствуют только на ложевых кольцах), но с «арсенальной» надписью, на которой зафиксировано не имя владельца, а его чин.

В-третьих, кремневые, так называемые левантийские пистолеты, характерные для Османской империи.

В-четвертых, кинжал (рис. 3 и 4), который, отличаясь от остального входящего в этот комплекс оружия, является довольно дорогим и парадным. Он имеет высококлассный стальной клинок, украшенный насечкой золотом, рукоять из моржового клыка и ножны, обтянутые синим бархатом, с украшениями прибора в популярной для первой половины XIX в. манере в условно называемом «тифлисском стиле», сочетающемся с «турецким» элементом в закавказском исполнении – украшением соединительного шва с тыльной стороны ножен узкой полоской галуна. Этот кинжал имеет не самую «классическую» гурийскую отделку. При этом сама форма клинка, характеризующаяся массивным стальным клинком, с параллельными лезвиями, резко сходящимися друг с другом лишь у самого острия клинка, довольно характерна для гурийского кинжала.

В-пятых, пояс с сумочкой с элементами турецкой (трапезундской) отделки – набитыми заклепками и украшениями с использованием борозчатых кораллов.

Что касается пояса-кобуры, характерного для Османской империи, то такие пояса широко бытовали и в приграничных районах, в частности, в Гурии, входившей в состав Российской империи в середине XIX в.

Рис. 3. Гурийский кинжал, входящий в комплекс рассматриваемых предметов. Середина XIX в. Лицевая сторона. Собрание РЭМ
Рис. 4. Ножны кинжала. Середина XIX в. Тыльная сторона. Собрание РЭМ

Вместе с тем, в комплекс входит характерный гурийский головной убор «папанак» – головная накладка, носимая вместо шапки и состоящая из суконного кружка, обшитого позументом или вышитого серебром или золотом, к которой с боков пришиты шнуры для прикрепления к голове. Иванин записал, что современники полагали, что «эта накладка переделана из прежней пращи, употреблявшейся

для бросания камней»¹⁶. Насколько верно подобное утверждение, сказать трудно, но доподлинно известно, что аналогичные круглые плоские головные уборы разного диаметра были распространены не только у гурийцев, но у имеретин и частично у мегрел, и совершенно не зафиксированы у аджарцев и в Османской империи в целом.

Сам костюм в полном комплексе является довольно оригинальным образцом гурийского, ибо в нем имеется достаточно много черт, отличающих его от классического гурийского мужского костюма (рис. 5).

Рис. 5. Гурийцы («Гурийские милиционеры»). Вторая половина XIX в.
Собрание РЭМ

Верхняя куртка по цветовому решению характерна для одежды гурийской милиции, однако не имеет кармашков для газырей, зато у нее есть вышитые элементы и завязки, встречающиеся в турецкой и аджарской верхней распашной одежде. Да и характер вышивки всех элементов костюма сближает его с аджарскими образцами.

Но учитывая, что костюм по этнографическим меркам является достаточно ранним, некоторые противоречия в его отделке, возмож-

но, просто являются более ранними его вариантами, и аналоги некоторых элементов в других костюмах соседних областей вполне естественны.

Дело в том, что наше представление о том, кто такие гурийцы, да и сама субэтническая группа грузин-гурийцев, в современном понимании, сформировалась в довольно позднее время, несмотря на то, что этому предшествовала многовековая история. Немалую роль в этом процессе сыграла политическая история края, внесшая значительные коррективы в карту этнографических групп.

Гурия оказалась территорией с весьма непростой историей. Историей, которая в течение столетий резала «по живому» эту землю на части и связывала население как кровным родством, так и кровной враждой.

Уже в XVII в. на этой территории появилась значительная группа грузин, исповедующих ислам. В настоящее время их принято называть аджарцами. Но еще в XIX в. земли, где они проживают, считали частью исторической Гурии, завоеванной во второй половине XVI в. Османской империей. Население, проживавшее там, вынуждено было в большинстве своем принять ислам. Особо выделяли кобулетцев, проживавших в Кобулетском санджаке близ границ Российской империи. Это была территория Гурии, которая вошла в состав Турции в более позднее время, чем Ачара (Аджария) – во второй половине XVIII в. – и также частично была ислаимизирована.

Еще в XIX в. фиксировалось, что Гурия, состоя из формально христианского населения, имела гораздо больше общего с мусульманским населением Аджарского и Кобулетского санджаков, нежели с другими грузинскими землями,¹⁷ сохранялись достаточно тесные родственные связи между гурийцами, кобулетцами и аджарцами¹⁸. Одновременно отмечалось и начало формирования гурийской этнографической группы в черте современных политических границ, в связи с отчаянным противостоянием Османской империи, несмотря на месть и разорения за отказ от измены присяги в пользу Турции, за участие в военных действиях против османов и за переселение семей на период военных действий во внутренние территории края.¹⁹

Обстановка в Гурии в первой трети XIX в. была довольно нестабильной. Еще в начале XIX в. северная часть Гурии, сохранявшая относительную независимость, представляла собой отдельное княжество, которое в 1810 г. по воле своего владетельного князя (мтавара) Мамия V Гуриели приняло подданство Российской империи. После

его кончины в 1826 г. Гурией начала править вдова Мамии V – Тамара Гуриели (в качестве главы регентского совета в связи с малолетством ее сына Давида I). Она была недовольна ограничением своей власти советом из гурийских князей и тем, что была уравнена, таким образом, со своими подданными. А в связи с началом Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Тамара Гуриели вместе с сыном удалилась в Турцию,²⁰ что привело население в некоторое замешательство, ибо авторитет правящей династии был довольно велик. По Адрианопольскому мирному договору (1829) за Российской империей была утверждена только часть Гурии по правому берегу р. Чолоки и до устья р. Натанеби, остальная же ее часть (Кобулет) была оставлена за Турцией.²¹

В результате по р. Чолоки на протяжении большей части XIX в. (до 1878) проходила граница Российской и Османской империй.

Гурия, являясь приграничной зоной, стала во время Крымской войны непосредственным и открытым театром военных действий на Кавказе. Здесь, как и на территории приграничной Османской империи, было много сражений, во время которых могли быть взяты разные трофеи, как например, при победе на левом берегу р. Чолок (Чолоки) 4 июня 1854 г., когда войсками под командованием генерал-лейтенанта князя Ивана Малхазовича Андронникова был атакован турецкий лагерь и обращен в бегство корпус Селим-паши, отступившего с большими потерями в Кобулет. Тогда была захвачена турецкая артиллерия, знамена и лагерь со всем имуществом. Возможно, во время одной из таких побед и было добыто турецкое кремневое ружье, принадлежавшее майору османской армии.

Таким образом, весь комплект, подаренный ИРГО М.И. Иваниным, представляет собой уникальный комплекс одежды и снаряжения, предположительно собранный специально для генерал-майора и характерный для гурийцев, населявших приграничные районы Российской и Османской империй, и частично с трофейным оружием.

¹ РЭМ № 8762-13460, 8762-13458, 8762-13459, 8762-13457, 8762-13465, 8763-126, 8762-13466, 8762-13461, 8762-13464/1,2, 8762-13463/1,2, 8762-13462/1,2, 8762-15139/1,2, 8762-13467а,б (1–12), 8761-16435а,б, 8761-5247, 8761-5252, 8761-5253 и 8763-127.

² Этнографическое отделение МП и РМ было очень скромным и, можно сказать, случайным до завершения Первой Всероссийской этнографической выставки и включе-

ния экспонатов выставки в состав музея. Это произошло в связи с тем, что возникшие в процессе работы над проектом подготовки выставки проблемы, в первую очередь финансовые, были решены благодаря личной инициативе Василия Андреевича Дашкова, предложившего значительную сумму (40 тыс. рублей) на организацию выставки. Условия этого пожертвования были весьма благородны. В.А.Дашков желал, чтобы по окончании работы выставки все предметы были переданы в созданный на ее основе музей, назвать который он предложил Русским этнографическим. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии приняло помощь Дашкова и ходатайствовало о передаче этнографических предметов по завершении выставки в МП и РМ под именем «Дашковского этнографического музея, устроенного при содействии Общества любителей естествознания при Московском университете». Столь длинное название не прижилось, но этнографическое отделение в Московском Публичном и Румянцевском музеуме стали именовать Дашковским музеем. А сам В.А. Дашков с 1867 г. стал директором МП и РМ и руководил этим учреждением вплоть до своей кончины в 1896 г.

³ Архив РЭМ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 25. Л. 88–93; Ф. 5. Оп. 4. Д. 30. Л. 62; Ф. 5. Оп. 4. Д. 31. Л.14; Указатель Русской этнографической выставки, устроенной Императорским Обществом любителей естествознания, состоящем при Московском университете. М., 1867. С. 36; Миллер В.Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского Этнографического музея. Вып. 2. М., 1889. С. 53; Описи отдела научной документации РЭМ: МН оп. Кн. № Т19, Т22, Д7, ОК1.

⁴ Указатель Русской этнографической выставки, устроенной Императорским Обществом любителей естествознания, состоящем при Московском университете. С. 36.

⁵ Деятельность Русского Географического Общества, основанного в 1845 г., оказала огромное влияние на развитие разнообразных естественных и гуманитарных наук, связанных с изучением родной земли. Накапливавшиеся и аккумулировавшиеся в обществе знания, получаемые в результате экспедиций, путешествий, частных поездок, анализировались в его соответствующих отделениях и находили отражение в научных трудах. Вскоре в Русском Географическом Обществе начал формироваться музей. Туда передавались поступавшие в общество этнографические предметы. Среди членов ИРГО были ученые (в разных областях знаний), мореплаватели и путешественники, видные военные деятели, государственные чиновники и члены императорской фамилии. Среди военных специалистов больше всего было офицеров Генерального штаба, что не удивительно, ибо именно они тщательнейшим образом занимались приграничными областями и границами российского государства, а кроме того – разведкой.

⁶ М.И. Иванин (1801–1874) – выпускник 1-го кадетского корпуса (1822), артиллерист, выпускник Императорской военной академии (1834), участник Хивинской экспедиции 1839–1840 гг., участник Крымской войны 1853–1856 гг., действительный член ИРГО, член военно-ученого комитета Генерального штаба, военный историк, автор множества научных трудов, среди которых наиболее известный: «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане».

⁷ Архив РГО. Ф. 1-1879. Оп. 1. Д. 16. Л. 95–96.

⁸ Вестник ИРГО. Ч. 23. СПб., 1858. Приложения. С. 21, 29; Отчет о действиях ИРГО за 1858 год. СПб., 1859. С. 57 [публикация сделана с двумя опечатками: вместо «от Действительного члена М.И. Иванова» напечатано: «М.И. Иванова», вместо «одежда, боевые и походные снаряды гурийского воина» напечатано «войска»].

- ⁹ Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб., 2003. С. 22.
- ¹⁰ Перевод научного сотрудника Государственного Эрмитажа, кандидата исторических наук. Е.И. Малоземовой: «sahipmayug».
- ¹¹ Архив РГО. Ф. 1-1879. Оп. 1. Д. 16. Л. 95.
- ¹² Военный чин майора был введен в Османской армии в результате реформ 1840-х гг., проводившихся при султанах Абдул-Меджиде I.
- ¹³ Архив РГО. Ф. 1-1879. Оп. 1. Д. 16. Л. 95 об.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5625. Л. 17 об. («Записка о военных действиях Гурийского отряда за время командования генерала Князя Ивана Константиновича Баграциона-Мухранского, составленная Начальником штаба его отряда полковником Усларом», 1855 г.).
- ¹⁶ Архив РГО. Ф. 1-1879. Оп. 1. Д. 16. Л. 95.
- ¹⁷ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. 10. 1844–1854. Тифлис, 1885. С. 264.
- ¹⁸ Там же. Т. 12. 1856–1862, Тифлис. 1904. С. 49.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Т. 10. 1844–1854. С. 263.
- ²¹ Там же.

М.А. Несин (Великий Новгород)

О ЛОКАЛИЗАЦИИ МЕСТА ШЕЛОНСКОЙ БИТВЫ И ИНЫХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ МОСКОВСКО-НОВГОРОДСКОЙ ВОЙНЫ 1471 ГОДА

МОСКОВСКО-НОВГОРОДСКАЯ война 1471 г. сыграла значительную роль в покорении обширной Новгородской земли. Победа великокняжеского войска над новгородским ополчением на Шелони решила исход всей кампании. Историки с данных пор предпринимали попытки локализовать место Шелонской битвы. Еще в дореволюционные времена в низовьях р. Шелони проводились археологические раскопки, результаты которых, впрочем, не позволили точно локализовать место битвы¹. В работах дореволюционных исследователей Н.И. Костомарова², А.М. Байова содержатся первые концепции о месте побоища³.

В самые последние годы опубликованы работы А.М. Иванова. При помощи подводных археологических изысканий в 2008–2014 гг. исследователь пытался установить точное место переправы великокняжеских полков, примерно напротив которой, на левой стороне Шелони, согласно всем летописным версиям, было обращено в бегство новгородское ополчение. Следов переправы обнаружено не было, но А.М. Иванов высказал предположение, на каком участке она, скорее всего, производилась. И наконец, он предложил свой вариант прочтения нескольких летописных известий. Прежде всего, Псковской III летописи, где говорится о р. Дрянь⁴.

В 1998 г. В.Л. Янин установил место «межи» Лютой и «Скиру», где потерпели поражение псковичи, союзники Ивана III, отправившиеся разорять новгородские рубежи, а также указал, где была Навережская губа, которую разорили вышегородцы в отместку за вторжение псковичей в Новгородскую землю⁵.

Наконец, в 2009 г. вышла моя статья о локализации места сражения у с. Коростынь между теми же самыми великокняжескими полками и новгородской судовой ратью⁶. Несколько лет спустя были опубликованы работы А.М. Иванова и А.В. Степанова, которые на основе добытых ими на дне оз. Ильмень артефактов предложили несколько иную точку зрения о месте высадки судового десанта⁷.

В 2014 г. вышла моя работа, где я установил место сражения великокняжеской и новгородской судовых ратей на р. Северная Двина, близ р. «Шеленги», после которого новгородцам пришлось уступить победившей стороне Двинские земли⁸.

Таким образом, можно заключить, что проблема локализации мест боевых действий вышеуказанной кампании не самая популярная в историографии, однако, ученых она занимает достаточно давно, и некоторые положительные результаты были достигнуты. Дискуссионным остается вопрос о топографии Коростынского сражения и не решен вопрос о локализации места решающей Шелонской битвы. В данной статье будет подробно рассмотрен вопрос локализации этих двух битв, а также выявлено географическое положение других мест, где проходили войска.

Коростыньское сражение

Оно произошло в начале июля между великокняжескими полками воевод Холмского и Хромого и новгородской судовой ратью.

Исследователи сходятся на том, что это сражение происходило близ с. Коростынь (ныне оно относится к Шимскому району Новгородской области) на берегу оз. Ильмень. Хорошо известно, что согласно версии великокняжеского летописания многие новгородцы утопи в воде, а доспехи с павших новгородских ратников москвичи метали «в воду»⁹. Однако далее мнения расходятся.

Ныне существуют две точки зрения.

В 2009 г. вышла моя статья, где я, основываясь прежде всего на данных великокняжеского летописания, предположил, что новгородцы высадились далеко от московского лагеря и, скорее всего, близ устья р. Шелонь, а затем пешком пришли тайком под самые «станы» неприятелей. Московские служилые воины, в последний момент предупрежденные лагерной охраной, быстро вскочили и тут же на месте вступили в бой с новгородскими ратниками и одержали над ними победу. Место московской стоянки, фактически совпавшее с полем битвы, я локализовал на широком ровном плато между Коростынью и береговым об-

рывом, где спокойно могло стать лагерем несколько тысяч человек¹⁰.

Ныне А.М. Иванов и А.В. Степанов предложили иной вариант локализации места битвы. Прежде всего, это касается места высадки десанта. На дне оз. Ильмень, примерно напротив с. Коростынь они в 2009–2010 гг. обнаружили топор, наконечники стрел и сулицы, относящиеся к эпохе Средневековья, а также корабельные гвозди и скобы. На этом основании они сделали однозначный вывод, что место высадки десанта соответствовало месту битвы.

В то же время сами исследователи признают, что к XV столетию можно с достаточной уверенностью отнести только топор¹¹ (при датировке находок А.М. Иванов и А.В. Степанов опирались на их внешний облик, позволяющий соотносить их с аналогичными средневековыми предметами).

И если скопление здесь предметов средневекового вооружения может свидетельствовать в пользу того, что бой был напротив этого места, на берегу, то отнесение к этому времени корабельных предметов – скоб и гвоздей, на мой взгляд, нуждается в дополнительном обосновании, тем более, что исследователи сами склоняются к выводу, что это место издавна использовали, к примеру, для зимней конной переправы по льду¹². Вполне логично, что могли использовать и для места погрузки и выгрузки судов в период навигации.

Если следовать логике А.В. Иванова и А.М. Степанова, то получается, что новгородцы, вопреки летописным сведениям, вовсе не пытались совершить внезапное нападение, а наоборот, причалили в прямой видимости от неприятельского лагеря. А поскольку одних убитых в том бою новгородцев было 500 человек¹³, то вся судовая рать составляла, по-видимому, несколько десятков судов. А приближение такой флотилии москвичи не могли заранее не увидеть, не услышать. И у них в таком случае было время подготовиться к бою. Но тогда новгородцы изначально шли на верную гибель и поражение. Ведь для того, чтобы пешему десанту на суше в открытом бою успешно сражаться с профессиональным конным служилым войском в несколько тысяч всадников, новгородцев должно было самих быть не менее нескольких тысяч. И они должны были приплыть более чем на ста кораблях. Сомнительно, чтобы Новгород снарядил такую судовую рать, тем более, что новгородцы и так отправили в Русу вторую, большую этой, а потом двинулись на Шелонь огромным войском, значительно многочисленнее, чем поравнявшийся с

ними там же 4–5-тысячный великокняжеский отряд. А также еще до этого послали на Северную Двину некоторых своих городских бандитов – шильников. Не говоря уж о том, что то лето было на Руси на редкость засушливым (что и послужило для москвичей поводом пойти на болотистый Новгородский край в поход к лету) и если бы прибывшая к Коростыни новгородская судовая рать состояла более чем из сотни судов, то она была бы весьма неповоротливой, вдобавок, она пристала бы к берегу широкой полосой, и москвичам было легко разбить ратников на месте поодиночке.

Поэтому версия московского великокняжеского летописания о том, что новгородцы причалили незаметно для москвичей и внезапно возникли «под самыми станами», кажется более правдоподобной. Но тогда новгородский десант должен был проплыть вдоль западного берега озера и причалить на достаточном отдалении от Коростыни, а потом пешком пройти по берегу, очевидно, в обход.

У московского войска, предупрежденного об опасности в самый последний момент лагерными «сторожами», было время разве что вскочить и фактически прямо в лагере начать отражать атаку. Но все-таки оно одолело новгородскую пехоту. 500 человек пало, а тех, кого взяли в плен, подвергли издевательствам – заставили друг другу резать носы и уши и в таком виде отправили в Новгород, как видно, в назидание.

При этом, место битвы на берегу могло быть примерно напротив того, где А.М. Иванов и А.В. Степанов обнаружили предметы русского средневекового вооружения. Вполне вероятно, что эти находки имели отношение к вооружению павших новгородцев, которое победители, как известно, метали в воду.

От пленников великокняжеские воеводы, очевидно, узнали о приближении второй новгородской судовой рати – московские войска поспешили обратно в Русу и успели аккурат к ее прибытию. Второй новгородский десант внезапно не смог причалить – наоборот, теперь уже москвичи заранее шли ему навстречу. И несмотря на то, что он был больше первого, победа вновь досталась великокняжескому войску.

Новгородцы же, когда к ним пришли изувеченные бойцы первой, коростынской судовой рати, послали к великому князю посла с предложением о мире и лживыми заверениями, что Новгород, якобы, не посылал ни разу войска против великокняжеских людей. Но к великому князю уже успел прибыть гонец из-под Русы и сообщить

о победе над двумя новгородскими судовыми ратями. Что касается новгородцев, то к тому времени они готовились идти воевать против псковичей, которые сами собирались пойти войной на новгородские владения в качестве московских союзников. Никто тогда не знал, что до псковских рубежей никому из них дойти будет не суждено.

Поиски места Шелонской битвы – история и перспективы

Место такого важного и знаменитого сражения, каким была Шелонская битва, исследователи ищут не первое столетие. Из летописей известно, что новгородцы шли воевать с московскими союзниками на запад по левому берегу р. Шелонь. А тот самый великокняжеский отряд, что разбил в Приильмень 2 судовые рати в это время, наоборот, двигался в ту же сторону по правому берегу, но для соединения с псковским воинством. Ближе к вечеру оба неприятельских войска заметили друг друга. Для них эта встреча была в равной степени неожиданной. Московские воеводы Холмский и Хромой никак не рассчитывали на такой оборот дела и по беспечности к тому времени распустили значительную часть войска на грабежи, и теперь у них было значительно меньше воинов, чем у неприятельского ополчения. Вечером оба войска встали на ночлег, а наутро москвичи форсировали реку и вскорости разгромили новгородцев. Где точно находилось место битвы, летописи не говорят. Из псковских источников можно лишь заключить, что новгородцы были разбиты, не доходя до Мусцов и Сольцов, т. е. восточнее этих населенных пунктов, ниже по течению р. Шелонь.

Ученые в разные времена пытались разрешить эту загадку.

В автобиографии Н.Н. Костомарова есть интересное сообщение об обнаруженной им груде человеческих останков, присыпанных береговым песочком при впадении р. «Дрянь» в Шелонь. Холм оказывался на правом, восточном берегу этого притока. А сам приток, по словам ученого, впадал в Шелонь в нескольких верстах к западу от Велебиц, но не доезжая часовни. (имеется в виду часовня в Егольнике. – *М.Н.*). Н.И. Костомаров предположил, что основное сражение проходило выше по р. Шелонь, ближе к Сольцам, а дальше новгородцы вскоре побежали, но уперлись в р. Дрянь и там нашли свою гибель от преследовавших неприятелей¹⁴. Вычислить это место не сложно. Костомаров «ехал» со своим спутником от Велебиц к Сольцам. Соответственно, мог двигаться лишь по старому Солецкому тракту. Сейчас эта дорога сохранилась и является главной улицей деревень Скирино, Велебицы, Егольника. А между Велебицами и

часовней в Егольнике с нее видно устье лишь одного левого притока Шелони – р. Тополевик. Выходит, холм с человеческими останками находился на правом берегу этого ручья близ впадения его в Шелонь. Сейчас в этом районе нет никаких его признаков, зато имеются воронки снарядов. По-видимому, он был стерт с лица земли в ходе обстрелов во время Великой Отечественной войны.

Сразу заметим, что версия Костомарова противоречит сведениям Псковской III летописи, где река Дрянь упоминается. Как известно, согласно этому документу, москвичи переправились к новгородцам через нее и тут же их разбили¹⁵, а вовсе не новгородские ополченцы бежали от них, пока в нее не уперлись. Тем не менее, свидетельства о человеческих останках в устье р. Тополевика весьма интересны, равно как и крайне необычный способ их погребения. Ведь им не рыли могилы, как принято у христиан, а просто покидали грудой и присыпали местным песочком. Соответственно, отнеслись к ним очень неуважительно и хоронили наскоро. К сожалению, военные снаряды, похоже, уничтожили этот курган бесследно, а сам Костомаров не мог датировать останки современными методами. Тем не менее, маловероятно, что они относятся к Смутному времени, так как массовой резни в тех местах в тот период неизвестно. Правда, на р. Шелони в начале XVII в., в Порхове произошло восстание против шведов. Но Порхов находится примерно в 80 км от д. Скирино. Поэтому не исключено, что останки относятся именно к войне 1471 г., когда Иван III, согласно великокняжескому летописанию, пошел на новгородцев как на язычников и иноплеменников¹⁶. А участвовавшие в Шелонской битве воеводы Холмский и Хромой отличались жестоким нравом, судя по тому, как они поиздевались над новгородскими пленниками на Коростыни, заставив их друг другу резать носы и уши. Таким людям ничего не стоило похоронить павших неприятелей, как собак, присыпав песком, чтобы не распространяли вокруг запах тления, пока они в течение нескольких дней «стояли на костях».

Другим дореволюционным исследователем, пытавшимся найти место битвы, был А.К. Байов, написавший самый знаменитый труд на эту тему. Предложенная им локализация места битвы – в устье р. Тополевика против д. Скирино – до сих пор является наиболее популярной в историографии. А.К. Байов исходил из того, что берега реки в этом месте не должны были быть крутыми, чтобы можно было форсировать ее на конях. Также он предположил тождество

летописной р. Дрянь и р. Тополевика. Кроме того, он полагал, что новгородцы бежали от москвичей на 12–13 верст вдоль р. Шелонь до р. Мшага. Правда, эти 12 верст он высчитал своеобразно, взяв за основу сведения составленных на рубеже XV–XVI вв «Словес избранных иже толковых суть» о расстоянии в 20 поприщ, которое пробежали великокняжеские воины, преследуя новгородцев. А длина поприща, по мнению ученого, составляла около 2/3 версты. К таким выводам он пришел, обратив внимание на сообщение того же источника о ширине Ильмень-озера в 60 поприщ, хотя в верстах она не превышала 40¹⁷. Между тем, в московском великокняжеском своде 1472 г. прямо сказано, что москвичи мчались за неприятелем «дванадесят» – 12 верст¹⁸!

А москвичи в те годы иногда использовали путевые версты, примерно соответствующие одному километру, или чуть больше. В великокняжеской летописной повести о походе Ивана III миром в Новгород осенью 1475 г. составленной, по-видимому, на основе походного великокняжеского дневника, сказано, что он был в Рыдине на р. Холове в 90 верстах от Новгорода, в Лытне на Мсте в 50 верстах, и в Плашкине на той же реке в 25 верстах от города¹⁹. Если перевести это в километры, то от этих мест получится около 100, 55 и 25 км до города. Соответственно, одна верста была чуть больше современного километра.

Едва ли при описании Шелонской битвы великокняжеский хронист пользовался другими верстами. Ведь москвичи успели проскакать их, поймать пленников, вернуться назад с пленниками, а воеводы – допросить пленных в пределах утренних часов – «по рану»²⁰. Таким образом, от места битвы они проскакали за убегающим неприятелем около 12–13 км.

Если это расстояние отсчитать назад вверх по Шелони от устья р. Мшаги, то получится, что место битвы было у р. Тополевика против д. Скирино.

Правда, это актуально, только если считать, что москвичи, согласно Псковской II летописи, преследовали новгородцев до Мшаги, а не до Голина в устье Шелони, как сказано в Псковской III летописи.

В 2000-х гг. в Скирине близ моста через р. Тополевик было установлено два памятных знака в честь победы великокняжеских войск над противниками московской централизации.

Между тем, недавно вышли работы А.М. Иванова о поисках места Шелонской битвы. В первой из них он предполагал, что место пере-

правы через р. Шелонь могло быть как к востоку от устья р. Тополе-вика, так и к западу. Но в последней работе он, наоборот, утверждает, что западнее левого берега ручья искать нецелесообразно, так как выше по течению дно слишком глубоко для конной переправы²¹.

Впрочем, если переправляться через р. Шелонь в непосредственной близости от правого берега ручья, то там глубины небольшие. Летом 2015 г. мною был лично проведен опыт. Я смог пересечь пешком реку в этом месте вброд. Реки на северо-западе России в том году были очень маловодными после малоснежной зимы, в самом Новгороде даже была запрещена навигация. Но зато эксперимент получился достаточно «чистым», поскольку в 1471 г. реки тоже сильно обмелели, хотя и по причине летней засухи.

Кроме того, А.М. Иванов скептически отнесся к сведениям Псковской III летописи о том, что москвичи перед тем, как напасть на новгородцев, бросились в р. Дрянь. По его мнению, это похоже на позднейшую вставку или ошибку в относительно позднем источнике. Исследователь справедливо отметил, что сообщение летописца кажется несколько противоречивым: только что оба войска двигались по разным сторонам р. Шелонь, а потом москвичи бросились в р. Дрянь, переправились вброд через нее же, но при этом почему-то сразу оказались на другой стороне р. Шелонь, где и начался бой. Поэтому ему кажется предпочтительнее версия Псковской II летописи, где никакой р. Дрянь нет, а фигурирует лишь Шелонь²². Вместе с тем, псковские летописания никогда не давали никаких новгородским и другим иноземным топонимам нарочито уничижительных прозвищ. Надо думать, что какая-то речка с подобным названием действительно была в Новгородской области. Кажущаяся нелогичность рассказа Псковской III летописи легко объясняется следующим обстоятельством. Если считать, что р. Дрянь – это Тополевик, то стоит учесть, что этот ручей впадает в Шелонь под углом. И, стоя лагерем напротив его устья, московские воеводы могли подумать, что если переправиться через Шелонь прямо напротив новгородского лагеря, то можно на конях утонуть, так как против устья притоков речное дно всегда несколько углубляется. А так как в тех местах не было брода²³ и некоторые москвичи на переправе через Шелонь и без того «ополвоша»²⁴, то эта предосторожность была отнюдь не лишней. И поэтому они пошли несколько обходным путем: сперва переправились на конях через Шелонь, а потом – через р. Дрянь. Другое дело, что такой способ переправы был тоже не лишен своих недостатков:

московские воины оказывались под обстрелом у новгородцев, как те, кто пересекал Тополевик, так и те, кто еще только перебирался через Шелонь. Последних новгородским ополченцам и вовсе было удобно обстреливать сбоку. В этой связи не удивительно, что крюк, связанный с переправой через р. Дрянь, мог запомниться современникам даже больше, чем просто само по себе форсирование Шелони.

Однако с выяснением места Шелонской битвы возникает другая проблема. Псковские летописи относят ее к району Мусцов и Сольцов, но уточняют, что новгородцы «не дошед» до них. Но, согласно Псковской II летописи, москвичи потом преследовали новгородцев до р. Мшаги, а по Псковской III летописи — до Голина²⁵, расположенного в устье р. Шелонь. Если признать наиболее верным первый вариант, то тогда р. Дрянь — это ручей Тополевик, расположенный в 13 км от Мшаги, и переправа через Шелонь была чуть выше его устья, но новгородцев разгромили за ним, ниже него. Тогда найденный Н.И. Костомаровым холм костей был братской могилой павших новгородцев. Москвичи насыпали его по другую сторону ручья от места битвы, на котором они стояли лагерем «на костях». Надо сказать, на самом кладбище у христиан жить не принято, оно обычно находится немного в стороне.

А если признать более достоверной вторую версию, то надо отсчитать вверх по р. Шелонь около 13 км. не от Мшаги, а от Голина. В таком случае, новгородский лагерь был в районе современной д. Бор. Любопытно, что напротив нее есть заливной остров, отделенный от правого берега узкой протокой. Неизвестно, был ли этот остров 545 лет назад. Но в той местности, недалеко от устья р. Мшаги, логично себе представить постоянное существование подобных пойменных островков. Не может ли отделяющая его от берега протока претендовать на тождество с р. Дрянь?

Недостаток этой версии состоит в том, что ныне в том районе глубина р. Шелонь не позволяет перейти вброд пешком (проверено лично летом 2015 г.). Соответственно, всадник тоже не смог бы переехать так, чтобы не утопить коня (под вооруженным воином он плавать не может). Правда, за 545 лет глубина реки могла измениться. Но едва ли намного, ведь немного выше по течению под углом в р. Шелонь впадает крупная р. Мшага. И ее устье вполне прямо нацелено на правый берег Шелони против Бора. В таких местах глубина реки всегда увеличивается. Для переправы это место было весьма опасным.

Псковскому летописцу, для которого Новгородская земля все-таки не была родной, р. Мшага, безусловно, казалась относительно близко к Голину, с этим, возможно, и связано расхождение в псковских летописях относительно определения места, до которого победители преследовали бежавшее новгородское войско. Другое дело, что от Бора до Сольцов около 25 км. А это, наверное, все-таки слишком большое расстояние, чтобы псковский хронист мог соотносить эту местность с ними.

Поэтому, на мой взгляд, локализация Шелонской битвы возле д. Скирино мне кажется наиболее вероятной.

На мой взгляд, целесообразно исследовать дно р. Шелонь справа от устья р. Тополевик на предмет поисков наконечников средневековых стрел и сулиц.

После победы над новгородцами московские войска некоторое время стояли «на костях», а затем не пошли на соединение со псковичами, ведь решающая победа над Новгородом была одержана. Согласно великокняжескому своду 1472 г., они двинулись на северо-запад и разоряли новгородскую землю до «морья» и Ливонского рубежа – р. Нарвы, разоряя при этом «посады»²⁶. Так как посадами в Московском государстве назывались именно городские кварталы, есть основание полагать, что они пограбили посады новгородских укрепленных пригородов – Яма (ныне г. Кингисепп в Ленинградской области) и Копорья (одноименное сельское поселение в той же области) А затем они дошли до Нового села – ныне Ивангорода, стоящего на берегу р. Нарвы напротив крепости.

Несколько слов о псковичах

Между тем, псковичи, союзники великого московского князя Ивана III, в июле также действовали против Новгорода. Нас в данном случае интересуют их действия под Новгородом. В конце июля, когда Иван III стал лагерем на Коростыни, псковичи, согласно Псковской III летописи, двинулись к Новгороду и стали в «Князичах»²⁷. Согласно великокняжескому летописному своду 1472 г., они встали в 20 верстах от Новгорода у храма Спаса на Милице²⁸. Любопытно, что в некоторых писцовых книгах Ильменского Поозерья – района, расположенного у северо-восточного побережья Ильмень-озера, между ним и р. Веряжей, упоминается Княжева пустошь²⁹. В Московской Руси князья там землями не владели. Очевидно, имеются в виду те самые Князичи, с храмом Спаса на Милице, возле которого в 20 верстах от Новгорода встала псковская рать. Так как в данной

летописной повести о походе на Новгород упоминаются путевые версты длиной около одного километра, то псковичи, надо полагать, расположились примерно в 20 км от Новгорода.

Двинские городки, разоренные великокняжеской судовой ратью на р. Северная Двина

Между тем, в 1471 г. боевые действия шли также в Двинской земле. 27 июля в среднем течении Двины у устья р. Шиленьги судовая рать великокняжеских воевод Образца и Слепца одолела новгородскую судовую рать. Эта победа была решающей. После нее новгородцы вынуждены были уступить Московскому княжеству Двинскую землю, бассейн Северной Двины (ныне Архангельская область и часть Коми). После победы у Шиленьги московские воеводы, по данным Типографской летописи и «Словес избранных», повели своих ратников разорять некоторые двинские «городки»³⁰ Источники эти городки не называют, однако согласно новгородским спискам городов дальних и ближних, «за Волоком», на самой Двине в перечне укрепленных пунктов значатся Холмогоры, а также расположенный неподалеку от них на р. Емец Емецк и некий городок «на Ваге»³¹ (по-видимому, Шенкурск. – *М.Н.*). Неизвестно, стали ли плыть разорять последний, так как он весьма удален от р. Двины. Но первые два, по-видимому, разграбили.

«Устье Шелони» и место Коростынского мира

Считается, что 27 июля Иван III прибыл из Руси на побережье озера Ильмень в район Коростыни, где вскоре заключил перемирие с новгородцами. В великокняжеском летописании есть оборот «между Берег и Коростын», который В.Л. Янин предложил интерпретировать как «между Бурегами и Коростынью»³². Бурегы – бывший центр одноименного погоста – находятся в 5 км к юго-востоку от Коростыни. Добавим, что гипотеза В.Л. Янина подтверждается известием новгородского жития Михаила Клопского, согласно которому великий князь должен расположиться в Бурегях³³. Вместе с тем, в том же великокняжеском летописании есть упоминание, что Иван III направился в «устье Шелони»³⁴. Казалось бы, хронист допустил крайне неудачную ассоциацию Коростыни с устьем р. Шелони. А тем более, места, расположенного между Бурегами и Коростынью, откуда открывается вид не на устье этой реки, а на просторы Ильменя, а до места впадения р. Шелони никак не менее 15 км.

Вместе с тем, в Типографской летописи, в которой отразилось современное ростовское летописание, читаем, что великий князь не

захотел до конца «губить» Новгородскую свою «отчину» и вернулся с «усть Шолоны», после чего заключил мир с новгородцами³⁵. Следовательно, место заключения Коростынского мира на самом деле никак с устьем Шелони у современников не ассоциировалось.

Проливает свет на это известие Устюжского свода, что Иван III вместе с братьями стоял «на Шелони» и собирался со всеми своими войсками идти осаждать Новгород. После этого новгородцы послали великому князю своих послов и те подписали суровые московские условия перемирия³⁶. Таким образом, Иван III прибыл из Русы к устью Шелони (видимо, стал против Голина, где в средневековье был брод и шла дорога на Новгород. Известно, что в 1270 г. великокняжеские и новгородские войска стояли там друг против друга на разных берегах реки. – *М.Н.*) и стал делать вид, что собирается пойти войной на сам Новгород. Этим он, надо полагать, хотел подтолкнуть новгородцев просить мир на любых условиях. И успешно этого добился. Но новгородскую делегацию он уже встретил мирно, и не напротив Голина, а в 15 км к юго-востоку, на берегу оз. Ильмень, между Коростынью и Бурегами. Там и было заключено Коростынское перемирие, которое подвело итог той кампании.

¹ Байов А. Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 году 14 июля: военно-историческое исследование ординарного профессора Императорской Николаевской военной академии и действительного члена Императорского Русского Военно-Исторического Общества А.К. Байова. Петроград, 1915. С. 67–76.

² Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1990. С. 588–590.

³ Байов А.К. Указ. соч. С. 32–36.

⁴ Иванов А.М. 1) Поиски места Шелонской битвы (2008–2012 годы) // Новгород и Новгородская Земля: история и археология (далее – ННЗ): материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б.А. Колчина, Великий Новгород, 28–30 января 2014 г. // Новгородский государственный объединенный музей-заповедник / Отв. ред. В.Л. Янин. В. Новгород, 2014. Вып. № 28. С. 318–328; 2) Поиски места Шелонской битвы 2008–2014 гг. // ННЗ. В. Новгород, 2015. Вып. № 29. С. 220–231.

⁵ Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XX веков. М., 1998. С. 118, 122.

⁶ Несин М.А. Битва между московскими полками и новгородской судовой ратью у села Коростынь летом 1471 г. (топографический комментарий) // Новгородика-2008. Вечевая республика в Истории России: материалы Международной научно-практической конференции 21–23 сентября 2008 г. В. Новгород, 2009. Ч. 1. С. 189–192.

⁷ Иванов А.М. Локализация места Коростынского сражения 1471 года // ННЗ. Вып. № 25. С. 356–368; Иванов А.М., Степанов А.В. О локализации места Коростынского

сражения 1471 года. Подводные исследования на озере Ильмень // Проблемы изучения и сохранения морского наследия России. Тезисы докладов Первой Международной научно-практической конференции (27–30 октября 2010 года, Санкт-Петербург). Калининград, 2010. С. 102–103.

⁸ Несин М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т. VI. С. 46–68. <http://www.milhist.info/2014/12/12/nessin_2> (12.12.2014).
⁹ ПСРЛ. Л., 1959. Т. 26. С. 237.

¹⁰ Несин М.А. Битва между московскими полками и новгородской судовой ратью у села Коростынь летом 1471 г. (топографический комментарий). С. 189–192.

¹¹ Иванов А. М. Локализация места Коростынского сражения 1471 года. С. 356–368; Иванов А.М., Степанов А.В. О локализации места Коростынского сражения 1471 года. Подводные исследования на озере Ильмень. С. 102–103.

¹² Там же.

¹³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 408.

¹⁴ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 588–590.

¹⁵ Псковские летописи. М., 1955. Вып. № 2. С. 182.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 26. С. 236; ПСРЛ. Л., 1962. Т. 27. С. 132.

¹⁷ Байов А.К. Указ. соч. С. 32–36, 63. Примеч. № 67.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 26. С. 238; ПСРЛ. Т. 27. С. 133. В. В. Колесов, впрочем, почему-то перевел это слово, как «двадцать» (Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7. С. 301). Но не исключено, что это опечатка. То же самое слово – «дванадесять», обозначающее в том же источнике количество тысяч павших новгородцев, он интерпретировал верно, как двенадцать (там же).

¹⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. № 2. Стб. 242–243.

²⁰ ПСРЛ. Т. 26. С. 238; ПСРЛ. Т. 27. С. 133.

²¹ Иванов А.М. 1) Поиски места Шелонской битвы (2008–2012 годы). С. 327–328;

2) Поиски места Шелонской битвы 2008–2014 гг. С. 230–231.

²² Иванов А. М. Поиски места Шелонской битвы (2008–2012 годы). С. 323.

²³ ПСРЛ. Т. 26. С. 238; ПСРЛ. Т. 27. С. 133.

²⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. 24. С. 191.

²⁵ Псковские летописи. С. 55, 182.

²⁶ ПСРЛ. Т. 26. С. 239; ПСРЛ. Т. 27. С. 133–134.

²⁷ Псковские летописи. С. 183.

²⁸ ПСРЛ. Т. 26. С. 241; ПСРЛ. Т. 27. С. 135.

²⁹ Ильменское Поозерье и смежные территории в конце XV – XVII вв. М., 2014. С. 117, 194.

³⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 410; ПСРЛ. Т. 24. С. 192.

³¹ См. напр.: ПСРЛ. Т. 3. С. 477; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 462. В последнем источнике по ошибке составителем не там поставлена запятая, и поэтому вместо «Емецк, на Ваге» указан «Емецк на Ваге», хотя известно, что онный город стоит отнюдь не на этой реке.

³² Янин В.Л. Средневековый Новгород. М., 2000. С. 390.

³³ Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С.414–431.

³⁴ ПСРЛ. Т. 26. С. 241; ПСРЛ. Т. 27. С. 135.

³⁵ ПСРЛ. Т. 24. С. 191.

³⁶ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 47, 92.

В.О. Никитин (Санкт-Петербург)

УЧАСТИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ ИЗ РУССКИХ ПРИМОРСКИХ КРЕПОСТЕЙ В ПОХОДАХ ПРАКТИЧЕСКИХ ЭСКАДР БАЛТИЙСКОГО И ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТОВ В 90-е ГОДЫ XIX ВЕКА

В 1889 г. в кабинетах Главного артиллерийского управления заходит речь о том, что для более эффективного обучения офицеров, служащих в гарнизонах береговой артиллерии, необходимо проводить ежегодные практики на кораблях военно-морского флота с возможностью участия в стрельбах.

В марте 1889 г. товарищ генерал-фельдцейхмestера генерал-адъютант Л.П. Софиано в рапорте начальнику Главного морского штаба пишет, что, по его информации, артиллерийские офицеры из приморских крепостей испытывают серьезный недостаток знаний по вопросам устройства современного флота и действий морской артиллерии¹. По мнению Софиано, в связи с тем, что «наш современный флот и его вооружение имеют много общего с флотами иностранных государств»², необходимо возбудить вопрос о ежегодном командировании из каждой приморской крепости по одному офицеру на учебно-артиллерийские эскадры Балтийского и Черноморского флотов для изучения практической стрельбы морской артиллерии, а также для ознакомления офицеров береговой артиллерии с устройством современного флота.³

Возражений со стороны Главного морского штаба не возникло, и в том же 1889 г. появляется «Инструкция для сухопутных артиллерийских офицеров на военных судах». Ее положения позволяют нам понять, что Главное артиллерийское управление ждало от этих командировок и чем, собственно, офицеры должны были там заниматься. Конечно, артиллеристы должны были составлять краткие журналы

практики и делать отчеты, однако, несмотря на многочисленные упоминания этих отчетов в делопроизводстве канцелярии Главного артиллерийского управления, сами документы на данный момент выявить не удалось. Позволим себе привести текст инструкции:

Инструкция для занятий сухопутных артиллерийских офицеров на военных судах.

Параграф 1.

Во все время пребывания на судах флота командированные от береговых крепостей офицеры обязательно ведут краткий ежедневный журнал занятий, в котором обозначают: а) род занятий, производившихся в их присутствии; б) роды орудий, при которых было ученье; в) виды практической стрельбы, с подробными указаниями, относительно зарядов, снарядов, мишеней, результатов и прочее.

Журналы эти вчерне, по прибытии офицеров в крепости, – немедленно представляются командирам крепостных артиллерий.

Параграф 2.

Командированные офицеры составляют подробные отчеты, которые должны быть представлены также командирам крепостных артиллерий не позже 1 января следующего года, а командиры крепостных артиллерий отчеты эти с своими заключениями представляют по команде в Главное Артиллерийское Управление и Комendanтам.

Параграф 3.

В отчетах должны быть нижеследующие сведения:

- 1. Практикуемые во флоте способы обучения матросов и командоров быстрому заряжанию орудий.*
- 2. Уставное число прислуги при каждом калибре орудий.*
- 3. Особенности в способах заряжания наводки и пальбы.*
- 4. Какие из этих особенностей могут быть применены к береговой артиллерии.*
- 5. Скорость производства боевой стрельбы; сравнение с нормами, существующими в береговых крепостях.*
- 6. Устройство таблиц стрельбы и таблиц, служащих для принятия в расчет разных поправок.*
- 7. Существенное различие в материальной части морской и береговой артиллерии.*
- 8. Инструкции и правила ухода за материальной частью, принятые во флоте. Примечание: Если представится случай, то на-*

блюсти, что исправляется в материальной части судовыми средствами.

9. Пользование электрическим освещением на ночных практиках и собиране всех данных, сюда относящихся (видимость цели, дистанции стрельбы, результаты ея и пр.).

10. Подробные сведения о скорострельных пушках и об их употреблении.

11. Сведения об устройстве морских судов, в особенности такие данные, которые необходимы береговому артиллеристу для стрельбы по судам, а именно: осадка, поворотливость, скорость хода, площадь уязвимости для наших снарядов, при прицельной и навесной стрельбе и т. п.

12. Путем разбора чертежей и чтения других источников, а также путем беседы с моряками собрать главнейшие данные о судах иностранных флотов и их артиллерии.⁴

Итак, в течение трех лет (1889–1902) по одному офицеру из прибрежных крепостей Балтийского и Черного моря отправлялись на практику на суда соответствующих флотов. В 1889 г. некоторые офицеры проходили практику на учебно-артиллерийской эскадре, но уже в следующем году было признано, что «пробывание на судах Практической эскадры, где офицеры могут изучить тактические действия флота и лучше ознакомиться с боевою стрельбою, приносит более пользы, чем пребывание на судах учебной артиллерийской эскадры».⁵

В состав Практической эскадры входили по очереди главным образом те боевые суда, назначение которых в военное время было вступить в бой с неприятелем, проникшим в Балтийское море. Главная цель ее плавания заключалась в обучении корабельных команд по всем отраслям военно-морского дела и ознакомлении офицеров с районом вод Балтийского моря и Финского залива. Практическая эскадра, как правило, начинала кампанию в первых числах мая и заканчивала в первых числах сентября⁶. В Черном море для обучения команд ежегодно назначался отряд, в который входили поповки⁷, крейсер «Память Меркурия» и миноносцы.⁸

На Практическую эскадру Балтийского моря были направлены офицеры из крепостей: Кронштадтской, Выборгской, Свеаборгской, Динамундской. На Черном море практиковались артиллеристы из крепостей: Севастопольской, Очаковской, Керченской и Михайловской.

Во время прохождения практики артиллеристы получали жалование как моряки, независимо от получаемого содержания по своей основной должности. Им платили по 2 рубля в сутки, исходя из довольствия подвахтенного офицера военного корабля – 60 рублей в месяц.⁹

По мнению Главного артиллерийского управления, опыт командировок артиллерийских офицеров из приморских крепостей на суда артиллерийской и Практической эскадр флота в период с 1889 по 1902 гг. показал, что эти командировки действительно способствовали повышению уровня знаний об устройстве современного им флота и действиях морской артиллерии, которые необходимы при разработке в приморских крепостях деталей артиллерийской обороны¹⁰.

На наш взгляд, описанный опыт межведомственного взаимодействия указывает на понимание специалистами Главного артиллерийского управления необходимости комплексного подхода к руководству обороной прибрежных крепостей в условиях стремительного развития военных технологий на рубеже XIX–XX вв.

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 417. Оп. 4. Д. 213. Л. 1.

² Там же Л. 1об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 13–13 об.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 2/4. Д. 1519. Л. 2.

⁶ Отчет по Морскому ведомству 1884–1889 гг. СПб., 1891 С. 48–49.

⁷ Поповка – тип броненосца береговой обороны. Данный тип кораблей назван в честь адмирала А.А. Попова.

⁸ Отчет по морскому ведомству... С. 55.

⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 2/4. Д. 1519. Л. 12–12 об.

¹⁰ Там же. Л. 11.

В.Р. Новоселов (Москва)

ДВЕ НАГРАДНЫЕ БРИЛЛИАНТОВЫЕ ШПАГИ XVIII ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

В РОССИЙСКИХ музеях и частных собраниях образцы русского наградного и жалованного оружия XVII–XVIII вв. являются крайне редкими и ценными экземплярами. Они буквально наперечет, и тем важнее для нас любые архивные данные, позволяющие уточнить историю их происхождения, имена владельцев и обстоятельства награждения.

В Музеях Московского Кремля хранится драгоценная шпага инв. № Ор-375/1-2. Клинок шпаги стальной, кованый, прямой, обоюдоострый, шестигранный в сечении, пята не выражена. От основания верхняя часть клинка с обеих сторон украшена гравировкой и золочением. Пята полностью вызолочена, на ней с обеих сторон гравирован плетеный растительный орнамент, в центре которого расположен фигурный картуш с гравированной надписью на французском языке. В картушах в четыре строки написано, с внутренней стороны клинка: «Ne me tire / pas sans / raison»; с внешней: «Ne me remette / roin sans / Nonneur» («Не обнажай меня неразумно (без повода)». «Не вкладывай в ножны без чести»). Ниже по клинку до его середины с обеих сторон гравированы и вызолочены орнаментальные композиции, включающие в себя плетеный растительный орнамент, вазоны, шести- и восьмиконечные звезды, фигурные кресты.

Эфес состоит из рукояти с навершием и гарды. Рукоять с навершием золотые, литые. Рукоять веретенообразной формы, вдоль ее длины прорезаны вертикальные изогнутые пояски. Внизу иверху рукояти серебряные обоймицы с поясками кастов с бриллиантами. Навершие сферической формы, как и рукоять, прорезанное вертикальными изогнутыми поясками. Вся поверхность рукояти и навер-

шья украшена кастами с бриллиантами и сапфирами, образующими цветы, где сапфиры образуют центр цветка, а бриллиантами выложены лепестки, стебли и листья. Гарда эфеса образована соединенной с навершием защитной дужкой, переходящей в крестовину с задним концом с каплевидным окончанием, отогнутым вниз к клинку, и внешнего бокового защитного кольца. Защитная дужка, перекрестье и боковое кольцо прорезаны вертикальными наклонными поясками; средняя часть дужки и боковое кольцо украшены серебряными кастами с сапфирами и бриллиантами, выложенными в форме цветов (на кольце касты сохранились частично), завершение крестовины украшено серебряными кастами с бриллиантами.

Ножны деревянные, обклеены черной кожей. Прибор ножен золотой, литой, состоит из устья с крюком и наконечника, украшен витыми резными вертикальными поясками; на наконечнике по верхнему краю ободок из серебряных кастов с бриллиантами.

В музейном инвентаре шпага была атрибутирована как изготовленная в России в середине XVIII в. В Описи Московской Оружейной палаты, изданной в 1885 г., она была записана просто как «шпага придворная, XVIII века». А.К. Левыкин предположил, что эта шпага является наградной и предполагалась для награждения генерал-фельдмаршала П.П. Ласси за успешное ведение боевых действий во время Русско-шведской войны 1741–1743 гг. Опираясь на архивные документы, он установил, что для высшего генералитета русской армии для награждения за войну со Швецией у англичанина Вульфа были закуплены шпажные эфесы с бриллиантами, поэтому в его публикациях производство шпаги в России было поставлено под вопрос, а датировка сузилась до середины XVIII в.¹ Известный исследователь-фалерист В.А. Дуров поставил под сомнение версию о ее принадлежности П.П. Ласси на основании того, что он и другие высшие чины (генералы В.Я. Левашов и Я.В. Кейт, генерал-поручики А.Де Брильи, Ф. Штофельн, М. Хрущев и П.С. Салтыков, генерал-майор фон Ливен, А.Р. Брюс и В.И. Лопухин) не только были награждены шпагами с бриллиантовыми эфесами, но и получили их, послав императрице благодарственные письма за вручение столь высоких наград. В целом, В.А. Дуров поставил под сомнение, что эта шпага предназначалась в качестве награды за Русско-шведскую войну, перечислив другие награждения подобным оружием в России, приходившиеся на середину XVIII в.² Обнаружение новых документов, относящихся к делам и бумагам императорского Кабинета

та, позволяют устранить имеющиеся противоречия и расхождения. В действительности, через английского консула в России генерала Якова Вульфа в Англии неоднократно заказывались бриллиантовые вещи, в том числе и шпажные эфесы, поступавшие в Кабинет. Но для награждения генералов за войну со Швецией, судя по документу, были заказаны именно «золотые шпаги с бриллиантами». По этому же документу следует, что список награжденных и соответствующее количество шпаг предполагались несколько больше, чем следует из документов РГАДА (фонд 20 – «Дела военные»), где перечисляются уже награжденные и имеются их письма в ответ на вручение шпаг³. В бумагах императорского Кабинета в списке мы видим следующий отчет об использовании выписанных из Англии шпаг⁴:

№	Оным шпагам цена ефимками	Из оных пожаловано	Цена российскими деньгами
Первая	7200	Пожалована при торжестве генерал-фельдмаршалу Леси	7659 р. 57 к.
Вторая	6820	Пожалована при торжестве генералу Левашову	7276 р. 59 к.
Третья	6593, 3/5	Взята в комнату Ея Императорского Величества для употребления	7014 р. 46 к.
Четвертая	6406, 2/5	Пожалована при торжестве генералу Кейту	6872 р. 76 к.
Пятая	2651	Пожалована при торжестве генерал-лейтенанту де Брильи	2761 р. 4 к.
Шестая	2591	Пожалована за торжество генерал-лейтенанту Штоффелю	2698 р. 95 к.
Седьмая	2385	Пожалована в торжество генерал-лейтенанту Хруцову	2537 р. 23 к.
Восьмая	2346	Пожалована за торжество генерал-лейтенанту графу Салтыкову	2495 р. 74 к.
Девятая	1758	Пожалована в торжество генерал-майору графу Брюсу	1870 р. 26 к.
Десятая	1653	Пожалована за торжество генерал-майору Лопухину	1758 р. 51 к.
Одиннадцатая	2395	Пожалована обер-гофмаршалу Шепелеву на именины его 26 октября 1743 г.	2547 р. 87 к.
Двенадцатая	2200	Взнесена в комнату марта 17 1746 г., которая была назначена к отдаче за торжество генерал-майору Ливену	2446 р. 8 к.
Итого	44 999		47 939 р. 73 к.

Из документов мы видим, что шпага в Кабинете осталось две: одна, третья по стоимости, изначально не предполагалась к выдаче для награждения, а самая «дешевая», предназначавшаяся для генерал-майора Ливена, не была вручена. О причинах такой немилости можно догадываться, логично предполагать какое-то неудовольствие этим военачальником со стороны вступившей на престол в 1741 г. в результате дворцового переворота императрицы Елизаветы Петровны. Однако в других документах этого же дела мы находим короткую записку о перемещении вещей из нижней казенной палаты в верхнюю, из которой можно сделать вывод, что шпага не была вручена просто потому, что ее не смогли вовремя отыскать, забыв ее при перемещении драгоценных вещей из одного помещения в другое⁵. Таким образом, с одной стороны, мы имеем полный список генералов, награжденных бриллиантовыми шпагами, с другой – доказательство не только того, что один из генералов (Ливен) предназначенной ему драгоценной награды не получил, но и того, что в этой партии наградного оружия была еще одна шпага, взятая самой императрицей. Для нас важно то, что две английских бриллиантовых шпаги остались в ведении императорского Кабинета. Вероятнее всего, одна из них, предназначавшаяся генерал-майору фон Ливену, и является экземпляром из Оружейной палаты, стоимость которой по количеству и качеству бриллиантов уступала оценке второй шпаги, о которой мы можем предполагать, что и она сохранилась в собрании Оружейной палаты. На наш взгляд, ею может быть шпага под инв. № Ор-378/1-2.

У этой шпаги клинок стальной, кованный, прямой, обоюдоострый, шестигранный в сечении, пята не выражена. Верхняя часть клинка от основания с обеих сторон украшена гравированным стилизованным растительным плетеным орнаментом.

Эфес золотой, литой, состоит из рукояти с навершием и гарды. Рукоять веретенообразной формы, навершие сферическое, вся поверхность рукояти с навершием со всех сторон покрыты резными рокальными завитками и центральными рокальными щитками, в обрамлении которых в виде цветов выложены серебряные касты с бриллиантами. Снизу и сверху на рукояти две обоймицы в виде поясков с выложенными в ряд кастами с бриллиантами. Гарда состоит из соединенной с навершием защитной дужки, переходящей в крестовину с двумя подпальцевыми кольцами и защитной чашки в виде сдвоенных овальных щитков. Дужка, подпальцевые кольца и кресто-

вина с перекрестьем оформлены в рокальном стиле, украшены резьбой в виде рокальных завитков и волнот; места изгибов дужки, ее середина и перекрестье украшены серебряными кастами с бриллиантами. Защитная чашка с внутренней стороны украшена кастами с бриллиантами, выложенными в форме раковины, с внешней стороны чашка украшена резными стилизованными раковинами.

Ножны деревянные, обшиты черной кожей. Прибор ножен состоит из устья с крюком для подвески. Устье золотое, литое, украшено резными рокальными завитками, канфарением и резной имитацией кастов на устье и крючке.

В собрании Карлтон Хауза (Великобритания) имеется шпага, золотой эфес которой элементами своего декора, отделки отдельных деталей очень напоминает обе шпаги из Музеев Московского Кремля, как бы соединяя в себе некоторые детали их украшения: кастами с бриллиантами, выложенными в виде цветов на стеблях по рукояти, навершию и дужке с крестовиной, она походит на шпагу инв. № Ор-375/1-2, а характерными изгибами и резным оформлением подпальцевых колец и концов крестовины – на шпагу инв. № Ор-378/1-2 из музеев Московского Кремля. Эфес шпаги из собрания Карлтон Хауза датируется приблизительно 1750 г., а местом изготовления его предположительно считается Германия⁶. Таким образом, эфесы шпаг из собрания музеев Московского Кремля, привезенные английским консулом, либо изготовлены в Германии и перепроданы англичанами, либо сделаны в Англии по немецкому образцу. Стоит отметить, что в описи Московской Оружейной палаты, изданной в 1885 г., шпага инв. № Ор-378/1-2 (по описи 1885 г. № 5816) была оценена значительно выше шпаги с сапфирами инв. № Ор-375/1-2 (по описи 1885 г. № 5809): если первая имела ювелирную оценку 8752 рубля, то вторая – 6650 рублей⁷. На сокращение разрыва их оценки по сравнению с серединой XVIII в. могли повлиять как изменение в оценке качества и ценности драгоценных камней, так и существенные изменения сохранности оружия: на момент оценки у первой шпаги была сломана дужка эфеса, сам эфес поврежден и не закреплен на клинке, сильно пострадал от ржавчины клинок и был утрачен драгоценный наконечник ножен, в то время как у второй были утрачены два сапфира, поврежден крючок и утрачен один маленький бриллиант на ножнах.

Обе эти шпаги из собрания Оружейной палаты поступили из Санкт-Петербургской Рюст-камеры в 1810 г., где были записаны сре-

ди вещей, принятых из Алмазной мастерской⁸. До этого они фигурируют в документах императорского Кабинета, где были впервые записаны в 1764 г. в описи казенной при Алмазной мастерской под первым и вторым номером в списке шпаг как «шпага с золотым осыпанным бриллиантами эфесом» и «шпага с золотым и осыпанными бриллиантами и синими яхонтами эфесом, наконешник осыпан же в один ряд бриллиантами, на душке и наконешнике двух бриллиантов нет»⁹. Эта опись, составленная в начале правления императрицы Екатерины II, по сути зафиксировала драгоценности Кабинета императрицы Елизаветы Петровны с очень небольшими изменениями, произошедшими за краткий срок правления императора Петра Федоровича. Стоит также отметить, что в подобных реестрах вещи записывались в зависимости от их стоимости: первыми – наиболее дорогие и ценные. Далее обе эти шпаги фиксировались в описях драгоценного оружия, хранившегося в Императорском Кабинете при Алмазной мастерской на протяжении всего периода, вплоть до передачи оружия из Алмазной мастерской в состав Рюст-камеры в 1797 г.¹⁰

¹ Московский Кремль. Императорская Рюст-камера. СПб., 2004. С. 212. Кат. № 89.

² Дуров В.А. Русское наградное оружие. М., 2010. С. 37–40.

³ РГАДА. Ф. 20. Д. 170. Дело о пожаловании генералам Де Брилию, Лопухину, Салтыкову и Штофелю шпаг.

⁴ РГАДА. Ф. 14. Д. 58. О золотых, серебряных и драгоценных камнях императрицы Елизаветы. Л. 45.

⁵ Там же. Л. 46.

⁶ Carlton House. The past Glories of George IV's Palace. London, 1991. Кат. № 140.

⁷ Опись Московской Оружейной палаты. М. 1885. Ч. IV. Кн. 3. С. 133, № 5809; С. 136, № 5816.

⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1285. Опись Рюст-камеры 1810. Л. 208 об. № 1 и 2.

⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 1272. Опись казенным Вашего Величества драгоценным разным вещам.... Л. 100 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 5. Д. 182. Опись вещам, разным камням и жемчугам. Л. 5 об., № 51 и 52; Д. 185. Список в двух книгах хранящимся при алмазной мастерской драгоценным вещам от 1796 года. Л. 6. № 51 и 52.

О.Я. Ноздрин (Орел)

БОРЕЦ КАРМАЙКЛА. К ВОПРОСУ О ГЕНЕРАЛИТЕТЕ XVI ВЕКА

ИНОСТРАННОЕ ВОСПРИЯТИЕ своеобразно. Оно способно удивляться обыденным вещам, приписывая местному населению особенности и привычки, поражающие самое смелое воображение. Россия в этом случае не исключение. Зарубежные сочинения полны рассказов, предрассудков, суждений, давно опровергнутых исследователями. Вместе с тем ряд устойчивых мифов без серьезной критики путешествует по страницам книг, превращая ошибки и откровенные домыслы в «сенсационные» подробности прошлого.

Примером последних является расхожий сюжет британской историографии – блистательная карьера Джона Кармайкла (John Carmichael), открывающего список шотландских солдат удачи второй половины XVI в. Его фантастические подвиги вскружили головы многим настоящим и мнимым знатокам Восточной Европы. Пора остудить всеобщие страсти.

В 2002 г. профессор Антверпенского университета уроженец Саррея славист Фрэнсис Томсон (Francis James Thomson, р. 1935) назвал Джона Кармайкла «правителем Пскова 1570 года», без уточнения понимания английского «Governor of Pskov» – имел ли он в виду «губернатора», «коменданта» или «воеводу»¹.

Спустя несколько лет сиднейский историк, автор монографий, описывающих европейские армии раннего абсолютизма, Мэтью Глозьер (Matthew Robert Glozier, р. 1972), добавил этому сообщению красочные подробности. В его работах Кармайкл стал царским генералом, командующим пятью тысячами ратников, а подчиненный ему «Pscov» приобрел дополнительные буквы, превратившись в «Pskoff». Он же указал родство героя с известным военачальником,

хранителем шотландской границы сэром Джоном Кармайклом, оказавшимся племянником хранителя рубежей России².

Поскольку относительно Православного мира создатель Гугенотского общества Австралии Глозьер выступает старательным компилятором прежней литературы, без знания русского языка, тонкостей московской делопроизводственной практики и опыта архивной работы, его упущения и вольная терминология понятны. Надо полагать, думный дьяк Афанасий Власьев не возражал бы против присвоенного ему сиднейцем достоинства «магната», как и генерал-майор Пол Мензис, доведись ему получить очередной чин генерал-поручика. Сложнее понять, чем провинился перед гугенотами другой генерал – Александр (Авраам) Лесли (ум. 1663), спутанный с собственным сыном, полковником Федором (ум. 1691), лишенным тридцати лет жизни, не слишком удачно компенсированных постом губернатора Смоленска³. Разве что эта была утонченная месть пресвитерианина смолянам Лесли, отказавшимся от протестантизма в пользу православия?!

В конечном счете статья Глозьера опирается на многочисленных предшественников, среди которых первое место занимает книга 1913 г. адвоката и генеалога Арчибалда Ф. Стюарта (Archibald Francis Steuart, 1872–1942) «Шотландское влияние в русской истории», установившая стандарты восприятия темы⁴.

Именно он способствовал популяризации не названного по имени «генерала Кармайкла, служившего Грозному царю» во главе пяти тысячного отряда в 1570 г., «свидетеля множества ужасных сцен, которыми полна русская история, позднее управлявшего Псковом»⁵. Оставим на совести Стюарта кошмары сценографии. Шотландские реалии были не менее жестоки и кровавы. В период малолетства короля Джеймса VI (1566–1625) из четырех последовательно сменявшихся регентов только Джон Эрскин, 1-й граф Мар умер естественной смертью⁶. Важнее другое: автор избегает точной хронологии «губернаторства» Кармайкла, хотя опиравшиеся на его работу коллеги сочли 1570 г. как общепризнанную дату.

Рассказ о «генерале» и «губернаторе» встречается в солидном сборнике статей «Каледонская фаланга» (1987), поверхностной работе Яна Андерсона (1990), перечне Дэвида Добсона (2000) и даже действующем собрании биографий шотландцев континентальной Европы XV–XVIII вв. Сент-Эндрюсского университета, составленном Стивом Мэрдохом и Алексией Гросейн⁷.

В 1889 г. из печати вышла книга Джеймса Гранта (James Grant, 1822–1887), представившего «храброе сердце» на царской службе следующим образом: «Одним из первых шотландских искателей приключений в России был Джон Кармайкл, сын лэрда Хаугэйта и внук Джона Кармайкла оф Хиндфорд и Кармайкл, служивший царю Ивану Васильевичу, государю, много сделавшему для просвещения подданных, приглашавшему мастеров из Любека и других мест, сформировавшему постоянную стрелецкую армию, во главе которой он покорил Казань в 1552 году и спустя два года Астрахань.

Командуя пятитысячным отрядом, Джон Кармайкл особенно отличился, защищая осажденный польским королем Стефаном Баторием Псков, расположенный в Киевской области... Позднее он стал губернатором»⁸.

Грант не указывает источник своей информации, а ссылка на (Atlas Geo, 1711) означает пятитомный атлас и географический справочник лондонского картографа Хермана Молла (Herman Moll, 1654–1732), убеждающий в принадлежности Пскова России, но равнодушный к наемникам⁹.

Если Стюарт взял сведения Джеймса Гранта или более раннего автора, Уильяма Андерсона (William Anderson, 1805–1866)¹⁰, что вдохновляло их!?

Вполне вероятно они руководствовались генеалогией шотландских пэров 1764 г. сэра Роберта Дугласа оф Гленберви (Sir Robert Douglas of Glenbervie, 1694–1770), согласно которой Джон Кармайкл оф Хаугэйт имел сына Джона, прославившегося галантностью на службе царю Ивану Васильевичу, который сделал его полковником, а затем, после успешной обороны Пскова, правителем этого города¹¹.

Исследуя родство островной знати, сэр Роберт мало занимался остальными странами, не делая различий между русскими и прусскими землями. В московских делах он целиком доверялся (согласно примечанию) авторитету голштинского дипломата Адама Олеария (Adam Olearius, 1599–1671), оставившего дневник своих путешествий ко двору царя Михаила Федоровича. Однако тщетно искать у ученого немца подробности псковских подвигов 1570 г.

Откуда они взялись?!

Шотландские солдаты оказались на царской службе в годы Ливонской войны 1558–1583 гг. Сначала пленники, а затем воины Ивана IV Грозного, они охраняли южные окраины от вторжений крымчаков и ногайцев. В XVI в. западноевропейские выходцы, как правило,

служили вдали от литовских или шведских пределов, что исключало возможность их бегства. Представить мнительного царя, вручающего судьбу важнейшей пограничной крепости иноземцу, пусть даже и шотландцу, могли только истинные свидетели Лох-Несского чуда. Иначе опричный поход Ивана Грозного 1569–1570 гг., каравшего изменников в Новгороде и Пскове, имел бы хоть какое-то основание. Излишне уточнять, ни один документ русского происхождения не знает «генерала Кармайкла» 1570 г.

Напротив, в XVII в. представители клана часто выбирали царскую службу. Одним из них был рейтарский подполковник Уильям Кармайкл (Вилим Кармихель), 16 декабря 1663 г. отправленный к курфюрсту Бранденбургскому и герцогу Прусскому Фридриху Вильгельму I (1620–1688, правил с 1640) с грамотой царя Алексея Михайловича, сообщавшей о провале цесарского посредничества на русско-польских переговорах и необходимости принять меры против наступающих турок¹². Известна его вдова (не ранее 1677/1678) новокрещенка Анна и дочь Алена, получавшие «государево жалование».

Другим был полковник Манго Кармайкл (Мартын Кармихель), выехавший в Россию в 1631 г. по приглашению Александра Лесли, один из высокопоставленных иноземных офицеров царской армии 40-х гг. XVII в. Командуя заонежским полком, он помогал князю Ивану Хованскому подавлять псковское восстание 1650 г., удостоившись отдельной реплики Адама Олеария. Участник войны с Речью Посполитой 1654–1667 гг., Кармайкл скончался от ран под Брестом в ноябре 1655 г.

Единственным Джоном Кармайклом, фиксируемым русскими документами XVII в., был Яган Кармихель, упомянутый на смотре 1632 г. в Москве капралом 5-й роты полка Александра Лесли¹³. Сомнительно, что ему удалось достичь хотя бы половины армейских высот, легко преодоленных спустя полтора столетия одним из корсиканцев, прозванным солдатами «Маленьким капралом» («Le Petit Caporal»).

Вероятнее всего именно полковник Манго под действием доброго виски, удаленности от описываемых событий, горячего патриотизма со временем превратился в псковского губернатора и генерала. При этом для выстраивания карьеры загадочного полководца использовались фрагменты прошлого нескольких русских шотландцев, включая первого царского генерала Александра Лесли (ок. 1580–1663).

В начале XIX в. известный натуралист, «отец морской ботаники», капитан 78-го Хайлендского пехотного полка Дугалд Кармайкл (1772–1827), путешествуя по Азии, обнаружил восхитительный ядовитый цветок, названный в честь первооткрывателя «Борец или Аконит Кармайкла» (*Aconitum Carmichaelli*), украсивший сады и парки Европы. Подобно ему, захватывающие, но лишённые достоверности успехи шотландского «генерала» XVI в. очаровали британских историков сильнее «рядовых» биографий реальных исторических персонажей.

¹ Thomson F.J. Scots in Early Russia // *The Slavonic and East European Medieval Studies Group*. Antwerp, 2002. P. 2; Также см: Thomson F.J. *The Scottish Enlightenment in Russia // Configurations of Culture. Essays in Honour of Michael Windross / Ed. by A. Remael & K. Pelsmaekers*. Antwerpen, 2003. P. 281–291.

² «Elphinstone took charge of a large number of Swedish deserters, of whom the Scots were the most favored. He was soon followed into Russian service by General Carmichael, uncle to Sir John Carmichael, Warden of the Border in Scotland, from the family settled at Hyndford in Lowland Scotland. In 1570 Carmichael was given command of 5,000 of the Tsar's men during the Great Northern War, and later became Governor of Pskoff». Op. cit.: Glozier M. *Scottish Soldiers in Russia: Patrick Gordon of Auchleuchries and the Russian-Scottish connection // Journal of the Sydney Society for Scottish History*. Vol. 11. Sydney, 2007. P. 12.

³ Glozier M. *Scottish Soldiers in Russia...* P. 13, 15–16.

⁴ Steuart A.F. *Scottish influences in Russian History from the end of the 16th century to the beginning of the 19th century. An Essay*. Glasgow, 1913.

⁵ «But one General Carmichael, a Scot, entered (apparently voluntarily) the service of the Terrible Tsar. Scottish history is altogether silent about him, though he was uncle to Sir John Carmichael, Warden of the Border, of the Hyndford family. He, in 1570, was made commander of 5000 of the Tsar's men during the Polish War, and saw many scenes of horror (and Russian history is full of them), and later became Governor of Pskoff. It would be interesting to know more about his career». Cit.: Steuart A.F. *Scottish influences...* P. 19–20.

⁶ Из других регентов Джеймс Стюарт, 1-й граф Морей (1531–1570) и Мэтью Стюарт, 4-й граф Леннокс (1516–1571) погибли при исполнении обязанностей, а возглавлявшего правительство в 1572–1581 гг. Джеймса Дугласа, 4-го графа Мортон (1525–1581) казнили за соучастие в убийстве лорда Дарнли.

⁷ Dukes P. *Scottish soldiers in Muscovy // The Caledonian Phalanx. Scots in Russia / Ed. by P. Dukes*. Edinburgh, 1987. P. 12; Anderson I.G. *Scotsmen in the Service of the Czars*. Edinburgh, 1990. P. 40; Dobson D. *Scots in Poland, Russia and the Baltic States: 1550–1850*. Vol. I. Baltimore, 2000. P. 26; Murdoch S., Grosjean A., SSNE Database, Archive and Web Portal. (Institute of Scottish Historical Research, University of St Andrews).

⁸ «Among the earliest Scottish adventurers in Russia was John Carmichael, son of the Laird of Howgate, and grandson of James Carmichael of Hyndford and that Ilk, who took service under the Czar Ivan Basilowitz, a prince who did much to promote the civilisation of his

subjects, by inviting artisans from Lübeck and elsewhere, and who first formed a standing army – the Strelitz, or Body Guard of Archers – at the head of which he conquered Kazan in 1552, and two years subsequently Astrakan. John Carmichael, at the head of 5,000 men, greatly distinguished himself at the siege of Pleskov, in the district of Kiev, then invested by Stephen, King of Poland, when its garrison was said to consist of 70,000 foot and 7,000 horse (which seems barely probable); and of this city, then the only walled one in Muscovy (Atlas Geo., 1711). John Carmichael was made Governor”. Op. Cit: Grant J. The Scottish soldiers of fortune. Their adventures and achievements in the armies of Europe. London, 1889. P. 1–2.

⁹ Moll H. Atlas Geographicus: or A Compleat System of Geography. Vol I–V. London, 1711–1717.

¹⁰ Anderson W. The Scottish Nation: Surnames, Families, Literature, Honours, and Biographical History of the People of Scotland. Vol. I. Edinburgh, 1867. P. 591.

¹¹ «John, designed of Howgate. He had a son, John, who betaking himself to a military life, went abroad into the Russian service, where, by his gallant behavior, he was advanced to rank of colonel, by John Basilowitz, the then czar, and distinguished himself at the siege of Plescow, where he commanded 5000 men, and afterwards was made governor of Plescow». Op. cit.: Douglas R. The Peerage of Scotland: Containing an Historical and Genealogical Account of the Nobility of that Kingdom, from their Origin to the present Generation: Collected from the Public Records, and Ancient Chartularies of this Nation, the Charters, and other Writings of the Nobility, and the Works of our best Historians. Edinburgh, 1764. P. 353.

¹² Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России по 1800 год. Ч. IV. М., 1902. С. 11.

¹³ Федосов Д.Г., Ноздрин О.Я. От льва к двуглавному орлу. Шотландцы в России 1500–1700 (в печати).

Н.А. Оводков (Санкт-Петербург)

4,2-ЛИНЕЙНАЯ ПЕРЕДЕЛОЧНАЯ МАГАЗИННАЯ ВИНТОВКА СИСТЕМЫ КВАШНЕВСКОГО МОДЕЛИ 1883 ГОДА. ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ И ИСПЫТАНИЙ

НАЧАЛО 1880-х гг. за пределами России было ознаменовано появлением достаточно простого по устройству и удобного в обращении подствольного магазина системы Кропачека. Он быстро распространился по миру, однозарядные винтовки целого ряда стран были переделаны в магазинные путем установки магазина этого типа (магазинные винтовки системы Гра–Кропачека образца 1874–1878 гг., системы Маузера образца 1871–1884 гг. и т. д.). В России собственного магазина подобного типа еще не существовало, но русская армия нуждалась в нем для того, чтобы по примеру передовых стран тоже превратить свою 4,2-линейную винтовку обр. 1870 г. в магазинную. Реализовать намерение возможно было, заимствовав и приспособив к винтовке обр. 1870 г. самые удачные на тот момент времени магазины: прикладный системы Гочкисса или подствольный системы Кропачека. Знаменитый в будущем российский оружейный конструктор Сергей Иванович Мосин поначалу выбрал первый вариант, приспособив к первому образцу своей винтовки магазин Гочкисса (что, однако, не избавило получившуюся магазинную винтовку от недостатков всех прикладных магазинов – ослабления шейки ложи и отказа магазина в случае даже незначительной деформации приклада).

И вот на фоне этих не слишком удачных попыток «магазинизировать» 4,2-линейную русскую винтовку иностранными магазинами, в России появляется оригинальная отечественная переделочная винтовка конструкции Квашневского с подствольным магазином и незаурядной системой работы подающего механизма от спускового крючка. Магазин Квашневского подоспел вовремя, ведь в 1884 г. пе-

ред Особой комиссией оружейного отдела Артиллерийского комитета встала задача выбрать оптимальную конструкцию магазина для переделки однозарядных 4,2-линейных винтовок системы Бердана обр. 1870 г. в магазинные. Комиссии был предложен длинный ряд переделочных винтовок с магазинами различных конструкций, которые необходимо было изучить, испытать и сравнить друг с другом, чтобы выделить наиболее совершенные. Переделочная винтовка системы Квашневского являлась одной из наиболее перспективных моделей в этом списке, отлично показала себя на фоне как иностранных, так и отечественных систем. Простота, безотказность, а также отечественное происхождение, безусловно, делали магазин Квашневского серьезным конкурентом магазинов Кропачека, Гочкисса, Чолок-Антича.

Конструктор магазина Квашневский работал оружейным мастером Офицерской стрелковой школы, которая располагалась в Ораниенбауме. Кроме работы над переделочной 4,2-линейной винтовкой с подствольным магазином модели 1883 г., он принимал участие в приспособлении временно-приставного магазина

Рис. 1. Момент нажатия на спусковой крючок

Рис. 2. Вид на подствольный магазин в разобранной винтовке

Рис. 3 Боковая пружинка

(ускорителя) системы Ли к 4,2-линейной винтовке системы Бердана обр. 1870 г., в рамках этих испытаний. Больше об этом человеке на настоящий момент ничего не известно.

Опыты над 4,2-линейной переделочной винтовкой Квашневского с 8-патронным магазином начались в мае 1883 г. Параллельно с переделочной винтовкой Квашневского испытывались магазины Кропачека и Маузера. Главной особенностью магазина Квашневского и главным его отличием от

других магазинов аналогичной компоновки была конструкция привода подающего патроны рычага: «опускание переднего конца передавателя для принятия патрона из магазинной трубки производится не передвижением затвора, а действием на спуск во время отведения спуска назад для выстрела»¹ (рис. 1, 2).

Рычаг подавателя связан со спуском и подчинен действию спусковой пружины – принимает из магазина патрон, поднимает его под затвор, а при открытии затвора поднимает его в ствольную коробку. «Чтобы подаваемый при этих условиях патрон не выбрасывался из коробки, мастер Квашневский приспособил к ней боковую пружинку, бородка которой проникает в канал коробки»² (рис. 3).

Механизм винтовки Квашневского работал следующим образом. Для заряжания магазина патронами необходимо было сдвинуть крышку окна для заряжания в сторону (рис. 4, 5) и вложить патроны

Рис. 4 Крышка окна заряжания в закрытом состоянии

Рис. 5. Крышка окна заряжания в закрытом состоянии

в трубку магазина по одному пулей вперед. От выпадения назад патроны удерживались в трубке специальной защелкой на конце рычага подавателя (подающего рычага) (рис. 6). После наполнения магазина, если не предполагалось подавать патроны из него, они в нем

Рис. 6. Защелка на конце рычага подавателя

Рис. 7. Вид на спусковой механизм

запирались с помощью специальной задвижки. После этого винтовка могла заряжаться одиночными патронами как обычная винтовка обр.1870 г. – через окно ствольной коробки.

Когда возникала необходимость в ведении интенсивного огня с подачей патронов из магазина, стрелок отпирал задвижку, что давало патронам возможность подойти к подающему рычагу. При этом патрон упирался в передний срез рычага и на подающий лоток не поднимался. Для досылки патрона из магазина стрелок должен был нажать на спуск до упора, при этом подающий лоток опускался ниже среза магазинной трубки, и патрон из нее сдвигался на лоток (рис. 7). После открывания затвора спусковой крючок с подающим рычагом и патроном на нем под действием своей пружины поднимались вверх до вывода патрона на линию досылки. При движении затвора вперед затвор захватывал патрон на лотке и досылал в патронник. Для производства выстрела стрелок нажимал на спусковой крючок, при этом рычаг подачи с лотком опускались вниз, снимая курок с боевого взвода (обеспечивая выстрел), но не опускались так низко, чтобы патрон мог податься на лоток из магазина. Для подачи патрона на лоток необходимо было продолжить нажатие на спусковой крючок после выстрела, и когда лоток станет напротив магазинной рубки, патрон взойдет на лоток, и цикл заряжания мог быть повторен. Если после выстрела спусковой крючок сразу отпустить и открыть затвор, то гильза будет выброшена, но патрона на линии досылки не будет – винтовку можно использовать как однозарядную. Если снова возникла необходимость стрелять из магазина – нужно дожать спусковой крючок назад до упора. Таким образом, в режиме стрельбы из магазина стрелок мог быстро выбирать режим стрельбы из своей винтовки: нажимая спуск на полный ход и тем самым обеспечивая стрельбу из магазина, или не нажимая спуск на полный ход и не расходуя патроны в магазине. В случае боевого стресса, возникающего в ближнем бою, когда стрелок в большинстве случаев «рвет» спуск до упора, магазин Квашневского автоматически обеспечивал переход в режим расходования патронов, снаряженных в его трубку. Единственным недостатком магазина Квашневского, обнаруженным автором и обусловленным его конструкцией, является изменение параметров спуска по мере расходования патронов – патроны давят на рычаг подачи, связанный со спусковым крючком, изменяя усилие на нем. Впрочем, само усилие спуска практически не отличается от спуска винтовки обр. 1870 г., меняется усилие на спусковом крючке,

необходимое для опускания рычага подавателя вниз до среза магазинной трубки, но к этому вполне можно привыкнуть.

Испытания магазинных винтовок в комиссии проходили по одному и тому же принципу, поэтапно. В первую очередь винтовка испытывалась предварительной стрельбой, которая, как правило, демонстрировала самые крупные недостатки системы. После этого винтовка возвращалась изобретателю, а в будущем, уже после исправления недостатков, могла быть представлена в комиссию вторично.

Вторым этапом испытания считался отстрел большого количества патронов (до 3000 штук). Эта стрельба должна была продемонстрировать удобство магазина, скорострельность, время заряжания, степень загрязнения и степень нагревания винтовки от продолжительной стрельбы, а также положения центра тяжести винтовки с патронами и без патронов.

На третьем этапе винтовка испытывалась на степень сопротивления ржавчине, пыли, деформации при падении с высоты, а также стрельбою пропиленными патронами.

По этой схеме проходила испытания и магазинная 4,2-линейная винтовка системы Квашневского. Впервые, это оружие с 8-патронным подствольным магазином было испытано 18 мая 1883 г., когда было выяснено, что при многозарядной стрельбе случались частые задержки. Из винтовки было сделано 100 выстрелов боевыми патронами. Она была возвращена конструктору с замечаниями для исправления недостатков. Второй раз уже измененная винтовка испытывалась 18 июля 1883 г. Квашневский изменил высоту и форму отражателя, расширил паз для подачи патронов. Винтовка проходила испытание стрельбой со станка, в течение которого было произведено 40 выстрелов. Она вновь была возвращена конструктору, так как экстрактор действовал неудовлетворительно. Следующие испытания проходили 25 июля, 2, 5 и 8 августа. Каждый раз после испытаний конструктор устранял все указанные недостатки. 2, 17, 20, 24 августа винтовка прошла, как и положено, испытания на сопротивление запылению механизма и на устойчивость к ржавчине. 23 сентября был предоставлен последний вариант винтовки с 9-патронным подствольным магазином, в котором Квашневский удлинил спиральную пружину на пять витков, укрепил магазинную трубку, сделав ее луженой. На испытаниях винтовка показала себя удовлетворительно, осалка патронов не плавилась даже от 50 последовательных выстрелов, магазин стал доступен для удобного осмотра и чистки. Вин-

4,2-линейная переделочная магазинная винтовка системы Квашневского

Рис. 8. Пехотная 4,2-линейная переделочная винтовка системы Квашневского модели 1883 года (ВИМАИВиВС. Инв. № 5/347).

Рис. 9. Вид сбоку на пехотную винтовку

Рис. 10 Драгунская 4,2-линейная переделочная винтовка системы Квашневского модели 1883 года (ВИМАИВиВС. Инв. № 5/288)

Рис. 11. Вид сбоку на драгунскую винтовку

товка была представлена в двух вариантах – пехотном (9-патронный магазин) (рис. 8, 9) и драгунском (7-патронный магазин) (рис. 10, 11). Всего 6 раз представлял конструктор свою винтовку комиссии, исправляя различные недостатки системы один за другим. В итоге специалисты комиссии постановили: «...Обыкновенная 4,2-линейная винтовка с переделкою ее по системе мастера Квашневского обращается в многозарядную без ущерба для удобства и скорости

однозарядной стрельбы»³. Поэтому после опытов было решено приступить к изготовлению нескольких винтовок системы Квашневского на заводе для оценки ее технологической пригодности к массовому производству. В целом, в конце опытов, было выяснено, что как у магазина Квашневского, так и у систем Кропачека и Маузера главным недостатком является то, что при выстрелах патроны ударялись в дно впереди стоящих патронов, отчего происходила деформация пули. Более того, из-за этого возникала опасность непреднамеренного взрыва патронов из-за удара пулей сзади лежащего патрона в капсуль впереди лежащего.

Опыты над винтовкой системы Квашневского продолжались на протяжении всего 1884 г. Специалисты комиссии трудились над устранением деформации пули, а также проводили испытания по сопротивлению механизма пыли, ржавчине, падению с высоты и т. д. Отдельным этапом можно считать испытание винтовки одиночной стрельбой. «Чтобы убедиться, не произойдет ли воспламенения патронов в магазине во время однозарядной стрельбы, было произведено три опыта, при которых магазин ружья Квашневского наполнялся патронами с различными капсулями»⁴: патронами с капсулем без фольговых кружков, патронами с наиболее чувствительными капсулями, патронами, у которых вершина пули была покрыта крупным песком. Испытания одиночной стрельбой прошли успешно, ни один патрон в магазине не воспламенился.

Важнейшим этапом любой системы винтовки, претендующей быть на вооружении армии, являлись испытания в войсках. Для этого планировалось переделать 150 пехотных и 50 драгунских винтовок, взяв их из числа имеющихся на складе Сестрорецкого оружейного завода. Их планировали распределить: 100 пехотных в один из батальонов гвардейской стрелковой бригады; 40 в Офицерскую стрелковую школу, 10 в Комиссию по испытанию многозарядных ружей; 45 драгунских в офицерскую кавалерийскую школу и 5 драгунских в Комиссию по испытанию многозарядных ружей. Переделывать винтовки обр. 1870 г. по системе Квашневского планировали на Сестрорецком оружейном заводе. Стоимость переделки одного экземпляра оценивалась в 33 рубля 33 копейки, что оказалось отнюдь не дешево. Тем не менее, осенью 1884 г. все планируемые к испытанию винтовки были переделаны (рис. 12).

В декабре 1884 г., винтовка Квашневского испытывалась вместе с переделочными винтовками систем полковника Христича, корне-

та Лутковского и полковника Роговцева. Особая комиссия по испытанию многозарядных ружей составила программу, чтобы провести войсковые испытания. Для них было предписано изготовить 17 000 учебных патронов, снаряженных крупной, с пулями из твердого сплава и с капсюлями без ударного состава. На каждую испытываемую винтовку распределялось по 50 патронов. Если были необходимы боевые патроны, то это решалось бы в частном порядке. После изготовления на Сестрорецком оружейном заводе винтовки отправлялись в Ораниенбаум, где располагалась Особая комиссия по испытанию многозарядных ружей. Там они осматривались приемщиками от тех войск, куда они направлялись для испытаний.

Рис. 12. Личное клеймо оружейного мастера Квашневского на прикладе винтовки

К сожалению, винтовка системы Квашневского модели 1883 г. не прошла войсковых испытаний. В испытаниях однозарядными выстрелами участвовала каждая 10-я винтовка, а стрельбой с применением магазина – 100 винтовок. 17 января 1885 г. взорвался патрон в магазине после выстрела вторым патроном в винтовке под заводским № 30078. Перед этим винтовка выдержала 36 выстрелов. 25 января 1885 г. взорвалась еще одна винтовка под заводским № 30415. Патрон в винтовке воспламенился после 7-го выстрела, перед этим она выдержала 63 выстрела. В результате этих взрывов «...винтовки сильно пострадали; стрелки же получили ничтожные ожоги на лбу и на левой руке... приклад удерживался на своем месте только хвостовым винтом. Крышка магазинного окна была оторвана... Магази́нная трубка лопнула и развернута на протяжении, равном приблизительно длине одного патрона»⁵. Специалистами комиссии было установлено, что взрыв происходил из-за того, что патрон при отдаче винтовки ударялся своим капсюлем о пулю патрона, лежавшего в лотке подающего рычага, и тот факт, что стрелки не сильно пострадали при взрыве патронов, посчитали счастливой случайностью. В результате указанных происшествий, выявивших небезопасность конструкции винтовки Квашневского модели 1883 г., комиссия решила прекратить работу над ней.

Процесс разработки и испытания винтовки системы Квашневского демонстрирует неторопливую и размеренную работу специалистов оружейного отдела Артиллерийского комитета по выбору новой магазинной системы для переделки 4,2-линейных винтовок системы Бердана обр. 1870 г., при которой одна винтовка испытывалась целых два года. Предварительные испытания винтовка Квашневского проходила с мая по конец сентября 1883 г., а к войсковым испытаниям была допущена лишь в январе 1885 г. Такой длительный временной отрезок может свидетельствовать об отсутствии необходимости проводить перевооружение какими-либо сверхбыстрыми темпами. Необходимо отметить, что переделочная винтовка Квашневского была лишь одной из многих магазинных винтовок, рассмотренных и испытанных комиссией в середине 1880-х гг. Конечно, было бы целесообразно не растягивать изучение и испытание одной винтовки на столь длительный период, а завершить этот процесс за полгода, тем более, что винтовка Квашневского вплоть до войсковых испытаний считалась перспективной.

Важнейшим итогом испытаний винтовки системы Квашневского стал отказ комиссии от рассмотрения и испытаний подствольных магазинов, в которых патроны центрального воспламенения располагались друг за другом и подавались из магазина пружиной – до тех пор, пока не будет придуман механизм предохранения воспламенения патронов из-за их взаимного столкновения в магазине. К слову, решая аналогичную проблему, американские оружейники пошли по другому пути. Они «...сконструировали гильзу с капсюлем очень малого диаметра, капсюль при этом несколько более обыкновенного утоплен в шляпке... Подобные патроны центрального огня оказались вполне безопасными в подствольных и других трубчатых магазинах»⁶. После прекращения испытаний винтовок с подствольными магазинами перспективной моделью стала считаться магазинная винтовка системы С.И. Мосина, разрабатывавшаяся им в 1884–1887 гг. и имевшая магазин в прикладе, где патроны располагались в наиболее безопасном порядке – друг над другом со смещением уступом вперед (реечно-прикладный магазин с косорасположенными патронами).

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 116. Л. 98 об.

² Там же. Л. 99.

³ Там же. Л. 129 об.

⁴ Там же. Л. 229.

⁵ Там же. Л. 417 об. – 418.

⁶ Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. СПб.: Изд-во Полигон, 1995. С. 328.

С.Ю. Окунев, В.Л. Бельтюков (Санкт-Петербург)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЙН И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ СОВРЕМЕННОСТИ

ГИБРИД (от латинского *hibrida* – помесь) – организм, полученный в результате скрещивания генетически различающихся родительских форм (видов, пород, линий и других)¹.

Диффузия (от латинского *diffusion* – распространение, растекание, рассеивание) – движение частиц среды, приводящее к переносу вещества и выравниванию концентраций или к установлению равновесного распределения концентраций частиц данного сорта в среде.²

Общий кризис современной цивилизации – это кризис управления человечеством Соединенными Штатами Америки через доказавшую свою порочность идею прибыли. США, ради собственного вечного величия, богатства и свободного пользования ресурсами планеты, хотят, готовы и обречены воевать со всем миром различными способами, в том числе и методами современных «гибридных» или «диффузных» войн. Эти войны называются так потому, что в них используются все известные сегодня средства и методы войны – от самых древних и примитивных до самых новейших и изощренных.³

Цветные революции, произошедшие в Северной Африке, и сопровождавшие их военные действия, особенно боевые действия в Сирии, коренным образом изменили содержание войны. Произошли изменения в применяемых средствах вооруженной борьбы, в формах использования различных вооруженных формирований, а также в способах ведения боевых (и не только боевых) действий.

Если говорить о целях современных войн, то надо учитывать, что в настоящее время они заключаются, в первую очередь, не в уничтожении живой силы противника, а в силовом перераспределении

ролевых функций государств в пользу сильного, способного сформировать собственную модель послевоенного управления, а также полномасштабно пользоваться стратегическими эффектами своей победы.

Значительно расширилась сфера противоборств, в которых совершаются военные действия. В настоящее время сферами войн являются:

традиционные боевые столкновения с использованием летального оружия;

противоборства в сфере дипломатии;

внутриполитические гражданские конфликты;

информационные войны;

финансово-экономические войны;

жесткое технологическое противоборство;

поведенческие войны (целенаправленные воздействия на поведение больших групп населения и элитных структур стран).⁴

Путем проведения оранжевых революций и последующих военных действий, например в Сирии, США стараются создать в мире так называемый «управленческий хаос», чтобы полностью контролировать эти регионы, власть в этих регионах и пользоваться их ресурсами, обеспечивая свое господство в мировой цивилизации. Конечным итогом всех этих действий США является уничтожение Российской Федерации как главного соперника за мировое господство.

Какие же угрозы существуют для Российской Федерации в настоящее время? Основной угрозой на сегодняшний момент является возможность перехода гражданской войны на Украине к гражданской войне на территории России. Следом возможно развязывание «гибридной» войны на территории Российской Федерации: с запада, через Украину – фашисты и специальные контингенты США и НАТО, с юга – путем перехода формирований ИГИЛ на Кавказ и в Поволжье, с востока – путем перехода исламских вооруженных формирований через среднеазиатские республики и Казахстан на Урал и Каспий. Регулярной армии будет тяжело бороться с этими бандитскими группировками, население справиться с бандитами своими силами не в состоянии. Лучший и самый эффективный вариант борьбы – хорошо организованное и вооруженное ополчение в каждом населенном пункте, его прямая связь и боевое взаимодействие с частями регулярной армии.⁵

Задачами боевых действий этих формирований в России будут являться нарушение управления государством и его вооруженными силами, уничтожение руководства государства и командного состава армии, срыв мероприятий по мобилизации и приведению войск в высшие степени боевой готовности, воспрепятствование нанесению ответных ударов, нанесение поражения основным группировкам сил и средств военной организации России, уничтожение объектов управления, логистики, энергетики, подавление радио, интернета и любой другой информационной активности.

Все это может привести к таким последствиям. Прежде всего это состояние шока у власти и политической элиты государства, затем потеря управления государством и армией, наступление безвластия, возникновение в стране полного хаоса и огромных неуправляемых потоков беженцев (в основном из городов в сельскую местность), масштабных грабежей и убийств в возникшей обстановке безнаказанности, массовое насилие, голод и эпидемии. Возникнут различные формирования не подчиняющейся никому местной власти, вооруженные отряды преступников и террористов, начнутся войны между различными территориями страны, произойдет полное уничтожение экономики государства, его структур и институтов, размещение оккупационных войск во всех важных регионах России. После введения войск в стране будет создана оккупационная власть, а страна разделена на зоны оккупации, что приведет к окончательному уничтожению государственности России и объявление о ее дезинтеграции в качестве субъекта и объекта мирового права. Это будет означать конец истории государства.

Вспомним энциклопедическое определение войны.

Война – социально-политическое явление, представляющее собой крайнюю форму разрешения социально-политических, экономических, идеологических, а также национальных, религиозных, территориальных и других противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами военного насилия.

В новейшей истории постепенно возрастает роль так называемых «нетрадиционных войн», в которых в качестве приоритетных ставятся задачи духовного, политического, экономического и других видов подавления и уничтожения противника. В этих условиях самостоятельный характер приобретают экономическое,

политическое, морально-психологическое, информационное и другие виды противоборства.⁶

Обратим внимание на такое понятие, как информационная война, которая в настоящее время стала определяющей в развитии мировой политики и, пожалуй, играет даже более важную роль, чем вооруженная борьба. На власти, вооруженные силы и гражданское население осуществляется воздействие путем распространения специально отобранной и подготовленной информации. А уже после победы в информационной войне, как правило, начинается вооруженная фаза. Показательный пример этому события в Ираке. Когда США убедили весь мир в том, что в этой стране производится оружие массового поражения, а руководит государством диктатор, душастий демократию, то с санкции ООН началось вторжение вооруженных сил (в основном армии США) на территорию суверенного государства. Результат: никакого оружия массового поражения обнаружено не было, но режим Саддама Хусейна (по оценкам США преступный) был уничтожен. Саддам Хусейн был казнен, государство в настоящее время находится в состоянии разрухи и постоянной вооруженной борьбы за власть между различными религиозными группировками.

Спектр участников современных «гибридных войн» самый разнообразный. Это не только регулярные вооруженные силы государств, но и иррегулярные войска оппозиционных сил, различные партизанские и полупартизанские формирования, террористические группы, откровенно бандитствующие группы, вандалы. Пример – Сирия. Все действующие там антиправительственные силы, подготовленные, вооружаемые и финансируемые США, Турцией и другими государствами, ставят своей задачей свержение законного правительства и взятие под контроль всего региона. Но некоторые силы решили создать всемирный мусульманский халифат. Получилось так, что «управляемый хаос» вышел из-под контроля и возникла опасность для всего мира.

Что касается применяемых средств, то здесь мы имеем дело с парадоксом. Применяется все – от современных высокоточных средств борьбы до примитивных самодельных ракет, боеприпасов, автоматического оружия, устанавливаемого на гражданские автомобили. Есть случаи применения химического оружия. То есть господствует принцип «разрешено все, что запрещено», причем отсутствует всякая мораль, кодексы, отрицается все человеческое.

Об этом говорят публичные казни заложников и пленных самыми бесчеловечными способами.

Учитывая все это, попытаемся определить, что же такое «диффузно-гибридные войны» современности. «Диффузно-гибридные» войны – это войны, когда в процесс борьбы проникают все новые и новые элементы противостояния. В самой борьбе участвуют различные и разнородные вооруженные формирования с различными средствами вооруженной борьбы и с отказом от всяческой морали, общечеловеческих законов и ценностей. Кроме того, в этой борьбе не напрямую участвуют различные транснациональные корпорации, извлекая немалые прибыли.

Учитывая усилившееся противостояние по отношению к России со стороны США и Европы, особое внимание следует уделить выработке превентивных мер противодействия развязыванию «гибридных войн» против нашего государства. Меры по противодействию гибридным угрозам требуют взаимодействия с широким спектром партнеров – определенными государствами и международными организациями, а также привлечения внутренних ресурсов, включая совершенную систему территориальной обороны, надежную защиту границ, а также привлечение бизнес-сообщества, образовательных учреждений, использование возможностей публичной дипломатии.

Необходимо выработать и внедрить в практику систему критериев и признаков, позволяющих оперативно с использованием преимущественно количественных методов проводить оценку способности страны противостоять подрывной деятельности противника с целью исключить возможные попытки спровоцировать на территории России или отдельных ее частей «гибридные войны».

Сценарии так называемых «оранжевых революций» давно уже разработаны и опробованы на практике (Египет, Украина, Сирия и другие страны). Сначала много лет формируется деструктивная оппозиция, одновременно создается «пятая колонна» из числа недовольных политикой государства и правительства. Затем вбрасываются в средства массовой информации сведения о коррумпированности руководителей государства и о его преступлениях (информационная война против правительства России ведется США и Европой уже несколько лет). Далее провоцируются беспорядки с использованием, как правило, хулиганов, футбольных фанатов, различных нацистских групп. Затем следует свержение

правительства и начинается «гибридная война». Конечно, такое развитие событий допускать нельзя. А чтобы этого не произошло, весь народ должен противостоять этим негативным процессам. Ведь именно на население страны ляжет основная нагрузка в противостоянии агрессорам.

Какие бы элементы не входили в содержание «гибридных войн», вооруженная борьба в ней будет присутствовать обязательно. Вооруженную борьбу ведет армия, а костяк любой армии составляет офицерский корпус. Готовят офицеров военно-учебные заведения. За последний десяток лет процессу подготовки военных специалистов был нанесен серьезный урон. Мы забываем основной принцип обучения армии, сформированный еще Петром Великим и свято соблюдаемый Александром Васильевичем Суворовым – армию надо учить тому, что необходимо на войне. И если мы будем учить офицеров действительно тому, что необходимо, а не тому, что определяют узкоспециализированные компетенции, наши вооруженные силы станут еще крепче и мощнее, а России будут не страшны любые провокации и агрессии со стороны наших внешних и внутренних врагов.

¹ Большой энциклопедический словарь. М., 2007. С. 257.

² Там же. С. 345.

³ Владимиров А.И. «Гибридные войны» в общей теории войны // Доклад на конференции «Гибридные войны XXI века». Военный университет МО РФ, 28 января 2015 г.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Большой энциклопедический словарь. М., 2007. С. 289–290.

С.П. Орленко (Москва)

ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ ДВА «ПЕРВЫХ МАСТЕРА». НИКИТА ДАВЫДОВ, ГРИГОРИЙ ВЯТКИН¹

ИССЛЕДУЯ ИСТОРИЮ Оружейной палаты XVII в., мы неизбежно столкнемся с необходимостью рассмотрения вопроса о работе ее ведущих мастеров – их личной роли и значения в деятельности придворного оружейного ведомства. Научная литература, посвященная данной теме, позволяет с наибольшей уверенностью назвать два имени: Никиты Давыдова и его преемника на месте «первого мастера» – Григория Вяткина².

Следует оговориться, что термин «первый мастер» или «главный мастер» Оружейной палаты является не историческим, а авторским и впервые был введен в статье Ю.В. Арсеньева применительно к Никите Давыдову³. Насколько позволяют понять источники, статус «первого мастера» в Оружейной палате XVII в. носил сугубо неформальный характер. Лишь единожды в 1660 г. тульский мастер Первуша Елисеев в своем челобитье назвал Н. Давидова «старостой», вероятно, по аналогии со старостой тульских казенных кузнецов⁴. Главный мастер получал больше всех жалования, его имя стояло первым во всякого рода росписях оружейных мастеров. От имени первого мастера «с товарищи» подавались коллективные челобитные мастеров Оружейной палаты. Несомненно, он пользовался авторитетом среди коллег, вероятно, к его профессиональному мнению прислушивалось начальство Оружейного приказа. Вместе с тем, никаких указаний на то, что первый мастер обладал какой-либо административной властью, выявленные источники не содержат.

Достоверными сведениями о начале профессиональной деятельности Никиты Давыдова мы, к сожалению, не располагаем. В вышеупомянутой работе Ю.В. Арсеньев сообщает, что Никита Давыдов

в сентябре 1613 г. был вызван «к государеву делу» из Мурома возглавлявшим Оружейную палату окольниковым и кравчим М.М. Салтыковым. По мнению автора, «отец русского оружейного мастерства» мог трудиться в Оружейной палате и до Смуты, а в Муром ушел «во время порухи»⁵. Изучение материалов научного архива Музеев Московского Кремля позволило установить, что данный сюжет был полностью заимствован Ю.В. Арсеньевым из рукописи сочинения помощника директора Оружейной палаты Л.П. Яковлева «Московская Оружейная Палата от ее основания и до начала XVIII в.»⁶

Среди столбцов архива Оружейной палаты хранится датированное 21 сентября 1613 г. распоряжение дьяку Г. Витохтову послать из Оружейного приказа с самопальным стрелком Константином Захарьиным владимирскому воеводе грамоту о розыске в Муромском уезде в сельце Яковлевском для государевых дел кузнеца Максимки и о присылке его с женой, пожитками и кузнечной снастью в Москву. «А приехав с тем кузнецом Максимкой,

объявить ево на Москве в Оружейном приказе кравчему Михаилу Михайловичу Салтыкову»⁷. В другом документе кузнец назван еще и «булатным плавильщиком»⁸. Вероятно, вследствие ошибочного прочтения источника «кузнец Максимка» превратился в «Микитку» и был необоснованно идентифицирован Л.П. Яковлевым как Никита Давыдов.

Самые ранние выявленные источники о службе Никиты Давыдова относятся к 1616 г. В столбцах Оружейной палаты и расходных книгах Казенного приказа содержатся упоминания о пожалованиях «самопальново мастера Микиты Давыдова» тканями, но не указано, за какие работы⁹. Первый известный по архивным источникам предмет, над которым трудился Никита Давыдов в 1621 г., является и самым знаменитым его произведением, «делал шапку на Ерихонское дело и венцы и мишени, и на наушах наводил золотом». Речь идет о парадном

Рис. 1. Шлем «Шапка ерихонская». Восток XVI в. (?) Декор (частично) Москва, Оружейная палата. 1621 г. Никита Давыдов. Инв. № Ор-119

шлеме царя Михаила Федоровича, по мнению А.К. Левыкина, задуманном и исполненном, как «боевой царский венец»¹⁰ (рис. 1).

В статье Ю. Арсеньева Никита Давыдов назван учеником цареградских бронников¹¹. Возможно, автор сделал такой вывод по аналогии с известным ему эпизодом биографии другого мастера – Тимофея Лучанинова, который был отправлен в Персию «для изучения пищального и сабельного дела» с посольством В. Коробьина в 1621–1625 гг.¹² Документально подтвержден лишь сам факт пребывания Н. Давыдова в Константинополе. Единственный выявленный источник об этом – челобитная самого мастера, в которой он пишет, что усыновленного им татарчонка Мишку «купил... на Дону маленька в те поры, как был на вашей государеве службе в Цареграде»¹³.

В чем именно заключалась цареградская служба Никиты Давыдова – нам неизвестно. Нет сомнений, что бы ни делал Н. Давыдов в Стамбуле, он наверняка нашел способ удовлетворить свое профессиональное любопытство, ознакомившись с работой местных оружейников, однако говорить об ученичестве оснований нет. Приблизительно мы можем рассчитать время «командировки» мастера. Челобитная мастера помечена 16-м июля 1648 г. «Богом данный сынишко», которого Никита просил принять учеником в Оружейную палату, едва ли мог быть старше 13–15 лет. С высокой долей вероятности, Никита купил его на Дону, на обратном пути из Константинополя. Вряд ли ребенок мог быть младше 5–6 лет, в противном случае дальнейшее путешествие было бы связано для него с серьезным риском. Таким образом, время цареградской службы Н. Давыдова можно приблизительно определить концом 1630-х – началом 1640-х гг. К этому времени Никита Давыдов был уже не просто сложившимся мастером, а занимал высокое место во внутренней иерархии придворной оружейной мастерской.

В росписи оружейной казны царя Михаила Федоровича 1638/39 г. упоминается «Сулица молевая Микитина дела Давыдова» – метальное копьё, возможно, украшенное¹⁴. В другой росписи оружия первого Романова написан 151 г. (1642/43): «Шишак московской Микитина дела Давыдова в венец и в подвершьи врезываны травы чеадайские да меж венца и подвершьи восемь мишеней врезывано золото...»¹⁵ (рис. 2). И хотя в ранних документах Н. Давыдов фигурирует как самопальный мастер, первое выявленное известие о его работе с огнестрельным оружием относится к 1644/45 г. В Описи государевой оружейной казны 1686/87 гг. написана «Пищаль новая

гладкая дробовая Микитина дела Давыдова... делано во 153-м году...»¹⁶.

В Оружейную палату Григорий Вяткин поступил около 1635 г., когда в ней уже трудился его старший брат Кондратий¹⁷. В работе Ю.В. Арсеньева можно прочитать утверждение, что Григорий Вяткин был учеником Никиты Давыдова¹⁸. Документов, которые могли бы прямо или косвенно это подтвердить, не выявлено. Закономерно предположение, что больший или меньший вклад в обучение Григория могли внести его отец Никита Пильник и брат Кондратий.

Ряд обстоятельств позволяет усомниться, что Г. Вяткин был учеником Никиты Давыдова. Предметов огнестрельного оружия работы Н. Давыдова в собрании Музеев Кремля идентифицировано немного. Т.В. Мартыновой удалось выявить две пищали и пистолет. Все предметы датируются 1630–1640-ми гг.¹⁹ Сравнивая это оружие с известными нам работами Г. Вяткина, мы не наблюдаем выраженных черт преемственности. Растительный орнамент на стволе, выполненный в технике обронной резьбы, был чрезвычайно распространенным декоративным приемом в работе мастеров Оружейной палаты. Безусловно, в бытность свою молодым мастером Григорий Вяткин мог продолжать активно учиться у своих старших товарищей по совместной работе в Оружейной палате, перенимать у них технические и декоративные приемы, показавшиеся ему наиболее интересными и эффектными. На нарядных пистолетах работы Григория Вяткина (написаны первыми среди пар пистолетов в описи 1687 г.)²⁰ на казенной части два спирально закрученных стебля завершаются головками фантастических зверей, подобных тем, что присутствуют на огнестрельном оружии работы Никиты Давыдова, хотя сам характер украшения ствола совершенно иной (рис. 3, 4).

Среди огнестрельного оружия, созданного в дворцовых мастерских в первой половине XVII в., работы Григория Вяткина обнаруживают более всего сходства с пищальями, изготовленными Тимофеем и Максимом Лучаниновыми. Самый поздний архивный документ о Тимофее Лучанинове как о действующем мастере относится к 1634 г.²¹ Однако, есть основания полагать, что Т. Лучанинов продолжал ра-

Рис. 2. Шисак. Москва, Оружейная палата, первая половина XVII в. Никита Давыдов. Инв. № Ор-4654

Рис. 3. Пистолеты, пара. Москва, Оружейная палата, вторая половина XVII в. Григорий Вяткин (ствол, замок); Евтихий Кузовлев (станок). Инв. № Ор-2095/1-2; 2096/1-2

Рис. 4. Пистолеты. Москва, Оружейная палата, вторая половина XVII в. Григорий Вяткин (ствол, замок); Евтихий Кузовлев (станок). Деталь. Инв. № Ор-2095/1-2

ботать в Оружейной палате и ряд последующих лет. В росписи оружейной казны Смоленского похода царя Алексея Михайловича 1654 г. среди пищалей второй была написана пищаль «Тимофеева дела Лучанинова, станок Ларионова дела, по местам раковина. Замок Григорьева дела Вяткина...». Следует обратить внимание, что в той же росписи походной Оружейной казны третьей и четвертой написаны пищали со стволами Григория Вяткина, пятой – пищаль «Микитина дела Давыдова». Все они, как и пищаль Т. Лучанинова с замком Григория Вяткина, имели «станок Ларионова дела»²². Вероятно, речь идет о станочном мастере Ларионе Дементьеве²³. Таким образом, велика вероятность, что некий период, предположительно во второй половине 1630-х гг. – начале 1640-х гг., все

вышеперечисленные мастера одновременно состояли на службе в Оружейной палате.

В Росписном списке г. Москвы 1638 г. в Пушкарской слободе написан двор «Ивашка иконника, сосед у него Тимошка Лученинов»²⁴. Род занятий проживавшего в Пушкарской слободе Тимофея Лучанинова не указан, и уверенности, что речь шла именно о мастере Оружейной палаты, у нас нет. По мнению исследователя М.Н. Ларченко, время работы Максима Лучанинова относится к первой половине XVII столетия²⁵. В росписи русских мастеров Оружейной палаты, присягнувших царю Алексею Михайловичу в 1645 г., ни одного мастера с прозвищем «Лучанинов» уже не значится²⁶.

Весьма существенной обнаруживается разница в конструктивных типах оружия, созданного Н. Давыдовым и Г. Вяткиным. В описи государственной походной Оружейной казны, «которая была в Смоленске», вторыми среди пистолетов написаны «Пара о шти зарядах Микитина дела Давыдова, станки яблоневые сапожком, в ложах врезываны раковины»²⁷ (рис. 5). Согласно расходной книге Оружейного приказа,

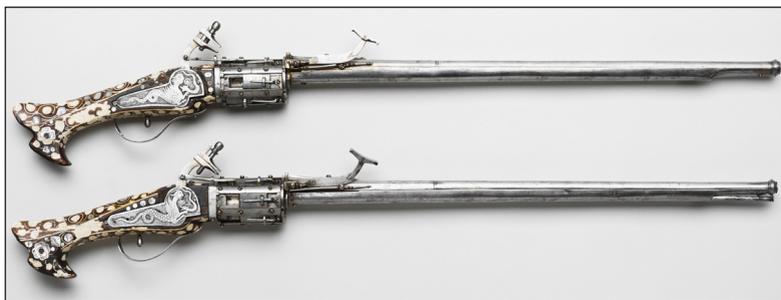

Рис. 5. Пистолеты-револьверы шестизарядные, пара. Москва, Оружейная палата, первая половина – середина XVII в. Никита Давыдов. Инв. № Ор-293; Ор-294/1-2.

16 ноября 1658 г. Миките Давыдову было выдано денег рубль «на железо и на уголье». «Велено ему сделать пищаль скорострельную винтованную»²⁸. В первой половине XVII в. скорострельное оружие револьверного устройства помимо Никиты Давыдова делал и другой мастер – Первуша Исаев²⁹. Вероятно, Никита Давыдов был последним из русских мастеров в XVII в., владевших умением делать многозарядное оружие сложной конструкции. Среди оружия работы Григория Вяткина, выявленного в собрании Музеев Кремля или упо-

мянутого в архивных источниках, конструктивно сложные системы отсутствуют.

К редким предметам в государственной Оружейной казне XVII в. относились пневматические ружья. В статье Ю. Арсеньева среди работ Никиты Давыдова указаны «пищаль духовая медная» 1641 г. и «пищаль новая духовая медная» 1651 г. (без ссылки на источник)³⁰. В росписях походной оружейной казны, что была за государем в Троицких походах в 1657 и 1658 гг., написана «пищаль духовая Никитина дела Давыдова»³¹. Та же пищаль фигурирует и в составе оружейной казны, взятой государем в поход в село Коломенское в 1660 г.³² Нет никаких сведений, что в XVII в. кто-либо еще из мастеров Оружейной палаты делал пневматическое оружие.

В 1659 г. Никите Давыдову пришлось выполнить особое задание, связанное с новыми веяниями в парадно-церемониальной практике русского двора. 11-го января было выдано «Миките Давыдову на стальное железо и на уголь тридцать алтын. Делал граненый меч». В марте Никита Давыдов получает новый заказ. Согласно записи от 7 марта мастер «делал зубчатой меч»³³.

Примечательно, что в ранний период своей профессиональной деятельности Григорий Вяткин зачастую выступал как замочный мастер. Вероятно, одной из последних работ (не позднее 1651 г.)³⁴ Григория в этом качестве стала пищаль со стволом дела его старшего брата Кондратия Вяткина, написанная среди «новых» в росписи оружейной казны, что была с царем Алексеем Михайловичем в Смоленском походе 1654 г.³⁵ В документах второй половины 1650-х – 1680-х гг. упоминаний о том, что Г. Вяткин делал замки к стволам, изготовленным другими мастерами, не выявлено. Вероятно, такая роль уже не соответствовала высокому положению мастера в иерархии оружейников придворной мастерской.

Наиболее ранний из выявленных источников, дающий представление о полном кадровом составе русских мастеров Оружейного ведомства – роспись оружейников, целовавших крест на верность царю Алексею Михайловичу в 1645 г. В списке мастеров имя Никиты Давыдова написано первым. Строкой ниже были написаны братья Григорий и Кондратий Вяткины. То, что имя Григория стояло перед старшим братом, говорит о том, что его дела в Оружейной палате шли несколько успешнее³⁶. Одним из факторов, повлиявшим на сокращение дистанции между «первым мастером» Никитой Давыдовым и молодым оружейником Григорием Вяткиным, был уход

из Оружейной палаты в 1630-е – начале 1640-х (?) гг. ряда ведущих мастеров.

Укреплению позиций Григория Вяткина в палате способствовала успешная походная служба мастера. Согласно приказной выписке «В прошлых во 162-м (1654) и во 163-м (1654/55) годах по государеву цареву [м.т.] Алексея Михайловича указу были за ним великим государем в походе со оружейною казною под Смоленском и под Вильнею Оружейной палаты розных дел мастера Григорей Вяткин с товарищи»³⁷. Использование в документе формулировки «Григорий Вяткин с товарищи» дает основание полагать, что он был старшим среди мастеров, сопровождавших государеву походную оружейную казну³⁸. В 1656 г. в походе на Ригу Григорий Вяткин возглавлял группу из одиннадцати оружейных мастеров и двух сторожей, состоявших при государевой походной оружейной казне³⁹. Никита Давыдов в военных походах 1650-х гг. не участвовал, а работал в Москве, делал «приказные дела»⁴⁰. Возможно, во внимание был принят солидный возраст мастера. Никите Давыдову посчастливилось пережить московскую чуму 1654 г. Мастер проживал на Константиновской улице в Бронной слободе, в которой, по подсчетам исследователя М.Ю. Романова, «моровое поветрие» унесло около восьмидесяти процентов жителей⁴¹.

До 1662 г. Никита Давыдов оставался первым мастером Оружейной палаты с самым высоким окладом в 30 рублей. Согласно приходо-расходным книгам Оружейной палаты годовой денежный оклад Григория Вяткина составлял 25 рублей⁴². Однако обращает на себя внимание, что уже в середине столетия ряд коллективных челобитных мастеров Оружейной палаты пишется от имени «Микитки Давыдова и Гришки Вяткина с товарищи». Самые ранние из них относятся к 1653–1654 гг.⁴³ То, что Давыдов и Вяткин фигурируют в подобного рода документах вместе, может говорить о том, что в иерархии мастеров Оружейной палаты уже в 1650-х гг. их статус приближался к равновеликому.

Беспрецедентное повышение жалования ожидало Г. Вяткина в 1662 г. Согласно приказной выписке, 2 апреля «по имянному великого государя [м.т.] Алексея Михайловича указу Оружейной палаты розных дел мастеровые люди Микита Давыдов, Григорий Вяткин с товарищи были у его великого государя у руки, с приказными новыми подносными делами. И великий государь... пожаловал мастеровых людей Григорья Вяткина, Василья Титова, Евтифея Ку-

зовлева – велел им учинить своего государева годовова денежного жалования к прежним их денежным окладам: Григорью Вяткину к дватцати пяти рублем – дватцать пять рублей. Василью Титову к дватцати рублем – десять рублей. Ефтифью Кузовлеву к пятинатцати рублем – пять рублей. Сей великого государя имянной указ приказал записать окольничей и оружничей Богдан Матвеевич Хитрово. По сему великого государя указу дать жалованья сполна и сей государев указ о прибавке записать в книгу»⁴⁴.

Следует обратить внимание на то, что хотя Никита Давыдов был написан первым в числе мастеров, бывших у руки государя на Пасху, в распоряжении об увеличении окладов мастерам его имя не упомянуто. Возможно, последнее обстоятельство связано с преклонным возрастом Никиты Давыдова и отсутствием за ним в 1662 г. каких-либо «подносных дел». Вероятно, к началу 1660-х гг. мастер был уже ограниченно трудоспособен. Ранее, в 1661 г. Никита Давыдов тоже был на Пасху у руки государя без подносных вещей своей работы, а у его имени в росписи стоит пометка «делает государевы зеркала». Тем не менее, в тот раз он получил наградные в размере оклада – 30 рублей⁴⁵. И в 1662 г. заслуженный мастер не был оставлен без поощрения. В марте по имянному великого государя указу «к празднику Христову Воскресению Миките Давыдову за *прежние приказные дела и для ево старости* (курсив мой. – С.О.) [сделать] однорядку вишневою кармазинную с пугвицы серебряными золочеными, да ферези камчатые з завязки»⁴⁶.

Работа Никиты Давыдова над зеркальным доспехом царя Алексея Ми-

Рис. 6. Доспех зеркальный. Москва, Оружейная палата, 1661–1663 гг. Никита Давыдов. Инв. № Ор-125/1-2

хайловича, ставшим «лебединой песней» мастера, продолжалась несколько лет (возможно с перерывами) и завершилась в 1663 г.⁴⁷ (рис. 6). В росписи Оружейной палаты мастеровых людей 1663 г. Никита Давыдов по прежнему написан первым, с окладом в 30 р., ниже его написан Григорий Вяткин, хотя его оклад составлял 50 р., затем следует Василей Титов также с окладом в 30 р.⁴⁸ 1 марта 1664 г. была помечена челобитная Никиты Давыдова об отставке по старости и болезни, с просьбой о пожаловании на вклад на пострижение в монастырь⁴⁹. С этого момента Григорий Вяткин безоговорочно становится «первым мастером» Оружейной палаты.

В отличие от Григория Вяткина, писавшегося «самопальным» или «ствольным и замочным мастером», Никита Давыдов в документах Оружейного приказа фигурирует еще и как «латный и самопальный мастер». В значительной степени, именно работе с оборонительным вооружением имя Никиты Давыдова обязано своей громкой славой. Помимо знаменитой «шапки ерихонской», шишака и зеркального доспеха 1663 г., к работе Никиты Давыдова относят парадные наручи и кирасу (рис. 7, 8). Примечательно, что оба предмета с высокой долей вероятности были выполнены по имевшимся в оружейной

Рис. 7. Наручи, пара. Москва, Оружейная палата, первая половина XVII в. Никита Давыдов (?). Инв. № 4062/1–2

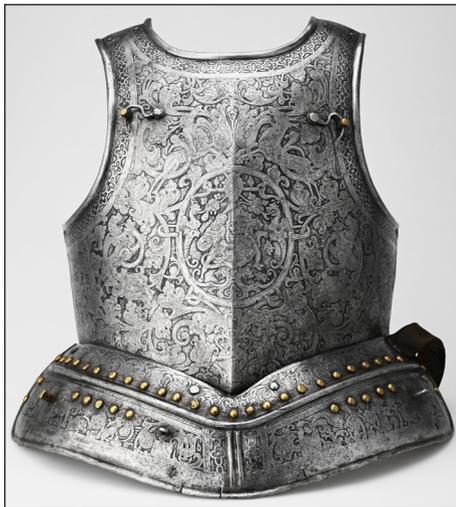

Рис. 8. Кираса. Москва, Оружейная палата, первая половина XVII в. Никита Давыдов (?). Инв. № Ор- 127/1-2

дела Вяткина через дол золочены...»⁵². По своему декору бутурлыки работы Григория Вяткина явно ориентированы и на зеркальный доспех дела Никиты Давыдова и, возможно, входили с ним в один комплект парадного оборонительного вооружения⁵³.

Летом 1669 г. Григорий Вяткин получает задание: «велено делать зеркала против государевых Больших зеркал и навести на них золотом печати государственныхя. А у тово дела велено с ним Григорьем быти сыну ево Афонасью, да ученику ево Игнашке Прохорову»⁵⁴. Образцом для заказанного Григорию Вяткину доспеха должны были послужить зеркала царя Михаила Федоровича 1616 г. работы Дмитрия Коновалова и Андрея Тирмана⁵⁵. Конструктивно и по декору Большие государевы зеркала 1616 г. и созданные под руководством Г. Вяткина очень близки, почти идентичны, но количество пластин, из которых состоит доспех 1670 г., несколько больше – 40 против 36⁵⁶ (рис. 9).

Зеркала стали самым дорогим предметом, изготовленным Григорием Вяткиным «с товарищи» и по стоимости многократно превосходили любое огнестрельное оружие его работы. В Переписной книге 1686/87 гг. в главе «Зеркала» доспех Вяткина написан вторым

казне образцам. В одном случае это роскошные турецкие наручи времени Сулеймана великолепного, в другом – западноевропейский доспех – предположительно, дар Морица Оранского царю Михаилу Федоровичу⁵⁰.

С не меньшим основанием звание «бронного и самопального мастера» мог бы носить и Григорий Вяткин. В 1664 г. им была выполнена пара стальных бутурлыков⁵¹. В Переписной книге государевой Оружейной казны они написаны первыми: «Бутурлыки косые долики Григорьева

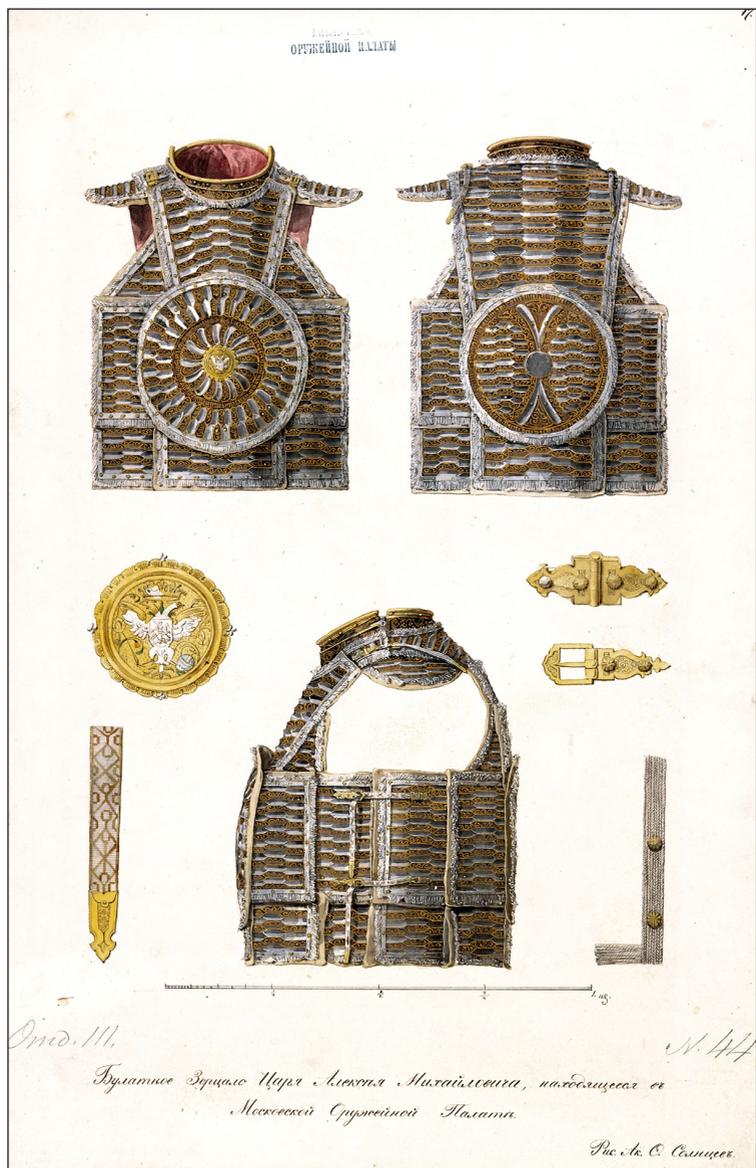

Рис. 9. Солнцев Ф.Г. Зерцало царя Алексея Михайловича 1670 г. (вид с трех сторон и детали). Акварель. Россия, Москва, первая половина XIX в. Инв. № Гр-3004

после зеркал царя Михаила Федоровича 1616 г. и оценен наравне с ним в 1500 р. Написанные третьими зеркала работы Н. Давыдова 1663 г. были оценены в 1000 р.⁵⁷

Осенью 1679 г. Григорий Вяткин с сыном Афанасием и мастером Василием Титовым получают задание сделать ерихонскую шапку по некоему образцу, снесенному «сверху» от государя Федора Алексеевича⁵⁸. Что это был за образец и что в итоге создали мастера, мы не знаем. Бесспорно, что ерихонских шапок, близких по своему великолепию к работе Никиты Давыдова 1621 г., в государственной Оружейной казне не известно. Согласно Переписной книге 1687 г. шапка «Микитина дела Давыдова» оценивалась в 1175 р., а ближайшая к ней по цене – втрое дешевле. Справедливости ради стоит отметить, что Никита Давыдов для создания шапки использовал булатный шлем восточного происхождения, а Григорий Вяткин «с товарищи», судя по весу выданного железа (3 пуда) должны были все части боевого наголовья делать сами⁵⁹.

Анализируя источники делопроизводства Оружейного приказа, мы приходим к однозначному выводу, что в роли наставника и воспитателя Григорий Вяткин был несравненно успешнее Никиты Давыдова. Возможно, Никита Давыдов сам не стремился брать учеников «со стороны», видя наследниками своего мастерства сына или сыновей, а позднее и пасынка. К сожалению, их судьба сложилась очень несчастливо.

Одна из приказных выписок воспроизводит фрагмент «роздаточного денежного столпа (Оружейной палаты. – С.О.) прошлого 149 (1640/41)-го году», в котором в одну строку написаны ученики «Любимко да Федотко Микитины» с одинаковыми годовыми окладами «по 4 рубли хлеба по 8 четей ржи, овса то ж»⁶⁰. (Аналогично, в одну строку в росписи 1645 г. были написаны братья Григорий и Кондратий Вяткины)⁶¹. Нам не известно наверняка, был ли Федот Микитин сыном Никиты Давыдова и братом Любима. Информации о самом Федоте очень мало.

В росписи мастеровых людей Оружейной палаты, присягавших в 1645 г. царю Алексею Михайловичу, также присутствуют Любим и Федот Никитины, однако в этом документе между ними большой разрыв. Федот написан ниже Любима на двадцать пять позиций⁶². Мы знаем, что в 1647 г. Федот просил о пожаловании его в мастера сабельного дела⁶³. В начале 1648 г. он получал годового жалования 4 рубля по 16 алтын 4 деньги, хлеба по 8 чети ржи, овса то ж⁶⁴. Не

исключено, что Федот не пожелал следовать по стопам отца, а выбрал свой путь в жизни. В 1656 г. на «выморочное место» Федота Микитина был принят с денежным окладом в 5 рублей сабельный мастер Андрон Ефремов⁶⁵. Возможно, как и многие другие, Федот не пережил «московского мора».

Несколько определенной ситуация с Любимом Никитиным. В июле 1648 г. Никита Давыдов в своей челобитной пишет: «В нынешнем государь во 156-м (1647/48) году Судом Божиим сына моиво Любимка не стало. А ныне есть у меня Богом данной мне сынишко купленной татарченок Мишка. Купил я, холоп твой, ево Мишку на Дону маленька в те поры как был на вашей государеве службе в Цареграде. И привез к Москве и крестил и учил иво своему рукоделию – карабины и пистолы, и рогатины, и наручи делает собою. А больших, государь, дел чему я умею он Мишка делать еще не может, млад. А доколе Бог изволит мне холопу твоему живу быть, до тех мест ево доучу. Милосердный государь [м.т.] Алексей Михайлович пожалуй меня холопа своего, вели государь тому Богом данному моему сынишку Мишке быть у своего государева дела в Оружейном приказе сына моиво на Любимково место»⁶⁶.

Мишку в Оружейную палату приняли, однако денежный оклад определили несколько меньше последнего жалования Любима – 6 рублей. Любим же получал жалования 8 рублей и 9 четей ржи, овса то ж⁶⁷. В приказной выписке об окладах мастеров 1649 г. указан ствольный и замочный мастер Мишка Микитин с окладом в 6 рублей, хлеба 8 четей ржи овса то ж⁶⁸. В составе походной оружейной казны царя Алексея Михайловича среди пистолей, «которым быть на конюшне и в запасе», вторыми написаны «Пара пистолей русское дело ученика Микиты Давыдова Мишки Татарина стволы красные в трех местах травы чеканные золочены. Станки яблоньные с раковины. Замки гладкие золочены. Оправа и наболдашники серебряные резные золочены»⁶⁹. Росписей мастеров Оружейной палаты первой половины 1650-х гг. не выявлено. В окладной росписи 1656/57 гг. имя ствольного мастера Михаила Никитина не фигурирует. Возможно, и пасынок Никиты Давыдова не пережил московской чумы, опустошившей город в 1654 г.

В первой половине 1660-х в приказных документах Оружейной палаты вновь обнаруживается имя «розных дел мастера» Мишки Микитина⁷⁰. Внимательное изучение архивных источников позволяет с уверенностью говорить о том, что Мишка Микитин 1660-х гг.

был всего лишь тезкой пасынка Никиты Давыдова и принадлежал к числу т. н. «польских» ремесленников, переведенных в Москву во второй половине 1650-х – начале 1660-х гг. из городов, отвоеванных у Польско-Литовского государства⁷¹. Ограниченное количество популярных в русском обществе «календарных» имен и, соответственно, патронимов приводило к появлению тезок-двойников даже в довольно узком кругу мастеров и служащих Оружейной палаты. Так, в августе 1664 г. в Оружейную палату на место отставленного «за падучей болезнью» сторожа Ивана Васильева был принят и приведен к присяге некий Микитка Давыдов – полный тезка знаменитого мастера⁷². Примечательно, что Мишку Никита Давыдов купил и усыновил в то время, когда были живы Любим и Федот Никитины. Однако если у мастера и были планы стать основателем могучей династии оружейников, то им не суждено было сбыться.

В переписной книге московской Бронной слободы, составленной в 1663–1665 гг., отмечено, что принадлежавший Никите Давыдову двор на Константиновской улице был им продан станочному мастеру Оружейной палаты Евтихею Кузовлеву, а сам мастер живет в Набережных палатах Оружейного приказа – непосредственно на рабочем месте⁷³. Время продажи Н. Давыдовым своего двора известно точно: «Ноября в 28 день по оружничего Богдана Матвеевича Хитрово, станочному мастеру Евтихею Кузовлеву на окуп за двор Никиты Давыдова тридцать рублей. По указу великого государя велено ему Евтифею те деньги великого государя в казну платить погодно нынешняго со 168 (1659) году»⁷⁴.

Нам известно, что со своего двора в Бронной слободе Никита Давыдов съехал несколько раньше, еще в 1657 г. Сохранилась челобитная оружейника, в которой он пишет: «В нынешнем г-рь во 166-м (1657) году ноября в 22 день по твоему государеву указу поставлены у нас за Таганскими вороты в Воронцовской слободе солдаты. И у зятя моего у Тихина Семенова поставлено солдат на дворе шесть человек. А я, холоп твой, живу у зятя своего – у нево Тихина и твое государево оружейное дело работаю... беспрестанно и от тех солдат теснота большая. Твоево государева оружейнова дела работать невозможно»⁷⁵. Вероятно, жить одному, работать и вести хозяйство Никите было уже трудно, и он переехал в семью замужней дочери. Что случилось потом и почему мастер перебрался на житье в Набережные палаты Оружейного приказа, мы не знаем. Возможно, женщина скончалась, и Никите Давыдову пришлось покинуть дом бывшего зятя.

В середине 1650-х гг. «первый мастер» Никита Давыдов был уже не молод и, возможно, не очень здоров, так что новое руководство Оружейной палаты озаботилось назначением ему ученика из числа новопринятых. В этот период администрация старалась спешно восполнить кадровые потери, нанесенные чумой. Согласно приходо-расходной книге Оружейной палаты, 21 февраля 1656 г. «взят в Оружейный приказ резного дела мастер иноземец Федор Крыгор», а 22 февраля «латному и самопальному мастеру Миките Давыдову [дано] государева жалования в приказ десять рублей для того, что дан ему Миките вновь ученик немчин Федька Крыгор»⁷⁶. В июне 1658 г. за успешную подготовку к визиту грузинского царя Теймураза Давидовича, за «каретное и протазанное золочение» была пожалована деньгами и тканями большая группа мастеров. Среди записей о наградных дачах есть и такая: «Никитину ученику Бориску 5 рублей»⁷⁷. Означает ли это, что у Никиты Давыдова во второй половине 1650-х гг. было два ученика: Федор Крыгор и некий Борис?

Имя Федора Крыгора в документах Оружейной палаты после 1656 г. не встречается, зато до начала 1690-х гг. фигурирует «резного дела мастер» или «замочного дела мастер» Борис Крыгор⁷⁸. С высокой долей уверенности мы можем полагать, что речь идет об одном человеке. Вероятней всего, перемена Крыгором имени связана с переходом «немчина» в православную веру. В некоторых документах Оружейного приказа Борис Крыгор фигурирует еще и как Борис Михайлов⁷⁹.

Последней работой Н. Давыдова стали парадные зеркала, которые он сработал для царя Алексея Михайловича. Точное время начала работ над зеркальным доспехом, к сожалению, не известно, но не позднее весны 1661 г., а возможно, и существенно ранее. Запись о приобретении у Никиты Давыдова кузнечных мехов «к зеркальному делу» датирована 20 июля 1660 г.⁸⁰ Дело продвигалась медленно. Завершить этот труд Никите Давыдову удалось только в 1663 г. Вероятно, Борис Крыгор участвовал в этой работе, одновременно учась «латному делу», хотя в «Росписи Оружейные палаты мастеровым людям» он числился среди замочных мастеров, а для пасхального подноса 1663 г. им был выполнен «протазан резной (возможно прорезной. – С.О.) золочен».⁸¹

Сведения о деятельности Бориса Крыгора после отставки Никиты Давыдова в 1664 г. самые разнообразные. Среди изделий Б. Крыгора мы встречаем прорезные стремяна, холодное оружие и доспех не-

высокого уровня. К Пасхе 1668 г. Б. Крыгор «зделал на две пушки винтованные железныя прорезныя клейма, и по всякие приказные и верховые мелкие дела делал»⁸². Несколько лет Борис провел в с. Коломенском на строительстве деревянного дворца: делал к хоромам петли и крюки и всякое по железу резное дело⁸³.

Насколько позволяют судить выявленные материалы, Борис Крыгор никогда не делал стволов и замков к огнестрельному оружию. Вероятней всего, Никита Давыдов «самопальному делу» Крыгора не выучил. Если мы сравним сведения о трудовой биографии Б. Крыгора с той рекомендацией, которую дал Никита Давыдов своему пасынку в 1648 г.: «карабины и пистолы и рогатины и наручи делает собою», то увидим, что «младой» татарчонок Мишка умел больше, нежели Борис в зрелые годы⁸⁴. О многом говорит то обстоятельство, что в 1679/80 г. годовой денежный оклад Крыгора оставался таким же, каким он был, когда тот поступил в ученики к Никите Давыдову в 1656 г. – 8 рублей⁸⁵. В Оружейной палате Борис Крыгор прослужил очень долго. Ноябрем 1693 г. датировано его челобитье об отставке по старости и просьбой принять на его место сына Гаврилу⁸⁶.

Никита Давыдов обладал исключительно широкой квалификацией. Он создавал разнотипное холодное, огнестрельное и пневматическое оружие. Среди его работ присутствует доспех русского, восточного и западноевропейского типов. Такое сочетание высочайшего профессионализма и удивительной универсальности уникально в истории оружейного дела России, а возможно, и мира. Однако единственный из корифеев «старой школы», прослуживший в Оружейной палате в царствование Алексея Михайловича почти два десятилетия, Никита Давыдов не оставил достойных наследников своего мастерства.

Что же касается Григория Вяткина, то самое раннее документальное упоминание о нем как о мастере Оружейной палаты 1649 г. уже содержит сведения о его ученике – Василии Титове. Проведенное исследование показывает, что профессиональный костяк Оружейной палаты 1660–1680-х гг. составляли ученики Григория Вяткина и ученики его учеников. Среди молодых оружейников, которых мастер выучил и привел в палату, был его сын Афанасий, ставший после смерти отца его преемником на посту «первого мастера»⁸⁷.

Григорий Вяткин уступал Никите Давыдову по части некоторых важных «мастерских умений», однако созданный им чрезвычайно декоративный и эффектный стиль украшения парадного огнестрельного оружия оказался высоко востребован в последней трети XVII в.

Григорий Вяткин не умел создавать конструктивно сложные оружейные системы, однако при этом оружие «Григорьева дела Вяткина» превосходит известные нам работы Н. Давыдова по декоративности и богатству отделки. По уровню «нарядности» любой известный нам ствол Г. Вяткина выше любого ствола Давыдова. При этом следует оговориться, что выявлена лишь небольшая часть огнестрельного оружия, выполненного Н. Давыдовым. В описи Оружейной казны 1686/87 г. написано двенадцать единиц огнестрельного оружия «Никитина дела Давыдова»: пицалей, карабинов, пистолетов⁸⁸. В отличие от Григория Вяткина, Никита Давыдов был грамотен. В ряде документов Оружейного приказа присутствуют его собственноручные росписи⁸⁹.

Для стволов, выполненных «в стиле Григория Вяткина», характерен декор, в котором растительный орнамент в технике насечки сочетается с «травами», выполненными обронной (выемчатой) резьбой, гладкие участки ствола украшались золочением и серебрением. В фигурных или овальных клеймах на фоне растительного орнамента выполнялись рельефные геральдические изображения: двуглавые орлы (обычно на казенной части ствола), единороги, львы, грифоны, а также изображение короны и «ехидны» – фантастические чудовища, химеры. Детали замков исполнялись в виде львиных или китовых голов. Щитки полков замка часто украшало резное изображение короны, хотя встречались и иные композиции, например «Самсон со львом» или «Видение цареградское – орел со змием»⁹⁰. Гладкие детали замков украшал гравированный растительный орнамент, золочение и серебрение (рис. 10, 11). Со второй половины 1660-х гг. среди русских мастеров самопального (ствольного и замочного) дела школа Григория Вяткина становится доминирующей. «Стиля Вяткина» придерживались не только бывшие ученики Григория, но и оружейники, поступившие в палату зрелыми мастерами⁹¹.

Помимо службы Григорий Вяткин был вполне успешным частным предпринимателем, сочетавшим ремесленную и торгово-посредническую деятельность. Семейство Вяткиных отличал весьма высокий уровень благосостояния. (Сбежавший от Григория в 1663 г. ученик похитил наличных денег и имущества мастера на огромную сумму – 1000 рублей)⁹². С высокой долей вероятности лавка в Самопальном ряду в начале 1670-х гг., записанная на Афанасия, была семейным предприятием отца и сына Вяткиных⁹³. Сведениями о каких-либо занятиях и промыслах Никиты Давыдова, помимо его службы в государевой Оружейной палате, мы не обладаем.

**Рис. 10. Пищаль. Москва, Оружейная палата, 1673 г. (?)
Григорий Вяткин. Инв. № Ор-100/1-2**

**Рис. 11. Пищаль. Москва, Оружейная палата, 1673 г. (?)
Григорий Вяткин. Деталь. Инв. № Ор-100/1-2**

Никиту Давыдова и Григория Вяткина связывали около тридцати лет совместной службы в Оружейной палате. Профессиональный и карьерный рост Григория Вяткина, его выдвижение в ведущие мастера происходит в бытность Никиты Давыдова «первым мастером». Достоверной информацией о том, видел ли Никита в Григории Вяткине своего преемника, оказывал ли ему поддержку, мы не располагаем. 24 июня 1664 г. государь латного и самопального мастера Никиту Давыдова пожаловал – было велено дать «на пострижение латному мастеру Миките Давыдову десять рублей». Деньги для Никиты Давыдова получил Григорий Вяткин, а расписался за них «по его велению» самопальный стрелок Фрол Миронов⁹⁴. Мы никогда не узнаем, было получение денег «на пострижение» Никиты Г. Вяткиным рутинной операцией материально-ответственного лица или последним проявлением заботы о немощном мастере. Возможно, у готовившегося покинуть мир старика Никиты Давыдова на тот момент просто не осталось человека более близкого, чем Григорий Вяткин.

¹ В данной работе использовалась рукописная картотека оружейных мастеров XVII в., составленная М.Н. Ларченко, хранящаяся в секторе Оружия и конского убранства Музеев Московского Кремля.

² Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII в. // Вестник археологии и истории, издаваемый имп. Археологическим институтом. СПб., 1904. Вып. 16; Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954; Мартынова Н.Т. Вновь обнаруженные произведения «латных и самопальных дел мастера» Никиты Давыдова // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. М., 1984.; Комаров И.А. Вступительная статья // Государева Оружейная палата. СПб., 2002; Ларченко М.Н., Левыкин А.К. Яблонская Е.А. Оружейная палата – ведущий центр производства вооружения XVI–XVIII веков // Оружейная палата Московского Кремля. М., 2006.; Орленко С.П. Оружейный мастер Григорий Никитич Вяткин // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. II. СПб., 2011. С. 122–141.

³ Арсеньев Ю. Указ. соч. С. 131–133.

⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1 Д. 6476. По челобитным тульских мастеров, взятых в Оружейную палату для делания пищалей. Л. 49.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ ОРГПФ Музеев Московского Кремля. Ф. 1. Д. 73. 1863 г. (?) Яковлев Л.П. История Оружейной палаты с ее основания до нашего времени. Тетрадь 1. Л. 19 об. – 20.

⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1 Д. 48784. Об отыскании в Муромском уезде... Л. 1–2.

⁸ Там же. Д. 24. Память дьяку Григорию Витовтову об отписке во Владимир воеводам и дьякам про мастера... Л. 1.

⁹ Там же. Д. 165. О пожаловании Оружейного приказу мастеров 4-х человек: Романа Устинова, Аксена Устинова, Никиту Давыдова да Первушу Исаеву по сукну доброму. Л. 1; Оп. 2 Д. 278. Расходная книга товарам и вещам... 7125 (1615–1616) гг. Л. 111; Д. 279. Расходная книга товарам и вещам... 7126 (1616–1617) гг. Л. 14 об. – 15.

¹⁰ Инв. № Ор-119. Левыкин А.К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 73.

¹¹ Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII в... С. 132.

¹² Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 2. М., 1976. Л. 32, 37.

¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3830. Челобитная самопального и латного дела мастера Никиты Давыдова... Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 2948. Роспись оружейной казны ц. Михаила Федоровича 147 (1638/39) гг. Л. 10.

¹⁵ Инв. № Ор-4654.; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3226. Роспись знаменам и оружию царя Михаила Федоровича 151 г. (1642/43) Л. 2–3.

¹⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга Оружейной и всякой царской казны... Л. 283–283 об.

¹⁷ Орленко С.П. Указ. соч. С. 123–124.

¹⁸ Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа... С. 132.

¹⁹ Мартынова Т.В. Указ. соч. С. 178–184.

- ²⁰ Инв. № ОР-2095/1-2; Ор-2096/1-2. Атрибутированы А.Н. Чубинским. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга Оружейной и всякой царской казне... Л. 376 об. – 378.
- ²¹ Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 2. М., 1976.
- ²² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5692. Роспись походной казны Алексея Михайловича... Л. 24.
- ²³ В 1648 г. он был написан вторым среди станочных мастеров Оружейной палаты с окладом 10 рублей, 12 четей ржи и овса (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1 Д. 3785. Три челобитных... Л. 2).
- ²⁴ Беляев И.С. Росписной список города Москвы 1638 года // Труды Московского отдела имп. Русского военно-исторического общества. М., 1911. Т. I. С. 221.
- ²⁵ Ларченко М.Н. Новые данные... С. 35.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1 Д. 36421. Роспись самопальным стрельцам и оружейным всяких дел мастерам, которые государю царю Алексею Михайловичу крест целовали. Л. 1–4.
- ²⁷ Там же. Д. 5692. Роспись походной казны Алексея Михайловича, которая была в Смоленске. Л. 21. Инв. № Ор-293, Ор-294/1-2. Атрибутированы Е.Я. Яблонской.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 948. Книга приходная деньгам нынешняго 167 г. Л. 70 об.– 71.
- ²⁹ Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века. С. 40–46.
- Ларченко М.Н. Левыкин А.К. Яблонская Е.Я. Указ. соч. С. 185–186.
- ³⁰ Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII в. С. 132.
- ³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5854. Об отпуске Оружейной казны в государев Троицкий объезд. Л. 6; Д. 6164. Об отпуске оружейной казны в государев Сергиевский объезд. Л. 6.
- ³² Там же. Д. 7070. Об отпуске оружейной казны за царем в с. Коломенское. Л. 2.
- ³³ См.: Орленко С.П. Мечи и протазаны. К вопросу о церемониальных новациях русского двора середины XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. XXII. М., 2014; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 948. Книга приходная деньгам нынешняго 167 (1658–1659) г. Л. 125, 134, 164.
- ³⁴ Орленко С.П. Оружейный мастер Григорий Никитич Вяткин... С. 124.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5692. Роспись походной казны Алексея Михайловича... Л. 29.
- ³⁶ Там же. Д. 36421. Роспись самопальным стрельцам и оружейным всяких дел мастерам... Л. 1.
- ³⁷ Там же. Д. 7274. О выдаче сукон за участие в рижском походе... Л. 2.
- ³⁸ Там же. Д. 7254. Память в Мастерскую палату, по чему мастерам людям... Л. 1–3.
- ³⁹ Там же. Д. 5762. Челобитная Григория Вяткина с товарищами... Л. 1.
- ⁴⁰ Там же. Д. 7274. О выдаче сукон за участие в рижском походе... Л. 3.
- ⁴¹ Романов М.Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди. М., 2010. С. 47.

- ⁴² РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 947. Расходная книга денежной казне Оружейного приказа за 1656–1657 г. Л. 46; Д. 949. Приходо-расходная книга Оружейной палаты 1659–1660 г. Л. 89.
- ⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 4792. Челобитные мастеров Оружейной палаты о выдаче жалования... Л. 1; Д. 5142. 1653 г. О выдаче мастерам Оружейной палаты денежного... Л. 7.
- ⁴⁴ Там же. Д. 7764. О даче мастерам Оружейной палаты жалования... Л. 35, 36.
- ⁴⁵ Там же. Д. 7596. О пожаловании мастеров Оружейной палаты за подносные дела 1661 г. Л. 2.
- ⁴⁶ Там же. Д. 7731. О сделании к Казенному приказу и присылке в Оружейную палату... Л. 1; Д. 7755. Челобитныя о даче Оружейной палаты разным мастером государева жалования сукон и платья Л. 3–4.
- ⁴⁷ Инв. № Ор-125/1–2.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8490. Роспись Оружейной палаты мастеровым людям Л. 1.
- ⁴⁹ Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII в. С. 132.
- ⁵⁰ Инв. № Ор-4062/1–2; Ор-127/1–2.; Государева Оружейная палата. СПб., 2001. С. 114–115, 323, 124–125, 327.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9035. О сделании к государевым бутурлыкам... Л. 1–2.
- ⁵² Там же. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. Л. 539.
- ⁵³ Государева Оружейная палата. С. 126, 327–328.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 12156. О даче из Оружейной палаты разных дел мастеровым людям денег... Л. 156, 157, 187.
- ⁵⁵ Инв. № ОР-124; Государева Оружейная палата. С. 102–103, 320.
- ⁵⁶ Инв. № Ор-126/1–2.
- ⁵⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. Л. 499–500.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 1. Д. 18697. О купленных в Оружейный приказ для работы материалах и вещах. Л. 17; Оп. 2. Д. 960. Приходная и расходная книги денежной казне Оружейной палаты за 7188 (1679–1680) г. Л. 462, 462 об.
- ⁵⁹ Там же. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга Оружейной и всякой царской казне... 1687 г. Л. 460 об. – 462; Государева Оружейная палата. С. 305.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 511. Челобитные Оружейной палаты разных мастеровых мастеров о выдаче денежного и хлебного жалования. Л. 10.
- ⁶¹ Там же. Д. 36421. Роспись самопальным стрельцам и оружейным всяких дел мастерам, которые государю царю Алексею Михайловичу крест целовали. Л. 1.
- ⁶² Там же. Л. 2.
- ⁶³ Там же. Д. 3630. Челобитная Оружейного приказа Федота Никитина об отставлении его от чищельников о даче ему на снасти к сабельному делу денег и о бытии ему в сабельных мастерах. Л. 1–2.
- ⁶⁴ Там же. Д. 3885. Челобитная Оружейного приказа самопального мастера Михаила Никитина... Л. 2.
- ⁶⁵ Там же. Д. 5653. О выдаче Оружейного приказу мастерам прибавочного жалования. Л. 7, 20.
- ⁶⁶ Там же. Д. 3830. Челобитная самопального и латного дела мастера Никиты Давыдова о пожаловании сына его Михайлу... Л. 1.

- ⁶⁷ Арсеньев Ю. К истории Оружейного приказа в XVII в. С. 156–157.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 4044. Памяти и челобитные о выдаче жалования мастерам... Л. 9.
- ⁶⁹ Там же. Д. 5835. Роспись Оружейной казны отпущенной из Оружейного приказа... Л. 70–71.
- ⁷⁰ Там же. Д. 8446. О выдаче Оружейной палаты мастерским людям жалования... Л. 29; Д. 9287. Челобитные мастеров... Л. 10.
- ⁷¹ Там же. Д. 8893. О выдаче жалования мастерам Оружейной палаты... Л. 41; Д. 8930. Роспись Оружейной палаты мастерским людям, кто у какого дела... Л. 7; Д. 11185. Список на ком из мастеров что донять... Л. 10; Д. 11823. Роспись мастерам Оружейной палаты... Л. 40; См.: Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров...
- ⁷² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9349. Память Архангельскому протопопу Кондрату о приводе к присяге Никиты Давыдова в том, чтобы быть ему в Оружейной палате в сторожах Л. 1; Д. 9701. Челобитная сторожа Оружейной палаты Никиты Давыдова о денежном и хлебном жаловании. Л. 1–2.
- ⁷³ Переписная книга Бронной слободы 1663–1665 гг. // Романов М.Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди. М., 2010. С. 132.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 949. Приходо-расходная книга Оружейной палаты 1659–1660 г. Л. 75 об. – 76 об.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 1. Д. 5881. Челобитная Никиты Давыдова о своде со двора солдат по mnogой его оружейной работе. Л. 1.
- ⁷⁶ Там же. Оп. 2. Д. 946. Приходная и расходная книга Оружейной палаты 1656 г. Л. 9 об., 11 об.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 1. Д. 6029. О пожаловании Оружейного приказа мастеров Никиту Давыдова со товарищи за каретное и протазанное золочение... Л. 2.
- ⁷⁸ Там же. Д. 25782. Челобитная железного резного дела Бориса Крыгора... Л. 1; Д. 28441. О выдаче жалования Оружейной палаты мастерским... Л. 26.
- ⁷⁹ Там же. Д. 15672. Челобитная резного дела мастера Бориса Михайлова о выплате его сыну Ивану кормовых денег. Л. 1–3.
- ⁸⁰ Там же. Л. 261 об.
- ⁸¹ Там же. Д. 8490. Роспись Оружейной палаты мастерских людей... Л. 4; Д. 8725. Столп, а в нем роспись мастерам и оружию... Л. 10.
- ⁸² Там же. Д. 11823. Роспись мастерам Оружейной палаты... Л. 20, 39.
- ⁸³ Там же. Д. 12372. Список Оружейной палаты разных дел мастерским людям русским и иноземцам... Л. 8; Д. 13910. Три челобитных Оружейной палаты резного железного дела мастера Бориса Крыгора... Л. 1.
- ⁸⁴ Там же. Д. 4153, 3830. Челобитная самопального и латного дела мастера Никиты Давыдова... Л. 1.
- ⁸⁵ Там же. Д. 960. Книга прихода и расходная Оружейной палаты... Л. 129.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 1. Д. 30398. Челобитная Оружейной палаты железного резного дела мастера Бориса Михайлова об отставке за старостью и о принятии на его место сына его Гаврилы. Л. 1–5.
- ⁸⁷ См.: Орленко С.П. Оружейный мастер Григорий Никитич Вяткин. С. 122–141.
- ⁸⁸ Мартынова Т.В. Вновь обнаруженные произведения... С. 178.
- ⁸⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2 Д. 948. Книга приходная деньгам... Л. 19. Оп. 1. Д. 8252. Роспись раздаточного жалования Оружейной палаты подъячим и мастерским людям... Л. 3.

⁹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 936. Переписная книга Оружейной и всякой царской казне и красок что в Оружейной палате, в Большой казне, и в прочих палатах... 1687 г. Л. 241, 243.

⁹¹ Чубинский А.Н. Василий Титов и Ермолай Федоров – самопальные мастера Оружейной палаты второй половины XVII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. IV. СПб., 2013. С. 408–409.

⁹² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8313. Челобитная Григория Вяткина о побеге от него ученика... Л. 1–3.

⁹³ Там же. Д. 13725. Две челобитных Оружейной палаты сторожа Лукьянова и самопального Андреева, да мастеровых людей Афанасия Вяткина с товарищи о невзыскании с них за лавки сборных денег. Л. 1–6.

⁹⁴ Там же. Д. 8893. О выдаче жалования мастерам Оружейной палаты. Л. 329–330.

М.В. Оськин (Тула)

ПИТАНИЕ РУССКОГО СОЛДАТА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917)

ПИТАНИЕ на войне очень важно: во-первых, это поддержание энергетических ресурсов человеческого организма на должной высоте, соответствующей испытываемым перегрузкам. Во-вторых, еда составляет одно из немногих светлых переживаний фронтовика, а главное – переживаний повседневных. Поэт-улан вспоминал: «высадившись, удивляешься пейзажами, знакомишься с характером жителей, – главное, что надо узнать, есть ли у них сало и продают ли они молоко»¹. Таким образом, как для физиологии, так и для психики человека на войне питание является если не самым важным, то входящим в число важнейших потребностей солдата.

В начале Первой мировой войны российские войска использовали те ресурсы, что были сосредоточены близ западной государственной границы в мирное время: «государственные продовольственные запасы для армии включали в себя зерно, муку, сухари, галеты, солонины, мясные консервы, овощи (в виде консервов и сушеные), свиное сало, чай, сахар, а также фураж (овес, ячмень, прессованное сено)»². Это немалое разнообразие продуктов. Именно эти запасы позволили продовольствовать действующую армию в ходе ее наступления по неприятельской территории, в ожидании, пока тыловые службы наладят свою деятельность.

В начале войны русские войска получали продовольствие из трех источников. Первый и главный – интендантское снабжение. Вторым – трофеи на неприятельской территории. Третий – закупки продуктов у местного населения. С середины 1915г. остался только первый способ, так как трофеи закончились (бои шли на русской территории), а население уже не продавало продукты, так как действовали

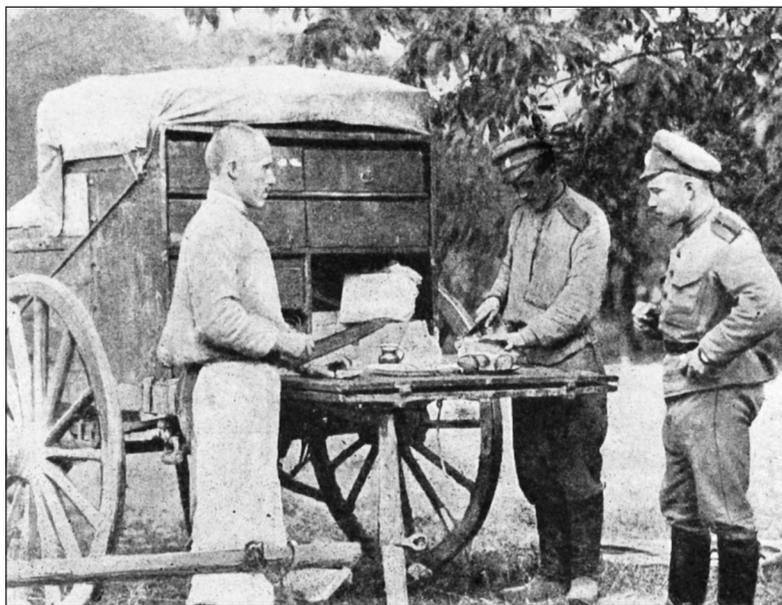

Рис. 1. Русская полевая кухня

запретительные меры отвечавшего за продовольственную политику империи Министерства земледелия и командования военных округов.

Казенное довольствие не баловало особенными разносолами, что и естественно. Воспоминания высокопоставленных воинских чинов не скрывают этого: «должен сказать, что хотя войска наши снабжались продовольствием в изобилии, рацион не отличался разнообразием»³. Так, «Положение о продовольственных магазинах военного времени» от 30 сентября 1912 г. устанавливало, что «в продовольственных магазинах военного времени могут содержаться следующие припасы: а) мука и крупа разных сортов, рожь и пшеница, печеный хлеб, сухари и людские галеты; б) мясо в свежем виде, солонина, жестяночные консервы разных наименований, сушеные овощи, квашеные бураки, капуста, картофель, горох, сало, масло, соль, чай, сахар, спирт, пиво, уксус, уксусная кислота, лимонная кислота и другие продукты приварочного довольствия; в) овес, ячмень, сено, солома, а равно припасы, их заменяющие, и конские галеты; г) табак, мыло, смазка для сапог и пр.; д) дрова». Отбросив несъедобные предметы

и фураж для конского состава, можно видеть, что продукты солдатского рациона делятся на хлеб (в разном виде, включая крупу), мясо и жиры, овощи, и приварок: «основными 4-мя элементами людского пайка являются: хлеб, мясо, овощи (крупа) и мелкий приварок». Приварок – это жиры, подболточная мука, соль, сахар, чай, перец. Наибольшая по весу часть пайка – это хлеб (1 кг), затем идут крупа (овощи) – 360 г, мясо – 300 г, приварок – 105 г⁴. Приварочные продукты возились при полевых кухнях, а в дивизионном и корпусном обозах находились только сухари, крупа, сахар, чай, соль, консервы, сушеные овощи.

Между тем, продовольственное разнообразие начала войны поражает своими наименованиями, при том, что Россия, бесспорно, не могла производить в массовом порядке тех деликатесов, что были привычны европейским странам. Приказ главного начальника снабжений Юго-Западного фронта от 16 ноября 1914 г. приводил перечень тех продуктов, что можно было продавать частным порядком «с лотков и корзин» для солдат на железнодорожных станциях и паромных пристанях: «1. хлеб всякого рода (черный, белый, баранки, калачи и пр.), 2. мясо и птицу – вареную и жареную, 3. ветчину и

Рис. 2. Нарезка сала на полевой кухне

колбасу – вареную, 4. сало свиное, 5. яйца сырые и вареные, 6. рыбу вареную и жареную, 7. молоко кипяченое, 8. творог, 9. огурцы соленые, 10. яблоки моченые, 11. апельсины и лимоны, 12. пироги с начинкой, 13. чай в упаковке, 14. сахар колотый или пиленый, 15. соль, 16. дешевые сорта табака и папирос». В то же время были продукты, продажа которых солдатам запрещалась по санитарно-гигиеническим соображениям. Ни в коем случае нельзя было продавать: «1. фрукты сырые, кроме лимонов и апельсинов, 2. овощи сырые, 3. квасы всякого рода»⁵.

Стремление военного ведомства к высокому качеству продовольствования Вооруженных сил вынуждало подходить к определению стандартов закупаемых и изготавливаемых продуктов с особенной тщательностью. Например, И. Михайлов еще в 1911 г. указывал: «переплачивает интендантство на продуктах еще и потому, что предъявляет к ним слишком высокие требования. Наше недостаточно культурное сельское хозяйство таких продуктов, каких требует интендантство, дать не может. Поэтому за продукты требуемого высокого качества назначаются и высокие цены, в то время как приведение обычно встречающихся на рынках продуктов к требуемому виду средствами интендантства обходилось бы казне значительно дешевле»⁶.

Перед Первой мировой войной требования качества продовольствия достигли максимальной степени в императорской России. В отношении поступаемой в войсковые хлебопекарни муки в «Положении о продовольственных магазинах военного времени» говорится: «Мука ржаная и пшеничная из сухого зерна, содержащая не более 13,5 % влажности, свежего запаха и вкуса, не затхлая, не кислая, не горькая, без хруста, без примесей минеральных, с допуском куколя, спорыньи до 1/10 %, ни с чем не смешанная, без излишнего количества отрубей, размола не крупнее среднего». Не менее качественным должен был быть и хлеб, получаемый из этой муки. После того, как питание солдата свежим хлебом было признано за приоритет пищевого довольствия, а хлебный паек составил 2,5 фунта (1025 г), иного нельзя было ожидать. Тот же документ говорит, что «печеный свежий хлеб должен иметь поверхность ровную, блестящую. Корка хорошо приготовленного хлеба имеет цвет несколько темнее, чем мякиш; при разжевывании корка слегка хрустит и не имеет горького вкуса, свойственного пригорелой корке. Разрезанный хлеб издает приятный, свежий, отнюдь не кислый запах, а вкус его должен

Рис. 3. Варка щей

быть приятный, чистый и слегка кисловатый. Мякиш должен быть однообразный, мелкопористый и настолько упругий, чтобы при нажатии его пальцем он сжимался, а при освобождении его от давления принимал первоначальную свою форму». А вот как характеризует приготовленный для дачи хлеб памятка войскам: «вынимаемый [из печи] хлеб должен быть покрыт темной, каштанового цвета, не толстой и не пригорелой коркой. Мякиш хлеба должен быть мелко порист, светло-бурого, вполне однородного цвета, без закала и настолько эластичен, что произведенное в нем пальцем легкое вдавление через некоторое время сглаживается. Время выема хлеба из печи узнается по цвету корки или погружением в хлеб чистой вязальной иглы. Если игла, по вынутии из хлеба, окажется чистой, то есть без следов теста, то можно быть уверенным, что хлеб выпекся хорошо»⁷. В сутки полевые хлебопекарни должны были давать по 4 выпечки хлеба, причем зерно для армии поставлялось только самое лучшее. Пример – постановление по Тульской губернии от 9 сентября 1914 г. в отношении закупки хлеба и фуража для армии говорило, что «ни в каком случае нельзя рассчитывать пропустить зерно более низкого натурального веса, или сырое, или сорное... Все неподходящее зерно... должно быть оставлено для местного потребления или продано по-

мимо интендантства... Хлеб будет приниматься в количестве не менее одного вагона»⁸.

Существенной частью русского пайка начала войны являлись сухари. В начале XX в., с развитием транспортной инфраструктуры и технического оснащения войск, военные ведомства европейских держав пытались отказаться от сухарей. Начальник штаба Верховного Главнокомандующего Ставки первого состава писал: «прежняя основа питания солдата на театре войны – сухарь – признается ныне лишь неизбежным злом, терпимым в обстоятельствах крайних. Войска приучаются к ежедневному питанию мясом, свежим хлебом, кашей, овощами и чаем. В число видов довольствия, не случайно добываемых на месте, а специально заготовляемых интендантством, входят ныне масло, сало, молоко, кофе и пр... Походные кухни и подвижные хлебопекарни прекрасно разрешают задачу обеспечения войск горячей пищей и свежим хлебом, что... безусловно, способствует сохранению здоровья солдата. Таким образом, неизбежные спутники прежних войн (сухарный понос и тиф) не грозят более уменьшением численности армий в такой мере, как это неизменно наблюдалось раньше»⁹. Тем не менее, совершенно отказаться от сухарей пока не решались, так как хлеб годен в пищу только в течение девяти дней после выпечки, а маневренные действия вели к отставанию тыловых служб. Боевые действия не могли вестись исключительно близ железнодорожной сети, а потому каждый солдат и обоз 1-го разряда должны были иметь при себе запас продовольствия.

Ставка на решительный успех первых операций в условиях временного цейтнота, вызванного необходимостью выполнить союзные обязательства по оттягиванию на Восток части германских сил из Франции, побуждала русское командование в головных эшелонах отправлять не хлебопекарни, чтобы войска получали уже подготовленный тыл, а сами войска. В результате отставания тылов, объективно предусматриваемого еще до мобилизации, перволинейные войска получали сухарный запас, так как «довольствие сухарями связано с громадной экономией на тыле – перевозка сухарей требует в полтора раза меньше подвод, чем перевозка свежего хлеба». Этот крупный «плюс» возмещался не менее крупным «минусом – «сухарный режим крайне повышает заболеваемость войск»¹⁰. «Минус» должен был быть сведен на нет спустя месяц после начала боевых действий. К этому времени предполагалось доразвернуть все тыловые службы на театре военных действий. Большого влияния на войска, впрочем,

носимый запас продовольствия на первом этапе войны не сыграл. Еще в период сосредоточения в июле 1914 г. солдаты выбрасывали находившийся у них в вещевых походных мешках трехдневный запас сухарей или сгрызали его в эшелонах¹¹.

Тот факт, что сухари могли храниться год, играл немалую роль в том, что они продолжали оставаться частью солдатского пайка всю войну. Незадолго до начала Первой мировой войны Военное министерство решило заменить сухари, по западному образцу, галетами. Впредь до осуществления этой замены войска продолжали довольствоваться сухарями. Производство галет, их складирование и, тем более, насыщение ими войск мирного времени шло неспешно: к июлю 1914 г. армия так и не успела получить галеты, которые сосредотачивались пока что лишь в продовольственных складах.

Действительно, интендантству требовалось некоторое время, чтобы соответствовать запросам войск. Ведь война вызвала необходимость большого притока людей в интендантские службы, ибо кадровая армия – это менее 1,5 млн человек, а действующая армия 1914 г. – до 5 млн человек на фронте и в тылах. То есть, количество тылового персонала следовало увеличивать в пять раз. Отсюда, впредь до комплексного налаживания работы тыловых служб, вытекали несвоевременность и малокачественность. Например, приказ по Юго-Западному фронту от 30 октября 1914 г. сообщал: «хлеб, выпекаемый полевыми и усиленными хлебопекарнями, ввиду значи-

Рис. 4. Солдаты на привале. Лето

Рис. 5. Солдаты на привале. Зима

тельного веса каравай (около 9 фунтов) – часто получается недостаточно выпеченным. А недопеченный хлеб скоро портится, зацветает и не выдерживает даже незначительной перевозки. На будущее, хлеб выпекать караваями весом около 6 фунтов каждый, делая в верхней части караваев теста, перед посадкой их в печь, продольный разрез глубиной 1–1,5 вершка для получения большой поверхности обхвата жаром теста и увеличения выделения содержащейся в хлебе влаги – в целях лучшей его пропекаемости и дольшей сохраняемости»¹². Таким образом, свежий хлеб первого этапа войны часто являлся малокачественным. И причина тому не в халатности тыловиков, а в их неопытности, раз уж штаб фронта дает указания относительно веса каравая.

Постепенно дело наладится, и люди будут получать хорошие продукты. Но для этого требовалось время, а получить практику в период высокоманевренных сражений было затруднительно. Чтобы бороться с данным явлением, командование открывало «усиленные хлебопекарни» в городах и крепостях, чтобы содействовать полевым хлебопекарням в их нелегкой работе.

Хлебный паек – это главная пища солдата. Термин «паек» был впервые применен Петром I, означая норму выдачи продовольствия по установленному перечню на одного человека в день¹³. Недаром в течение прошлых войн главным предметом интендантского снаб-

жения являлся сухарь. В сравнении с пайковым снабжением других стран русское снабжение делало упор на хлебе. Также, в силу отсутствия дополнительных калорийных продуктов (сыр, рис, хорошая рыба), упор был сделан на мясной даче. Перед началом войны «русский паек был богаче немецкого, французского и австрийского по мясу и хлебу, но русский хлеб был худшего качества»¹⁴. Именно поэтому русская хлебная дача ржаного (черного) хлеба в количественном исчислении по весу была выше, нежели в прочих европейских странах, где хлебный паек состоял из пшеничного (белого) хлеба.

В годы войны русский паек, уступая британскому и американскому, в целом был примерно равен французскому и итальянскому и превосходил паек испытывавших продовольственные трудности Германии и Австро-Венгрии. Приведем здесь таблицу солдатского пайка по годам войны, чтобы заодно видеть, какие продукты потреблялись армией.

**Норма суточного продовольственного пайка в армии
(в граммах)¹⁵:**

продукт	перед войной	1914 год	1915 год	1916 год	1917 год
Ржаной хлеб	1025	1025	1025	1025	1025
Подболточная мука	17	17	17	17	17
Крупа разная	102	102	102	102	102
Рис	–	25	25	85	85
Мясо	410	615	410	205	205
Жиры	21	108	68	42	42
Свежие овощи	256	256	256	42	256
Сахар	26	51	68	77	51
Чай	2	2	3	3	3
Соль	46	46	46	46	46
Пищевой состав:					
Белки	120	145	121	112	101
В т.ч. животные	48	72	48	24	24
Жиры	50	140	95	73	62
Углеводы	509	551	578	711	605
Энергетическая ценность (ккал)	3 068	4 185	3 774	4 110	3 491

В целом в период Первой мировой войны российское интендантство выполняло возложенные на него обязанности. Недаром А.А. Свечин называет паек русского солдата «почти роскошным»¹⁶, так как в прошлом таких норм не существовало.

Приготовление обеда и ужина в войсковых частях осуществлялось, исходя из соответствующего нормативного документа – «Нормальной раскладки припасов для пищи нижних чинов по расчету в один день на десять человек»:

продукт	обед					Ка- шица на ужин
	щи	горох. суп	картоф. суп	лап- ша	кру- тая каша	
говядина	5ф.	5ф.	5ф.	5ф.	-	-
капуста	¼ ведра	-	-	-	-	-
горох	-	1 гарнец**	-	-	-	-
картофель	-	-	3 ¾ гар.	-	-	-
пшенич. мука	½ ф.	-	¼ ф.	6½ ф.	-	-
крупы	по вкусу	по вкусу	¾ гарнца	-	3ф.	2ф.
яйца	-	-	-	2 шт.	-	-
скором. масло	-	-	-	¼ ф.	½ ф.	½ ф.
соль	½ ф.	½ ф.	½ ф.	½ ф.	½ ф.	-
вода	1 ведро	1 ведро	1 ведро	-	-	-
рыба*	¾ ф.	-	¾ ф.	нет	-	-
постное масло	¼ ф.	¼ ф.	¼ ф.	-	1/3 ф.	1/3 ф.

* рыба и постное масло употреблялись в постные дни вместо говядины и скоро-много масла. Тем самым происходила необходимая экономия на мясе, так как солдат и без того поглощал слишком много мясных продуктов в сравнении с его скудным рационом в родной деревне (это было верно в отношении большинства новобранцев). С 1916 г., когда в армии были введены мясопустные дни, рыба и яйца стали употребляться вместо мяса три дня в неделю.

** один гарнец (мера объема сыпучих веществ, равная 3,3 литра) приравнивался к такой мере веса, как 5 фунтов картофеля, или 6 фунтов гороха, или 5 фунтов крупы (овсяной, гречневой или ячневой).

Если в ротной артели, питаемой по данной раскладке, было больше 100 человек, то при подсчете количества пищи, закладываемой в котел (кроме мяса и крупы, которые подсчитывают строго по каждому человеку), считали людей только полными десятками. Если меньше 100 человек – то пятерками. Таким образом, солдат получал полную пайковую дачу, положенную ему по закону.

Рис. 6. Солдаты запасаются водой

Значительных размеров достигало чайное довольствие – 48 золотников (200 г) на 100 человек. Командование запрещало пользоваться сырой водой, чтобы избежать заболеваний, могущих перерасти в эпидемию, а потому чай использовался весьма широко. А.А. Игнатьев вспоминал, как положительный фактор, что еще в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. «чай вошел в быт армии. Приказ о строжайшем запрещении пить сырую воду спас нашу армию от самого страшного бича – тифа, и впервые с существования мира потери от болезней оказались у нас меньше потерь от ранений. Чай спасал»¹⁷. Каждый солдат также получал 6 золотников (26 г) сахара ежедневно. С началом войны сахарный паек вырос до 16 золотников.

Нараставшая разруха транспорта, не справлявшегося с нагрузками военного времени, периодически не позволяла доставить войскам требуемую номенклатуру продуктов. Поэтому командование было вынуждено постоянно заменять одни продукты другими. Нормы такой замены шли из высших штабов, дабы низшие командиры могли сразу провести такую замену, исходя из тех продуктов, что имелись у них в наличии. Разрешенная взаимозаменяемость продуктов в пайке в начале войны:

– 1 фунт (410 граммов) гречневой или пшенной крупы приравнивался к трем фунтам картофеля;

- 51 золотник (217 г) макарон или вермишели приравнялся к одному фунту риса или 80 золотникам (340 г) гороха;
- один фунт сухарей приравнялся к $\frac{2}{5}$ фунта мяса;
- один фунт хлеба приравнялся к $\frac{7}{10}$ фунта сухарей, или $\frac{1}{4}$ фунта мяса, или $\frac{3}{4}$ фунта макарон, или вермишели, или 4 фунтам картофеля;
- после того, как в стране стали экономить мясо, с 23 мая 1916 г. за полфунта мяса (новый мясной паек в армии) возможно было выдавать 5 яиц в войсковом районе или 3 яйца в тыловом.

Вообще, в русской армии периода Первой мировой войны командиры старались делать все возможное, чтобы улучшить довольствие вверенных им войск. Полнота, своевременность, высокое качество – вот основные критерии. Так, командарм-7, указывая, что пища в войсках, как правило, однообразна, писал: «приказываю начальникам частей принять меры к правильному питанию всех нижних чинов со своевременной выдачей им пищи, для чего:

- 1). Производить обязательно полную дачу всех положенных по раскладке продуктов;
- 2). Во всех без исключения частях давать два раза в день горячую пищу;
- 3). Тщательно заботиться о том, чтобы пища была возможно разнообразна и возможно лучше приготовлена;

Рис. 7. Русская походная кухня

Рис. 8. Русский обоз с полевой кухней

4). Обязательно производить полную выдачу чая и сахара, принимая меры к тому, чтобы у солдат была возможность использовать эти продукты;

5). Помимо суточной дачи выдавать для вечерней варки сбой, не зачисляя его в установленные полфунта мяса;

6). Озаботиться снабжением всех частей свежими овощами»¹⁸.

По мере ухудшения продовольственной ситуации и развития продовольственного кризиса внутри страны ухудшалось и снабжение фронта, хотя власти делали все от них зависящее, чтобы обеспечить снабжение армии продовольствием. С осени 1916 г. армия стала недополучать продуктов питания в положенном количестве и качестве, и в стремлении хоть как-то компенсировать нехватку продуктов штабы прибегали к разнообразным мерам. Как правило, это была либо замена одних продуктов другими, имевшимися в наличии, либо – приготовление горячей пищи на многих людей, в которой считалось несколько меньше продуктов, нежели при положенной раскладке на одного человека.

Например, приказ начальника штаба Верховного Главнокомандующего от 14 декабря 1916 г. сообщал: «на время настоящей войны... устанавливаю: при заменах мяса – колбасой, сосисками, салом или соленой рыбой, в том числе и сельдями, сушеной и вяленой рыбой, все эти продукты выдавать в равном с мясом весе фунт за фунт... а копченую колбасу и копченое мясо по 72 золотника за фунт мяса». Начало действия приказа – с 20-го числа¹⁹. То есть, белков меньше, но вес продукции равный. Это мера, конечно, вынужденная, но необходимая.

Теперь что касается горячей готовки. В приказе по Особой армии от 8 декабря указывалось: «в некоторых полках в окопах горячая пища дается один раз в сутки по той причине, что трудно подвезти кухни, а вместо второй варки дается или селедка, или копченая баранина, или сало. Горячую пищу выдавать один раз можно только в исключительных случаях... в окопах разрешить разводить огонь для разогревания пищи. Во всяком же случае необходимо, чтобы вблизи окопов была горячая вода для чая»²⁰. Иными словами, нехватку калорий в зимней обстановке пытались подменить горячим блюдом, хотя бы даже чаем.

Третий вариант – выдача части пайка денежным эквивалентом. С одной стороны, необходимая для поддержания организма пища солдатами получалась. С другой стороны, соблюдалась громадная экономия, так как на полученные людьми деньги все равно нельзя было ничего купить. К тому же, деньги выдавались из расчета твердых цен на продукты, а вольная покупка была возможна исключительно по рыночным ценам. Из приказа по 131-й пехотной дивизии от 8 декабря: «хлеб натурою отпускать по 2,5 фунта в день на человека, за полфунта же выдавать нижним чинам деньги...»²¹.

Проблема прежде всего лежала в области психологии, так как противнику суровой зимой 1917 г. приходилось гораздо хуже: в армии патерналистской империи «прежде всего солдат должен был чувствовать себя всесторонне защищенным внутри армии. Не случайно русская армия, состоявшая в основном из бывших крестьян, острее всего реагировала на нехватку продовольствия, хотя по ту сторону линии фронта питание солдат было хуже. Русский солдат никак не мог поверить, что власть может оставить его голодным в окопах»²². Государственная власть, конечно, не желала этого. Но кризис снабжения, чье развитие зависело от бесперебойной работы железных дорог, не позволил власти в надлежащей степени выполнять свои

Рис. 9. Германская полевая кухня

обязательства перед воинами. Хотя нельзя не отметить, что голода на фронте не было, но лишь – временное (не более трех месяцев) ухудшение питания зимой 1917 г., что было в полной мере разыграно в виде козырной карты либерально-буржуазной оппозицией в борьбе за перехват власти в феврале 1917 г. Продовольственный кризис стал одной из существенных причин, побудившей высший генералитет отказать императору Николаю II в своей поддержке в конце февраля – начала марта, когда решалась судьба империи.

С падением царизма положение дел со снабжением не улучшилось. Уже весной 1917 г. губернские и уездные продовольственные комитеты жаловались на самостоятельную покупку представителями войсковых частей продовольствия и, особенно, фуража по ценам, превышающим установленные Министерством земледелия. Ставка пыталась повлиять на ситуацию организационными мерами. Так, 7 апреля Главный полевой интендант предложил Верховному Главнокомандующему генералу М.В. Алексееву свой проект, в котором предусматривалось:

1. сокращение на фронте как общественных организаций вообще, так и количества людей в остающихся из них, в частности;
2. кормить команды, проходящие через штатные пункты, за деньги;

3. предоставить армейским заготовителям простор в их деятельности, не стесняя их твердыми и предельными ценами, заменив контроль местных властей наблюдением со стороны комитетов;
4. всем невоенным предоставить солдатский паек;
5. запретить образование в частях запасов скоропортящихся продуктов (мясо, рыба);
6. отправлять в тыл раненых по прошествии не более трех дней;
7. вывести в тыл кавалерийские части;
8. не держать в корпусах более 15 % безоружного укомплектования;
9. сократить верховых лошадей;
10. выдавать беженцам и вольнонаемным паек не натурой, а деньгами²³.

Летний период и сбор озимых позволили на время притушить проблему снабжения фронта, но 16 августа Верховный Главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов потребовал от министра-председателя А.Ф. Керенского ввести «широкую реквизицию хлеба, так как закон о хлебной монополии от 25 марта так и не был осуществлен на практике»²⁴. К моменту октябрьского переворота, установившего в России советскую власть, продовольственное снабжение армии быстро ухудшалось, что имело следствием развал фронта.

Рис. 10. Германская полевая хлебопекарня

Норма питания в русской армии в период Первой мировой войны составляла 4 тыс. ккал. – солдатский рацион являлся достаточно разнообразным, хотя это разнообразие зачастую перекрывалось недопоставками некоторых видов продуктов. Тем не менее, энергетическая ценность русского пайка, положенного солдату, являлась весьма высокой, как показано выше. Даже в 1917 г. калорийность русского пайка составляла 3491 ккал. Можно сравнить эти данные с калорийностью пайка противника в преддверии выхода России из войны. Германский паек в конце 1917 г. составлял 600 г хлеба, 250 г мяса (каждый седьмой день мясо заменялось пшеничной мукой), 125 г крупы или картофеля и прочих овощей, 35 г сахара. Также, в месяц (не в сутки!) полагалось 55 г масла, 115 г жиров, 125 г консервированной колбасы. Общая калорийность пайка – 2500 ккал. Калорийность французского пайка – 3 816, английского – 4193, американского – 4 714 ккал.

Всего за период Первой мировой войны русская армия потребила продуктов и фуража на сумму 2 473 700 000 рублей по ценам 1913 г. Потребление армией продовольствия в миллионах пудов²⁵:

год	мука	крупы	овес и ячмень	всего зерна	сено	мясо	жиры	Стоимость в ценах 1913 г.
1914	23,6	3,4	52,6	81,8	125,2	13,5	1,6	240,5
1915	118,3	15,4	153,6	297,6	212,8	51,1	6,5	410,9
1916	212,0	35,0	295,0	563,0	338,0	82,0	11,5	939,5
1917	225,0	30,0	175,0	449,0	500,0	78,0	11,2	882,8
Всего	578,9	83,8	676,2	1391,4	1176,0	224,6	30,8	2473,7

Можно сравнить эти цифры с мирным периодом. Например, заготовка продовольствия в 1909 г. в двенадцати военных округах насчитывала (в тыс. пуд): рожь и пшеница – 14 794, мука – 14 637, крупа – 4489. Общая сумма затрат составила 46 495 000 рублей²⁶. Если взять полный год – 1915-й – то видно, насколько увеличилось потребление Вооруженных сил (нельзя забывать и о росте цен), а именно – в девять раз. Сумма таких затрат и есть объективный критерий оценки усилия страны по продовольствованию воюющей армии в мировой войне.

¹ Гумилев Н.С. «Когда я был влюблен...»: Стихотворения. Поэмы. Пьесы в стихах. Переводы. Избр. проза. М., 1994. С. 547.

² Миронов А.А., Иванникова А.Г., Яковлев В.С. История государственных материальных резервов России. М., 1998. С. 28.

- ³ Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 164.
- ⁴ Учебник тактики. Париж, 1932. Ч. 2. С. 373.
- ⁵ Военно-санитарный сборник Юго-Западного фронта. №1. Бердичев, 1915. С. 31–32.
- ⁶ См.: Помни войну! М., 1911. С. 124.
- ⁷ Защук И. Хозяйство в роте, эскадроне и сотне. СПб., 1914. С. 80.
- ⁸ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2 об.
- ⁹ Янушкевич Н.Н. Организация и роль интендантства в современных армиях на войне. СПб., 1910. С. 168–169.
- ¹⁰ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 627.
- ¹¹ Суворов А.Н. Тактика в примерах. М., 1926. С. 478.
- ¹² Приказы по армиям Юго-Западного фронта за 1914 год. Киев, 1915. № 199.
- ¹³ Вещиков П.И. Военное хозяйство – Тыл Вооруженных Сил России (XVIII–XX вв.). М., 2003. С. 68.
- ¹⁴ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 497.
- ¹⁵ Вещиков П.И., Огуречников А.А., Шанин А.В. Продовольственная служба Вооруженных Сил России: Краткая история. М., 1999. С. 126.
- ¹⁶ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. С. 762.
- ¹⁷ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 181.
- ¹⁸ Сборник руководящих приказов и приказаний VII-й армии. Б.М., 1917. С. 143.
- ¹⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 391. Оп. 2. Д. 72. Л. 18.
- ²⁰ Приказы по Особой армии за 1916 год. Б.М. № 317/70.
- ²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 826. Оп. 1. Д. 371. Л. 20.
- ²² Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 55.
- ²³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1037. Л. 68, 85–97.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 470. Л. 1–3.
- ²⁵ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 6, 42, 60.
- ²⁶ Карпеев И.В. Окружные интендантские управления царской России накануне Первой мировой войны (1907 – первая половина 1914г.) // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. М., 1985. С. 118.

В.В. Оточкин (Санкт-Петербург)

ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ УЧАСТИЯ НИЖНИХ ЧИНОВ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ В ОСНОВНЫХ СРАЖЕНИЯХ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ 1756–1763 ГОДОВ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ как никакая другая дисциплина, оперируя войнами и сражениями, зачастую огромного территориального и численного масштаба, выводит на гребень исторического восприятия государственных деятелей, полководцев, оставляя в тени самих событий непосредственных исполнителей стратегической воли и тактической мысли – командиров полкового, батальонного и ротного (дивизионного и батарейного применительно к артиллерии) звена – офицеров, а также унтер-офицеров и солдат. Но именно от их мужества и храбрости, стойкости в обороне и стремительности и отваги в наступлении, выдержки в условиях походной жизни зависит успех военных действий.

Военно-историческая антропология рассматривает войну как социальное явление с точки зрения ее непосредственных участников, «проливавших на поле брани свою кровь. Ее задача – обращение к личности солдата – непосредственного участника боевых действий в ходе войны – шаг к персонализации его вклада в победу.

Персонализация (от лат. *persona* – личность) – процесс, в результате которого субъект получает идеальную представленность в жизнедеятельности других людей и может выступить в общественной жизни как личность [6].

Сегодня мы становимся свидетелями роста интереса российских историков к «человеческому измерению войны». Они стремятся увидеть войну как «социальную практику» с позиции тех, кто сам воевал, кто перенес ее тяготы и лишения, а историю войны – «в антропологическом и психологическом ракурсах» [9].

Семилетняя война (1756–1763), как и многие войны Российской империи, вызывала и вызывает противоречивые оценки в историографии и в работах современных нам историков.

Сохранилось немало документальных свидетельств об участии нижних чинов русской артиллерии в основных сражениях Семилетней войны: у Егерсдорфа (1757), под Цорндорфом (1758), при Пальциге, у Кунерсдорфа (1759), взятие Берлина (1760) и Кольберга (1761).

Командующие артиллерией докладывали генерал-фельдцейхмейстеру о результатах боевого применения артиллерии в сражениях. Этим донесениям предшествовали доклады командиров частей и подразделений с мест боев после подсчета раненых, убитых и без вести пропавших, о выведенных из строя и уничтоженных неприятельскими снарядами орудиях, о захваченных трофеях. Донесения отправлялись командующими полевой артиллерией Главной армии, Обсервационного корпуса, Бомбардирского корпуса, артиллерией дивизий главнокомандующему русскими войсками.

Главнокомандующие русской армией С.Ф. Апраксин, В.В. Фермор, П.С. Салтыков, А.Б. Бутурлин, а также генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов, заботам которого в немалой степени обязано комплектование коллекции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее ВИМАИВиВС), на основании этих рапортов докладывали императрице Елизавете Петровне о действиях артиллерии в сражениях, об отличившихся генералах и офицерах, представляя их к званиям и наградам, поощрениям за личное мужество и героизм, за умелое управление войсками.

Фамилии и имена ряда артиллерийских офицеров – непосредственных участников сражений Семилетней войны 1756–1763 гг. возвращены в поле исторического восприятия этого периода военной истории России [5; 8. С. 437–448].

Нижние чины упоминались в «высочайших» докладах лишь в исключительных случаях. Не имея возможности осуществить возврат на страницы истории имен всех рядовых и сержантов артиллерийского и инженерного ведомства – участников боевых действий, мы покажем лишь отдельные примеры и постараемся выявить общую картину участия и роли нижних чинов артиллерии в тех или иных сражениях Семилетней войны 1756–1763 гг.

Егерсдорф. 19 августа 1757 г.

Из воспоминаний полковника М.А. Муравьева – старшего офицера инженерного корпуса. В докладе о трофеях при взятии Мемеля: 21 знамени, 1 штандарте, ключей от городских ворот, – «за отличие в боевых действиях представляется сержант 4-го гренадерского полка Яков Шрейберк званию прапорщика» [7].

Цорндорф. 14 августа 1758 г.

Из приказа генерал-аншефа В.В. Фермора на подготовку к боевым действиям: «Ежели б кто из солдат дерзнул из дистанции своей выступить или назад податься, указывать, что тут те на месте заколоты будут, чего особливо унтер-офицерам, которые позади фронта места свои иметь будут, наблюдать и уторопленных (робких, боязливых. – *В.О.*) солдат уговаривать и примечать, дабы таким после дела достойный штраф учинить можно было». И далее: «потому ж поставленные между первой и второй линии резервы наблюдать должны таких ретирующих, уговаривая палашами изрубить, и понудить паки в свои места построиться» [10. С. 310–314].

Аналогично вторят этому требования командующего артиллерией генерала К.Б. Бороздина: «чтоб всячески оный высочайший интерес соблюден был под опасением потерянния чести и живота, за доброе ж поведение и ревнительное попечение надеяться высочайшей от ее императорского величества милости и награждения. Сие наставление при артиллерийских командах в собрании всех обер-офицеров прочесть и каждому офицеру, списав, иметь у себя копию и как для себя почасту читать, так и подчиненным своим довольно надтверждать, объявляя уже достоверное известие о слабых силах неприятельских, которые только воюют единым хвостовством и пустым наведением страха чрез беспутную стрельбу свою и иные вымыслы» [2. Д. 1519, Л. 11–15].

Из донесения 23 декабря 1758 г. следовало: потери только в артиллерии Обсервационного корпуса: 14 офицеров убито и ранено, а из числа бомбардиров и гантлангеров из 184 человек осталось налицо 73, из оных 73 – тяжело ранено более 50, а без видимых ран – только 21 человек.

В Цорндорфском сражении в артиллерии Главной армии и в полках Обсервационного корпуса часть орудий была захвачена прусскими войсками: 47 орудий – в полевой артиллерии, 42 орудия – в Обсервационном корпусе. Из них новых орудий: единорогов – 27,

шуваловских «секретных» гаубиц – 17. Это и стало причиной проведенного по приказу генерал-фельдцейхмейстера П.И. Шувалова расследования, смысл вопросов которого сводился к следующему: артиллеристы оборонялись до последней возможности или сбежали, бросив орудия?

Расследование продолжалось до конца 1758 г., чему свидетельством – рапорта К.Б. Бороздина, П.П. Гольмера П.И. Шувалову о действии русской артиллерии в сражении при Цорндорфе. Отмечая в целом положительное значение действий артиллерии, несмотря на превосходство прусской артиллерии в количестве и качестве орудий, за счет орудий больших калибров, делается детальный разбор действий даже отдельных артиллерийских «партий» и орудийных расчетов. Хотя «иные до последнего издыхания, а протчие до излития крови и крайнего от ран изнеможения стояли и усердно действовали и, конечно б, ни одной щепы орудия не оставили, ежели б имели силу их отвести, чем доказываются на месте баталии смерть их и многие их раны», – писал генерал-майор К. Нотгельфер [1. Д. 1581. Л. 471].

Были допрошены офицеры для выяснения причин утраты орудий, оставления поля боя и потери командования подразделениями. В материалах расследования – ответы офицеров А. Хомутова, М. Хрущова, А. Сумароцкого и др., а также подчиненных им солдат на главные вопросы, интересовавшие главу артиллерии графа П.И. Шувалова. Так, подпоручик Бомбардирского корпуса А. Хомутов, командовавший одной из партий шуваловских «секретных» гаубиц, отвечал следующее: из состоящих под его командой и определенных к орудиям солдат из 10 человек штата гаубицы убит 1 и ранены 7, из них – гантлангер Коняхин; из 8 нижних чинов при единороге 1 убит и ранены 6 [5. С. 284–285]. Когда под единорогом и его ящиками лошади все были убиты, в числе потерь оказались изрубленные канонир и два фузилера. «И в то время служители разбежались врознь, и я, оставшись один, принужден за теми же бегущими людьми искать спасенья», – признался Хомутов. Все же заметим, что артиллеристы покинули поле боя лишь тогда, когда на позициях появилась прусская кавалерия генерала Зейдлица.

Поручик Михаил Хрущов – командир партии шуваловских «секретных» гаубиц, находившихся во время Цорндорфского сражения на фланге Гренадерского полка, первым подвергшегося кавалерийской атаке конницы генерала Зейдлица. Первая атака кавалерии была встречена русскими полками и отбита, но начавшееся наступление русской

пехоты, оставившей артиллерию на прежних позициях, было сломлено второй атакой прусской кавалерии. Русская пехота отступала стремительно, миновав позиции артиллерийских орудий. Хрущов, сколько было возможности, стрелял из своих двух гаубиц, считая, что из одного орудия было выпущено 40 залпов, из другого – 35, после чего ствол одной гаубицы разорвало. У орудий осталось лишь два артиллериста, остальные были убиты, ранены или разбежались, видя стремительно приближающегося противника. Из 18 подчиненных Хрущова один был убит и 15 ранено, т. е. потерян почти весь личный состав. С бомбардиром Степановым и гантлагером Бычковым Хрущев продолжал вести огонь до приближения неприятеля [5. С. 287–288]. Попытки увести орудие втроем оказались безуспешными. Отвечавшие на вопросы солдаты из команды М. Хрущова подтверждали ответы командира о героизме офицеров и солдат, поэтому, как писал Н.Е. Бранденбург, на него «едва ли может падать тень сомнения».

Вот свидетельство капитана Алексея Лецкого. Когда русские войска отступали, из его орудий было сделано немало выстрелов. Было ранено в команде 6 человек. Одну гаубицу разорвало, и Лецкой распорядился отвезти ее за фронт гантлангеру Яковлеву. Сам он остался у другого орудия и руководил огнем.

Командир одной из шуваловских «секретных» гаубиц штык-юнкер Иван Полозов командовал солдатами при орудии, пока не был тяжело ранен. Впоследствии он скончался от ран. Ранены были и 5 солдат из 8 человек расчета орудия. Оставшись один, гантлангер Максимов был вынужден спастись от нападения прусской конницы [5. С. 290].

Возможно, офицерам ничего и не оставалось делать, как отводить раненых людей и отходить самим, тем не менее «за отлучение во время сражения с места баталии» А. Хомутов, А. Сумароцкий, М. Хрущов понесли наказание, определенное генерал-фельдцейхмейстером П.И. Шуваловым: «употреблять без очереди в партии и командования в течение полугода».

Большие потери в личном составе артиллерия в Цорндорфском сражении понесла еще на начальном этапе. В совокупности со стремительным прохождением своих войск через боевые порядки артиллерии при наступлении и последующим отступлением с оставлением орудий без поддержки и прикрытия пехотных полков это стало причиной утраты шуваловских орудий, часть из которых считалась

«секретными». В этом нет вины артиллерийских офицеров и солдат – они выполнили все, что были обязаны и то, что от них зависело.

В материалы расследования приобщен и допрос гантлангера Козьмы Гнильцова, бывшего в составе партии при Черниговском полку, а затем попавшего вследствие двух ранений в плен. Его рассказ показал, что артиллеристы Бомбардирского корпуса были действительно проникнуты сознанием всей важности сохранения доверенной им тайны и предпринимали все возможное для спасения орудий от неприятеля.

Из рапорта К.Б. Бороздина П.И. Шувалову о сохранении русскими артиллеристами секрета шуваловских гаубиц. 23 апреля 1759 г.: «Пред недавним временем бывший бомбардирского корпуса гантлангер Козьма Гнильцов в Торунь явился, а оттуда прислан ко мне, который объявил, что на бывшей 14 августа 1758 г. баталии, будучи в Черниговском пехотном полку при шуваловской гоубице, двумя пулями ранен, от которых не мог идти и остался в лесу, где неприятелем взят и отведен в Кюстрин, и назывался того полку солдатом, а потом, когда в совершенное здоровье пришел, то от голоду принужден был склониться идти в прусскую службу (с намерением искать удобного случая ко уходу)... и, согласясь с шестью человеками пруссаков и с четырьмя русскими, такими ж солдатами, бежали и явились в цесэрской (австрийской. – В.О.) армии к генерал-фельдмаршалу графу Доуну, где пруссаки остались в цесарской службе, а те русские препровождены до русского командования.

О шуваловских гоубицах и о протчей артиллерии объявляет... и хотя де спрашиваны были, не знает ли кто, как и чем те орудии заряжаются, точно никто к тому не явился, да и не было де более, как один бомбардир, а именно Елистрат Ражин и пять гантлангеров, которые взяты также тяжело раненые, токмо все оные заблаговременно, видя, что неминуемо быть в полону, и дабы артиллерийскими признаны не были, будучи только в камзолах, воротники и обшлага у себя оборвали и бросали, и называются и поныне тех полков солдатами, в которых они при гоубицах были, а чтоб об них не знали, что артиллерийские, то как оне, так и протчие солдаты содержат сие в глубочайшем секрете и крепко надеются, что неприятель о том ведать не может. О бомбардире (Ражине. – В.О.) объявляет, что от тяжелых ран в Кюстрине остался при смерти и уповает, что он уже и умер... о том он неизвестен».

Гнильцов рассказал и о «приглашении» в прусскую артиллерию: «дабы знающие заряды делать и действовать секретными гоубицами явились, а за то де будет дано награждение триста талеров... только, сколько о том ни старались, однако ж ни одного такого не нашлось» [4. С. 324.]

Рапорт К.Б. Бороздина П.И. Шувалову об отправке артиллерии к армии. Зиюня 1759 г.: «А по прибытии в Познань бывший в полону гантлангер (который по рассмотрению моему как по достоинству, так за поденное бытие и охотное его возвращение к команде произведен бомбардиром) Гнильцов с репортами к вашему сиятельству, без укоснения, отправлен будет» [3. Д. 1015. Л. 570].

В августе 1759 г. П.И. Шувалов подписывает ордер о поощрении артиллеристов за боевую работу при Пальциге, в котором упоминается и Козьма Гнильцов: «бомбардир Гнильцов, бывший прежде в полону у неприятеля, произведен мною ныне в бомбардир-капралы, а приемля во узрение взятые им в бытность в полону в сохранении секрета шуваловских гоубиц, сколько до его знания принадлежит предосторожности, о чем ваше превосходительство (К. Бороздин. – *В.О.*) пред сим обстоятельно репортовали, рекомендовано от меня Канцелярии главной артиллерии и фортификации учинить ему пристойное денежное награждение» [1. Д. 529, Л. 90–94].

Пальциг. 12 июля 1759 г.

12 июля 1759 г. под Пальцигом российская армия, выстояв против трех неприятельских атак, обратив прусскую пехоту в бегство, выиграла сражение, длившееся 5 часов. Мы видим в документах сведения о потерях среди нижних чинов полевой артиллерии, Бомбардирского и Обсервационного корпусов. Из 529 состоявших в списках на день сражения убито, умерло от ран и пропало без вести – 152, ранено – 175 человек. Всего – 327.

16 июля 1759 г. В рапорте К.Б. Бороздина П.И. Шувалову о действии артиллерии в сражении при Пальциге отмечено: «при оном же нельзя более похвалы приписать и о солдатах наших – в каком порядке, и кураже, и послушании всю баталию препроводили, не уступая ни на вершок из мест своих; и когда доходило до мушкетной стрельбы, то весьма храбро и поспешно управлялись и чрезвычайно скоро строились, напусто патронов не употребляли» [3. Д. 1015, Л. 847–849].

В боевых документах артиллерии периода сражения при Пальциге мы видим важный организационный момент того времени: на

офицерские должности к командованию орудиями назначаются унтер-офицеры. Безусловно, это связано с невосполнимыми потерями офицерского состава в ходе боевых действий. Так, в ведомости о результатах боевой работы при партии шуваловских гаубиц записано: сержант Пивоваров командует двумя гаубицами, сержант Кастюрин назначен к командованию тремя орудиями. (В ведомости еще нет имен сержантов.) [З. Д. 1015, Л. 860–861]

Но через несколько недель после сражения под Кунерсдорфом сам К.Б. Бороздин представляет «бомбардирского корпуса сержантов Василья Костюрина и Матвея Пивоварова штык-юнкерами, которые во всю нынешнюю кампанию имели при обеих баталиях в команде своей по партии гаубиц, исправляли вместо офицеров должности свои прилежно и порядочно и тем противу своей братьи заслужили себе особую рекомендацию» [З. Д. 1015, Л. 1001 и об., 1004].

В ордере главнокомандующего русскими войсками генерал-фельдмаршала П.С. Салтыкова от 26 августа 1759 г. командующему артиллерией генерал-поручику К.Б. Бороздину об объявлении наград солдатам и унтер-офицерам, отличившимся в сражении при Пальциге, записано: «повелевается за оказанную при той баталии храбрость солдатства и что безмолвное послушание оною своим офицерам послужило неприятеля совсем разбить и только оною победу одержать, всей на баталии 12 июля бывшей армии, а именно: сержантам, унтер-офицерам, капралам и рядовым, также и нерегулярным третное не в зачет жалованье произвести из числа имеющейся у него наличной контрибуционной суммы, которую на армию отправить велено».

Кунерсдорф. 1 августа 1759 г.

Из реляции П.А. Румянцева главнокомандующему П.С. Салтыкову 19 августа 1759 г.: «От Рязанского конно-гренадерского полка 1 августа будучи на левом фланге армии, усмотря неприятельских эскадронов движение ко атаке во фланг нашей пехоты, полковник Шетнев со своим полком, поскакал во весь галоп ко атаке тех эскадронов», чем сорвал атаку прусской кавалерии. В ходе удара второго эскадрона этого полка во фланг пехоты были захвачены в плен старшие офицеры, солдаты и «одно знамя, которое по срублении во фронте неприятельского прапорщика гренадером Федором Александровым взято» [11].

Своим Указом императрица Елизавета Петровна, отметив главнокомандующему генерал-фельмаршалу П.С. Салтыкову, что вслед за победой под Пальцигом следует новая победа при Кунерсдорфе, наградила участников этих сражений: «В сем рассуждении и в награждение оказанной нашею армиею при сих знаменитых происшествиях непоколебимой верности и ревности всемилостивейше жалуем всей на вышепомянутых двух баталиях бывшей армии, а именно сержантам, унтер-офицерам, капралам и рядовым, полугодное не в зачет жалованье.

Еще в новый и больший знак нашего к армии благоволения объявляем, что все бывшие в нынешних походах и достопамятных сражениях войска ни в какие работы употребляться не станут и по славном в отечество возвращении как достойные и верные рабы во особливом призрении содержаны будут и в знак нашей милости, а их отличных заслуг вскоре медалями от нас пожалуются» [4. С. 752].

]Берлин. Сентябрь 1760 г.

«При взятии Берлина, – докладывал генерал-лейтенант И.И. Глебов, – 1-го артиллерийского полку служителей убито: поручик Андрей Полак, канонир – 1, тяжело ранены: бомбардир – один, канонир – один, гантлангеров – три». Отмечены потери и в приданных командах: убито четверо фузилеров, ранено – трое [4. С. 628– 630].

Взятие крепости Кольберг. Декабрь 1761 г.

В ведомости подполковника И.И. Меллера об участии артиллерии во взятии крепости Кольберг содержатся именные сведения об убитых и раненых. Наряду с раненым артиллерии подпоручиком Милоковым перечислены и рядовые артиллеристы. Отмечено, что убиты фузилеры Михайло Зубарев, Марка Афанасьев, Андрей Иванов, Тимофей Сафонов, умер от ран Василий Озорников и ранены бомбардиры Евдоким Тютерев, Давид Лебедев, Федор Попов, канониры Гаврила Калугин, Василий Рыков, фузилеры Леонтий Егоров, Степан Чирков, Матвей Жирнов, Панкрат Пятков, Петр Егупов, Иван Болдырев, Алексей Киселев, Иван Милоков, Никифор Лучихин, Игнат Дунаев, Нестер Еремеев, Егор Кузнецов, гантлангеры Изот Жуков, Федор Никифоров, Влас Тимофеев, Дмитрий Киселев, Прокофий Арнагулов [3. Д. 1551. Л. 167].

Иногда фамилия солдата или сержанта, упомянутого в донесении или ведомости, обреченная, казалось бы, на забвение в толще томов документов архива, появляется на страницах истории.

Под Кольбергом был тяжело контужен сержант канонирской роты Алексей Базин. После ранения он вернулся на службу. В 1763 г. за храбрость, проявленную в сражениях с пруссаками, Базин был произведен в подпоручики артиллерии, через семь лет – в поручики. Неизвестно, как бы сложилась дальше судьба дворянина из «захудалого рода», если бы не подвиг, который он совершил в сражении при Кагуле.

Базин хладнокровно наблюдал за тем, как толпы русских и турок приближались к его батарее. Он велел зарядить орудия картечью и поднести фитили к запалам. Как только турки оказались на расстоянии верного картечного выстрела (примерно 200 метров), храбрый поручик скомандовал: «Пли!» Грянули выстрелы. Турки остановились. Артиллеристы перезарядили орудия и дали еще один залп. Теперь картечь попала в патронный ящик, и он взорвался прямо перед толпой турок, снова двинувшихся вперед. Взрыв был очень сильным, турки в испуге попятились. Тут на них и бросились в атаку гренадеры.

Алексей Базин одним из первых обер-офицеров в русской артиллерии получил высокую награду – Военный орден св. Георгия Победоносца 4-й степени. В 1773 г. майор Базин сражался под знаменами А.В. Суворова у Шумлы и Козлуджи, а по окончании войны назначен начальником Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории.

Позднее А. Базин подавал в Военную коллегию, в Сенат проекты «Военная лаборатория» и «Пушкарь и бомбардир» (1794) по реорганизации артиллерии. Но везде от него отмахивались как от надоедливоего прожектера: не было уже генерал-фельдцейхмейстера графа П.И. Шувалова... В конце службы А. Базину присвоили звание бригадира и отправили комендантом в Астрахань. Его предложения рассмотрены так никогда и не были, а попали в архивы [12].

Героизм, мужество, самоотверженность, патриотизм, верность воинскому долгу и Отечеству – черты, характерные для нашей российской армии на протяжении ее многолетней истории. Сегодня Министерством обороны России в рамках Федеральной программы патриотического воспитания продолжается работа по выведению из небытия человеческой памяти имен миллионов воинов, павших на полях сражений Великой Отечественной войны: на страницах интернет-сайтов можно найти место захоронения, узнать о представлениях к награждению.

И если фамилии нескольких артиллеристов из числа нижних чинов времен Семилетней войны (1756–1763) обретут свое место на страницах военной истории, а кто-то задумается о поиске корней и истоков своего рода, то задача, поставленная нами, будет частично выполнена.

-
1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. Дела командные. Д. 529, 581.
 2. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. Полковые дела. Д. 1019, 1519, 1559.
 3. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера. Д. 1015, 1068, 1551.
 4. Артиллерия в Семилетней войне 1756–1763 гг. Сборник документов / Сост. З.В. Розебецкая, И.З. Либерзон. Архив ВИМАИВиВС. Ф. Научно-справочный. Оп. 12. Д. 20. 998 с.
 5. Бранденбург Н.Е. Артиллерийские детали Семилетней войны // Артиллерийский журнал. 1998. № 4. С. 277–310.
 6. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко, А.В. Петровский. Ростов-н/Д: Феникс, 1998.
 7. Муравьев М.А. Записки. Публикация Т.Г. Дмитриевой, М.М. Якушкиной и Г.Р. Якушкина. http://syw-cwg.narod.ru/mmr_mur02.html#zrn
 8. Пашута В.Л., Оточкин В.В. Военно-историческая антропология и боевое применение русской артиллерии в сражениях Семилетней войны 1756–1763 гг. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой научно-практической конференции 15–17. 05. 2013. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 437– 448.
 9. Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология – как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. М.: РОССПЭН, 2002.
 10. Семилетняя война. Сборник документов. М.: Воениздат, 1948. С. 310–314.
 11. http://syw-cwg.narod.ru/Kun_R2.html
 12. http://expostart.ru/army08_bom_kan/russkaya_artilleriya_v_srazheniyah_semiletney_voyni.html

В.В. Оточкин, В.Л. Пашута, А.А. Поярко
(Санкт-Петербург)

БИТВА ЗА ЛЕНИНГРАД: НОВЫЕ ПОДХОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И МЕМУАРИСТИКИ

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА, продолжавшаяся почти 900 дней, как и в целом Ленинградская битва, за более чем 70-летнюю историю после их окончания изучены, оценены мировым сообществом, раскрыты историками и прочувствованы писателями, кинематографистами, насчитывают библиографию в более 700 названий источников, исторических исследований, монографий и статей, сборников конференций, художественных и публицистических произведений.

Казалось, расставлены все акценты, у общества и в отечественной и зарубежной историографии сформировано единое понимание значимости этого величественного и трагичного события отечественной и мировой истории. В последние годы выходят фундаментальные монографии, научные публикации, статьи, историко-публицистические работы, посвященные Второй мировой и Великой Отечественной войне, битве за Ленинград – самой продолжительной в минувшей войне, но сегодня с очевидностью осознается, что в обществе по-прежнему не снижается интерес к различным аспектам историографии Ленинградской битвы и блокады и внимание к этому событию и обсуждению этой темы актуально, а новые и новые работы историков остаются востребованными (Бурлаков А.И., Бешанов В.В., Похилук А.В., Богданов И., Глазеров С.Е., Григорьев В.П., Золотарев О.В., Исаев А.В., Киршин Ю.А., Комаров А.М., Ковальчук В.М., Колосов Ю.И., Кутузов А.В., Яров С.В., Черепенина Н.Ю., Соболев Г.Л., Соколов А.М., Фролов М.И. и др.).

Ленинградская битва и блокада будут и впредь ареной идеологического, политического, историографического противоборства, и не

только с точки зрения отстаивания позиции традиционной (читать – советской. – *В.О.*) отечественной и «здравомыслящей» западной историографии, но нового видения событий блокадного времени теми, кто исследует источники, давая тем или иным документам новые объективные, лишённые идеологической зашоренности – с позиции авторов и издателей – оценки. Пишутся или публикуются мемуары и воспоминания; еще живы участники тех героических и трагических событий. Многие воспоминания, записки, дневники до сих пор не введены в научный оборот и не опубликованы.

Это противоборство будет отрицаться или не замечаться, тогда как некоторые «военно-исторические бестселлеры» будут неоднократно переиздаваться и тиражировать «новое» прочтение блокадной темы. Эти работы авторы объясняют необходимостью показа правды и поисками истины, раскрытия реалий страшного блокадного времени. Об этом нельзя было говорить в сталинское время, затем это казалось недопустимым или слишком резким и шокирующим после разоблачения культа личности во времена оттепели, а после уже неприемлемым по этическим соображениям в период застоя, и стало не очень необходимым во времена идейного противостояния общественности с «Мемориалом» и «Примирением» в перестроечное время.

На сегодняшний день заложена основа восприятия историографией основных этапов и сражений Второй мировой и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и неотделимых от них, в части анализа, взаимосвязи и освещения событий, связанных с блокадой Ленинграда [4].

1941–1945 гг. – этап историко-публицистической фиксации и описания событий битвы за Ленинград и блокады. Боевые действия на фронтах и героизм жителей города, мобилизующие публицистические материалы положительной направленности, накопление источниковой базы по периодизации боевых операций Ленинградской битвы, деятельности органов партийного руководства и управления, жизни блокадного города. Это период формирования первичных оценок и становление основных направлений изучения истории битвы за Ленинград и блокады.

1945–1955 гг. – этап послевоенного изучения исторической наукой Великой Отечественной войны и Ленинградской битвы. Происходит дальнейшее нарастание объема публикаций и расширение направлений и тематики исторических исследований и спектра

«разрешенных» источников военных архивов. Осуществляется поиск позитивных тенденций показа превосходства советской социалистической системы, которая выстояла в величайшем противостоянии с фашизмом и в блокаде. В то же время налицо в условиях начавшейся «холодной войны» и идеологического противоборства СССР с Западом замалчивание причин поражений первых лет войны в Прибалтике и на ленинградском направлении, отсутствие численности потерь и жертв среди мирного населения

1956–1965 гг. – этап развития военно-исторической и социальной направленности исследований в раскрытии новых тем Великой Отечественной войны и новых пластов документов блокадного периода. Под влиянием развенчания культа личности расширение тематики, связанной с ролью и подвигом советского народа: руководящая роль КПСС, единство фронта и тыла, партизанское движение, массовый героизм. Изучение периодизации войны с отходом от схематичного подхода к оценкам хода и этапов Великой Отечественной войны. Публикуются новые документальные материалы, воспоминания и мемуары, обобщается накопленный обширный материал по блокадной тематике. Выход 6-томной «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» стал событием в отечественной историографии. Определены периоды Ленинградской битвы и показаны неудачи в операциях по прорыву блокады в 1941–1942 гг. и последующих попытках обеспечения полного освобождения города в 1943 г. Но вместе с тем, этот этап связан с уходом от ошибок в оценках поражений первых лет, не измерена человеческими жизнями цена победы под Ленинградом, мемуары по-прежнему находятся в зависимости от идеологической цензуры.

1965–1985 гг. – «застойный» период в развитии отечественной историографии Ленинградской битвы. Военно-историческая наука обходила молчанием актуальные проблемы блокады, вызывающие общественный интерес. Несмотря на появление большого количества работ и сборников документов по истории Второй мировой и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., многие из них были откровенно слабыми.

Не было, несмотря на появление новых архивных источников и документов, расширения доступа к архивной информации, углубления их анализа, рассмотрения малоизученных, острых проблем. Неудачи и поражения первого периода войны объяснялись объективными причинами: вероломством гитлеровской Германии; вне-

запностью вторжения, субъективные причины сводились к ошибкам советского руководства и лично Сталина. Новейшая история предвоенной дипломатии СССР и Германии заложила перелом в оценках предшествовавших войне событий. Началось исследование проблемы характера войны: разоблачение фальсификаций и обвинений Запада в развязывании Второй мировой войны со стороны СССР с «подкреплением» планами боевых действий Красной армии на территории Германии.

1980–1990 гг. Этап попыток предложить обществу «новое прочтение» истории битвы за Ленинград и блокады. Это время пересмотра устоявшихся представлений советской историографии о происхождении Второй мировой войны, обстоятельствах ее развязывания, роли и месте Великой Отечественной войны (Восточного фронта) в истории XX в. Причины снижения научного уровня исторических исследований: замалчивание отдельных тем и сюжетов, апологетический подход к оценке деятельности советского политического и военного руководства, ограничения в работе с архивами и свертывание контактов с иностранными историками, работающими по военно-исторической тематике, возобновление зависимости исторических публикаций от оценок партийных и государственных документов. С начала 1990-х гг. создаются условия для развития исторических знаний о войне, критического осмысления достижений историографии всего предшествующего периода. Методология и идеологический плюрализм мнений плюс новая источниковая база дали простор расширению тематики исследований.

Сформировалось принципиально новое направление историографии, публицистики, мемуаристики. Основным тезисом стало положение о сфальсифицированности всей советской историографии, главным образом, военной историографии, и обоснование необходимости «переосмысления» ее основных положений как единственного средства приближения к «правде истории».

Принципиально иной взгляд на историю Великой Отечественной войны: Победа в Великой Отечественной войне была достигнута не благодаря политическому советскому строю, а вопреки ему. Негласная смена официальной линии с «руководящей роли КПСС» на «творец победы – народ» определила новый политический заказ исторической науке на разработку новой концепции Великой Отечественной войны. Тогда как общественная мысль требовала научного осмысления нового знания: рассекреченных и введенных в научный

оборот источников и документов предвоенного и начального периодов войны, в том числе касающихся битвы за Ленинград.

1991–2000 гг. – этап в развитии историографии Великой Отечественной войны, связанный с кардинальными переменами в государственном переустройстве. Начало этапа связано с провалом попытки переписать историю Великой Отечественной войны.

Средства массовой информации, публицисты и литераторы, не связанные ответственностью соблюдения принципов исторической правды и научности, заменили историков в формировании мировоззренческой позиции отношения к событиям Великой Отечественной войны, в частности, Ленинградской битвы и блокады.

Однозначность в оценках и суждениях сошла со страниц исторических трудов, на смену которой пришла альтернативность подходов к результатам исследований историков, некоторые из которых не задумывались об ответственном отношении к историческому прошлому.

Историки, занимавшиеся изучением Ленинградской битвы, были вовлечены в обсуждение вопросов, ранее не связанных с блокадной тематикой: причины поражения советских войск в начальном периоде войны, промахи и ошибки советского командования, роль в войне штрафных рот и батальонов, предательство Власова и коллаборационизм советских людей и многие другие. Введенные в 1990-е гг. в научный оборот новые архивные материалы дали возможность отечественным и зарубежным историкам и публицистам инициировать дискуссию вокруг проблемы «внезапности» нападения Германии, подготовки Советского Союза к «наступательной войне» или к нанесению упреждающего удара.

Это период становления направления в отечественной историографии Великой Отечественной войны, представители которого, начиная с периода перестройки, отстаивали тезис о необходимости «переосмысления» основных положений «официальной» концепции как единственного средства приближения к «правде истории».

Новые документы и материалы дали толчок к дальнейшей разработке многих тем, недостаточно изученных в предыдущие годы.

Заметно расширился диапазон и стали более аналитическими исследования, освещающие период Великой Отечественной войны, связанный с битвой за Ленинград. Авторы по-новому раскрывают планирование и ход важнейших операций советских войск, причины столь больших потерь.

2000–2015 гг. – период реализации потенциала, связанного с освоением значительно расширившейся источниковой базы Второй мировой и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В сфере исследовательского интереса сохраняются проблемы подготовки Советского Союза к войне, развитие военно-теоретических взглядов и военного искусства, военное строительство в межвоенный и военный периоды, стратегическое и мобилизационное планирование.

К настоящему времени в отечественной историографии произошла существенная корректировка осмысления событий кануна и первого этапа Второй мировой войны, основанная на новых данных конкретно-исторических исследований, статистическом материале и т. д.

Сегодня историки предпочитают рассматривать противоречия между ведущими мировыми державами через призму геополитики, исследующей роль природно-географического фактора в формировании политики и военной стратегии государств. Цели Германии в отношении Советского государства далеко выходили за рамки борьбы идеологий и включали уничтожение государственности, культуры народов СССР и Европы [1].

К настоящему времени историками России много сделано для освещения тех тем и сюжетов, которым в 1990-х гг. придавался характер сенсационности: просчеты партийного руководства и военного командования в снятии блокады Ленинграда, роль НКВД в блокадном городе, нравственно-этические нормы блокадной жизни, экономика города и обеспечение жизни населения и войск, оборонявших город, партизанское движение на территории Ленинградской области, роль Жукова, героизм и подвиги жителей и защитников, советско-финляндское противостояние и др.

Мощным импульсом к расширению научно-исследовательской работы и изданию трудов отечественных историков служат юбилейные даты, непосредственно связанные с событиями Великой Отечественной войны и битвы за Ленинград и блокады. Изданные труды подготовлены в основном с использованием значительного комплекса отечественных и зарубежных архивных документов и материалов, вводимых в научный оборот впервые [3]. Они существенно дополняют историографию блокадного периода Великой Отечественной войны на основе современных подходов к ее изучению. (Бурлаков А.И., Похилюк А.В., Богданов И., Григорьев В.П., Исаев А.В., Кома-

ров А.М., Ковальчук В.М., Колосов Ю.И., Кутузов А.В., Яров С.В., Черепенина Н.Ю., Соболев Г.Л., Соколов А.М., Фролов М.И. и др.)

В качестве обобщения представляется возможным раскрыть основные направления историографии и мемуаристики истории обороны и блокады Ленинграда.

1. Попытка навязать принципиально иной взгляд на историю Великой Отечественной войны; речь идет «о кардинальном перетолковании ключевых событий войны, приписывании им иного, отличного от устоявшегося смысла» [4. С. 763]. Навязывается иная периодизация, сущностное содержание блокады и битвы за Ленинград в целом. Меняются оценки роли и значения Ленинградской битвы как второстепенного участка Великой Отечественной войны и отношение к трагедии, к бессмысленным жертвам мирного населения, правильности принятых стратегических решений по противодействию планам «Барбаросса» и «ОСТ» по захвату и уничтожению Ленинграда [9. С. 154; 10; 2; 4. С. 48–53, 194; 5; 14].

2. Зарубежная историография по вопросам значения битвы, трагедии блокады, героизма, руководства, военных действий. Д. Гланц, П. Карель, Х. Стахов, Х. Польшман, Ю. Гленценмюллер. Основная идея воспоминаний и исторических трудов немецких авторов, появившихся на рубеже тысячелетий и в первом десятилетии XXI в., – «без предубеждения рассмотреть вопрос о поколениях людей, обвиненных в преступлениях» [13. С. 59]. Мемуары, насыщенные историческими справками и ссылками на источники, обосновывают постепенное снятие с Германии и немецкой армии вины за развязывание войны и страдания советских людей. Обосновывается, что цели войны – это личные желания Гитлера – захват и уничтожение Ленинграда; ведение боевых действий по правилам войны, карательные отряды и части СС как противодействие партизанскому движению в тылу немецких войск, насилие со стороны армии по отношению к пленным, комиссарам, евреям – вынужденные обстоятельства [6. С. 193]. Напрасны жертвы войны – мирное население, ставшее заложником боевых действий, но безумно и «самопожертвование, ведущее к массовой гибели немцев и русских», страдающих от диктатуры своих вождей [13, С. 120]. Появление нового тезиса: хватит немцам посыпать голову пеплом; русские – негодяи и фанатики не меньшие, чем фашисты. Но русские, с упорством оборонявшие свою землю, защищали свои дома, своих близких от вражеского вторжения [14. С. 30–36].

Фоном для этого может стать пересмотр взглядов представителей немецкого командования Ф. Гальдера и В.Р. фон Лееба, предпринятый Ю.М. Лебедевым [10. С. 104–105]; он подводит к апологетике командования вермахта, которое вопреки Гитлеру ставит задачу блокирования, а не захвата Ленинграда. Решение Гитлера о «захвате» Ленинграда – по Ю.М. Лебедеву – оговорка или неправильный перевод текста и, следовательно, ошибки – стали основой мифов, воспринимаемых как реальность [7. С. 239, 252]. Авторы современного издания «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» не оценивают «новизну трактовки» Лебедева и, как и прежде, цитируют содержание плана «ОСТ»: «Группу армий «Центр» придать группе «Север» для уничтожения советских войск в Прибалтике и захвату Ленинграда» и слова Гальдера после разговора с Гитлером: «Непоколебимо решение фюрера сравнить Москву и Ленинград с землей» [4. С. 48–53].

3. Неспособность руководства города управлять, наладить быт и обеспечение населения в условиях военного времени усугубила положение Ленинграда, оказавшегося в кольце вражеской блокады.

4. Победы на фронтах дались очень большой ценой и объясняются неумением командовать, так же, как и отступление советских войск к Ленинграду, сдача пригородов с ансамблями архитектурного зодчества, плохая организация обороны, в том числе и талантом Г.К. Жукова, привлечение к защите города неподготовленных войск и населения в форме дивизий народного ополчения, обрекаемых на верную смерть: «и горы трупов у Погостья, Невского пятачка, безымянных высот росли, росли, росли». [12. С. 29]. Подчеркивается «безуспешность» попыток советского командования деблокировать город в течение всего 1942 г. и ликвидировать железную хватку блокады в районе Шлиссельбургско-Синявинского выступа при отсутствии перевеса гитлеровских войск на участках Ленинградского и Волховского фронтов [2].

5. Жизнь в блокадном городе (максимальное напряжение сил, контроль всех сторон жизни со стороны НКВД, героизм по приказу командования, распад нравственных норм). Исследования Н.А. Ломагина, [11. С. 23–108], С.В. Ярова [15. С. 412–416], Н.Ю. Черепениной, В.М.Ковальчука [8. С. 216] в чем-то перевернули оценки сегодняшних читателей и общественности, а для большинства старшего поколения читателей подтвердили, что блокадный город жил той же жизнью, что и страна. Всё было изучено, любые высказывания анализировались, проводившаяся «профилактическая работа» на

фронте и в блокадном городе заставляла людей думать об отсутствии альтернативности выбора в условиях тотальной слежки и контроля: нужно было молчать и выживать в условиях блокады.

6. Напрасность жертв и разрушений Ленинграда, который мог стать Русским Парижем – «открытым городом», спасенным от варварского разрушения, на который его «обрекли» стойкость бойцов и жителей, оборонявших колыбель революции. Но для этого нужно было дать фашистским войскам возможность вступить в город. А ведь в частях вермахта, наступавших на ленинградском направлении, солдаты были уверены, что Ленинград будет взят. «Это была задача, понятная каждому солдату – задача, подогревавшая дух армии» [6. С. 219]. В планах сентября месяца – парады в Москве и Ленинграде. В окопы сбрасывались листовки, призывающие прекратить сопротивление. Были изготовлены пропуска для прохода и въезда в город.

7. Финский аспект и желание обелить Финляндию и маршала Маннергейма и снизить их ответственность и роль в осуществлении блокады Ленинграда. Вопреки документам и фактам [1. С. 167, 171] начала боевых действий финских войск на стороне Германии – как сути фашистско-финского сотрудничества [1. С. 112]. Сегодня Маннергейму отводится роль едва ли не миротворца и скрытого борца с гитлеровской военной машиной. Ситуация с выходом финских войск на старую государственную границу Финляндии и СССР должна восприниматься как благо, забывая, что Финляндия сама вышла из состояния нейтралитета, вела боевые действия в направлении Петрозаводска, и, наконец, финны не дали открыть вторую «дорогу жизни» для жителей блокадного Ленинграда со стороны южной Финляндии.

8. Мемуары и воспоминания – ценнейшее свидетельство непосредственных участников битвы за Ленинград. Блокадные дневники, воспоминания, письма, которые появились после десятилетий застоя нераскрепощенного общественного сознания тех «кто был около войны» или замалчивания окопной правды и блокадных зим «приукрашенным враньем», якобы являются предельно объективными. Читатель ждет оценки событий с точки зрения объективности в условиях отсутствия цензуры, а видит натурализм в гипертрофированном виде, показ событий военного времени с выплескиванием злости на Сталина, командование, «подлость большевистского строя» [12. С.30, 88–90].

Если предыдущие возможности публикации могли быть скорректированы партийно-литературной цензурой, то сегодняшние могут и должны нести большую долю исторической правды. Но произошло снятие не только идеологических стопоров, но и нравственных, или издатели почувствовали возможность анонсом правдивости заинтересовать читателя. «Мои записки не предназначались для публикации», – читаем у Н.Н. Никулина, издатель вторит: «Читатель не найдет здесь ура-патриотических описаний боев... воспоминания выдержаны “в духе жесткой окопной правды”». Главное, чтобы те, кто выстоял и победил в этой Великой битве с фашизмом, не проявили готовность изменить свое видение прошлого в угоду сиюминутной политической ситуации.

Полтора десятилетия XXI в. зримо показывают, что не исчерпана глубина, многогранность и спектр возможностей изучения темы блокады и битвы за Ленинград. Хотя большинство исследований развивается в направлении детализации тех или иных аспектов блокадной тематики, более всестороннего охвата этой неисчерпаемой темы, значимость ее от этого не снижается, а приобретает перспективу в вопросах сегодняшнего современного прочтения источников и, тем более, восприятия будущими поколениями.

1. Барышников Н.И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941–1944. СПб: Хельсинки, 2002. 300 с.
2. Бешанов В.В. Ленинградская оборона. М.: АСТ: Мн.: Харвест, 2005. 480 с.
3. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. СПб: «Полигон», 2004. 768 с.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. 848 с.
5. Исаев А.В. 10 мифов о Второй мировой. М.: Яуза; Эксмо, 2013. 416 с.
6. Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: «Изографус»: «Эксмо», 2003. 560 с.
7. Клинге А. 10 мифов о Гитлере. М.: Яуза-пресс, 2010. 288 с.
8. Ковальчук В.М. 900 дней блокады. Ленинград, 1941–1944. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 234 с.
9. Кутузов А.В. Блокада Ленинграда в информационной войне. СПб: ГОУВПО РПА Минюста России, 2008. 211 с.
10. Лебедев Ю.М. Ленинградский «Блицкриг». На основе военных дневников генерал-фельдмаршала В. Р. фон Лееба и генерал-полковника Ф. Гальдера. 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2011. 460 с.
11. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. В 2 т. Кн. 1. СПб: «Нева»; М.: «Олма-пресс», 2002. 448 с.
12. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб.: Петроцентр, 2015. 240 с.

13. Стахов Х. Трагедия на Неве. Неизвестные страницы блокады Ленинграда. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2012. 382 с.
14. Фролов М.И. Блокада. Битва за Ленинград. Мифы. Легенды. Реальность. Москва: АСТ, 2014. 316 с.
15. Яров С.В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М; СПб., 2012. 602 с.

И.В. Павлов (Санкт-Петербург), М.В. Павлов (Москва)

ИСТОКИ СОВЕТСКОЙ САМОХОДНОЙ АРТИЛЛЕРИИ

ПЕРВАЯ самоходная установка в Российской империи была разработана в 1912 г. для 76,2-мм зенитной полуавтоматической пушки с использованием автомобильного шасси Русско-Балтийского завода и в 1914 г. принята на вооружение Российской императорской армии.

С началом Первой мировой войны работы по созданию пушечно-пулеметных бронированных колесных машин для поддержки пехоты получили мощный толчок в развитии. Для прорыва обороны противника в условиях позиционной войны и передвижения в глубину его боевых порядков разрабатывались тяжелые самоходные орудия, как крупного, так и среднего калибра, обладавшие высокой подвижностью и проходимостью. Но, несмотря на большую работу, проведенную в условиях военного времени, промышленность России не смогла организовать производство бронированных машин в необходимом объеме для полноценного оснащения Российской армии.

После вывода России из Первой мировой войны и разворачивания на бескрайних просторах державы Гражданской войны вопрос обеспечения молодой Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) артиллерией сопровождения встал особенно остро. Уже осенью 1918 г. начинает работу комиссия по систематизации опыта боевых действий войск в Первой мировой войне, а 16 декабря того же года в Артиллерийском комитете Главного артиллерийского управления (Артком ГАУ) формируется комиссия особых артиллерийских опытов (КОСАРТОП) под руководством В.М. Трофимова – первый советский научный центр по разработке вопросов развития артиллерийского вооружения.

В 1920 г. при Арткоме ГАУ под председательством известного конструктора Р.А. Дурляхова проводились заседания артиллерийских секций «Комиссии по программе военной промышленности», в ходе которых принимается решение об организации работ по созданию самоходных орудий для непосредственного сопровождения пехоты.

С этой целью в 1921 г. разрабатываются боевые и технические характеристики батальонных орудий, взятые за основу проектов средств механической тяги для артиллерии. По мнению Арткома ГАУ от орудий сопровождения, наряду с минимальными размерами и массой, требовались постоянная готовность к открытию огня и обеспечение его ведения с хода.

В 1923 г. В.М. Трофимовым для усиления стрелкового батальона разработаны конструкции 45-мм полуавтоматической пушки и 60-мм гаубицы. Для их транспортировки инженер Ф.Л. Хлыстов разработал проект специального трактора-тягача, обеспечивавший ведение огня с хода.

Первая советская самоходная установка была разработана в том же году инженером КОСАРТОПа Н.В. Каратеевым и Б.А. Андряхевичем на заводе «Красный Арсенал» в Петрограде, где в 1922 г. было создано специальное «самоходное» конструкторское бюро. Там же в период 1923–1926 гг. по инициативе Арткома вели разработку проекта разведывательного артиллерийского гусеничного самохода «АР». Машина предназначалась для выполнения задач передового подвижного наблюдательного пункта в боевых порядках пехоты, с возможностью ведения разведки огнем.

В конце 1923 г. произошло важное событие, оказавшее впоследствии большое влияние на развитие самоходной артиллерии в СССР. Для начала работ по механизации Красной Армии в Техническом комитете Главного управления военной промышленности (ГУВП) приступили к созданию специальной организации по изучению и систематизации как российского опыта боевого применения танков, так и зарубежного. В итоге, весной 1924 г. начала свою работу комиссия, основная задача которой, наряду с выработкой ТТТ к танкам, состояла и в выборе основных направлений развития механизации Красной армии.

В течение года комиссии удалось собрать и систематизировать все имеющиеся в России материалы и передать их в ГАУ, Военно-техническую академию РККА им. Дзержинского (ВТА РККА) и

крупнейшим заводам для изучения и проведения собственных работ по танкостроению. Параллельно с работой комиссии в техническом бюро ГУВП приступили к разработке проекта маневренного танка и изучению возможности применения для механизации РККА гусеничных шасси, разработанных с использованием танковых узлов, а к концу 1924 г. завершили разработку проекта «малого полкового танка» (машина сопровождения пехоты) – МС-1.

В целом необходимо отметить, что хотя проект маневренного танка не получил дальнейшего развития, опыт, полученный при его разработке, оказал большую пользу в последующих работах. К началу 1925 г. коллектив техбюро представлял собой уже *«достаточно сильный аппарат, способный разрешить любую танковую задачу на 3–4 балла, в пределах требований, но не преувеличенных»*.

Параллельно при Арткоме ГАУ была сформирована специальная Комиссия по механизации и тракторизации армии (Комета), к работе в которой были привлечены конструкторские силы заводов Орудийно-арсенального треста (ОАТ). Кроме того, были организованы проектные бюро на заводах «Большевик», «Красный путиловец», «Мастяжарт» («Мастерские тяжелой артиллерии») и на заводе № 8, ориентированные на создание самоходной артиллерии.

10 июня 1925 г. в Москве, на артиллерийском съезде при ГУВП по итогам обсуждения доклада начальника техбюро ГУВП С.П. Шукалова «Русское танкостроительство, первые опыты и перспективы» признали необходимым: *«...незамедлительно развернуть при ГУВП работы по организации танкостроения, ...выделить постоянную штатную танковую группу в конструкторском бюро при научно-техническом совете ГУВП для разработки и испытаний танковых конструкций с последующей разработкой по заданиям Арткома АУ и, по собственной инициативе, проектов, осуществляемых своими средствами и внутри страны»*.

Вслед за артиллерийским съездом, 27 июня 1925 г., на заводе «Большевик» состоялось совещание по вопросам изготовления новых опытных агрегатов механической тяги. Наряду со сроками, стоимостью и порядком работы по изготовлению МС-1 уделили внимание и изготовлению гусеничных повозок для буксировки их пяти-тонным трактором.

К этому времени готовность повозок составляла всего около 10 %, и для исполнения заказа потребовалось принятие неотложных мер. Исходя из общего положения дел, установили новые сроки заверше-

ния работ: по первой (бензиновая повозка) – октябрь, по второй (зарядная повозка) – ноябрь. Кроме того, первую повозку к этому сроку подлежало оборудовать цистерной под топливо.

22 августа 1925 г. ГУВП направило заводу «Большевик» основное задание по проектированию малокалиберного автоматического зенитного орудия с предложением в срочном порядке представить пожелания завода о порядке, сроках и условиях проведения конкурса на указанное орудие, а также условиях премирования за его проектирование.

Заданием предусматривалась разработка автоматического зенитного орудия калибром 37–40 мм с горизонтальным углом обстрела 360° , вертикальными углами $-5^\circ \div +90^\circ$, начальной скоростью снаряда не менее 800 м/с, способным поражать цели на высоте до 3000 м.

Кроме того, установку стандартной качающейся части предлагалось реализовать в четырех вариантах: на колесном лафете для перевозки конной тягой, разборном для горной артиллерии, на гусеничном самоходе и в стационарном виде (судовая установка).

Система на колесном лафете должна была иметь боевую массу не более 650 кг (боекомплект 50 патронов). Система на гусеничном самоходном лафете по боевой массе не ограничивалась, но настаивалось на ее полной стандартизации с колесным вариантом и возможности перехода на конную тягу путем добавления к станку колесного хода.

Здесь необходимо отметить, что в том же году заводом «Мостяжарт» был изготовлен опытный образец зенитной самоходной установки (ЗСУ) с 76,2-мм зенитной пушкой обр. 1915 г. на шасси трактора «Даймлер». ЗСУ имела боевую массу 10 т. Она буксировала прицеп с боекомплектом, состоящим из 192 выстрелов, и орудийный расчет из шести человек. В последующем машина не прошла испытания и на вооружение не принималась. А инженером Н.В. Каратевым, входившим в состав Комета, был разработан проект 76,2-мм полковой пушки на гусеничном движителе, имевшем «ломающуюся» в вертикальной плоскости схему. Мощность каждого из двух двигателей установки автономно передавалась на соответствующую гусеницу.

Индустриализация страны и развитие автотракторной и танковой промышленности создали предпосылки для рассмотрения возможности использования в качестве базы для самоходных артиллерийских установок шасси первого серийного советского легкого танка МС-1.

В декабре 1927 г. Научно-исследовательское бюро АНИИ (до 1927 г. КОСАРТОП) в рамках «Основных технических требований по системе вооружения» начинает разработку проектов следующих самоходных установок: 45-мм противотанковой и 76,2-мм пушечной установки, 7,62-мм зенитной пулеметной установки и зенитной 37-мм спаренной установки на шасси МС-1. Первые проектные работы, выполненные по проекту установки 76,2-мм полковой пушки обр. 1927 г., показали невозможность создания удовлетворительных условий боевой работы орудийному расчету без коренной переработки используемого шасси. Поэтому дальнейшие работы по созданию самоходной артиллерии ориентировались на использование шасси нового легкого танка Т-19.

На основании постановления Революционного Военного Совета (РВС) от 1–2 октября 1930 г. на шасси танка Т-19 к 1 октября 1931 г. планировалось изготовить опытные образцы самоходных установок: 76-мм полковой пушки обр. 1927 г., счетверенного 7,62-мм зенитного пулемета, зенитной 37-мм спаренной пушки и 37-мм противотанковой пушки «Рейнметалл».

Ввиду отсутствия 76-мм модернизированной пушки обр. 1927 г. и 37-мм спаренной зенитной пушки в целях скорейшего получения опытных образцов была взята нормальная полковая 76-мм пушка обр. 1927 г. и 37-мм зенитная пушка «Рейнметалл».

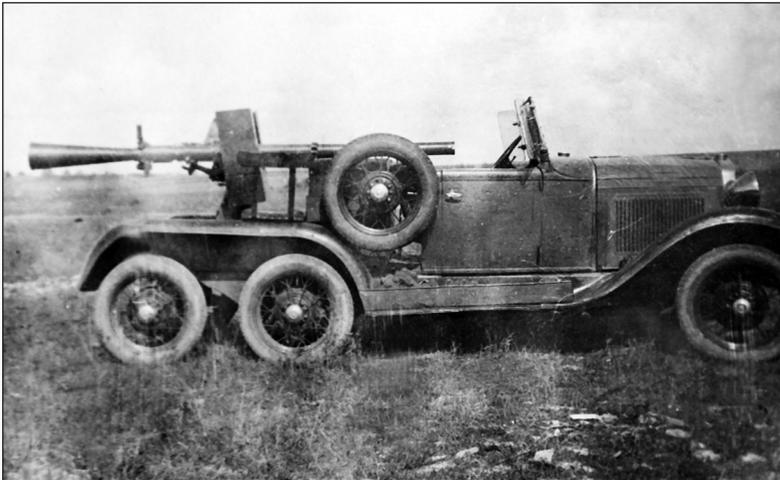

Рис. 1. Установка 76-мм пушки ДРП на шасси трехосного легкового автомобиля «Форд А»

Рис. 2. Самоходная установка 76-мм полковой пушки обр. 1927 г. на шасси автомобиля «Мореленд»

Рис. 3. Самоходная установка 76-мм пушки обр. 1902 г. на тракторе «Коммунар 3-90». Вид установки при стрельбе на борт в момент полного отката

Со своей стороны НТК УММ РККА, в инициативном порядке, в период 1930–1931 гг. изготовило и передало в механизированные части 10 самоходных установок 76-мм динамореактивной (безоткатной) пушки конструкции Л.В. Курчевского (ДРП) на шасси трехосного легкового автомобиля «Форд А». Кроме того, по разработанному УММ проекту на заводе «Красный путиловец» на шасси трех-

осного автомобиля «Мореленд» изготовили три образца самоходных установок 76-мм пушки обр. 1927 г. Произведенные испытания коротким пробегом и стрельбой на научно-исследовательском артилле-

рийском полигоне (НИАП) показали хорошие качества самоходных установок. Также находились на стадии изготовления и опытные образцы самоходных установок 76-мм пушки на шасси трехосных грузовых автомобилей «Мореленд» и «Форд», самоходная зенитная установка счетверенного пулемета на шасси «Мореленд» и самоходная установка 76-мм пушки обр. 1902 г. на шасси трактора «Коммунар». Помимо этого прорабатывался вопрос установки на тракторе 76-мм зенитной пушки и 107-мм корпусной пушки обр. 1910–1930 г.

В дальнейшем, с середины июня 1931 г., в связи с решением РВС о прекращении работ по Т-19 и переходе на танк Т-26, разработка всех вышеперечисленных образцов самоходных установок обоими организациями велась применительно к шасси Т-26.

К середине 1931 г. совместными усилиями НТК УММ и АУ выработали предложения по системе бронетанкового вооружения РККА в части самоходных установок для механизированных и моторизованных частей. Представленные на рассмотрение РВС СССР материалы рассматривались как предварительные до получения и испытания предусмотренных образцов на соответствие предъявленным тактико-техническим требованиям. В последующем на основе анализа полученных данных планировалось выработать окончательную систему вооружения.

Рассматривая в основе боевых действий механизированных соединений необходимость быстрого выдвижения на фланг и тыл противника, сковывание с фронта возимыми пехотными подразделениями и нанесения скоротечного удара броневыми средствами, для оснащения механизированных и моторизованных соединений предлагалось разработать высокоманевренную артиллерию, обладающую минимальным временем готовности к бою:

«– 76-мм самоходную пушку боевой массой 7,5–8 т с экипажем из трех человек на шасси легкого танка Т-26. Угол возвышения орудия не менее 30°, угол горизонтального наведения не менее 180°, желательна 360°. Возимый боекомплект не менее 24 выстрелов.

– 122-мм самоходную гаубицу боевой массой 14–16 т с экипажем из трех человек на шасси среднего танка. Угол возвышения орудия не менее 45°, угол горизонтального наведения не менее 180°, желательна 360°. Возимый боекомплект не менее 12 выстрелов.

– 45-мм самоходную противотанковую установку боевой массой 7–7,5 т с экипажем из трех человек на шасси Т-26, вооруженную

орудием, стандартизованным с вооружением среднего танка. Вертикальные углы наведения $-5^{\circ} \div +30^{\circ}$, угол горизонтального наведения 360° . Возимый боекомплект не менее 100 выстрелов.

– 37-мм самоходную зенитную установку боевой массой 7–7,5 т с экипажем из трех человек на шасси Т-26. Вертикальные углы наведения $-5^{\circ} \div +80^{\circ}$, угол горизонтального наведения 360° . Возимый боекомплект не менее 200 выстрелов.

– самоходную зенитную пулеметную установку, вооруженную универсальным счетверенным 7,62-мм станковым пулеметом на шасси трехосного автомобиля. Боевая масса 5–5,5 т, бортовая броня 10 мм.

– 76-мм самоходную пушку ДРП боевой массой 2,5–3 т с экипажем два человека на шасси танкетки Т-27. Вертикальный угол наведения 20° , угол горизонтального наведения 180° . Возимый боекомплект не менее 24 выстрелов.

Для сопровождения и поддержки атаки танков второго эшелона и сопровождения пехоты предусматривалась самоходная установка 76-мм полковой пушки на шасси трактора «Коммунар» и «Сталинец» боевой массой 9–10 т с экипажем три человека. Возимый боекомплект не менее 12 выстрелов».

Проведенные во второй половине 1931 г. маневры ЛВО позволили получить практический опыт использования самоходных установок 76-мм пушек обр. 1927 г. на шасси «Мореленд».

В ходе их проведения трехорудийная батарея применялась для действия с мотоотрядом 11-й стрелковой дивизии, батарея действовала поорудийно, стреляя, как правило, прямой наводкой, поддерживая действия бронемашин и расчищая им путь. В течение двухчасового боя орудия меняли позиции 15–18 раз. При использовании в разведывательных боях, на флангах и в тылу «противника», в тяжелых дорожных условиях и движении по целине установки продемонстрировали высокую проходимость, исключив случаи застревания и проявив тем самым несравнимые преимущества перед батареей полевых 76-мм орудий обр. 1927 г., перевозимых методом погрузки на грузовых полутоннажных автомобилях «Форд».

Используемый на этих же маневрах трактор «Коммунар» также показал хорошую проходимость и прочность конструкции. Случаев застревания и крупных неисправностей зафиксировано не было.

К этому времени по линии самоходной артиллерии УММ изготовили и провели испытания опытных образцов самоходных устано-

вок 76,2-мм пушек на бронированных шасси тракторов «Коммунар-9ГУ» и «Катерпиллер-60».

Испытания показали, что бронирование тракторов повлекло за собой их перегрузку, с соответствующим снижением скорости и проходимости, и практически свело к нулю ценность их боевого применения. Результаты испытаний еще раз подтвердили мнение УММ, изложенное в системе вооружения РККА – необходимость использования для артиллерии сопровождения моторизованных и механизированных частей только шасси танков. В отношении представленных образцов предлагалось снять с тракторов бронированные корпуса и провести испытания стрельбой в качестве самоходных установок второго эшелона, но в целом основное назначение тракторов виделось только в качестве тягачей для буксируемой артиллерии.

К началу ноября 1931 г. подвели первые итоги работ по моторизации РККА. В представленном докладе УММ отмечалось, что для замены трактора «Коммунар» (основной буксир для тяжелых систем артиллерии резерва Главного командования (АРГК)) к 7 ноября 1931 г. Харьковский паровозостроительный завод (ХПЗ) изготовил три опытных образца более мощного трактора «Коминтерн» (110 л.с., максимальная скорость до 20 км/ч). Кроме того, для транспортировки указанных систем в США была закуплена опытная партия тракторов «Катерпиллер», первые образцы которого к этому времени уже прошли полигонные испытания. Для транспортировки систем корпусной артиллерии определили трактор-тягач «Сомуа», позволяющий буксировать артиллерийские системы массой до 4 т со скоростью 20 км/ч.

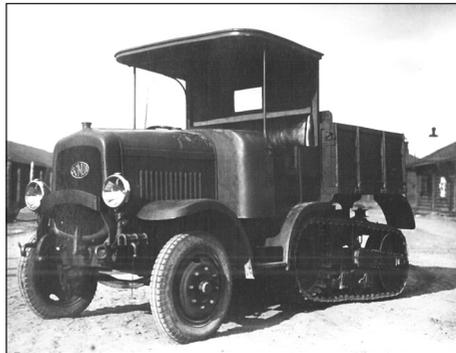

Рис. 4. Трактор-тягач «Сомуа»

Этот же тягач, по результатам проведенных сравнительных испытаний, выбрали и для буксировки дивизионной артиллерии. Трактор «Интернационал», основной конкурент «Сомуа», из-за низкой транспортной скорости (4 км/ч) был признан непригодным для буксировки дивизионной артиллерии.

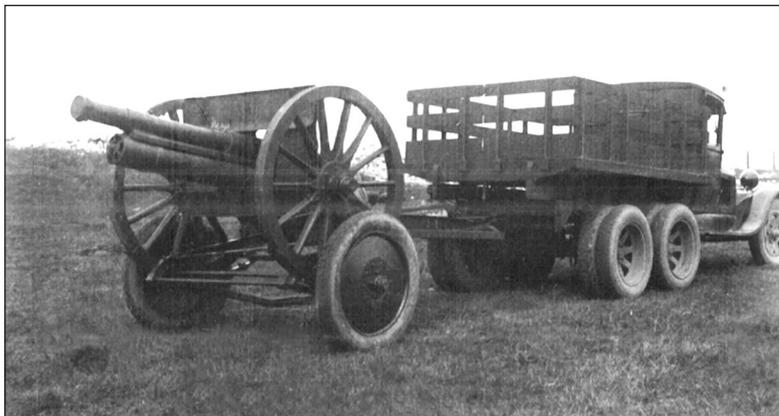

Рис. 5. Подкатная тележка с 76-мм пушкой, буксируемая автомобилем «Форд-НАМИ»

С целью максимального сохранения ходовой части артиллерийских систем дивизионной артиллерии (76-мм пушка и 122-мм гаубица) разработали и изготовили специальные подкатные тележки, снабженные пневматическими колесами. Кроме этого, для 122-мм гаубицы отработали конструктивное решение по замене штатных колес на пневматические от грузового автомобиля Я-5.

Для ускорения сроков реализации намеченных мероприятий последовали организационные меры по установлению ответственности за обеспечение перехода артиллерии на механическую тягу:

«5...разработка плана перехода и образцов тягачей, подкатных тележек – УММ; приспособление самих артиллерийских систем под тягачи или самоходы – АУ РККА.

6. Выделить комиссию в составе Председателя тов. Тухачевского и членов т.т. Халепского, Шничева, Симонова и Роговского для разработки в декадный срок детального плана работ по обеспечению перехода артиллерии на механическую тягу на основе представленного плана Артиллерийским Управлением и плана внесения на утверждение РВС СССР».

Следуя разработанному плану в части артиллерии немеханизированных стрелковых дивизий, в качестве средств тяги предполагалось использовать для батальонных артиллерийских систем массой 0,2–0,8 т – трехосный автомобиль АМО Ф-15, для полковых орудий массой 1,5–1,7 т – трехосный автомобиль Форд-АА, для артиллерии дивизионного звена массой 2,4–2,8 т – пятитонный автомобиль Я-5.

Однако на текущий момент времени разработка приспособлений закрепления систем для перевозки на автотранспорте в отношении батальонной и новых образцов полковой и дивизионной артиллерии не велась. Указанные работы были проведены только в отношении 76-мм полковой пушки обр. 1927 г. для перевозки на трехосном автомобиле Форд-ААА и 76-мм пушки обр. 1902 г. и 122-мм гаубицы для перевозки на пятитонном грузовике Я-5. Испытания приспособлений, проведенные в механизированной бригаде, выявили необходимость их доработки в направлении унификации и упрощения конструкции.

К сентябрю 1932 г. предполагалось разработать и изготовить опытные комплекты простейших приспособлений универсального типа для погрузки и крепления на машинах орудий, передков, зарядных ящиков и принадлежностей артиллерийских систем. К ноябрю завершить испытания представленных образцов и, приняв окончательные решения по максимальной универсализации всех типов приспособлений, в декабре передать документацию для их валового производства.

В отношении самоходной артиллерии успехи были более весомые. После положительных результатов испытаний опытного образца самоходной установки 76-мм пушки обр. 1927 г. на шасси «Мореленд» установки запустили в серийное производство (45 единиц). Машины предназначались как в качестве орудий сопровождения пехоты, так и для механизированных соединений. Только для механизированных частей предназначалась самоходная установка 76-мм пушки ДРП на шасси трехосного легкового автомобиля «Форд-А», опытный образец которой к этому времени уже проходил испытания на НИАП.

Полученные материалы показали, что поставленных требований – легкость, хорошая подвижность, надежность в работе – трехосный автомобиль «Форд А» обеспечить не мог и в качестве самоходной установки к принятию на вооружение не подлежал.

Для обеспечения поставленных требований к машине предполагалось воспользоваться более тяжелым шасси. К июню 1932 г. ожидалось завершение изготовления опытного образца 152-мм мортиры ДРП на шасси грузового автомобиля «Форд ААА», а в ноябре аналогичной установки на шасси пятитонного грузового автомобиля Я-5.

Что касается использования для самоходных орудий гусеничных шасси разрабатываемых перспективных танков, то в конце

Рис. 6. Самоходная установка 76-мм полковой пушки обр. 1927 г. с укороченным откатом – СУ-1

ноября 1931 г. на НИАП провели испытания стрельбой самоходной установки 76-мм полковой пушки обр. 1927 г. с укороченным откатом – СУ-1.

Установка пушки была выполнена по временному решению на приспособленной тумбе Гарфорта в закрытом бронированном корпусе на шасси легкого танка Т-26. Проведенные испытания самоход успешно выдержал, продемонстрировав приемлемую прочность ходовой части и лучшую меткость стрельбы, превышавшую табличные значения аналогичной полевой пушки. По результатам испытаний рекомендовалось улучшить условия работы заряжающего и разработать специальную укладку для боекомплекта. Кроме того, на шасси среднего танка Т-28 в 1932–1933 гг. предполагалось разработать самоходные установки для 76-мм зенитной пушки обр. 1931 г., 107-мм пушки обр. 1910 г. и 152-мм мортиры обр. 1931 г.

Учитывая значительные габариты зенитной счетверенной установки 7,62-мм пулемета и невозможность размещения обслуживающего расчета, работы по ее монтажу на шасси Т-26 не велись. Рассматривая основное применение зенитной установки в составе бое-

вого охранения транспортных колонн на марше, приняли решение в качестве базы использовать шасси трехосного автомобиля.

К июлю 1932 г. планировалось завершить изготовление опытных образцов зенитных пулеметных самоходных установок сдвоенного, строенного, счетверенного зенитных 7,62-мм пулеметов ДС и установки сдвоенного 12,7-мм пулемета на шасси трехосного грузового автомобиля «Форд ААА». Машины предназначались для противовоздушной обороны на малых высотах. После проведения сравнительных испытаний к серийному производству приняли установку счетверенного 7,62-мм зенитного пулемета, и выдали заказ на их изготовление в количестве 1000 шт.

Для обеспечения действий танковых частей в составе пехотных подразделений предлагалось дополнить представленную систему вооружения 76-мм дивизионной пушкой и 122-мм мортирой на шасси танка Т-26 и 76-мм пушкой на шасси трактора.

Учитывая реальные перспективы механизации артиллерии на 1933 г. в части комплектации гусеничными тракторами, на заседании у зампреда РВС СССР т. Тухачевского 29 декабря 1932 г. приняли решение использовать все имеющиеся и вновь поступающие трактора только для механизации артиллерийских систем, по своим характеристикам не подлежащих транспортировке конной тягой. Таким образом, в первую очередь механизации подлежали 76-мм зенитные пушки, все системы АРГК большой мощности, 152-мм гаубицы и 107-мм пушки. Вся остальная артиллерия как в мирное время, так и в период мобилизационного развертывания оставалась на конной тяге.

Окончательный план создания самоходной артиллерии РККА был рассмотрен на совещании 10 января 1933 г. Опытные заказы на самоходные установки подлежали размещению на заводах им. Ворошилова (шасси), № 8 (артиллерийские части легких систем) и «Большевик» (артиллерийские части тяжелых систем).

К поставке в войска после изготовления и проведения испытаний планировались:

- самоходная установка с 76-мм пушкой обр. 02/30 г. со стволом в 30 калибров;
- самоходная установка с 152-мм мортирой обр. 1931 г.;
- самоходная установка с 122-мм гаубицей обр. 10/30 г.;
- самоходная установка с 76-мм зенитной пушкой обр. 1931 г.;
- триплекс: с 203-мм пушкой, 305-мм гаубицей и 400-мм мортирой;
- самоходный зарядный ящик;

– самоходная установка с 76-мм полковой пушкой обр. 1927 г. на шасси танкетки Т-27.

Для изготовления установок 76-мм пушки, 152-мм мортиры и 122-мм гаубицы предлагалось разработать единое специальное шасси, близкое по типу к Т-26. Разработка и изготовление возлагались на завод им. Ворошилова со сроком готовности опытных образцов – ноябрь 1933 г. Все финансирование проводилось через НТУ ГАУ, оно же обязывалась выделить двух конструкторов-артиллеристов для форсирования работ.

Для установки 76-мм зенитной пушки обр. 1931 г. завод им. Ворошилова к январю 1934 г. обязывался разработать специальное шасси. Контроль и финансирование работы выполнялись НТУ УММ.

Учитывая невозможность использования для разработки триплекса имевшихся в наличии шасси серийных танков, заводам им. Ворошилова и «Большевик» в срок апрель – май 1934 г. предлагалось разработать специальные шасси с максимальным использованием освоенных танковых систем и агрегатов. Финансирование возлагалось на НТУ ГАУ, оно же обязывалась выделить трех конструкторов-артиллеристов для форсирования работ. Проведение работ контролировалось совместно НТУ ГАУ и НТУ УММ.

Разработка и изготовление шасси-короба самоходного зарядного ящика поручались заводу им. Ворошилова, внутреннего оборудования – заводу № 7. Производство работ планировалось под совместным контролем НТУ УММ и НТУ ГАУ. За изготовление к сентябрю 1933 г. шасси (короб без внутреннего оборудования для укладки огнеприпасов) с соответствующим финансированием отвечало НТУ УММ, ответственность за финансирование и разработку внутреннего оборудования к ноябрю 1933 г. несло НТУ ГАУ.

Разработка и изготовление самоходной установки с 76-мм полковой пушкой на Т-27 к маю 1933 г. поручалось заводу «Красный путиловец» при финансировании по линии УММ.

Таким образом, к началу 1933 г. руководством РККА были четко определены основные направления создания самоходной артиллерии. Однако отсутствие практического опыта боевого применения и междоуведомственные противоречия во взглядах на тактическое применение оказали негативное влияние на развитие самоходной артиллерии и не позволили принять на вооружение и развернуть массовое производство многочисленных опытных образцов, разработанных и испытанных до начала Великой Отечественной войны.

М.К. Павлович (Москва)

ИСТОРИЯ ФОНДА ОРУЖИЯ В МУЗЕЯХ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В 1950 – НАЧАЛЕ 1980-Х ГОДОВ¹

ЦЕЛЬ данной небольшой работы – рассказать о судьбе собрания оружия в Музеях Московского Кремля и о его хранителях и исследователях в 1950 – начале 1980-х гг. Безусловно, для истории человечества тридцать лет – словно одно мгновение, но для одного конкретного учреждения это солидный срок, полный всевозможных событий и перемен.

Экспозиция Оружейной палаты, воссозданная в самые сжатые сроки к апрелю 1945 г. по возвращении музейных коллекций из Свердловска, где они находились в эвакуации в годы Великой Отечественной войны, была во многом несовершенна из-за нехватки средств, а также самого необходимого оборудования и материалов, нуждалась в существенном улучшении. И, несмотря на восторженные отзывы по-прежнему редких посетителей, заведующий отделом сохранения исторических ценностей и памятников Московского Кремля² Н.Н. Захаров отдавал себе в этом полный отчет. Совершенствование экспозиции являлось первоочередной задачей небольшого коллектива музейщиков наряду с реставрацией пострадавших от войны архитектурных памятников и отдельных экспонатов. Свободный доступ в Кремль для посетителей был по-прежнему закрыт, а музей продолжал оставаться в ведении Управления кремлевской комендатуры. Однако число экскурсантов постоянно росло, в 1947 г. древний центр Москвы посетило уже 65 тысяч человек, а в 1948 г. их число достигло 89 666³. Для сравнения отметим, что перед войной ежегодное количество посетителей не превышало десяти тысяч.

Изучением и хранением всего собрания оружия музея по-прежнему занимался Н.В. Гордеев⁴. Николай Васильевич трудился в Кремле с 1932 г. Он чудом пережил страшные годы репрессий, затем принимал участие в подготовке экспонатов к эвакуации в июне 1941 г. и сопровождал первую партию ценного груза на Урал. В Свердловске он занимался реставрацией и изучением предметов вооружения, составлял планы послевоенной экспозиции оружия и воплощал их в жизнь весной 1945 г. В 1946–1950 гг. основной задачей для него, как и для остальных членов коллектива, было совершенствование музейных залов. Перемены затрагивали все основные разделы. Так, в зале оружия стали экспонироваться западные доспехи, поменялся облик витрин с холодным оружием.

В 1950 г. была произведена покраска стен, сводов и окон на втором этаже палаты, а также настлан дубовый паркет. Происходила частичная замена оборудования. Новые витрины и стенды были обиты бархатом отечественного производства в тон основного цвета стен музейных залов, такое единое колористическое решение интерьеров способствовало большей выразительности. Для показа оружия были изготовлены специальные витрины в форме пирамид. При размещении экспонатов по окончании ремонта главным считался хронологический принцип. В августе 1951 г. завершились работы по установке ламп дневного света в витринах, а к концу того же года реэкспозиция была в основном завершена. Посетившие ее специалисты Исторического музея, оказывавшие кремлевским коллегам консультативную помощь, оценили ее положительно, дав при этом ценные советы и рекомендации. Как один из наиболее удачных ими был признан показ западных доспехов, а также предметов вооружения, изготовленных мастерами Оружейной палаты в XVI – XVII вв.⁵ Экспозиция оружия тогда размещалась в первом зале музея, расположенном на втором этаже. Одновременно с экспозиционными работами сотрудники, в том числе и Н.В. Гордеев, трудились над составлением охранных описей и справочных картотек, написанием статей для научного сборника по истории Оружейной палаты и ее коллекций. В 1952 г. работы по экспозиции были продолжены с учетом высказанных замечаний и пожеланий.

Стоит напомнить, какую огромную роль в истории нашей страны сыграл 1953-й год: 5 марта умер И.В. Сталин, почти тридцать лет возглавлявший Советский Союз и его Коммунистическую партию. В июне был арестован, а в декабре расстрелян Л.П. Берия. Состо-

явшийся в феврале 1956 г. XX съезд партии осудил культ личности, пересматривались многочисленные дела «врагов народа», те, кто выжил в тюрьмах и лагерях, возвращались домой после реабилитации.

Значительные перемены затронули и Московский Кремль. В январе 1954 г. впервые в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца была устроена елка для ребят. 11 марта по указу коменданта Кремля А.Я. Веденина, сменившего на этом посту Н.К. Спиридонова, вводился ежедневный двухразовый прием посетителей в рабочие дни и трехразовый – по воскресеньям, группами экскурсантов до 50 человек. Субботы были выходными. На научном совещании музея 29 июля того же года отмечалось, что в результате проведенной коренной реконструкции экспозиция Оружейной палаты «дает возможность проследить общую последовательность развития русского декоративного искусства в его наивысших образцах»⁶. Была поставлена и новая задача – работать над тем, чтобы «каждая вещь этого единственного собрания в мире нашла свое место, научно-продуктивное... с исторической точки зрения и более выигрышное с точки зрения показа»⁷. Экспозиция включала следующие разделы: оружие; бытовой отдел, церковная утварь и облачения; западное серебро; регалии, конюшенная казна и старинные экипажи XVI–XVIII вв.⁸

20 июля 1955 г. Кремль был открыт для свободного посещения, политическое, пропагандистское и культурное значение этого события трудно переоценить. Посмотреть сокровища Оружейной палаты приезжали люди со всего Советского Союза, было среди посетителей Кремля и немало зарубежных гостей. Россияне благодарили за спасение исторических ценностей в годы Великой Отечественной войны и возможность ими полюбоваться, иностранцы восхищались увиденными сокровищами. Небольшой коллектив музея не мог справиться с таким наплывом посетителей, штат расширился за счет новых сотрудников – выпускников столичных вузов. Как один из ветеранов палаты, Н.В. Гордеев передавал свой опыт пришедшей в Кремль молодежи, готовя новое поколение экскурсоводов.

Однако экспозиция Оружейной палаты вызывала одобрение не у всех посетителей. Большую роль в судьбе музея сыграло письмо осмотревших Оружейную палату вместе с другими делегатами Всесоюзного съезда писателей: консультанта Большого театра С.А. Орешникова и Н.Э. Бирюкова, направленное в Президиум Верховного Совета СССР. В письме экспозиция была названа сумбурной, критиковалась за перегруженность предметами. Не понимая

уникальности Оружейной палаты как музея-сокровищницы, авторы письма предлагали даже перестроить ее экспозицию по образцу музея в Нюрнберге, где наряду с изделиями немецких мастеров выставлялись и инструменты. Особенно досталось разделу, где были помещены коронационные костюмы – за то, что они не являлись типичными образцами одежды своей эпохи, критиковался парадный выезд, неизменно привлекавший внимание экскурсантов в каретном зале. Вызывало возражение и начало экспозиции с показа коллекции оружия. Однако именно это собрание и дало название старейшему музею Москвы. 20 января 1955 г. у коменданта Московского Кремля А.В. Веденина состоялось совещание с приглашением С.А. Орешникова, руководства и сотрудников палаты, а также ученых – искусствоведов, историков, архитекторов, представителей ведущих московских музеев. В результате совещания при поддержке ученых и коллег-музейщиков решено было экспозицию оставить практически без изменений, лишь улучшив показ отдельных предметов, а также усилив этикетаж⁹. Поставленные задачи и стали основными для сотрудников палаты на ближайшие несколько лет.

В марте 1955 г. был воссоздан Ученый совет музея, куда вошли сам комендант А.Я. Веденин и другие работники комендатуры, сотрудники Государственного Исторического музея и Третьяковской галереи, И.Э. Грабарь, Н.Н. Воронин, М.В. Алпатов, В.Н. Лазарев и другие ученые. Были в его составе и представители Оружейной палаты, в их числе Н.В. Гордеев. 28 марта 1956 г. на должность начальника отдела сохранения памятников Кремля был назначен Анатолий Михайлович Андреев, заведующий сектором пропаганды и агитации Управления делами ЦК ВКП(б)¹⁰. Н.Н. Захаров был переведен на должность его заместителя, а по существу главного хранителя. Четыре года, когда у руководства учреждением стоял А.М. Андреев, были связаны с активной работой по популяризации музейных собраний. Выходили в свет буклеты, наборы открыток, в 1958 г. был опубликован красочный альбом «Государственная Оружейная палата», автором-составителем которого был Г.А. Богуславский. Авторство раздела о собрании оружия принадлежит Н.В. Гордееву. В 1959 г. в стенах Кремля прошла первая музейная конференция. Росло число посетителей, в том же 1959 г. оно достигло 789 332 человек¹¹.

5 февраля 1960 г. по Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР Оружейная палата и музеи-соборы были переданы из Управления комендатуры Кремля в ведение Министерства культуры

СССР¹². Для образованных таким образом Государственных музеев Московского Кремля начался новый период истории, связанный со значительными переменами и активизацией всех направлений музейной деятельности. Директором был назначен И.И. Цветков, заместителем по научной работе – В.Н. Иванов, главным архитектором – В.И. Федоров, а Н.Н. Захаров перешел на должность главного хранителя. Был обновлен состав Ученого совета – уже без представителей кремлевской комендатуры, а всей работой с посетителями ведал Методический совет. По утвержденному 5 сентября 1963 г. Положению Государственные музеи Московского Кремля были названы просветительским и научно-исследовательским учреждением всесоюзного значения. Его новая структура предусматривала 13 подразделений, в их числе были отдел «Оружейная палата», отделы учета и хранения, реставрации и другие. Так экспозиция и фонды впервые были разделены.

Приказ Министерства культуры СССР в апреле 1963 г. определил состав хранителей – лиц, несущих персональную ответственность за имущество, находившееся на экспозиции и в фондах. Всего было назначено шестнадцать хранителей, среди них двое, Н.В. Гордеев и И.С. Миляков, являлись хранителями собрания оружия. Согласно приказу № 29 по Государственным музеям Московского Кремля от 11.04.1964 г. «О передаче ценностей, находящихся в экспозиции и фондах, на ответственное материально-ответственное хранение научным работникам и хранителям», Н.В. Гордеев принял экспонаты зала № 1 Оружейной палаты – огнестрельное и холодное оружие, броню, а также небольшую часть музейных предметов из фондов. Собрание огнестрельного, холодного оружия и брони из фондов поступило на хранение И.С. Милякова, он же стал хранителем коллекции артиллерии и колоколов на территории Московского Кремля¹³. По результатам приемки экспонатов были составлены акты материально-ответственного хранения.

Ставший хранителем фонда оружия и артиллерии Игорь Степанович Миляков, окончивший исторический факультет Воронежского университета, пришел в Оружейную палату в марте 1961 г., сначала на должность экскурсовода. В его личном деле сохранился отзыв на проведенную им экскурсию, наглядно свидетельствующий об его интересе к собранию оружия. При оценке общего уровня экскурсии как удовлетворительного отмечалось, что «... рассказ оружейного отдела и отдела золотых и серебряных изделий... был более чем убедитель-

ным». В его же характеристике 1965 г. говорилось, что он «за время работы хранителем фондов оружия провел большую работу по описанию огнестрельного оружия и пушек, хранящихся на территории Кремля, а также по упорядочению хранения предметов фондов»¹⁴. О деятельности Милякова по изучению коллекции артиллерии мы расскажем несколько позже.

В 1965 г. в Оружейной палате были начаты работы по созданию экспозиции оружия в двух залах цокольного этажа. Автором ее тематического плана и концепции стал Н.В. Гордеев. Его предложения были рассмотрены и одобрены на заседании Ученого совета. В сорока двух витринах предполагалось выставить около 1300 предметов, систематизированных по семи разделам: русский доспех и вооружение XIII–XVI вв.; русское холодное и огнестрельное оружие, боевые и парадные доспехи XVII в.; западноевропейские рыцарские доспехи, огнестрельное и холодное оружие XVI–XVII вв.; восточное вооружение работы иранских и турецких мастеров XVI–XVII вв.; русское оружие начала XVIII в. и трофеи Полтавской битвы; холодное и огнестрельное оружие, выполненное лучшими мастерами Англии, Австрии, Бельгии, Голландии, Франции и других европейских стран в XIII в.; русское и иностранное вооружение XIX в., трофеи Отечественной войны 1812 г. Последние предполагалось выставить в отдельной витрине во втором зале. Всего в разделе, посвященном войне с наполеоновской Францией, предполагалось экспонировать 54 предмета: гарнитур Остен-Сакена, а также холодное (шашки, сабли) и оборонительное (кирасы) вооружение в отдельной витрине под названием «Оружие времен войны 1812 г.». Для демонстрации французского оружия XIX в. отводилась соседняя витрина. Главной задачей новой экспозиции было объяснить «обусловленность возникновения различных видов оружия и его развитие». Однако воплотить замысел на практике не удалось. В 1967 г. в предназначенных для показа оружия двух залах была развернута выставка ювелирных изделий и драгоценных камней из Гохрана, приуроченная к 50-летию Октябрьской революции. Однако работа над новой экспозицией продолжалась, в 1966 г. был даже составлен сметно-финансовый расчет на ее создание. И лишь в сентябре 1968 г. эта деятельность была прекращена. Временная выставка «Алмазный фонд СССР», встреченная экскурсантами с огромным энтузиазмом, была объявлена постоянной¹⁵.

Тогда же, в начале 1960-х гг. Н.В. Гордеевым была начата работа над «Кратким каталогом русских и иностранных пушек XVI–XVII веков, а также трофейных пушек, мортир и гаубиц, отбитых русскими войсками и партизанами при отступлении армии Наполеона в 1812 году». В его личном фонде сохранилось дело, в котором наряду с небольшим вступлением, а также постендовыми списками орудий, расположенных вдоль здания Арсенала, а также групповыми аннотациями и отдельными описаниями находится несколько зарисовок пушек¹⁶. К сожалению, Николай Васильевич не успел завершить задуманное и начатое. В 1969 г. он вышел на пенсию¹⁷. Еще ранее, в марте 1968 г. И. С.Миляковым на конференции по истории отечественного оружия был подготовлен и прочитан доклад «Коллекция орудий в Московском Кремле». В нем, основываясь на работе В.А. Петрова «Орудия, отбитые у неприятеля в Отечественную войну 1812 года» (М., 1911), он приводит историю этого собрания и дает его довольно подробную характеристику. В частности, Миляков разделил все предметы на две части: древние орудия XVI–XVII вв. работы отечественных и иностранных мастеров и группу трофейных орудий войны 1812 г.¹⁸ Однако в том же 1969 г. Игорь Степанович перешел на работу в ЦК Союза рабочих машиностроения¹⁹.

Вячеслав Степанович Подшивалов, являвшийся хранителем части коллекции оружия из фондов с января 1970 г. по июнь 1972 г., не имел высшего образования, отставной военный, он работал в Государственных музеях Московского Кремля с января 1963 г. в отделе охраны. Получив на свое материально-ответственное хранение экспонаты, он, судя по документам, добросовестно относился к своим обязанностям. Однако работа Подшивалова в этой должности не оставила заметного следа в истории музейного собрания, а с 1 июня 1972 г. он был назначен начальником штаба гражданской обороны и трудился на этом посту до октября 1979 г.²⁰

Михаил Элизарович Портнов пришел в Музеи Московского Кремля в декабре 1966 г. на должность старшего научного сотрудника отдела «Оружейная палата», имея за плечами более чем двадцатилетний опыт работы в отделе оружия Государственного исторического музея. В декабре 1969 г. он был переведен в отдел хранения и учета, а приказом Министерства культуры СССР № 10 от 12 января 1970 г. утвержден материально-ответственным хранителем экспонатов из драгоценных металлов и драгоценных кам-

ней. Вскоре он принял на свое материально-ответственное хранение фонд оружия и коллекцию орудий на территории Московского Кремля²¹. О его работе в этой должности свидетельствует подшитая в его личном деле характеристика. Приведем из нее отрывок: «Тов. Портнов М.Э. – опытный музейный работник, более 30 лет посвятивший изучению и хранению отечественного и зарубежного оружия. Он автор 13 печатных работ по различным вопросам боевого, охотничьего, спортивного оружия. Им разрабатывались экспозиции, выставки, читаются лекции, проводятся многочисленные консультации со специалистами. В 1972–1973 гг. им была создана выездная выставка «Мастерство русских оружейников» (из фондов Оружейной палаты), демонстрировавшаяся в Туле и Ижевске... В начале 1974 г. коллекция оружия из Музеев Кремля показывалась на Международной выставке «Спортивно-охотничье оружие-74»²². Уделялось им внимание и собранию артиллерии. В 1970-х гг. силами ВПНРК проводились работы по очистке старинных орудий по специальной методике. В 1980-х гг. силами военной академии имени Ф.Э. Дзержинского была проведена комплексная реставрация уникальных древних орудий XV–XVII вв. и лафетов под них. Одним из инициаторов этих работ был Михаил Элиазарович. Работал он и в архивах, занимаясь поисками информации о данной коллекции. В начале 1980-х гг. появились доклады и публикации, посвященные памятникам литейного искусства. Их авторами являлись М.Э. Портнов и В.И. Маркова²³. Говоря о М.Э. Портнове, нельзя не вспомнить, что в 1935 г. у восемнадцатилетнего юноши, в результате аварии на зеркальной фабрике Комиссариата химической промышленности, где он трудился в 1935–1937 гг., была ампутирована левая рука. Он являлся инвалидом 3-й группы, и, безусловно, работать с коллекцией оружия ему было физически очень непросто. В 1981 г. он вышел на пенсию, передав находившееся на его хранении огнестрельное и холодное оружие, а также предметы доспеха Елене Владимировне Тихомировой, а артиллерийскую коллекцию – Игорю Александровичу Комарову²⁴.

Что же касается кремлевского собрания оружия и доспеха, представленного на экспозиции и находившегося на хранении у Н.В. Гордеева, то с 6 по 8 августа 1969 г. его приняла М.Н. Ларченко, став новым материально-ответственным хранителем оружейного раздела экспозиции²⁵. К тому времени Майя Николаевна уже была опытным музейным работником. Выпускница исторического факультета Ле-

нинградского государственного университета, значительную часть своей жизни она отдала Государственному Эрмитажу, пройдя путь от научно-технического работника до ученого секретаря отдела западноевропейского искусства.

На протяжении 1960-х гг. сотрудниками отдела «Оружейная палата» постоянно предпринимались попытки усовершенствовать экспозицию музея путем введения новых предметов, их перестановки и пересистематизации в витринах, улучшения этикетажа и т. д. Несмотря на старания руководства, не был решен вопрос и с недостатком экспозиционных площадей. К началу 1970-х гг. стало окончательно ясно, что созданная в 1950-х гг. экспозиция, страдающая перегруженностью, недостаточной системностью и отсутствием акцентов на ведущих памятниках декоративно-прикладного искусства, морально и физически устарела, перестала удовлетворять требованиям музейной теории и практики. Привести ее в соответствие с современностью могло лишь коренное преобразование, а все частичные меры были практически бесполезны. В 1974 г. была создана краткая тематическая структура экспозиции, исходящая из «неповторимой особенности музея – национальной сокровищницы». В 1977 г. на Ученом совете был обсужден подробный тематико-экспозиционный план Оружейной палаты, получивший положительные отзывы специалистов²⁶. Как и многие другие сотрудники и хранители отдела «Оружейная палата» и отдела фондов, образованного в 1975 г., М.Н. Ларченко и М.Э. Портнов трудились над планом и структурой экспозиции. В 1970-х гг. был выработан комплексный проект на капитальный ремонт всех зданий и сооружений Московского Кремля. Таким образом, появилась великолепная возможность совместить ремонт здания палаты с ее комплексной реэкспозицией. Однако в силу не зависящих от руководства Государственных музеев Московского Кремля причин проведение этих мероприятий было отложено на начало 1980-х гг. Обновленная Оружейная палата открылась для посетителей лишь в 1986 г.

В январе 1979 г. М.Н. Ларченко была назначена заведующей отделом «Оружейная палата»²⁷. Именно на ее плечи выпала основная нагрузка по воплощению в жизнь намеченной перестройки всей экспозиции²⁸, ей принадлежат многочисленные исследования, посвященные кремлевскому собранию оружия. Однако эта история выходит за хронологические рамки нашего исследования. Скажем

лишь, что находившиеся на ее хранении экспонаты были переданы Е.А. Яблонской²⁹, работающей в Музеях Московского Кремля и в настоящее время.

¹ В данном случае имеется в виду все собрание оружия, представленное как в запасах (фондах), так и на экспозиции Музеев Московского Кремля.

² Это название Музеи Московского Кремля имели в 1946–1960 гг.

³ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1947 г. Д. 5. Л. 3; оп. 1945 г. Д. 6. Л. 7; Оп. 1948 г. Д. 4. Л. 3.

⁴ Подробнее о Н.В. Гордеев см.: Павлович М.К. Хранитель фонда оружия Музеев Московского Кремля Н.В. Гордеев // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., ВИМАИВиВС, 2010. Ч. II. С. 180–190.

⁵ Подробнее см.: Павлович М.К. Оружейная палата в середине 1940-х – начале 1980-х годов (к истории экспозиции) // Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля М., 2002. С.130–142 (Материалы и исслед. / Гос. ист.-культур.музей-заповедник «Московский Кремль»; 14).

⁶ См.: Павлович М.К. Оружейная палата в середине 1940-х – начале 1980-х годов; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1954 г. Д. 3. Л. 26.

⁷ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1954 г. Д. 3. Л. 26.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 19.

⁹ Подробнее см.: Павлович М.К. Оружейная палата в середине 1940-х – начале 1980-х годов. С. 133–135.

¹⁰ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1955 г. Д. 1. Л. 109–109 об.; Ф. 46. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.

¹¹ Там же. Ф. 20. Оп. 1959 г. Д. 5. Л. 7; Д. 1. Л. 11.

¹² Подробнее см.: Петухова А.В. Музей в Кремле как Государственное учреждение // Сокровищница России. Страницы исторической биографии Музеев Московского Кремля М., 2002. С.12–28; Павлович М.К. Оружейная палата в середине 1940-х – начале 1980-х годов. С. 136–137.

¹³ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1963 г. Д. 13. Л. 33; Оп. 1964 г. Д. 11. Л. 33–34.

¹⁴ Там же. Ф. 20. Оп. о.к. Д. 385. Л. 3; 6–7.

¹⁵ Подробнее см.: Павлович М.К. Оружейная палата в середине 1940-х – начале 1980-х годов. С. 139–140; ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 33. Оп. 1. Д. 34. Л. 8, 22.

¹⁶ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 33. Оп. 1. Д. 29.

¹⁷ Там же. Ф. 20. Оп. о.к. Д. 235. Л. 3.

¹⁸ Там же. Ф. 27. Оп. «М». Д. 12.

¹⁹ Там же. Ф. 20. Оп. о.к. Д. 385. Л. 3.

²⁰ О работе В.С. Подшивалова в Музеях Московского Кремля см.: там же. Ф. 20. Оп. о.к. Д. 853.

²¹ Там же. Ф. 20. Оп. о.к. Д. 856. Л. 3.

²² Там же. Л. 14.

²³ См., например: там же. Ф. 27. Оп. «М». Д. 2; оп. «П». Д. 4.

²⁴ См.: там же. Ф. 20. Оп. 4 ч. 1. Д. 155, 214, 230.

²⁵ Там же. Ф. 20. Оп. о.к. Д. 2271. Л. 1–3; Оп. 4. Ч. 1. Д. 69, 70.

²⁶ Там же. Оп. 1974 г. Д. 26; Оп. 1977 г. Д. 84.

²⁷ Там же. Л. 3; 3 об., 81. М.Н. Ларченко была освобождена от должности зав. отделом в 1985 г. в связи с выходом на пенсию, в Музеях Московского Кремля она проработала в научно-издательском отделе до 16 марта 2007 г.

²⁸ Подробнее см.: Петухова А.В. Музей в Кремле как Государственное учреждение. С. 25–26, Ларченко М.Н., Родимцева И.А. Экспозиция Оружейной палаты 1986 года // Сокровищница России... С.143–151.

²⁹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 4. Ч. 1. Д. 199.

А.Г. Панкратов (Санкт-Петербург)

ПАВЕЗА В КОМПЛЕКСЕ РУССКОГО ВООРУЖЕНИЯ

РУССКИЙ ЩИТ неоднократно освещался в отечественной историографии. Тематики древнерусского щита в своих работах касались Н.Е. Бранденбург¹, П. фон Винклер², в советское время А.В. Арциховский³, М.Г. Рабинович⁴, позже А.Н. Кирпичников⁵, совсем недавно эта тема была затронута М.А. Плавинским⁶. Конструктивным элементам щита и его изготовлению, в основном раннесредневековых образцов, уделяли свое внимание в своих работах Б.А. Рыбаков⁷, Б.А. Колчин⁸. Из зарубежных исследователей необходимо отметить работы А. Новаковского⁹ и монографию Я. Колморгена¹⁰, полностью посвященную позднесредневековому щиту. К тематике щита исследователи вооружения древней Руси обращались неоднократно. За более чем полувековую историю исследования древнерусского оружия накопился значительный материал, касающийся типовых форм этой боевой принадлежности, полученный, в том числе, при помощи экспериментальной археологии; были сделаны попытки осветить возможные боевые свойства той или иной формы. Однако практически ни одна работа, в контексте древнерусского вооружения, углубленно не касалась особенностей щитов позднего средневековья, в то время как именно эта эпоха характеризуется огромным количеством как типов щитов, так и их форм. Данная небольшая работа позволяет восполнить некоторые указанные пробелы в представлении о конструкции и боевых особенностей весьма узнаваемого типа щита, находящегося на вооружении русского войска до самого конца эпохи средневековья – павезы.

Название щита – *ravois* – павийский щит, «павеза» – аппроксимация европейского термина, применяемого к древнерусскому оружию.

Как именно называли в Древней Руси щит с желобом, существовало ли на самом деле отдельное название, его обозначающее, неизвестно. Одним из первых в советской историографии обратил внимание на подобный тип щита М.Г. Рабинович, обозначив это устройство как «щит с широкой продольной полосой посередине...», при этом высказавшись, что подобные щиты «кажется не совсем обычные, местных форм»¹¹. Впоследствии А.Н. Кирпичниковым были собраны миниатюры из летописей и многочисленные изображения с печатей с воинами, держащими в руках щиты с центральным разделением¹². Эти изображения, дополненные письменными сообщениями,¹³ безусловно, позволяют не сомневаться в широком использовании щита-павезы в войсках древнерусских княжеств. Необходимо отметить, что подобный щит присутствует в сфрагистике Великого Новгорода и литовских княжеств – регионов, обладающих тесными общеевропейскими связями. Напрашивается некое предварительное заключение о региональной «концентрации» подобного рода щита, связанного с западноевропейским влиянием.

А.Н. Кирпичниковым было справедливо замечено, что желоб является вместилищем для руки¹⁴. Это ценная техническая ремарка является верной не всегда – многие конструкции желоба имеют весьма незначительную глубину и ширину, так что он служил весьма неглубоким вместилищем, а иногда был такой «условной» конфигурации и вовсе не влиял на положение руки, возможно, просто отдавая дань военной моде. Обыкновенно конструкция ремня для удержания щита представляла из себя Y или T-образный ремень, закрепленный посередине щита или чуть ниже, на линии желоба, предназначенный для удержания одной рукой – так называемым «кулачным хватом». Подобная модификация «кулачного хвата» – на ремнях присутствовала уже в больших раннесредневековых круглых щитах, сменив предыдущее жесткое крепление в виде деревянной планки. Подобный «мягкий хват» имеют щиты воина, борющегося со зверем, на шиферном рельефе XI в. из развалин церкви святой Ирины в Киеве¹⁵, пеших воинов (1130–1140) с настенного барельефа аббатства Андлау в Эльзасе на востоке Франции. Кожаный Y-образный ремень позволял держать щит на вытянутой руке, в отличие от классического крепления, состоящего из ремней, в нескольких местах охватывающих руку, жестко прикрепленную к щиту. Щит на «кулачном хвате» обладал рядом преимуществ в пешем сражении. Это, в первую очередь, удержание щита на большом расстоянии от тела воина, при

дальнем и ближнем метательном бое. Такое положение щита позволяло наиболее эффективно перехватывать метательные снаряды. Манипуляции со щитом, не полностью пристегнутым к предплечью подобно классическому «миндалевидному» или треугольному щиту, имели более широкий спектр действий. Кулачный хват позволял с большей свободой опускать щит в нижний сектор ударов, и он обладал свойством разворачиваться при ударе, что немного предохраняло его от разрушения. Удержание кулачным хватом щита, помимо прочего, позволяло быстро бросить его и вступить в рукопашную схватку или бежать без этой, в определенный момент боя сковывающей боевой принадлежности.

Наиболее раннее изображение древнерусского щита с желобом присутствует на костяной обкладке кошелька из Пскова, найденного в слоях XII в.¹⁶ (рис. 1.1). Такая ранняя датировка щита с желобом раньше казалась невероятной, позволив выдвинуть версию о территории древней Руси как о месте, где чуть ли не начался его генезис¹⁷. Но если рассмотреть ряд произведений западноевропейского искусства, становится понятно, что подобный щит не является чем-то необычным для стран Европы уже в эпоху раннего средневековья.

«Апокалипсис Святого Севера» (1078) (рис. 1.2) содержит так называемую миниатюру «герцоги и воины»¹⁸. Среди воинов – мелких вассалов низшего ранга, не располагающих доспехом, судя по изображению, основным средством защиты является большой «миндалевидный» щит. У одного из воинов, вероятно, он уже несет центральную долевую грань, изображенную, правда, весьма схематично. Подобная боевая принадлежность присутствует и у одной из фигур воинов на фреске в ротонде святой Катерины (1134) в г. Зноим (Чехия) (рис. 1.3)¹⁹.

Небольшой, но выпуклой гранью снабжены щиты у воинов с рельефа здания министерства в Цюрихе (первая половина XII в.) (рис. 1.4)²⁰. Конечно, эти щиты скорее всего не имели желоба, в действительности являясь просто двухскатной конструкцией, повторяющей боевые свойства сильно загнутого щита, или все-таки демонстрируют наличие весьма узкого желоба, но на основании подобных изображений вполне можно выдвинуть предположение о существовании на европейской территории конструкции, предшествующей позднесредневековой павезе, уже в конце XI в.

Иногда поверх щита с долевой гранью или желобом прикреплялся умбон, следуя традиции раннесредневекового миндалевидного щита,

Рис.1.1.

Рис.1.2.

Рис.1.3.

Рис.1.4.

Рис.1.5.

Рис.1.6.

Рис.1.7.

Рис. 1

как например, на барельефе собора из аббатства в Везле (Бургундия, ок. 1120 г.) (рис. 1.5)²¹. Двухскатными, с гранью, следует признать щиты с бронзовой дароносицы, хранящейся в современном музее и галерее искусств в г. Глазго (коллекция Буррелля), изготовленной в середине XII в. (рис. 1.6)²².

Подробно изображены миндалевидные щиты с центральным желобом в руках прусских воинов на бронзовой двери южного портала собора в Гнезно (1170–1190) (рис. 1.7)²³. Желоб здесь обозначен уже более явно и представляет собой полукруглую в разрезе конструкцию.

Дальнейшее развитие щита с желобом в XIII–XIV вв. идет традиционным путем уменьшения и утраты некоторых частей: спрямления верха и исчезновения нижнего угла. В новгородской и литовской сфрагистике можно наблюдать слегка сужающиеся щиты с прямым верхом, щиты без нижнего угла, с округлой верхней частью, овальные и небольшие прямоугольные щиты.

Изображения щитов-павез, представленные на новгородских печатях, весьма детальны. В частности, различные конфигурации щита находят аналоги среди сохранившихся европейских образцов, что позволяет предположить, что русские резчики, изготавливавшие основы для печатей, были хорошо знакомы с образцами этой боевой принадлежности, а также способами обращения с ней. Практически все изображения демонстрируют удержание щита именно «кулачным» хватом – видна часть руки и плечо, иногда щит вытянут вперед, в боевом положении.

Печать новгородского тысяцкого Филиппа (около 1370) с изображением тезоименного святого²⁴ изображает воина с павезой прямоугольной формы, с слегка скругленным верхом. Для вещественной иллюстрации русского изображения можно привлечь древний образец щита-павезы из замка Вартбург (ее высота – 90 см, ширина – 42 см, вес составляет примерно 6,64 кг) (рис. 2.1).

Небольшая прямоугольная павеза, удерживаемая в опущенной руке воином с вечевой печати Новгорода (рис. 2.2)²⁵ вполне согласуется с двумя щитами из Музея Истории в Дрездене.

Павезу «миндалевидной», формы держит в руках воин на известной печати Ивана Еременьича (1380)²⁶. Найти подобную миндалевидную павезу среди фотографий сохранившихся европейских щитов мне не удалось – там они вышли из военного употребления весьма рано, в отличие от Руси, но удалось проследить некоторые

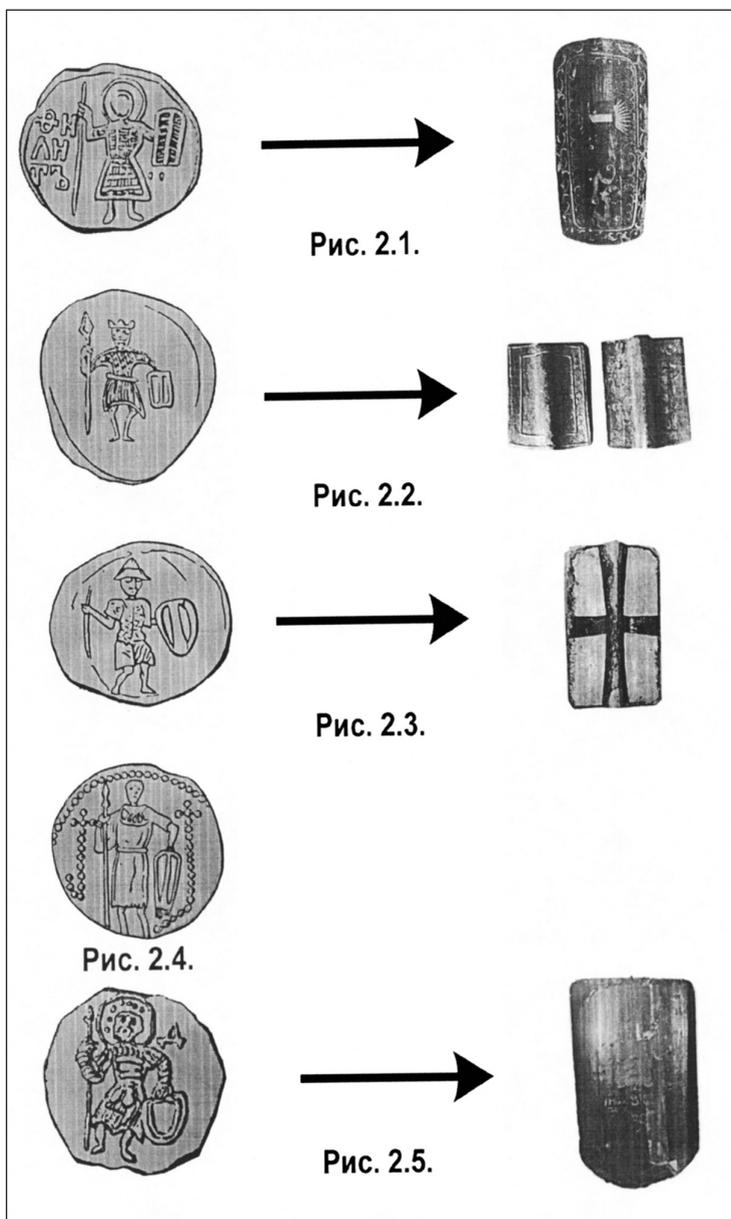

Рис. 2

похожие детали. В частности, желоб для павезы, представленной на этой печати, весьма широк, имеет оригинальную форму, сужаясь в центре щита и расширяясь к краям. Такой неравномерный желоб в виде «песочных часов» можно видеть у небольшой ручной павезы, хранящейся в Риме, в соборе св. Анджело, датирующейся XIV–XV вв. (рис. 2.3).

На павезу с закругленным верхом и сужающуюся к низу, по сути «миндалевидную», с обрезанным нижним углом, опирается воин на новгородской вечевой печати (рис. 2.4)²⁷. Размеры щита на печати, вероятно, непропорционально малы относительно фигуры. Такие павезы, высотой обычно до 120 см, сохранились во множестве западноевропейских коллекций.

Очевидно, типы общеевропейской павезы, существовавшие в позднем средневековье на Руси, можно разделить следующим образом:

– малая павеза, использующаяся в виде универсального плечевого щита – в том числе так называемая «тарча», где желоб мог быть вместилищем для плеча, при необходимости использовалась на «кулачном» хвате в рукопашной схватке;

– щит-павеза среднего размера, который мог использоваться пешими и конными воинами, вследствие своих размеров был более эффективен для противодействия метательному бою;

– большая пехотная павеза.

Интересно, что и на более поздних древнерусских изобразительных источниках по-прежнему изображаются «миндалевидные» павезы, характерные, как нам удалось выяснить, для раннего европейского средневековья. Популярность «миндалевидного» типа щита на Руси всегда была весьма высока, только в XV в. эта форма уступит место восточному круглому щиту²⁸.

«Миндалевидные» павезы, аналогичные щиту с печати Ивана Еремьича, в большом количестве изображены на миниатюрах Радзивилловской летописи. Также к разряду «миндалевидных» двухскатных щитов с сильно выступающей центральной гранью можно отнести и так называемые «сердцевидные» щиты, изображенные на тех же миниатюрах. В некоторых случаях «сердцевидные» щиты имеют обратную, наружную изогнутость в нижней части, выделяющую их из категории павез и относящую их к категории «тарч». Изображения «сердцевидных» щитов присутствуют на листах 14, 38, 68, 81–83, 89, 102, 150, 156, 158, 168, 173, 174, 180, 190; обороте листов 26, 40, 42, 79, 86, 95, 97 (рис. 3.1), 116, 118, 120, 129, 151, 158, 170.

Рис.3.1.

Рис.3.2.

Рис. 3

Изображения трех «миндалевидных» павез в ладье у воинов, присутствуют на обороте листа 21 (рис. 3.2), 23 – воин сидит в ладье с красной миндалевидной павезой. «Миндалевидная» павеза красного цвета висит сбоку у человека в гражданской одежде в мирной сцене

на обороте листа 86. На листе 195 на переднем плане падает воин, пораженный стрелой, защищавшийся овальным или миндалевидным щитом с желобом. Павеза изображена на листе 201, на обороте листа 214, в руках у воина присутствует узкая зеленая «миндалевидная» павеза с красным желобом, а внизу листа воин сражается с маленькой красной овальной павезой в руках. Демонстрирует зеленый «миндалевидный» щит с желтым желобом князь Роман Ростиславович на листе 212. На обороте листа 217 изображена маленькая красная овальная павеза. Изображения различных павез присутствуют на прочих страницах Радзивиловской летописи: лист 226 – в руках предводителя войска овально-миндалевидный желтый щит с красным желобом, возможно, на листа 229 пеший воин защищает город с желтой «миндалевидной» павезой. Обороняется овальной павезой конный воин на обороте листа 231, павезы удерживаются явно кулачным хватом воинами во время конной схватки на обороте листа 231, листах 232 и 235.

Защищено «миндалевидными» павезами большинство воинов-всадников на иконе «Битва суздальцов с новгородцами» (конец XV в.)²⁹, что может являться самым поздним свидетельством бытования подобного вида щита в русском средневековом войске. Интересно заметить, что «миндалевидными» павезами укрыты «суздальцы» т. е. представители московского войска, правда, ими могли снабдить «суздальцев» местные новгородские иконописцы (рис. 4).

Воины на миниатюрах Сильвестровского списка цикла «Жития Бориса и Глеба» закрыты крупными трапециевидными загнутыми щитами, которые можно отнести к павезам значительного размера без желобов. Подобные щиты также находят аналогии среди сохранившихся европейских артефактов.

Польский исследователь А. Надольский считает, что тевтонские и мазовецкие рыцари заимствовали щиты, предшествующие классической павезе, на Руси или непосредственно, или через балтийские народы³⁰. В свете вышеприведенных источников с территории Центральной Европы эту гипотезу можно подвергнуть сомнению. Речь должна идти, вероятно, об общеевропейском виде щита, охватывающем несколько регионов Центральной и Восточной Европы. В чешских источниках павезы называют «литовскими»³¹ – здесь речь может идти о конкретной партии щитов в определенное время. Высокий прямоугольный щит с желобом в Орденском государстве, в свою очередь, называли «scutum Pruthenicum»³². Этот термин мож-

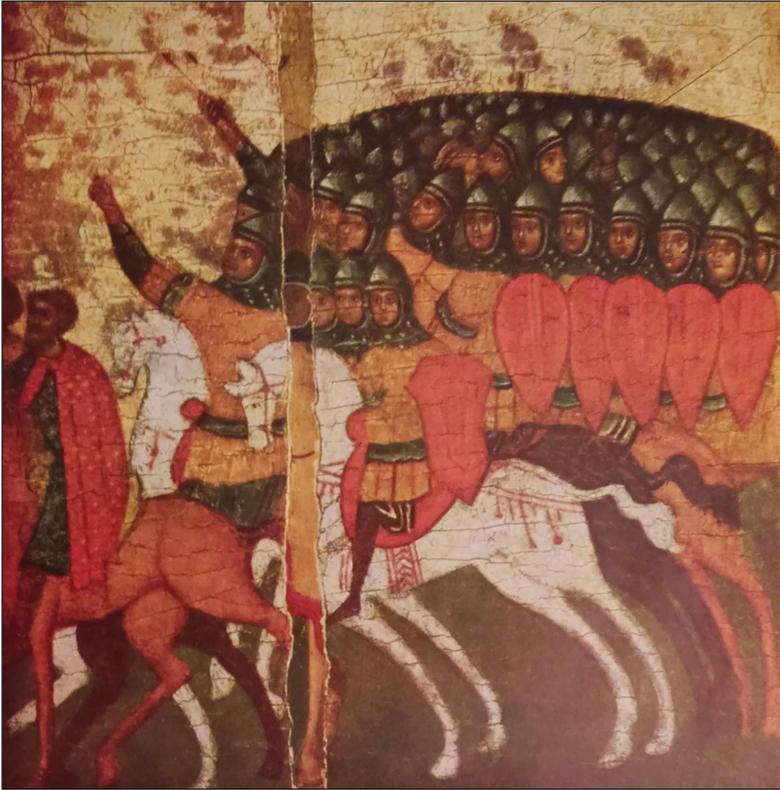

Рис. 4

но объяснить связь, в глазах орденских чиновников, составляющих арсенальные списки, именно с Пруссией, поставляющей ордену продукцию в виде таких щитов и значительный военный контингент, образующий небогатую прослойку воинов, служивших, вероятно, павессариями.

Не совсем ясна функция неглубокого желоба. Очевидно, небольшая павеза-гарч (*petit ravois*) у всадника должна была снабжаться достаточно глубоким желобом, способным вместить плечо воина, прочно фиксируя положение щита. Но у сохранившихся небольших европейских павез желоб часто глубок, но при этом достаточно узок. Таким образом, можно полагать, что это не основная функция желоба. После практических экспериментов с полномасштабными репликами кавалеристской павезы прояснились некоторые ее возможнос-

ти. Автор этих строк в свое время пользовался во время реконструкции конной сшибки на копьях небольшой кавалерийской павезой. По словам одного из оппонентов, во время сшибки при сильном попадании в павезу «копье вырвалось у него из руки с непреодолимой силой», наткнувшись на выступающий из поля щита желоб. Возможно, именно подобный сюжет – когда один воин практически вылетел из седла и, потеряв стремяна, откинулся навзничь при попадании своего копья в желоб миндалевидного щита противника, изображен на фрагменте собора в г. Клюни (1115–1125) (рис. 5)³³.

Рис. 5

Неглубокий желоб большой пехотной павезы безусловно предназначен для быстрой установки в заградительных целях. Вдетое в желоб через Y-образную рукоять древковое оружие, утвержденное в земле, позволяло быстро установить павезу и разворачивать ее при изменении сектора обстрела.

К сожалению, в нашем распоряжении не осталось ни одного щита с желобом, относящегося к древнерусскому вооружению. Однако у автора статьи появилась возможность осмотреть европейские павезы, хранящиеся в ВИМАИВиВС, и подробным образом изучить их конструктивные особенности³⁴.

Щит-павеза из австрийского замка Верден (рис. 6.1), инвентарный номер 0137/258, имеет прямоугольную, закругленную сверху форму. Вес около 8–9 кг, он слегка деформирован, нижний правый край его отогнут. Высота щита – 114 см. Наружное покрытие представляет собой выкрашенное в зеленый цвет льняное полотно крупного переплетения, абсолютно аналогичное современной плотной мешковине. Изнутри щит обклеен тонкой свиной кожей. Ширина желоба сверху – 150 мм. Длина дуги крыльев ниже скругленных углов верхней

Рис. 6.1

части павезы – 190 и 200 мм. К краям щит подстесан, поэтому толщина по краям неравномерна: от 14 до 11 мм. Плоский желоб расширяется вниз и имеет слегка трапециевидную в разрезе форму. Толщина центральной части желоба около 15 мм. Длина дуги крыльев павезы вниз, до желоба составляет у левого крыла – 180 мм, правого – 200 мм. Глубина желоба наверху – 6 см, внизу всего лишь 2 см. Наверху желоб образует ступеньку для облегчения прицеливания из арбалета или ручницы. Высота щита – 115 см. Ширина павезы наверху – 48 см, внизу – 53 см. Рукоять классической Y-образной формы выполнена из сыромятной кожи и прибита железными гвоздями. Также щит имеет приспособление для крепления плечевого ремня, состоящее из двух П-образных железных скоб, расположенных в верхней части. Внешнее покрытие и особенно внутреннее покрытие щита частично утрачено, вследствие чего можно точно установить конструкцию – она выполнена из дерева, из одного куска (!). Дерево плотное, слегка красноватого оттенка. Судя по плотности древесины

и размеру щита – это дуб, возможно, ольха, из-за красноватого оттенка дерева. Совершенно очевидно, что этот щит – исключительно тяжелое переносное прикрытие для стрелка.

Во многом подобна щиту из Вердена павеза из фондового хранилища ВИМАИВиВС, инвентарный номер 0138/417. Вес щита составляет 9,1 кг. Длина дуги загнутых крыльев в верхней части до желоба – около 200 мм. Длина дуги крыла до желоба в нижней части – примерно 160 мм. Толщина щита везде примерно одинаковая – около 15 мм, кроме боковых стенок желоба, достигающих толщины 20 мм. Желоб вытянутой трапецевидной формы расширяется в нижней части, в разрезе имеет также трапецевидную форму, наверху образуя ступеньку для прицеливания. Его глубина по всей длине достаточно равномерная – около 30 мм, кроме верхней части желоба, образующей, как и в предыдущем щите, изгиб наружу, имеющий глубину около 70 мм. В этом месте желоб достигает толщины 45 мм. В верхней части желоба на расстоянии 32 мм от края прикреплена железная скоба, очевидно, для дополнительной фиксации древка, вдеваемого в желоб, при установке щита на земле. Y-образная рукоять, закрепленная железными гвоздями, выполнена из очень толстой кожи (толщина рукояти в нижней части достигает 10 мм) и располагается на высоте 60 см от нижнего края щита. Этот щит имеет также традиционные П-образные скобки для прикрепления ремней, ширина которых была около 20 мм. На краях щита видны многочисленные кожаные заплаты, наложенные поверх утрат кожного покрытия, заходящего напуском поверх внешнего, тканевого. Напуск кожи выполнен таким образом, вероятно, для некоторого дополнительного усиления краев щита. Кожа внутреннего покрытия тонкая, свиная. Вследствие повреждения покрытия конструкция этого щита доступна для исследования – он выполнен полностью из одной части дерева. Безусловно, этот щит также использовался пешим стрелком.

Павеза, инвентарный номер 0138/148, относится к группе щитов из г. Констанц (рис. 6.2), судя по изображению темно-зеленого креста на белом фоне и растительного узора. Похожие щиты встречаются в нескольких европейских музейных коллекциях. Этот довольно узкий щит прямоугольной формы с скругленными краями, весом всего 4,5 кг, наиболее приближен к выделенной нами категории среднего размера ручных павез. Высота щита – 106 см. Длина дуги крыла наверху – 175 мм, внизу – 130 мм. Ширина крыла наверху в загнутом

Рис. 6.2

состоянии – 155 мм, внизу – 115 мм. Ширина и глубина желоба наверху – около 93 мм и 50 мм соответственно. Толщина желоба неравномерная, по большей части около 8 мм. К краю желоб немного стесан, до 6 мм. Желоб книзу немного расширяется, его толщина в основании – 10 мм. Максимальная глубина желоба в основании – 60 мм. Ширина желоба внизу – 120 мм, толщина – около 10 мм. Ручка необычная, Т-образной формы, из сыромятной кожи, возможно, является поздней реконструкцией. Высота ее установки – 26 см от нижнего края щита. Она составлена из кожи, свернутой и сшитой в трубку, и привязана к трем небольшим железным скобкам П-образной формы. Нежесткая конструкция рукояти исключала любые активные манипуляции из рода ударов щитом – это приспособление служило, в первую очередь, прикрытием от стрел. Наружная поверхность павезы до сих пор несет следы от пирамидальных наконечни-

ков арбалетных болтов или сулиц, некоторые из них пробили дерево щита насквозь. Щит полностью аккуратно обклеен снаружи прокрашенным полотном, изнутри – кожей, и установить его конструкцию при внешнем осмотре невозможно. Судя по отсутствию зазоров, можно высказать предположение о том, что она также изготовлена из одного куска дерева, хотя нельзя исключать вероятность того, что такой глубокий, аккуратно скругленный желоб был выполнен отдельно. Этот щит также имеет приспособления для крепления плечевого ремня: одно в виде П-образной скобки, под которую закреплен заклепкой уцелевший фрагмент ремня, и второе – практически замкнутый крючок с каплевидным основанием, удерживаемый четырьмя гвоздиками. Вследствие своих габаритов и небольшого веса эта павеза является более универсальной и могла использоваться как пешим воином, так и всадником, ее можно соотнести с выделенной нами средней группой.

Как видно из осмотра щитов, они выполнены из одной части дерева, что не всегда характерно для конструкции павезы. На просторах Интернета мне удалось обнаружить и составные конструкции, где желоб был изготовлен отдельно от крыльев павезы, а также составные желобы, выклеенные из частей. Известна павеза без желоба (94 x 60 см), принадлежавшая английскому королю Эдварду III (ум. в 1377 г.), составленная из семи досок с оковкой по краю³⁵. Интересно отметить, что на одной из печатей князя Дмитрия Ивановича (Донского) святой воин опирается на щит похожей конфигурации с настойчиво выделенной двойной окантовкой³⁶ (рис. 2.5).

В заключение можно отметить, что на основании большого количества изобразительных источников, демонстрирующих павезу «миндалевидной» формы и «сердцевидного» щита, можно предположить о долгосрочном существовании на территории древнерусских княжеств модификаций миндалевидного щита, характерного именно для военного снаряжения Древней Руси, и, как следствие – возможно, существовало местное производство подобной самобытной зашитной принадлежности.

Таким образом, на примере использования щита-павезы можно убедиться в достаточно значительной европейской составляющей военного дела на территории древнерусских княжеств в XIV–XV вв.

- ¹ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. I. (XV–XVII). СПб., 1877. С. 177, 179.
- ² Винклер фон П.П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М.: Типография И.А. Ефрона, 1992. 422 с. С. 279–283.
- ³ Арциховский А.В. Русское оружие X–XIII вв. М.: Издание МГУ, 1946. С. 7, 8, 17.
- ⁴ Рабинович М.Г. Из истории русского оружия X–XV вв. ТИЭ. Новая серия. Т I. М.; Л., 1947. С. 68–73.
- ⁵ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Л.: Наука, 1966–1971. Вып. 1–3 (Переизд.: М.: Альфарет, 2006.). С. 33–40; Он же. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1973. С. 43–48.
- ⁶ Плавінскі М.А. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў. Галіяфы, 2013. С. 74–77.
- ⁷ Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 504, 505.
- ⁸ Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 149, 150.
- ⁹ Nowakowski A. Arms and Armour in the Medieval Teutonic Order's State in Prussia // Studies on the history of ancient and medieval art of warfare. Vol. II. Oficyna Naukowa MS LODZ, 1994.
- ¹⁰ Kohlmorgen J. Der mittelalterliche Reiterschild. Historische Entwicklung von 957 bis 1350 und Anleitung zum Bau eines kampftauglichen Schildes. Karfunkel Verlag, 2002. 192 s.
- ¹¹ Рабинович М.Г. Из истории русского оружия X–XV вв. С. 70.
- ¹² Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 16.
- ¹³ Там же. С. 46, 47.
- ¹⁴ Там же. С. 46.
- ¹⁵ Кирпичников А.Н. Археология СССР / Древнерусское оружие: свод археологических источников: в 3 т. Л., 1971. Вып. 3. Е1–36. Доспех, комплекс боевых средств X–XIII вв. С. 36. Рис. 30.
- ¹⁶ М.А. Плавінскі. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў. С. 36.
- ¹⁷ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 47.
- ¹⁸ Колесницкий Н.Ф. Феодалное государство (VI–XV вв.) М.: Просвещение, 1967. С. 89.
- ¹⁹ Henry Skodell, Walsachsen. Schutzausrüstung des 11. Jahrhunderts in Mitteleuropa. Version 05/2008. http://www.reenactment.de/reenactment_start/reenactment_startseite/diverses/kitguide/kitguide.html. Рис. W 2.
- ²⁰ Там же. Рис. P3.
- ²¹ Там же. Рис. E2.
- ²² Там же. Рис. (14) Sogenannte «Temple Pух» (Monstranz). Teil eines Reliquiars. Ca. 1140–1150. Heute Glasgow Museums and Art Galleries, Burrell Collection.
- ²³ Там же. Рис. W3.
- ²⁴ Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику / Исследования и музеефикация древностей северо-запада. Вып. 4. СПб.: Петербургкомстат, 2001. С. 89, 107, 109. Рис. 56.
- ²⁵ Там же. С. 101. Рис. 51.8.
- ²⁶ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 44. Рис. 16.6.

- ²⁷ Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику. С. 101, 102. Рис. 52.1.
- ²⁸ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 43. Табл. «Формы щитов в лицевых произведениях XII–XV вв.».
- ²⁹ Э.С. Смирнова. Культура Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева. Л.: Просвещение, 1967. С. 135, 136.
- ³⁰ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 47.
- ³¹ Там же.
- ³² Nowakowski A. Arms and Armour in the Medieval Teutonic Order's State in Prussia. P. 130.
- ³³ Henry Skodell, Waldsachsen. Schutzausrüstung des 11. Jahrhunderts in Mitteleuropa. Version 05/2008. http://www.reenactment.de/reenactment_start/reenactment_startseite/diverses/kitguide/kitguide.html. Рис. F.
- ³⁴ Пользуясь случаем, автор выражает благодарность канд. ист. наук С.В. Ефимову за возможность осмотреть павезы в ВИМАИВиВС.
- ³⁵ Kohlmorgen J. Der mittelalterliche Reiterschild. S. 118, 119.
- ³⁶ Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику С. 81. Рис. 35.7.

С.М. Пасхин (Санкт-Петербург)

УПРАВЛЕНИЕ СВЯЗЬЮ С 1918 ПО СЕНТЯБРЬ 1920 ГОДА И ПЕРВЫЙ НАЧАЛЬНИК СВЯЗИ КРАСНОЙ АРМИИ

В СООТВЕТСТВИИ с приказом Революционного Военного Совета Республики (РВСР) № 1736/362 от 20 октября 1919 г. было организовано Управление связи Красной армии во главе с начальником связи Красной армии. Первым начальником связи и одновременно комиссаром Управления связи Красной армии был назначен Артемий Мусиевич Любович.

А.М. Любович родился 17 (29) октября 1880 г. в городе Житомире Волынской губернии, в семье старообрядца, строительного десятника (мещанина) Мусия Оверковича и его жены Анастасии Мартыновны Любовичей. У матери Артема была небольшая бакалейная лавка. Корни семьи Любовичей – из России. Как

Рис. 1. А.М. Любович

представители религиозной общины раскольников-беспоповцев Пилиповского договора Любовичи вынуждены были вместе с единоверцами переселиться в конце XVIII в. из России на Волынь, где раскольники скрывались от жестокого преследования и притеснений, которые осуществляла русская православная церковь. Родители

пытались воспитать Артема по-своему, глубоко верующим. Но из-за разницы взглядов на жизнь, благодаря огромному желанию учиться Артем четырнадцатилетним ушел из родительского дома.

В 1894 г. он заканчивает Житомирское двухклассное городское училище (дом сохранился до наших дней – это гимназия № 3 на ул. Котовского), много работает в городской публичной библиотеке. Собственно училище и библиотека – первые и последние университеты будущего начальника связи Красной армии, наркома почт и телеграфов Российской Федерации, заместителя наркома связи СССР, талантливого публициста, редактора дореволюционного журнала «Спутник чиновника», редактора советского журнала «Радио всем» и других специализированных изданий.

Самообразование дало возможность Артему Мусиевичу достичь таких знаний, что он читал после революции доцентский курс «Техника и эксплуатация средств связи» в Московском высшем техническом училище им. Баумана. Хотя в анкетах писал откровенно: образование – начальное. На путь связиста Любович тоже стал в Житомире. Немного поработав плотником, чертежником, он устраивается в почтово-телеграфную контору, которая находилась на бывшей Чудновской улице. Потом в силу столкновения с начальством из-за независимости характера он должен был оставить родной город и устроиться в почтово-телеграфной конторе Киева.

В 1896–1902 гг. он работал телеграфистом в Житомире, затем в Киеве. С 1902 по 1906 г. проходил службу рядовым телеграфистом 2-й искровой роты. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1906 по 1908 г. работал телеграфистом в городе Киеве, с 1908 по 1912 г. – в Бердичеве, а с 1912 по 1914 г. в Белой Церкви. Был сотрудником и редактором журнала «Спутник чиновника». В 1914 г. был мобилизован в армию и

Рис. 2. А.М. Любович. 1915 г.

до 1917 г. служил рядовым шестого железнодорожного батальона (телеграфистом), затем телеграфистом Кронштадтской телеграфной роты. Дослужился до старшего унтер-офицера.

Член РСДРП с 1907 г., в марте 1917 г. вступил в РСДРП(б). В 1917 г. являлся членом Кронштадтского комитета РСДРП(б), председателем Совета солдатских и матросских депутатов, делегатом VII (Апрельской) Всероссийской конференции, членом Петроградского ВРК на Главном телеграфе и комиссаром Кексгольмского резервного полка.

Еще при подготовке к Октябрьской революции большевики уделяли большое внимание вопросам организации связи для управления вооруженными силами восставших. В своей работе «Марксизм и восстание» В.И. Ленин указывал, что необходимо «...мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон...». Захват в первую очередь объектов связи создавал благоприятные условия для управления революционными силами. И вот за два дня до начала восстания, выполняя указания В.И. Ленина, Петроградский революционный комитет 23 октября 1917 г. назначил на объекты связи революционных комиссаров. На телеграф было назначено три человека: А.М. Любович, С.С. Петковский, К.М. Лещинский. А уже 24 октября Ф.Э. Дзержинский передал А.М. Любовичу приказ Военно-революционного комитета занять телеграф, вручив ему мандаты комиссара Военно-революционного комитета и комисара Кексгольмского полка¹. Овладение Центральным телеграфом началось уже в 16.00 24 октября. Контроль над ним был установлен без единого выстрела. Временное правительство к 20.00 направило для усиления караула Центрального телеграфа юнкеров. «Караул уже усилен», – ответил прибывшему во главе юнкеров офицеру А.М. Любович и предложил ему отправиться обратно. Ночью по телеграфу был передан манифест Совета Народных Комиссаров за подписью В.И. Ленина о низвержении Временного правительства и образовании Совнаркома². 25 октября 1917 г., в 22.45 в Смольном открылся 2 Всероссийский съезд Советов, где был сформирован Совет Народных Комиссаров (СНК). Народным комиссаром по Министерству почт и телеграфов был назначен Н.П. Авилов (в апреле 1918 г. его на этом посту сменил В.Н. Подбельский). В коллегию при наркоме вошли пять человек, и среди них А.М. Любович.

После Октябрьской революции А.М. Любович являлся редактором газеты «Известия Кронштадтского Совета». С января по май 1918 г.

Рис. 3. А.М. Любович с семьей. Петроград. 1918 г.

он был председателем Кронштадтского комитета РСДРП(б), а с мая 1918 по октябрь 1919 г. – председателем Всероссийского Союза работников связи.

1918 год. Одновременно с созданием Красной армии появилась необходимость управления и организации связи в ней. Формирова-

ние стрелковых, кавалерийских и других частей и соединений, объединение их в армии и фронты требовало устойчивого, непрерывного и оперативного управления ими. А это было возможно осуществить только при полном использовании всей системы государственной связи и создании специальных подразделений и частей связи в войсках.

При формировании частей и соединений Красной армии стали создаваться отдельные подразделения и части связи. Состав их зависел от выполненных задач, а также от наличия сил и средств связи. Если при формировании частей и соединений Красной армии использовался опыт и организационная структура применения их в царской армии, то в отношении войск связи такого опыта не было. Существовавшие в то время команды, подразделения связи входили в состав инженерных войск и не имели единого руководства. При формировании Красной армии этот недостаток был учтен. 20 апреля 1918 г. был издан приказ Народного комиссариата по военным и морским делам № 294, согласно которому вводился первый в Красной армии штат стрелковой дивизии, в котором имелся отдельный батальон связи, а в полках предусматривались команды связи. Для пехотных бригад отдельных команд и подразделений связи не предусматривалось, по мере необходимости они выделялись из батальона связи дивизии. Командир отдельного батальона связи дивизии одновременно являлся заведующим связью дивизии, а начальник полковой команды связи – заведующим связью полка. Приказом НКВМ № 308 от 26 апреля 1918 г. введен табель к штатам и организационно-штатная структура этого батальона.

Для дальнейшего совершенствования управления и связи 13 ноября приказом РВСР был введен новый штат стрелковой дивизии, где вводился в дивизии батальон связи, в бригадах – рота связи, в полках – команда связи. Командир батальона связи являлся одновременно начальником связи дивизии, командир роты связи – начальником связи бригады, а командир команды связи – начальником связи полка.

Если в тактических звеньях управления в 1918 г. руководство связью сосредотачивалось в руках начальников связи, то в армиях, фронтах и в самой Красной армии не было специальных должностных лиц, ответственных за обеспечение и организацию связи.

В состав оперативных управлений фронтов и оперативных отделов армий входили отделения связи, которые отвечали лишь за до-

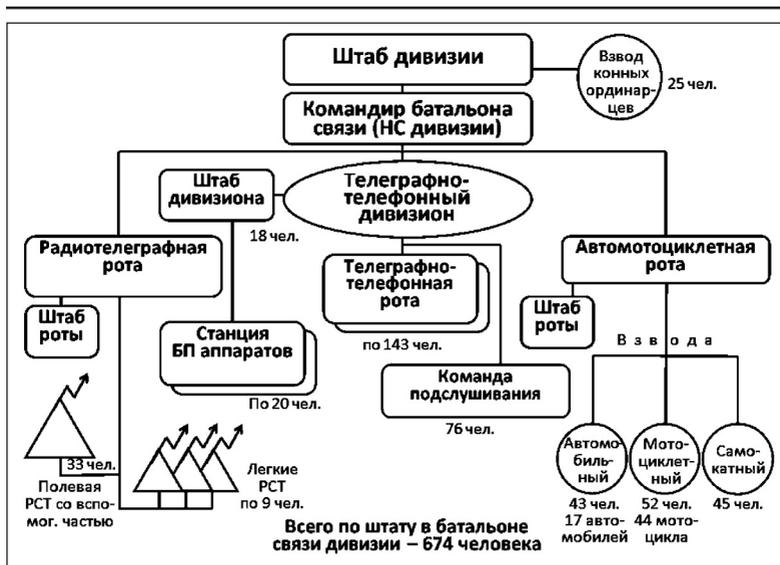

Рис. 4. Схема управления связью дивизии Красной армии

ставку оперативных документов подвижными средствами связи и обеспечивали внутреннюю телефонную связь своего штаба. Начальники отделений не являлись организаторами связи в своих объединениях, а отвечали за проводную телеграфную связь своего штаба с подчиненными и взаимодействующими войсками через полевые телеграфные конторы по постоянным линиям связи, которые находились в распоряжении органов Народного комиссариата почт и телеграфов³ (НКПиТ).

Отсутствие централизованного руководства связью в оперативных звеньях управления негативно сказывалось на управлении войсками.

Оценивая состояние военной связи, Народный комиссар почт и телеграфа В.Н. Подбельский в ноябре 1918 г. писал, что необходимо «немедленно создать тот полномочный орган, который бы имел право диктаторски распоряжаться в вопросах телеграфной, телефонной связи и почтовой связи на фронтах...»⁴. Ознакомившись с письмом В.Н. Подбельского, В.И. Ленин написал на нем следующую резолюцию: «23 ноября 1918 г. в Наркомвоен. Необходимо сегодня в СНК назначить такой центр. Дайте сегодня же своих кандидатов. Ленин»⁵. И уже 26 ноября 1918 г. Совет Народных Комиссаров учредил вы-

сший орган по руководству связью в стране – Верховную комиссию телеграфной связи Республики (Верхкомтель). Данной комиссии поручалось регулировать отношения между тремя ведомствами: военным, почтово-телеграфным и путей сообщения. Комиссия состояла из пяти человек, председателем был назначен В.Н. Подбельский, а его заместителем А.М. Любович.

Главной целью Верхкомтеля являлось обеспечение своевременной связью на высоком уровне всех фронтов для ускорения победы над врагом. В его деятельности активное участие принимал А.М. Любович, который в отсутствие В.Н. Подбельского исполнял обязанности председателя. Приведу пример участия Артемия Мусиевича в работе Верхкомтеля.

24 июня 1919 г. заседание Верхкомтеля проводил А.М. Любович (В.Н. Подбельский был в тот период на Тамбовском участке Южного фронта). На этом заседании было приняты решения: о необходимости создания единого полевого Управления связи; о предоставлении военным властям железнодорожных проводов; о снабжении телеграфным имуществом морского ведомства (Морведа); об упразднении телеграфных станций при губернских и окружных военкоматах; о неправильном направлении телеграфной корреспонденции из полевых контор. Одним из важнейших вопросов, обсуждавшихся на этом заседании, был вопрос о принятии мер к удовлетворению военного ведомства специалистами телеграфной службы. Было принято решение о привлечении к обслуживанию нужд фронта работников служб телеграфа Наркомпути и создании резерва телеграфистов, техников и почтовиков при фронтовых отделах. Отмечалось, что необходимо усилить подготовку техников и телеграфистов из красноармейцев, путем создания по примеру Народного комиссариата почт и телеграфа (Наркомпочтеля) специальных школ Наркомпути.

Вопросы состояния связи неоднократно рассматривались на заседаниях ЦК и Советского правительства.

10 октября 1919 г. Совет рабочей и крестьянской обороны принял решение поручить Реввоенсовету Республики рассмотреть вопрос о состоянии связи и проект положения о центральном управлении полевой связи при Полевом штабе РВСР. Заместитель председателя РВСР Э.М. Склянский и заместитель НКПиТ А.М. Любович доложили Совету рабочей и крестьянской обороны о состоянии полевой связи. Советом было принято решение поручить Реввоенсовету Республики рассмотреть на своем ближайшем заседании проект поло-

жения о центральном управлении полевой связи при полевом штабе РВСР.

На основании этого решения 20 октября 1919 г. был издан приказ РВСР № 1736/362, где было указано «... для объединения всех видов

Рис. 5. Схема управления связью Красной армии

Рис. 6. Схема управления связью отдельной армии

Рис. 7. Схема управления связью фронта

связи Красной армии сформировать в составе Полевого штаба Управление связи таковой во главе с начальником связи Красной армии, а отделы связи в дивизиях и бригадах».

Таким образом, с этого времени служба связи Красной армии получила единое руководство, а войска связи стали самостоятельным специальным родом войск. Начальником связи Красной армии был назначен А.М. Любович, который одновременно оставался на посту первого заместителя Народного комиссара почт и телеграфов республики.

Создание Управления связи Красной армии совсем не означало, что сразу же был положен конец тому хаосу, который в то время существовал в вопросах организации и обеспечения связи в войсках. Потребовалось очень много усилий для наведения порядка и со стороны начальника Управления связи Красной Армии (НУСКА), и со стороны правительства, вплоть до специальных правительственных декретов и распоряжений.

А.М. Любович для ознакомления с состоянием связи в действующей армии, организации войск связи, координации действий военной и гражданской связи часто разъезжал по участкам боевых действий Красной армии, глубоко вникал в состояние связи и принимал на месте самые энергичные и неотложные меры для ее улучшения.

Характерным примером его действий может являться пребывание в ноябре 1919 г. на Южном фронте и принятые им меры по удовлетворению фронта материалами и рабочей силой для восстановления линий связи. В июле 1919 г. решением Пленума ЦК РКП(б) Южный фронт был объявлен главным фронтом республики и представлял собой один из наиболее трудных театров Гражданской войны.⁶ На большом пространстве Южного фронта от 25 до 50 % линий связи было разрушено, а в условиях подготовки к решающему удару по войскам Деникина необходимо было иметь своевременную связь для обеспечения управления войсками Южного фронта. А.М. Любович сообщает начальнику полевого штаба Красной армии, что требования Южного фронта встречали в Управлении связи особо внимательное отношение и удовлетворялись довольно быстро.

Самым трудным вопросом было снабжение действующей Красной армии аппаратами, проволокой и другими материалами для организации связи. Между тем, отправка важных материалов для восстановления разрушенных линий связи задерживалась. В одной из своих депеш А.М. Любович указывает, что, несмотря на распоряжение ЦУП ВОСО о продвижении четырех вагонов (речь идет об отправке из Сызрани в Воронеж проволоки для восстановления линии Воронеж – Ростов) в порядке боевого груза исключительной срочности, эта проволока фактически была отправлена только 29 февраля по вине железной дороги⁷. Несмотря на такие нестыковки, по указанию А.М. Любовича для восстановления разрушенных линий связи за короткий срок на Южный фронт было отправлено по тому времени огромное количество материалов: телеграфных аппаратов Морзе, Юза и Бодо – 125 комплектов; телефонных аппаратов – 3200 комплектов; сухих элементов – 7000, проволоки различной – 18 615 пудов; изоляторов – 27 500; крюков – 27 000.

Как начальник связи Красной армии А.М. Любович неоднократно ставил вопрос о состоянии связи и мерах по ее улучшению на заседаниях РВСР, после его докладов принимались соответствующие меры. Так, 26 декабря 1919 г. на заседании РВСР после сообщения Артемия Мусиевича «Об организации почтового дела в армии» была подчеркнута исключительная важность правильной постановки почтового дела в Красной армии и РВСР обязал Реввоенсоветы, командный и комиссарский состав частей и учреждений армии принять все меры и оказать всемерное содействие по улучшению этого дела в кратчайший срок⁸.

А.М. Любовичем проводилась большая работа по созданию полевых телеграфных рабочих колонн, сыгравших огромную роль в восстановлении разрушенных линий связи. Позднее, в начале 1920 г., полевые телеграфные колонны были переформированы в отдельные телеграфно-строительные роты.

В апреле 1920 года, с нападением на Советскую страну польской армии, остро встал вопрос об улучшении работы связи на Западном фронте. 26 мая Реввоенсовет заслушал доклад начальника связи Красной армии А.М. Любовича «О принятых мерах на Запфронте в отношении обеспечения связью» и принял на основании этого доклада соответствующее постановление. Это способствовало улучшению связи на фронте.

Начальник связи Красной армии особое внимание уделял организации радиосвязи, в связи с тем, что радио начинало приобретать все большее значение во всей системе организации связи как наиболее оперативный род связи. В начале 1919 г. А.М. Любович издал приказ (№ 01 от 02.01.1919 г.) о преобразовании управлений инспекторов радиотелеграфа действующих армий, подчиненных им управлений инспекторов на фронтах и заведующих радиотелеграфом в армиях в радиотелеграфные отделы. Должность инспектора радиотелеграфа действующих армий переименовывалась в должность помощника начальника связи Красной армии по радиотелеграфу. Этим самым как бы подчеркивалось значение, какое придавалось радиосвязи.

На своем посту начальника управления связи Красной армии А.М. Любович принимал энергичные меры по снабжению действующей армии радиостанциями, строительству мощных радиостанций и обеспечению их квалифицированными кадрами. По его указанию в декабре 1919 г. с Восточного фронта и Владимирской базы радиоформирований на Юго-Восточный фронт были переданы четыре радиостанции, а две радиостанции из Симбирска и Уфы в начале 1920 г. переданы на Туркестанский фронт. Огромное значение в стране придавалось строительству новых радиостанций, особенно постройке в Москве в Сокольниках радиостанции для связи с фронтами. В соответствии с постановлением Совета рабочей и крестьянской обороны от 28 марта 1920 г. руководство постройкой стал осуществлять А.М. Любович, как указывалось в постановлении «... для более спешного окончания» ее постройки. В свою очередь, Артемий Мусиевич не упускал из виду строительство новых радиостанций не только в Москве, но и в других городах, таких как Уфимская и Архангельская радиостанции большой мощности.

НУСКА следил за продвижением каждого специалиста связи, лично регулировал направление квалифицированных работников в структуры военной связи и дорожил такими специалистами. Вот только несколько примеров... В 1919 г. украинские товарищи обратились в ЦК, Наркомпочтель и Управление связи Красной Армии с просьбой направить для работы на Украину И.А. Халепского (позднее, а именно с 1920 по 1924 г., он являлся начальником связи Красной армии), который в это время был начальником связи Юго-Западного фронта. Любович сообщил, что он поддерживает Реввоенсовет Юго-Западного фронта, который не считает возможным отпустить товарища Халепского для использования его не для военной, а для общей связи, имея в виду то, что такие специалисты нужны на руководящих постах военной связи. В феврале 1920 г. заболел тифом начальник связи Восточного фронта Н.М. Синявский (впоследствии, с 1924 по 1935 г. он был начальником связи Красной армии). Поезд Н.М. Синявского застрял на станции Нурлат. Любович направил 23 февраля 1920 г. телеграмму Главкому, в которой говорилось о том, что если путь Синявского будет обставлен и далее такими препятствиями, то потеряем этого ценного работника по связи, который крайне нужен.

Артемий Мусиевич проявлял заботу и о семьях погибших или умерших связистов. Так, после смерти в госпитале от тифа сотрудника УСКА И.Т. Художникова он в начале февраля 1920 г. выдал его матери пособие. Материальная помощь была также оказана семье умершего сотрудника телеграфной мастерской Восточного фронта Ф.А. Ивченко.

На своем посту начальника УСКА Любович постоянно проявлял заботу о снабжении фронтов имуществом связи, подвергал уничтожающей критике работу Главного военно-инженерного управления (ГВИУ) и Чрезвычайное Управление снабжения армии (Чусаснабарм) за плохое снабжение фронтов телеграфным, телефонным и радиоимуществом и игнорирование постановлений Совета рабоче-крестьянской обороны (СРКО), о чем он постоянно информировал Председателя СНК и СРКО и предлагал ряд мер по искоренению этого. Так, в докладной записке от 25 мая 1920 г. он приводит вопиющие случаи безответственного снабжения фронтов имуществом связи, указывает на «близорукость», «узость», «бюрократическую ведомственную затхлость» и другие ненормальности органов и лиц в ГВИУ и Чусаснабарме, при существовании которых «правиль-

ная организация связи невозможна». Начальник УСКА предложил поручить Реввоенсовету Республики провести следствие по поводу действий органов и лиц, преступно дезорганизующих связь Красной армии, предоставить начальнику УСКА прав распоряжаться имуществом связи и осуществлять ряд других мер, которые смогут обеспечить своевременное снабжение фронтов. После смерти В.Н. Подбельского в середине 1920 г. А.М. Любович полностью перешел на работу в Наркомпочтель.

Но и после своего ухода с поста начальника УСКА он не прервал связи с Красной армией, с военной работой.

В дальнейшем А.М. Любович занимал следующие должности:

С 1920 года по 1921 г. – исполняющий обязанности народного комиссара почт и телеграфов РСФСР.

С 1923 г. – заместитель наркома почт и телеграфа СССР.

С 1927 по 1928 г. – исполняющий обязанности народного комиссара почт и телеграфа СССР.

1928–1934 гг. – уполномоченный наркомата связи СССР по Дальнему Востоку, Восточной Сибири.

1934–1935 гг. – в распоряжении ЦК ВКП(б).

1935–1937 гг. – заместитель председателя СНК Белорусской ССР и председатель Госплана республики.

Однако его плодотворная деятельность на благо СССР была прервана. 5 июня 1937 г. он был арестован и помещен в Минскую центральную тюрьму. В мемуарах белорусского партийного работника Я. И. Дробинского описаны методы следствия в Минской центральной тюрьме в те годы: «В десять его вновь провели через этот коридор, в эту комнату – но какая разница! Днем это был тихий коридор, тихие кабинеты, в которых аккуратные, прилизанные люди листали папки. Вечером Андрей шел, как сквозь строй, – крики истязаемых, площадная брань истязующих неслись из всех комнат. Где-то промелькнуло лежавшее на полу тело. Андрей увидел побагровевшее знакомое лицо. Это был Любович – старый большевик, заместитель председателя Совнаркома республики, председатель Госплана. Он был в первом правительстве, созданном Лениным в октябре 1917 г. Он вошел туда как зам. наркома связи Подбельского. Он был членом Малого Совнаркома, работал с Лениным. Сейчас он лежал на полу, его хлестали резиной, и он, старый шестидесятилетний человек, кричал: «Мама!» Мгновенье, но оно врезалось в память навсегда»⁹.

Артемий Мусиевич Любович был приговорен 28 июня 1938 г. военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Обвинение: статьи 69, 79, 76 (участие в антисоветских правых организациях, вредительство в промышленности и сельском хозяйстве). Расстрелян в тот же день, похоронен в Минске. Реабилитирован 29 февраля 1956 г. военной коллегией Верховного суда СССР.

Память об Артемии Мусиевиче Любовиче увековечена на мемориальной доске фасада школы № 3 в Житомире 19 апреля 2013 г.

Рис. 8. Мемориальная доска на фасаде школы № 3 в Житомире

¹ Развитие связи в СССР. М.: Связь, 1967. С. 47, 48.

² Почтово-телеграфный журнал. 1918. Октябрь–декабрь. С. 35.

³ История военной связи Российской армии // Под ред. Е.А. Карпова. Т. 2. СПб.:

ВОЛКУС, 1999. С. 42.

⁴ Ленинский сборник. М., 1942. Т. 35. С. 37.

⁵ Там же.

⁶ История военной связи Российской армии. С. 130.

⁷ Костюков А. Начальники связи Советских Вооруженных Сил. Л., 1988.

⁸ Там же.

⁹ Яков Дробинский. Хроника одного следствия (август 1937 – декабрь 1939) гг.). С. 85.

В.В. Пенской (Белгород)

ЧЕРКАССКОЕ «СИДЕНИЕ»

ИСТОРИЯ крымско-литовско-русского пограничья в конце XV – 1-й половине XVI в. еще не написана (впрочем, как и применительно ко 2-й половине XVI в.), хотя отдельные сюжеты и некоторые страницы ее уже были рассмотрены как отечественными, так и зарубежными исследователями.¹ Здесь (как, впрочем, и по многим другим сюжетам истории русской и соседних с Россией государств) по-прежнему остается широчайшее поле для исследований. Повествование о том, как крымский «царь» Саадет-Гирей ходил с ратью на украинный городок Великого княжества Литовского Черкассы зимой 1532 г., как раз и является шагом на пути создания полноценной истории пограничья, контактной зоны, зоны фронта, где сталкивались интересы трех государств и нескольких формирующихся, ищущих свою национальную и иную идентичность культур. Нельзя сказать, что оборона Черкасс зимой 1532 г. от татар совсем уж не привлекала внимания историков. Так, и на Украине, и в Польше в последние годы вышел ряд работ, в которых так или иначе рассматривается эта страница истории крымско-литовско-русского пограничья.² Но, как правило, в этих работах черкасское «сидение» трактуется с сугубо позитивистской точки зрения, описательно, и в контексте крымско-литовских и крымско-польских отношений. Между тем сохранившиеся документы и свидетельства нарративных источников позволяют поместить это событие в общий контекст истории крымско-литовско-русского «фронта» и крымско-литовско-русских отношений.

Начало этой истории можно смело отнести к началу 20-х гг. XVI в., когда подходила к концу очередная русско-литовская (или

1-я Смоленская) война 1512–1522 гг., и когда отношения между союзными прежде Москвой и Крымом прекратились, и постепенно нараставшая взаимная неприязнь вылилась в знаменитый «крымский смерч» 1521 г. Правда, победивший Василия III крымский хан Мухаммед-Гирей I не стал добивать московского великого князя, а предпочел заняться покорением Астрахани, чем вызвал серьезное неудовольствие ногайских аристократов. Ногайские мирзы, всерьез опасавшиеся, что вслед за Астраханью настанет и их черед, в 1523 г. убили Мухаммед-Гирея и опустошили крымский юрт, отплатив тем самым крымцам за те притеснения и беды, которым их подвергли «крымские люди» по воле отца Мухаммед-Гирея Менгли-Гирея I.

Результатом этой смерти и погрома стала долгая, растянувшаяся на без малого полтора десятилетия крымская «замятня»³, в ходе которой в борьбе за власть сошлись сын Мухаммед-Гирея Ислам-Гирей и его дядя Саадет-Гирей. Саадет-Гирей, пользуясь поддержкой Стамбула, сел было на крымском столе, но часть крымской аристократии отказалась признать поставленного турецкою волею хана и встала на сторону Ислам-Гирея. Началась долгая гражданская война, в которой обе стороны отнюдь не стеснялись в средствах (особенно в этом «отличился» Ислам-Гирей) и в которую с удовольствием вмешались, преследуя свои корыстные интересы, Москва и Вильно, попеременно поддерживая то одного, то другого претендента и стоявших за ним татарских «князей, вланов и мурз».

Очередной раунд «замятни» пришелся на весну 1531 г. Дядя и племянник бдительно следили друг за другом, ожидая, кто первым оступится или даст промашку, с тем, чтобы нанести решительный удар по сопернику и прекратить изрядно затянувшуюся и поднадоевшую всем усобицу. Саадет-Гирей, сделавший к тому времени ставку на поддержку со стороны Москвы и опиравшийся на московских «доброхотов» в Крыму, почувствовал, что его положение становится все более и более шатким. Василий III не торопился слать большие поминки, ограничиваясь одними обещаниями да перепиской. Попытки надавить на великого князя литовского Сигизмунда I также успеха не имели – набеги на сигизмундовы владения успешно отражались литовскими пограничными «баронами» (тогда как московские воеводы зимой 1531 г. допустили досадный прокол, позволив царевичу Бачаку разграбить окрестности Одоева⁴).

Опустевшая ханская казна не позволяла Саадет-Гирею поддерживать лояльность примкнувших было к нему татарских аристократов,

и обиженный меньшими, чем ожидалось, размерами присланных из Москвы подарков хан приказал ограбить русского посла С. Злобина. Сделав это, он отправил в Москву гонца с упреками за недостаточные, с его точки зрения, «поминки», оправдывая при этом свои действия по отношению Злобину убийством крымских послов в Москве в 1527 г.⁵

Однако, пока хан размышлял, а попытаться ли снова заручиться дружбой со стороны Вильно, против него созрел заговор. Стоявший во главе влиятельнейшего в крымском юрте рода Ширинов Бахтеяр-мурза и его брат Аулияр-мурза, по сообщению русского посла в Крыму С. Злобина, задумали убить Саадет-Гирея. Так ли это было, или же Бахтеяр-мурзу с братом подставили брат Саадет-Гирея Сахиб-Гирей, вернувший себе звание калги – преемника хана на крымском столе, брат главы рода Ширинов Токузак-мурза и собственный сын Юнус – сегодня уже выяснить трудно. Однако Саадет-Гирей, уверенный в том, что Бахтеяр и Аулияр намерены, устроив переворот, возвести на трон Бачкак-Гирея, а его брата Юсуфа сделать калгой, решил воспользоваться приглашением главы Ширинов посетить его столицу, Старый Крым. Окружив себя османскими янычарами и спahi, взяв с собою артиллерию, хан отправился в гости и на корню уничтожил заговор (если таковой действительно готовился). Исход этой поездки был печален. Бахтеяр, Аулияр, Бачкак и Юсуф были казнены вместе с детьми и теми ширинскими мурзами, кто не успел бежать из города, а Сахиб-Гирей тем временем изгоном напал на ширинские кочевья.⁶

Ислам-Гирей, судя по всему, не стал испытывать судьбу и, опасаясь попасть под горячую руку дяди, бежал в Астрахань.⁷ Правда, там он надолго не задержался (видимо, памятуя о печальной судьбе своего отца) и откочевал со своими людьми в Поле, одновременно попытавшись завязать отношения и с Москвой, и с Вильно на предмет получения убежища и помощи в борьбе с Саадет-Гиреем. Сперва царевич в конце 1531 г. отправил к Василию «князя своего Кудодара Кудьярова сына Бангозина» с посланием, в котором предложил великому князю дать ему «место» в своей земле, а он, Ислам-Гирей, за это согласен считать себя «сыном» Василия и «неотступен хочет быти от великого князя и до своего живота».⁸

Московский великий князь, посчитавший, что лишний татарский царевич, да еще и претендент на крымский стол, никогда не помешает, на просьбу Ислама ответил добром, «пожаловал, и в братстве учи-

нился, и сыном его назвал». Сам же Ислам-Гирей шертовал великому князю в том, что «ему от великого государя и от его сына от князя Ивана Васильевича неотступну быти и великому князю Василию и его сыну Ивану и их украинам лиха никоторого не чинити».⁹

Несколько позже, в самом начале 1532 г., Ислам-Гирей со своими людьми прикочевал под Канев и Черкассы, откуда вступил в переписку с Сигизмундом. Король в феврале 1532 г., обращаясь к панам рады Великого княжества Литовского, писал, что татарский царевич «к нам ся склоняет и пишет до нас, жедаючи о помоч напротивку Садеть-Кирея, цара Перекопського, будучи тое надеи, ажбы мог того стоцца, отчизны свое доити». При этом Сигизмунд указывал, что при Исламе находится московский посол, и московский великий князь одарил бывшего калгу богатыми подарками, и «к нему ся залецает, абы он до него склонность мел».¹⁰

Паны рады оказались перед сложным выбором – на чью сторону встать, поддержать ли им Саадет-Гирея или же принять челобитную его племянника. А пока они решали эту проблему, Саадет-Гирей продолжил ковать железо, пока оно горячо: разобравшись с изменниками, следующим на очереди он поставил племянника, благо он, откочевав из-под Астрахани к Черкассам, оказался в пределах досягаемости. Урядив более или менее внутрикрымские дела, собрав верных ему людей и взяв с собой свою «лейб-гвардию», в начале 1532 г. хан выступил к Черкассам, старостой которых был знаменитый тогда пограничный «барон» Остафий Дашкович.¹¹ Любопытную характеристику дал ему имперский дипломат С. Герберштейн. По его словам, Дашкович был «муж весьма опытный в военном деле и исключительной хитрости» и «неоднократно вступал в сношения с татарами, но еще чаще бивал их...».¹²

Что представляли собой Черкассы и его гарнизон в то время? Увы, сведений об этом не сохранилось, однако сохранилась опись замка, датированная двадцатью годами позже. К тому времени Черкассы были уже перестроены, однако некоторое общее представление о том, что представлял из себя замок, составить все же можно. Итак, рубленный в 1549 г., он был основным, насчитывавшим 4 башни-вежи и 29 крытых городен. Любопытное примечание из описи: согласно ей, «все будованье то замково унижоно; можеть на некоторых местцах человек, на земле стоячи, бланькованья, а подьябытья киемь досягнути». Выходит, что замок был, как говорится, не низок и не высок, и вряд ли в 1532 г. его качество было не в пример лучше

описанного. Да и размерами он был невелик: «просторность замку удож сажон 30, а в поперек оть стены, которая от Днепра, до рову, который теперь в замку, а перво был за стеною старого замку, сажон 17...». ¹³

Правда, не слишком внушительные черкасские фортификации отчасти усиливались расположением замка: «стоит замок тот Черькасский на горе Днепровой, от Днепра болонем три перестрелы з лука», при этом «гора под половиною замка от Днепра висока и прыкра досыть, приступу там нет». Единственное место, откуда можно было приступать к нему – «от поля приступ до замку ровно, яко по столу». ¹⁴

Такое расположение облегчало задачу, стоявшую перед защитниками замка. И снова отметим, что пока сведений о том, сколько именно людей было в распоряжении Дашковича зимой 1532 г., нет. Однако представление о том, каким было вооружение замка и численность его гарнизона, можно составить все по той же ревизии 1552 г. Согласно ней, основу гарнизона составляла наемная пешая драбская рота ротмистра Петра Розбицкого, по штату в сотню драбов «з бубны, з пропоры, зь зброями – в десятку каждомъ по два копийники в зброяхъ, з корды, а з алябартами або з ощепы, а по шести стрельцовъ з ручьницы, з мечи». Помимо этой роты, в замке также находилась наемная же рота самого старосты из «драбов же давнейших», 60 человек, «в десятку в каждомъ по два копийники в зброяхъ зь ощепы, з корды, а по осми стрельцовъ з ручницами з мечи». Кроме того, в замке располагался почт «з бубном и з прапором» самого старосты, 50 «молодцов приездъчих» и 11 местных, черкасских и каневских уроженцев, все «ездно з броной». ¹⁵

Кроме драбов и служилых людей старосты, в гарнизон замка входили также 2 пушкаря: «молодой», минчанин Ворона, «коваль и стрелец з дел добрый, порохи робить, дела оправдуеть и знову ручницы ковати уметь», и ветеран, судя по всему, бившийся еще с Саадет-Гиреем, немец Томас Козел (который обязан был выдавать «на год по 30 куль каменныхъ»). Пушкари эти управлялись с четырьмя «делами» (2 из которых точно прибыли в замок уже после осады) и четырьмя «сарпантынами». Помимо артиллерии, в замку «вогнепальной зброи» было 36 («гакивницъ» и одна неисправная) и еще загадочных 7 «киев железных, што стрелять с них», а также 29 «гаркабузов». ¹⁶

Гарнизон Черкасского замка мог полагаться также в случае нападения неприятеля на помощь 9 местных бояр, которые обязаны были

«служити коньно, збройно», а также на черкасских мещан, также обязанных службою, общим числом 223, и еще 25 городских слуг. Наконец, черкасский староста в 1552 г. мог полагаться также и на «прихожих казаков», коих в зиму 1552 г. было «разомь о польтре-тяста».¹⁷ Таким образом, Дашкович располагал примерно 400–600 бойцами, неплохо (по тем временам и для тамошних мест) оснащенными огнестрельным оружием. И хотя укрепления Черкасс были далеки от совершенства, однако против татарской армии, не умевшей и не желавшей брать укрепленные замки и города правильной осадой, они были, в общем и целом, достаточны.

И в завершение описания черкасских фортификаций скажем еще и о посаде, который находился под замковой горой: «Место сидеть при замьку в острозе. Острогъ справен добре з дерева дубового дилеванемь а кольем тольстым и частым». Перед частоколом острога был «перекопец», но не глубокий, «может конь къ острогу через перекопец доехаты».¹⁸

С какой ратью явился Саадет-Гирей под Черкаussy? На этот вопрос ответить еще сложнее, чем в случае с гарнизоном Черкасс, ибо никаких документов и воинских списков времен Саадет-Гирея (впрочем, равно как и других ханов) не сохранилось. Польский хронист Мартин Бельский сообщал в своей хронике, что Саадет-Гирей явился под Черкаussy в марте 1532 г. (в письме панам рады от 21 февраля 1532 г. Сигизмунд о выступлении Саадет-Гирея еще не упоминает¹⁹) с полутора тысячами турецких янычар и полусотней артиллерийских орудий-«dzial»²⁰ (и вслед за ним эти цифры некритически приводят, к примеру, современные польские и украинские историки²¹). Между тем азовский бегкул Махмуд в 1523 г. сообщал Василию III, что его господин, султан Сулейман, отправляя в Крым садиться на освободившийся «столец» Саадет-Гирея, дал ему в сопровождение 500 «пищальников», «поберечи нового царя, доколе укрепится».²² Поэтому если и было при Саадет-Гирее 1,5 тыс. турок, то это все вместе взятые, и янычары, и спахии султанской гвардии-капыкулу, выполнявшие роль своего рода ханской «лейб-гвардии». Добавим к этому двор самого хана, его вассалов и «полки», выставяемые карачи-беками (род Кыпчаков и Аргынов выставял 3 тыс. всадников, Мангыты – 2 тыс., 5 тыс. – Ширины²³, но на них полагаться из-за недавних событий было нельзя). В итоге хорошо, если в распоряжении Саадет-Гирея было около 10 тыс. «сабель» и «пищалей», причем «сабли», безусловно, численно, и многократно, преобладали над

«пищалими»). Однако очевидно, что ценность конницы при осаде крепости весьма невелика, в особенности если речь идет о коннице татарской – и сам хан не особо желал посылать своих нукеров на стены, а карачи беки уж тем более.

Аналогично и с «царской» артиллерией. То, что у Саадет-Гирея было несколько крупнокалиберных орудий, в принципе не вызывает сомнений: во всяком случае, Дашкович в 1533 г. на сейме в Пиотркуве демонстрировал собравшимся делегатам «wielikie kule od strzelby tatarskiej», собранные в Черкасском замке во время минувшей осады.²⁴ Однако было ли их именно 50 – вот это вызывает серьезные сомнения, поскольку даже в самые лучшие времена ханы не брали с собою в поход такую артиллерию.²⁵ С такой цифрой можно согласиться лишь в том случае, если посчитать в это число всю ханскую «вогнепальную зброю»: от тяжелых орудий, стреляющих теми самыми «великими кулями», до легких фальконетов и затинных пищалей-гаковниц.

Сравнивая силы, которые должны были сойтись в смертельной схватке под невысокими деревянными стенами Черкасс, невольно задаешься вопросом: а действительно ли Саадет-Гирей хотел брать город и замок? Если только не случайность или не внезапность, то на что рассчитывал крымский «царь»? Ислам-Гирей, узнав о том, что его дядя движется с немалой силой на Черкассы, поспешил откочевать на левый берег Днепра²⁶, поближе к владениям Василия III, где он был недосыгаем для крымского «царя». Тем самым один из мотивов, сподвигших хана на такой решительный шаг, отпал. Но, в таком случае, может, Саадет-Гирей решил обезопасить себя со стороны О. Дашковича? Этот мотив более вероятен, учитывая, что казаки, пользовавшиеся покровительством и защитой Дашковича, наносили немалый вред крымскому юрту (а в том самом памятном для крымцев 1523 г. Дашкович вместе со своими людьми и присоединившимся казаками напал и дотла разорил Ислам-Кермен²⁷, крымскую крепость в низовьях Днепра, охранявшую один из стратегических «перевозов» через реку). И вот что любопытно: Василий III знал о намерениях Саадет-Гирея еще в конце 1531 г.²⁸, когда в Москву прибыл ханский гонец с известием о шертовании хана «со всей землей» великому князю и намерении Саадет-Гирея выступить против Сигизмунда. Между тем есть все основания полагать, что в начале 1530-х гг. Василий III намеревался прервать перемирие с Сигизмундом и начать новую войну с ним.²⁹ И, судя по всему, в ско-

лачиваемую московским великим князем коалицию должны были войти молдавский воевода Петр Рареш и крымский хан.³⁰ И тот факт, что Василий одновременно и завязал контакты с Ислам-Гиреем, и приложил немалые усилия для того, чтобы заменить на казанском столе известного своей неприязнью к Москве Сафа-Гирея, двоюродного брата Ислам-Гирея, на другого «царя», настроенного дружелюбно по отношению к Русскому государству, наводит на мысль о том, что опасения Сигизмунда и его советников были совсем небеспочвенны. Атака Саадет-Гирея на Черкассы хорошо укладывается в военные приготовления союзников: хан, отправляясь в поход против Сигизмунда, должен был быть уверен в том, что ни со стороны Ислам-Гирея, ни стороны украинских литовских казаков ему и его юрту не угрожает опасность³¹.

Но вернемся обратно к истории черкасского «сидения». Нет сомнений в том, что приготовления хана и его выступление к Черкассам было заблаговременно обнаружено Дашковичем и его людьми. Черкасский и каневский староста был человек опытный, тертый, как и его служебные люди, не говоря уже о казаках, промышлявших набегами-наездами на татарские кочевья. Из описи Черкасского замка 1552 г., о которой мы уже писали выше, следует, что в обязанности старосты и черкасских бояр и мещан входила организация сторожевой службы в Поле: «повинни черькасцы бояре служити коньно, збройно и ездити с старостою, або и без старосты с служебниками его против людей неприятельских и в погоню за ними. А хотя б и не было слуху о людех неприятельских, одьнакь же, для острожности оть нихь повинни бояре со старостою, або съ слугами его ездити на поле раз, и два, и три на лето». В описи подробно расписывался и порядок сторожевой службы, и расположение застав: «На поли сторожу держѣти повинни, складаючися теж на то вси так бояре, яко мещане часов потребных, кгда на пашни выходят, або кгда ся выстерегають людей неприятельскихъ. А мевають сторожу польную на местах урочистых: на Тясмени у Чигирина в осми милях оть замку, на Голом Тясмени пять миль от замку, на Рдне 5 миль, у Сугарева кургана 6 миль, у Великого кургана 3 мили, на Мостицах 3 мили, на Мошнах 3 мили, або иньде, где бы потреба указывала»³².

Получив известие о приближении татар, Дашкович и его люди, надо полагать, действовали быстро и решительно – народ на границе жил привычный к такого рода событиям, татарская угроза никогда не сходила с повестки дня, потому, надо полагать, такой паники и беспорядка, какое были в Москве 1521 г. (со времен Василия II не ви-

девшей врага под своими стенами), не было. В источниках ничего не сообщается о судьбе черкасского посада, однако вряд ли приходится сомневаться в том, что он был сожжен, мост, соединявший посад и замок, был уничтожен, а собравшиеся в замке бояре, мещане, казаки вместе с гарнизоном и служебными старостами изготовились к обороне. Нет сомнений также и в том, что Дашкович немедленно послал гонца в Киев с сообщением о надвигающейся угрозе и просьбой о помощи.

Сигизмунд, получив неприятную новость, немедленно отреагировал. В письме воеводе виленскому Гаштольдусу он писал, что де «иж тыми разы слухи нас дошли, што ж неприятель наш Саадет-Кирей, царь Перекопский, сам своєю головою и з многими людми войском своим и з делы прышол под замки наши украинные и вже обьлег замок наш Черкасы и старосту Черкасского и Каневского пана Остафя Дашковича на том замку нашом обогнал, и на голову того замку нашого добывает, чога ж Боже ему не поможь».

Время не терпит, продолжал далее король, Дашкевич нуждается в скорейшей помощи («напрутшом ретунке»), потому я, продолжал он, объявляю мобилизацию: «Яко ж росказали есмо воеводичу Троцкому, старосте Браславскому и Веницкому, князю Или Костентиновичу Острозскому (сыну покойного князя Константина Острожского, знаменитого литовского военачальника и победителя татар и москвитов. – *В.П.*) и князю старосте Луцкому и Володимерскому и всим князем и паном земли Волыньское того ж часу на одно месцо до замку князя Илина до Полоного зьехатися и, естли бы они зрозумели, иж бы як могли до замку нашого Киева безпечне пройти, мы велели им до того замку нашого им нарыхлей тягнути и, як могучы, тым замком ретунок чинити». Далее король и великий князь сообщал, что по его приказу разосланы «листы», «аж бы вси князи и панове, и все рыцерство великого князьства нашого Литовского конно а збройно к той послузе нашой ехали и, на которым мейсцы кождый з них маеть бытии, мы велели в тых листех наших на то месцо зоставити»³³. Кстати, заодно Сигизмунду и панам рады представилась и замечательная возможность проверить, как работает установленный майским 1528 г. решением сейма в Вильно порядок мобилизации. Этот документ постановлял, что «иж хто-кольвек маеть людей своих в именьях своих, тот повинен с кождых осми служоб людей ставити пахолка на добром кони, во зброи, з древом, с прапором, на котором бы был панцер, прылбица, меч або корд, сукня цветная, павеза

и остроги две»³⁴. Правда, по опыту предыдущих лет, особых надежд на то, что посполитое рушение соберется быстро и выдвинется на помощь осажденному черкасскому старосте и его людям, было немного. Оставалось рассчитывать, что волынское «рыцерство», а точнее, тамошние паны, сумеют вовремя собрать свои почты и прийти на «ретунок» черкасским сидельцам. До тех же пор, пока они это не сделают, Дашковичу надо было рассчитывать на собственные силы.

Теперь попытаемся реконструировать хотя бы в самых общих чертах хронологию осады. Выше мы уже писали о том, что 21 февраля 1532 г., Сигизмунд, пребывавший в Кракове, еще не знал об осаде Черкас. Также нам известно, что Саадет-Гирей снял осаду, когда к Черкассам из Киева подошла судовая рать³⁵. Днепр в среднем вскрывается под Черкассами 22 марта н. ст., под Киевом – двумя днями позднее, т. е. применительно к реалиям начала XVI в. это будет, в лучшем случае, середина марта. Еще неделю-полторы займет ледоход – следовательно, плавная рать сможет выйти из Киева на помощь Дашкевичу в лучшем случае в 20-х числах марта, а доберется до замка в последних числах месяца или же в самом начале апреля. Длительность «сидения» М. Владимирский-Буданов определяет (без ссылки на источник) в 30 дней³⁶, Мартин Бельский – в 13³⁷, и его сведениям доверия больше (впрочем, нет ничего невероятного и в сроке, указанном Владимирским-Будановым, но об этом чуть ниже).

Итак, нижняя дата, знаменующая начало осады, – конец февраля – начало марта 1532 г., верхняя, когда осада была снята, – конец марта – начало апреля 1532 г. В эти недели, если принять на веру сообщение Бельского, уместились бомбардировка черкасского замка ханской артиллерией, несколько безрезультатных и кровопролитных попыток взять Черкасы штурмом (впрочем, это выглядит сомнительным: с одной стороны, «царский» «наряд» явно не обладал должной мощностью, а его пушкари – надлежащим уменьением, чтобы подготовить атаку ханской пехоты, а бросать в бой свою «лейб-гвардию» и тем более посылать на неразрушенные стены своих нукеров ни хан, ни его «князья, уланы и мурзы» явно не стали бы. Можно с высокой степенью уверенности предположить, что сперва татары попробовали взять Черкасы изгоном, но когда эта попытка провалилась, они окружили город, рассчитывая взять его измором. А пока продолжалось «сидение», осажденные предпринимали вылазки, осаждающие обстреливали замок, а отдельные удальцы с обеих сторон гарцевали под стенами замка, меряясь силой. Да, кстати, учитывая время года,

можно также с уверенностью предположить, что воинники Саадет-Гирея не вели правильную осаду и не занимались всерьез земляными работами – разве что оборудовали позиции для «наряда». И если считать активную фазу осады в две недели (по Бельскому), а последовавшие затем переговоры Дашкевича с Саадет-Гиреем (Бельский сообщает о двух попытках хана вступить в контакт со старостой, и лишь вторая, после того, как стороны обменялись заложниками, имела успех³⁸) заняли еще несколько дней, то, в общем, нет ничего невероятного, что между появлением татар под стенами Черкасс и их окончательным уходом прошло около месяца.

Причина, по которой Саадет-Гирей снял осаду, не добившись успеха, тоже представляется вполне очевидной. Хан не мог позволить себе терять верных ему людей под стенами этого захудалого городишка – даже если бы штурм удался, Дашкович и его люди так просто в плен бы не сдались, и на руинах Черкасс случилась бы немалая резня. И что в таком случае получил бы Саадет-Гирей – руины? Ценность такого трофея явно была несоизмерима с затратами на его приобретение.

И когда не получилось взять Черкассы ни измором, ни хитростью (выманив Дашкевича для переговоров – если верить Бельскому), и когда по Днепру из Киева к осажденным пришел долгожданный «рятунок», да еще пришла распутица, а за несколько недель стояния под Черкассами татары разорили догла всю черкасскую округу, – Саадет-Гирею оставалось только сделать хорошую мину при плохой игре.

Это он и сделал: побратался с Дашкевичем, договорился с ним, что он будет ходатаем по ханским делам перед Сигизмундом, отправил посольство в Краков и повернул назад восвояси. Но расчеты хана на благоприятный исход экспедиции и сохранение лица не оправдались. Неудача под стенами Черкасс дорого стоила ему. Можно предположить, что уцелевшая к тому времени крымская аристократия, добившись от Саадет-Гирея устранения его брата Сахиб-Гирея (последний, оговоривший главу клана Кыпчаков Селимшаха и ряд других князей, был отправлен ханом в Стамбул осенью 1531 г.), намеревалась «царю», лишившемуся поддержки в лице удаленного калги и последних своих сторонников, что его дальнейшее пребывание на троне становится слишком тягостным для крымской «земли». В итоге в мае 1532 г. Саадет-Гирей отказался от власти и уехал в Турцию.

Торжествующий Ислам-Гирей занял было опустевший крымский стол, но затем призадумался. Как писал российский историк

В.Д. Смирнов, «зная связи Сеадет-Гирея в Стамбуле, он (Ислам-Гирей. – В.П.), естественно, думал, что ему даром не пройдет торжество над Сеадетом, тем более, что не все же татары были его сторонниками (в самом деле, если Ислам-Гирей опирался на Ширинов, а его дядя – над тех же Кипчаков и, возможно, Мангытов, то следовало ожидать, что Ширины попытаются взять реванш, а это, естественно, было не по вкусу бывшим сторонникам Саадет-Гирея. – В.П.). Тогда, не будучи уверен в прочности своего положения и не дожидаясь, пока султан предпримет что-нибудь против него, он сам послал султану просьбу назначить ханом в Крым того, кого он хочет»³⁹. После недолго раздумья султан Сулейман I решил, кого ему угодно видеть на крымском столе, и отправил туда обретавшегося под султанской рукой Сахиб-Гирея, вручив тому знаки своего монаршего благоволения: грамоту-маншур, бунчук и барабан. А чтобы у Ислам-Гирея и его сторонников не возникало сомнений относительно того, на чьей стороне его султанское величество, Сахиб-Гирея сопровождал немалый отряд капыкулу. Крымские и османские хронисты писали, что Сулейман передал Сахиб-Гирею ни много ни мало, а 1000 стрелков-секбанов, 300 латников-спахи, 60 пушкарей, не считая прочих, составлявших свиту хана. К тому же султан пожаловал Сахиб-Гирею на содержание всего это воинства еще и немалую сумму так называемых «псарных денег», «секбан акчеси»⁴⁰. Правда, это войско, по замечанию В.Д. Смирнова, выполняло функции не только и даже не столько эскорта хана, сколько конвоя, присматривавшего за тем, чтобы поставленный султанской волей крымский правитель не забывал, кому он обязан властью. Но об этом Сахиб-Гирей узнает позже, а пока он, торжествуя победу, начал обживать в ханской резиденции. Ислам-Гирей был вынужден удовольствоваться статусом наследника-калги и удалиться в Ферах-Керман, где начал вынашивать планы продолжения борьбы за власть. В крымской «замятне» начался новый (и последний) этап, а Василию III пришлось отложить свой план войны с Сигизмундом⁴¹, и, как оказалось – навсегда.

¹ См., например: Каргалов В.В. На степной границе. Оборона «крымской Украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974; Черкас Б.В. Степовий щит Литви. Київ, 2011 и др.

² См., например: Черкас Б.В. Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 63; Он же. Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гирея за владу в 20–30-х роках XVI ст. // Україна

в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). 2000. № 1. С. 109–110; Он же. Степовий щит Литви. С. 125–127; Чухлиб Т. Козаки та яничари. Україна у християнсько-мусульманських війнах 1500–1700 рр. Київ, 2010. С. 80–81; Plewcyński M. Wojny I wojskowość polska w XVI wieku. N. I. Lata 1500–1548. Zabrze, 2011. S. 328–331.

³ Подробнее см., например: Черкас Б.В. Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20-30-х роках XVI ст. С. 97–118.

⁴ Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 256; Разрядная книга (далее РК) 1475–1598. М., 1966. С. 78; РК 1474–1605. Т. I. Ч. II. М., 1977. С. 218–220.

⁵ Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями... С. 255–256.

⁶ Гайворонский А. Повелители двух материков. Т. I. Киев; Бахчисарай, 2007. С. 178–179; Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями... С. 258; Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 59; Черкас Б.В. Політична криза в Кримському ханстві... С. 109; Inalchik H. The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray I // Harvard Ukrainian Studies. Vol. III–IV. Part I. 1979–1980. P. 454.

⁷ Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 114.

⁸ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 278–279.

⁹ Там же. С. 279.

¹⁰ Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. Ч. 8. Т. V. Акты об украинской администрации XVI–XVII вв. Киев, 1907. С. 4, 5.

¹¹ О черкасском старосте см. подробнее: Черкас Б.В. Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 53–67.

¹² Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 455.

¹³ Описание Черкасского замка. 1552 год, февраль–март // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. Ч. VII. Т. I. Акты о заселении Юго-Западной России. Киев, 1886. С. 77.

¹⁴ Там же. С. 78.

¹⁵ Там же. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 79–80.

¹⁷ Там же. С. 81–82, 87–89.

¹⁸ Там же. С. 86–87.

¹⁹ Малиновский И. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901. С. 185–186.

²⁰ Kronika Marcina Bielskiego. T. II. Sanok, 1856. P. 1055.

²¹ См., например: Черкас Б.В. Степовий щит Литви. С. 125–126; Чухлиб Т. Вказ. праця. С. 80; Plewcyński M. Op. cit. S. 328.

- ²² Дунаев Б.И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916. С. 57. Ср.: Inalchik H. Op. cit. P. 459–460.
- ²³ Inalchik H. Op. cit. P. 448.
- ²⁴ Kronika Marcina Bielskiego. P. 1059.
- ²⁵ См., например: Inalchik H. Op. cit. P. 459–460.
- ²⁶ Kronika Marcina Bielskiego. P. 1055.
- ²⁷ См.: Черкас Б.В. Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. С. 60–61; Lietuvos metrika (1506–1539). Kn. 7. Vilnius, 2011. P. 434.
- ²⁸ См.: Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями... С. 261.
- ²⁹ См., например: Кром М.М. Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 13–14, 15–17.
- ³⁰ См.: Малиновский И. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. С. 195.
- ³¹ Примечательно, но в 1533 г. новый крымский хан, Сахиб-Гирей I, собираясь идти в поход на «московского», попросил у Сигизмунда охранную грамоту, «абы им (ханским раям. – В.П.) вольно ходить, Москвы воевать, мимо замки в.м. украинные Черкасы и Канев, а теж бы лист свой дал до старосты Черкасского и Каневского (того самого О. Дашковича. – В.П.), абы им жадная ся шкода не становила от казак-ков...» (Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. Т. II. 1506–1544. СПб., 1848. С. 186).
- ³² Описание Черкасского замка. 1552 год, февраль–март. С. 81–82.
- ³³ Малиновский И. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. С. 186–187.
- ³⁴ Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 523. Кніга публічных спраў 1. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 2003. С. 49.
- ³⁵ Описание Черкасского замка. 1552 год, февраль–март. С. 91.
- ³⁶ Kronika Marcina Bielskiego. P. 1055.
- ³⁷ Акты о заселении Юго-Западной России. С. 93.
- ³⁸ Kronika Marcina Bielskiego. P. 1055–1056.
- ³⁹ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. I. М., 2005. С. 304.
- ⁴⁰ Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. М., 2009. С. 48; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. С. 307.
- ⁴¹ Кром М.М. Стародубская война (1534–1537). С. 16, 20.

Ю.Я. Перевозник (Санкт-Петербург)

**КОНСТРУКТОР ПРОВОДНЫХ СРЕДСТВ СВЯЗИ
И.М. РАСТОКИН
(К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

ВЫДАЮЩИЙСЯ конструктор проводных средств связи Иван Михайлович Растокин родился в селе Полотняном Заводе Медынского уезда Калужской губернии 10 января 1896 г. (28 декабря 1895 г. по старому стилю) в семье служащего небольшого пенькопрядильного предприятия.

Начальное образование он получил в Полотнянозаводском двухклассном училище. Среднее – в Калужском реальном училище, по окончании которого в 1915 г. поступил в Петроградский лесной институт. С первого курса, по мобилизации студентов, в марте 1916 г. был призван на военную службу.

После 1,5 месячной службы солдатом в 6-м запасном саперном батальоне (г. Петроград) был направлен в Школу прапорщиков ин-

Рис. 1. 6-я рота 1-го запасного телеграфного батальона на учениях. Москва, Сокольники. 1917 г.

женерных войск, по окончании которой, в звании прапорщика, с 1 января 1917 г. служил младшим офицером: сначала в 1-м запасном телеграфном батальоне (г. Москва, Сокольники); затем в телеграфной роте 4-го Сибирского инженерного полка (4-й Сибирский корпус 6-й армии) на Румынском фронте до конца марта 1918 г., командуя шестовым и кабельным отделениями телеграфной роты. В марте 1918 г. был демобилизован и возвратился домой в Полотняный Завод.

Службу в Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) Иван Михайлович начал с августа 1918 г., добровольно вступив в ее ряды в Калуге, и был назначен в инженерный батальон Калужской пехотной дивизии на должность командира саперной роты.

После расформирования инженерного батальона получил назначение в батальон связи 8-й стрелковой дивизии командиром кабельного отделения и в составе этого батальона в январе 1919 г. прибыл на Западный фронт (против белополяков).

С апреля 1919 по август 1920 г. командовал отдельной ротой связи 3-й бригады 8-й стрелковой дивизии, исполняя одновременно обязанности начальника связи бригады. В составе этой бригады участвовал в боях против белополяков и, в частности, июльско-августовском наступлении 16-й армии на Варшаву в 1920 г.

Рис. 2. И.М. Растокин – командир кабельного отделения батальона связи 8-й стрелковой дивизии. Ноябрь 1918 г. Москва

После окружения бригады превосходящими силами противника и неудачных попыток прорыва 20 августа 1920 г. Иван Михайлович был взят в плен поляками и пробыл в различных лагерях до конца июля 1921 г.

С августа 1921 по март 1927 г. учился в Военной электротехнической академии (ВЭТА) в Сергиевом Посаде (в 1927 г. – Военное отделение при Ленинградском электротехническом институте им. В.И. Ленина).

Интересен факт из биографии Ивана Михайловича. Для разработки индукторных коммутато-

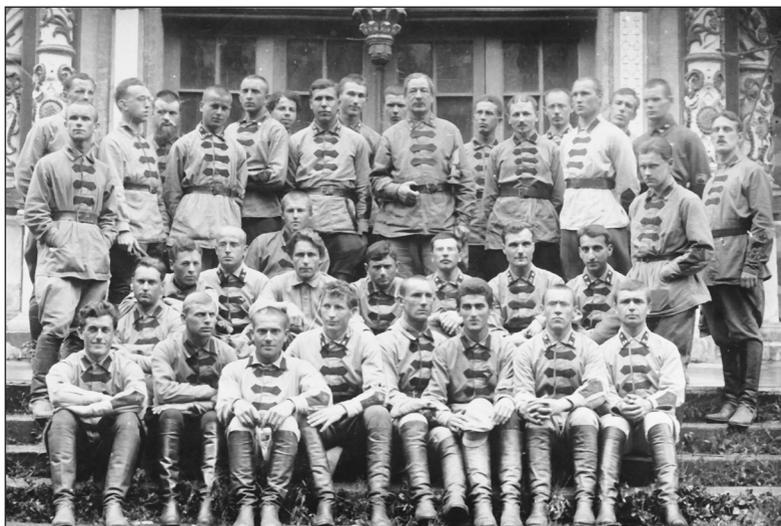
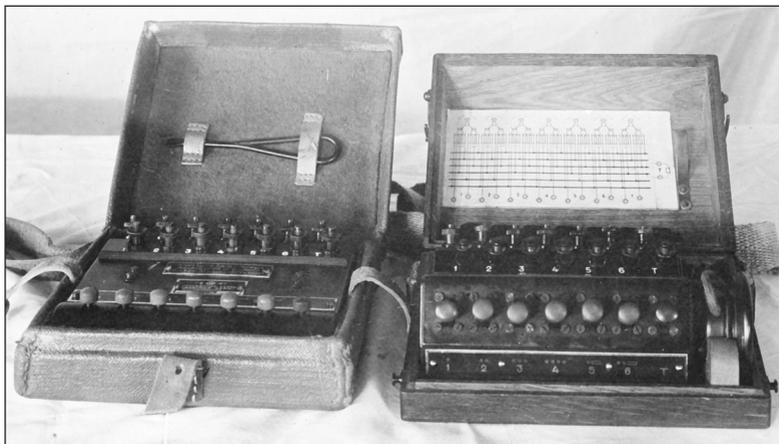

Рис. 3. Военная электротехническая академия. Слушатели 1 курса. Сергиев Посад. 1923 г.

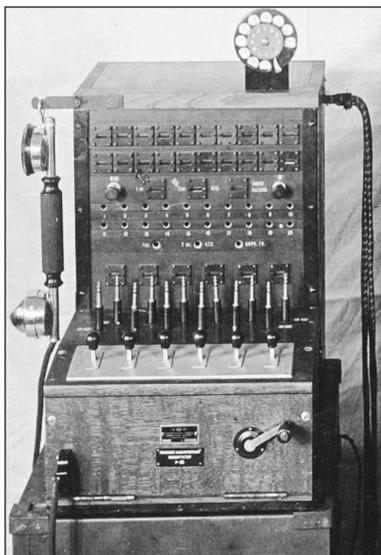
ров в Научно-испытательном институте связи (НИИС) РККА было принято решение использовать идею, принятую в германской армии. Там основой был коммутатор на десять номеров, из которого, путем составления блоков, мог образовываться коммутатор на шестьдесят номеров. По предложению начальника телефонно-телеграфного отдела НИИС А.Г. Эльсница эта идея была дана для проверки в качестве дипломной работы в ВЭТА. Ее разработал выпускник 4-го выпуска академии И.М. Растокин. Дипломный проект Растокина был рассмотрен и одобрен на заседании Технического совета Военно-технического управления (ВТУ) РККА весной 1927 г.

После окончания академии И.М. Растокин поступил в телефонно-телеграфный отдел НИИС, где и приступил к дальнейшей разработке принципиальной схемы и конструкции индукторного коммутатора на шестьдесят и двадцать номеров, которые могли спариваться и образовывать станцию на 120 и 40 номеров. Разработанные И.М. Растокиным и А.Г. Эльсницей образцы получили наименование Р-20 и Р-60 и предназначались для телефонных станций высших штабов от дивизии до фронта включительно¹.

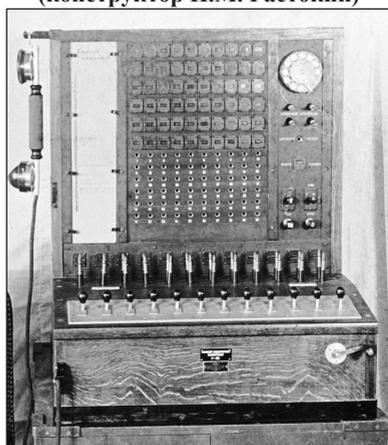
В 1927–1928 гг. для полка и дивизии был разработан фонический коммутатор на 12 номеров, получивший наименование РЭ-12.

**Рис. 5. КОФ-28. Коммутатор
облегченный фонический на
6 направлений, обр. 1928 г.
(конструктор И.М. Растокин)**

**Рис. 4. Р-20. Коммутатор
индукционный для УС
стрелковой дивизии на 20 номеров
(конструктор И.М. Растокин)**

**Рис. 6. Р-60. Коммутатор
индукционный для УС корпусов,
армий и выше на 20 номеров
(конструктор И.М. Растокин)**

С мая 1927 по февраль 1945 г. Иван Михайлович работал в НИИС РККА, занимая последовательно должности старшего инженера, инженера высшей квалификации, начальника лаборатории, начальника

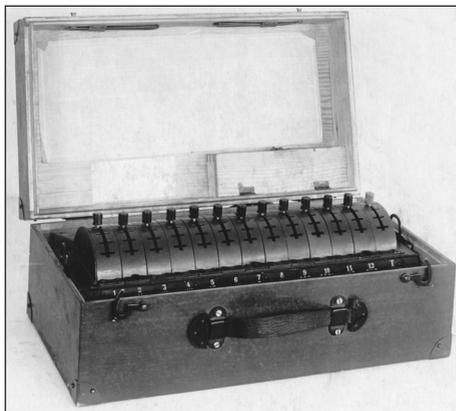

Рис. 7. РЭ-12. Коммутатор фонический на 12 направлений, обр. 1928 г. (конструкторы И.М. Ростокин, А.Г. Эльсниц)

телеграфно-телефонного отдела и, наконец, главного инженера института по проводным средствам связи.

Иван Михайлович лично разрабатывал образцы телефонных станций и коммутаторов, самолетных и танковых переговорных устройств, испытательной аппаратуры. Руководил разработками и усовершенствованием образцов других проводных средств связи: военно-полевые кабели; аппаратура дальней связи; телеграфные и

Рис. 8. 4-й отдел НИИС РККА, январь 1933 г. Москва, Сокольники (И.М. Ростокин – второй слева во втором ряду)

Рис. 9. Испытание самолетного переговорного устройства. И.М. Растокин. 1934 г.

кроссовые коммутационные устройства; подвижные узлы связи; средства механизации линейных работ и др., многие из которых были приняты на вооружение и снабжение нашей армии.

В период Великой Отечественной войны Иван Михайлович работал до февраля 1945 г. в НИИС РККА в должности главного инженера института, выезжая неоднократно на различные фронты в командировки. А с марта 1945 г. был назначен в 40-ю армию на должность заместителя начальника связи армии и в этой должности, в составе войск 2-го Украинского фронта, участвовал в боевых действиях против немецко-фашистских войск на территории Венгрии и Чехословакии до конца войны.

В конце июня 1945 г. Иван Михайлович был направлен на работу в штаб Советской военной администрации в Германии (СВАГ) (г. Берлин), где проработал до января 1950 г. в должности начальника отдела городских телефонных связей и АТС Управления связи СВАГ. В этот период основными направлениями работы Ивана Михайловича являлись: контроль и руководство деятельностью немецких органов связи, а также органов связи СВАГ в землях Советс-

Рис. 10. Пропуск на имя Растокина И.М. 23 мая 1943 года

кой зоны оккупации Германии в области городских и учрежденческих телефонных станций, учет количественного и качественного состояния этих связей; сбор, обработка и анализ статистических и технико-экономических сведений, характеризующих состояние местных связей в Германии; определение уровня телефонизации и объема средств, подлежащих восстановлению, строительству, использованию, консервации и демонтажу; наблюдение за правильностью использования и качеством эксплуатации станций; представительство и участие в работе в органах Союзного Контрольного Совета в Германии, разработка и подготовка различных материалов и документов по вопросам, обсуждавшимся в органах Контрольного Совета.

Рис. 11. И.М. Растокин. 1947 г.
Берлин

В январе 1950 г. Иван Михайлович возвратился из Германии в Советский Союз и получил назначение в Научно-технический комитет (НТК) войск связи, где проработал непрерывно по март 1955 г. сначала в должности начальника отдела, а последние 2,5 года в должности заместителя начальника НТК по проводным средствам связи.

Основные направления работы в НТК: составление планов-заказов промышленности на разработку новых образцов техники проводной связи для Советской армии; рассмотрение планов научно-исследовательских и опытных работ Института связи и Академии связи; рассмотрение и приемка технических проектов на разработку новых образцов; организация и проведение государственных испытаний и участие в заводских испытаниях новых опытных образцов; рассмотрение, анализ и заключение по материалам государственных и войсковых испытаний и представление новых образцов на вооружение или снабжение; разработка проектов системы вооружения Советской армии средствами проводной связи и т. д.

В марте 1955 г. Иван Михайлович вышел в запас по выслуге лет.

За заслуги перед Родиной И.М. Ростокин награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы» и многими другими.

Литература

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС):

фонд 10 р – фонд военного музея при Военной Краснознаменной академии связи имени С.М. Буденного за 1926–1961 годы;

фонд 57 р – личный фонд Эльсница А.Г.;

фонд 58 р – личный фонд Ростокина И.М.;

фонд 61 р – фонд Центрального научно-исследовательского испытательного института связи за 1930–1987 годы.

2. Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие / под ред. О.Д. Бакланова, О.К. Рогозина. Изд. 2-е. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2013. С. 563–606.

3. Ростокин И.М. Развитие техники проводных средств связи Советской Армии за пятьдесят лет // Очерки по истории войск связи. М.: ВНО при ЦДСА им. М.В. Фрунзе, 1969. Вып. 1. С. 51–60.

4. Алексеев Т.В. Разработка и производство промышленностью Петрограда-Ленинграда средств связи для РККА в 20-30-е годы XX века. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2007.

¹Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57р. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–10.

Е.П. Петрова (Владимир)

**ЭКСПОНАТЫ МУЗЕЯ 9-го ГРЕНАДЕРСКОГО
СИБИРСКОГО ПОЛКА В СОБРАНИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

СОСТАВНОЙ ЧАСТЬЮ коллекций большинства музеев исторического профиля являются памятники военной истории. Среди них есть и такие экспонаты, чья история началась более века назад в коллекциях войсковых музеев. С момента учреждения полков при них концентрировались различные предметы, связанные с их жизнью в военное и мирное время: регалии, оружие, обмундирование, трофеи, художественные произведения. Первоначально они хранились в церквях, цейхгаузах, казарменных помещениях. На рубеже XIX–XX вв. многие воинские части отмечали свои юбилеи. В процессе подготовки празднования юбилея проводилась большая работа по составлению «хроники» полка, созданию музея. Полковые музеи – уникальное явление в русской армии. Их деятельность была краткой, но яркой страницей в отечественной истории.

В собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранятся реликвии двух старейших русских полков – 9-го Сибирского и 10-го Малороссийского гренадерских¹.

Оба они входили в состав 3-й гренадерской дивизии, с 1893 до 1903 г. и с февраля 1913 по апрель 1917 г. дислоцировались во Владимире. Сохранившиеся архивные материалы и газетные заметки начала XX в. позволяют воссоздать подробности общественной и культурной жизни двух гренадерских полков в губернском Владимире: военные парады, балы, танцевальные, музыкально-карточные, детские вечера в офицерском собрании Сибирского полка. Оркестр Малороссийского полка играл в городском парке, сопровождал спектакли гастролирующих во Владимире театральных трупп².

Юбилеи самих полков были важными событиями в жизни города. 24–26 июня 1900 г. во Владимире был пышно отмечен 200-летний юбилей 9-го гренадерского Сибирского генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича полка. Приготовление к празднованию началось задолго до него. На полковые деньги отремонтировали помещение церкви, обновили церковную утварь, привели в порядок гарнизонное кладбище. За месяц до юбилея были разосланы приглашения «всем бывшим и доселе здравствующим Сибирцам», а за три недели – «всем городским властям и высокопоставленным лицам»³. Здание Офицерского собрания было вновь окрашено, задрапировано, украшено портретами императоров, шефов и командиров полка, бригады и начальников дивизии. Здесь же, как сообщали «Владимирские Епархиальные Ведомости», «на 4 целлулоидных досках золотыми буквами была означена по пятидесятилетиям краткая хроника полка, военные действия, отличия и награды, полученные им. На пятой доске, обложенной малиновым бархатом, помещены медали, увековечившие дела Сибирцев против неприятеля, в ряду других русских войск»⁴. На уникальной фотографии из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника запечатлены экспонаты музея 9-го гренадерского Сибирского полка, представленные на юбилейной выставке 1900 г. Среди них – изображение первого знамени полка, с которым он принял свое первое крещение под Нарвой. Фрагмент полотнища знамени полка полевой пехоты (обр. 1700 г.) хранится в музейном собрании. Свое последнее знамя – Георгиевское юбилейное (обр. 1883 г.) полк получил в 1900 году во время празднования 200-летнего юбилея. 25 июня состоялась торжественная церемония прибивки знамени к древку. На той же фотографии запечатлен сохранившийся редкий документ, связанный с последним знаменем полка, – Акт освящения нового Георгиевского знамени, пожалованного 9-му гренадерскому Сибирскому полку, 25 июня 1900 г. Пять двойных листов плотной бумаги, украшенные золотыми рамками, вклеены в твердую обложку красной кожи с золотой тисненой надписью. На первой странице – типографский текст золотого цвета, на четырех страницах – подписи генералов, капитанов, поручиков, архимандрита, полкового священника, врача и других лиц, присутствовавших при освящении знамени.

Через два года, в ноябре 1902 г., в здании Владимирского дворянского собрания была организована выставка из экспонатов полкового музея, посвященная 25-летию юбилею взятия Плевны.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была особенно памятна для сибирских гренадеров. В бою под Плевною 28 ноября 1877 г. «им первым пришлось принять и отражать натиск 40 000 армии Османа-паши, и на штыках гренадер сломилось последнее усилие врага... В одном только сражении был в ту войну полк, зато сражение это не имело себе равных и покрыло полк славою на вечные времена»⁵. В июне 1878 г. трем батальонам были пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «За разбитие и пленение турецкой армии под Плевною 28-го ноября 1877 года», находящиеся сегодня в собрании музея-заповедника.

На сохранившейся фотографии запечатлен стенд юбилейной выставки с именами генералов и офицеров 9-го Сибирского и 10-го Малороссийского гренадерских полков, раненых и погибших в битве под Плевной. Под геральдическим щитом с надписью: «Плевна / 1877–1902 / 28 / ноября», помещено увеличенное изображение медали «В память русско-турецкой войны 1877–1878», выставлено оружие того времени: шашки, тесаки, винтовки со штыками. Тесак пехотный солдатский (обр. 1848 г.) с клеймом 9-го гренадерского Сибирского полка на крестовине: «9. Г. С. П. № 77» и датой: «1865» экспонируется в Военно-исторической экспозиции музея-заповедника в Золотых воротах.

В 1918 г. музеи войсковых частей, ставшие непременной составной частью полков и одной из воинских традиций русской армии, прекратили свое существование вместе с роспуском армии. Предметы из полковых музеев поступали в государственные музеи.

17 мая 1918 г. Владимирский губернский исполнительный комитет Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов признал «музей и имущество 9-го гренадерского Сибирского полка исторической ценностью» и постановил передать их в губернский комиссариат просвещения для передачи в археологический музей»⁶. Комиссариат народного просвещения поручил членам Комиссии по охране памятников старины и искусства «принять военный музей и ценные вещи офицерского собрания 9-го Гренадерского Сибирского полка для перенесения их во Владимирский исторический музей»⁷. Большая часть предметов из полкового музея была передана в исторический музей в 1918 г. В сентябре председателем Смешанной ликвидационной комиссии и бывшим хранителем полкового музея Х.В. Медведковым была составлена «Опись вещей, принадлежащих 9-му гренадерскому Сибирскому полку, находящихся в полковом

музее и переданных во Владимирский губернский Комиссариат народного образования»⁸. Хризотель Владимирович Медведков (1863–19?) – уроженец Орловской губернии. После окончания Александровского военного училища служил в Царскосельском пехотном полку, в 1892–1907 гг. – в 9-м гренадерском Сибирском, вышел в отставку по болезни в чине капитана. Преподавал живопись, лепку и прикладное черчение в духовном училище, одновременно был хранителем музея 9-го гренадерского Сибирского полка⁹.

Первыми в «Описи» значатся 32 знамени – самые важные реликвии полка. В настоящее время в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника 30 знамен 9-го Сибирского гренадерского полка XVIII – начала XX в. Первые знамена полка были с изображением герба Сибирского царства. Полковой герб, вышитый на красной ленте, и «полковой герб, рисованный в краску», отмеченные в «Описи», сегодня находятся в собрании музея-заповедника. Сохранились также шесть Александровских лент, «четыре перевязи из георгиевских лент с серебряными кистями», числящиеся в описи.

Свидетелем славного боевого пути полка служила «Коллекция медалей и отличий, полученных полком с 1700 по 1913 год (в раме за стеклом)»¹⁰. О ней мы можем судить по фотографии 1900 г., где представлено около пятидесяти предметов: медали за осаду и взятие Нарвы, Шлиссельбурга, Риги, Ревеля, за победу в Полтавской битве, за мир с Портою, войну с Пруссией, за взятие Парижа, штурм Варшавы, поход в Венгрию, усмирение Польского мятежа, георгиевские кресты 1812 года, медали за Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Нижний ряд занимают медали «За усердие» в служении императорам Александру III и Николаю II. Сегодня в музейном собрании хранится часть перечисленных медалей, нагрудные знаки 9-го гренадерского Сибирского полка для офицеров, для солдат и унтер-офицеров, учрежденные в память 200-летия наименования полка Сибирским.

В музее собирались и хранились документы по истории полка. В «Описи» числились пять грамот на знамена, «папки с материалами для истории полка». Сохранилась «Карта сражений, походов и передвижений 9-го Гренадерского Сибирского полка с 1700 по 1900 год», составленная «по официальным источникам» в 1900 г. капитаном полка С.Ф. Пашковским. На карте размером 140×180 см красным цветом обозначены места сражений, где принимал участие полк, и пути его следования. О «боевом братстве» гренадеров двух полков во время Русско-турецкой войны рассказывается в Приветственном

адресе гренадеров 10-го Малороссийского полка сибирцам в память 200-летия наименования полка Сибирским в 1908 г. В нем упоминается битва под Плевной, во время которой оба полка до прихода помощи «долго сдерживали турецкий поток», «побратались... на поле, залитом общей кровью». Документ стал одним из экспонатов Исторического музея, посвященных истории двух полков. С событиями Русско-турецкой войны связан еще один предмет из собрания музея-заповедника – папка от адреса гренадеров 1-й бригады 3-й Гренадерской дивизии командиру 1-й бригады генерал-майору Павлу Николаевичу Сорокину. На бархатной обложке с серебряной рамкой сохранилась часть надписи из накладных букв: «1877 / Любимому нашему начальнику Павлу Николаевичу Сорокину...»

Хроника полка иллюстрировалась фотографиями. Сохранилась фотография казарм полка, сделанная в дни празднования 200-летнего юбилея. На снимке – два казарменных кирпичных корпуса, соединенные в виде буквы «Г». Перед ними был устроен навес, украшенный зеленью, гирляндами, щитами, вымпелами и флажками. На одном из щитов надпись: «200 лет». В «Описи» 1918 г. сообщалось о 46 «портретах командиров в рамках различных размеров», в «Описи вещам из музея бывшего 9-го гренадерского Сибирского полка, из 10-го Малороссийского полка» 1920 г. перечислено тридцать портретов командиров полка, начальников 3-й гренадерской дивизии, куда входил полк¹¹. Сохранился портрет полковника В.В. Внукова, выполненный в фотоателье Я. Мелехова во Владимире, портрет генерал-лейтенанта Л.В. Гапонова с дарственной надписью черными чернилами на паспарту: «Въ знакъ признательности и уваженія ко всѣмъ чинамъ доблестнаго 9-го Гренад. Сибирскаго полка отъ бывшего Начальника дивизіи Генерал-Лейтенанта Гапонова. 10 июля 1905 г.»

Из военного снаряжения в полковом музее находились образцы патронов к винтовкам Крнка, Бердана, Мосина, стаканы и осколки снарядов, «латы кавалерийские». Очевидно, к трофеям относятся: «офицерский ранец австрийского образца» (ранец патронный, обр. 1888 г.), «каска германская» (прусская пикельхельм начала XX в.). Часть сохранившихся предметов представлена в музейных экспозициях.

Кроме знамен и наград, об участии полка в различных сражениях напоминали художественные произведения батального жанра. В собрании музея-заповедника две гравюры XVIII в., посвященные

Полтавской битве: цветная – неизвестного художника, и черно-белая – Ш.-Л. Симоно. Войне 1812 г. посвящены гравюры XIX в.: «Освободители Европы» Д. Бергера, «Битва при Москве-реке, взятие Большого редута» Н. Леконта, с надписью под изображением: «9-му Гренадерскому Сибирскому полку Викторъ Сичковски (?) дер. Хмълевице въленск (?) Губерніи. 11/24 Апреля 1915 г.» На обороте двух гравюр сохранились бумажные наклейки исторической комиссии 9-го Гренадерского Сибирского полка с записью хранителя музея Медведкова о приобретении гравюр полком в 1900 г. и передаче на хранение во Владимирский исторический музей 15 августа 1918 г. В собрании музея-заповедника хранятся гравюры 1845 г. с портретами героев 1812 г.: Михаила Николаевича Рылеева, Алексея Николаевича Бахметьева. Под гравюрой 1848 г. с изображением портрета генерал-лейтенанта Сергея Федоровича Желтухина, который был командиром Сибирского полка в 1808–1809 гг., сохранилась запись от руки черными чернилами: «Въ полковой Музей 9 гренад. Сибирскаго полка от Капитана 12 гренад. Астраханскаго полка А.Е. Солюха 1911 года».

В числе подношений от шефов и высочайших особ, подарков от офицеров были художественные, мемориальные и исторические предметы. В музейном собрании – бронзовые бюсты Николая I, Александра II. На золоченом пьедестале бюста Николая I сохранилась бумажная наклейка с печатным текстом: «9-го Гренадерского Сибирского полка». «Портреты лиц бывшей царской династии» из полкового музея: Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Александра I, – украшают музейные экспозиции. Золотой аксельбант с мундира шефа полка Николая Николаевича Старшего представлен в Военно-исторической экспозиции в Золотых воротах.

Делом чести офицерского собрания каждого полка было написание истории воинской части. Создавались специальные исторические комиссии из наиболее образованных офицеров для составления полковой истории. Сегодня в музейном собрании хранятся книги по истории полков: Луганин Ф.И. «Краткая история 9-го гренадерского Сибирского полка. 1700–1889». Тамбов, 1889; Правиков Р.И. «Краткая история 10-го гренадерского Малороссийского полка». Моршанск, 1889. В 1908 г. во Владимире была издана «Краткая историческая юбилейная памятка для нижних чинов 9-го Гренадерского Сибирского Генерал-Фельдмаршала Великого Князя Николая Николаевича полка», составленная капитаном полка Л.А. Болдоком. Одним из обязательных от-

делов полкового музея была библиотека. Там хранились издания, взятые из офицерского собрания книг полка, имевшие непосредственное отношение к его истории¹². В библиотеке музея были книги по истории еще двух полков, входивших в состав 3-й грендерской дивизии: Шавров К.Р. «Краткая история 11-го грендерского Фанаторийского генералиссимуса князя Суворова полка». Рязань, 1889; Саранчев Е. Е. «12-й грендерский Астраханский Его Величества полк в походно-боевой службе царю и Отечеству». 1889. На отдельном стенде в музее хранились «патриотические издания (из военной были)»¹³.

В декабре 1918 г. бывший хранитель полкового музея Х.В. Медведков в письме на имя заведующего Владимирским историческим музеем просит принять на хранение в музей вместе с вещами бывшего 9-го грендерского Сибирского полка 32 тетради «сброшюрованных приказов по полку с отчетом для истории о боевой деятельности», два снимка воздушной разведки, 85 коробок негативов «со снимков боевой жизни полка»¹⁴. Позднее в описи «Военного отдела» Владимирского музея числились 85 коробок «негативов со снимками из боевой жизни 9-го грендерского Сибирского полка в Русско-германскую войну 1914–1916 гг.»¹⁵, 32 тетради «Приказов по полку за время войны 1914–1916 гг.» были сданы в губернский архив.

Летом 1919 г. отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса собирал сведения о «музеех старой армии» в губерниях, чтобы «принять необходимые меры по их охране и учету»¹⁶. В ответ на запрос Владимирский подотдел по делам музеев сообщил, что «во Владимире музеев бывших полков старой армии нет, так как музеи и библиотеки квартировавших прежде во Владимире старых грендерских полков – 9-го Сибирского и 10-го Малороссийского были переданы в мае месяце 1918 года на хранение во Владимирский историко-археологический музей, где до сих пор и находятся»¹⁷.

Последние экспонаты полкового музея были возвращены в 1920 г. из Народного банка: «серебряное вызолоченное блюдо», поднесенное 9-му грендерскому Сибирскому полку «после возвращения его в Тамбов после войны 77–78 гг. Вес 4 у., 60 з.» и «серебряная вызолоченная группа, изображающая скалу, на которой расположено 5 фигур сибирских грендер в формах пяти эпох (Петр I, Александр II, Павел I, Николай I и Екатерина II)»¹⁸. Позднее в собрание Владимиро-Суздальского музея-заповедника поступили документы

и предметы бывших грендеров: штабс-капитана 9-го Сибирского полка Т.Д. Журбы, офицера 10-го Малороссийского полка Е.И. Андреева и др.

Подводя итог, можно сказать, что музей 9-го Сибирского грендерского полка отвечал типовой модели организации войскового музея начала XX в.: «экспозиция музея представляла собой несколько витрин и шкафов, хранивших коллекции и мемориальные вещи. На стенах музейных залов висели портреты правившего императора и командиров, служивших на протяжении всей истории существования полка, а также картины, на которых были изображены наиболее значимые события его боевого прошлого. В специально оборудованных стойках хранились полковые знамена и штандарты»¹⁹. В то же время полковые музеи отличались друг от друга. Это зависело от боевого пути, который прошел полк за время своего существования. В музее 9-го грендерского Сибирского полка хранились ценные экспонаты по двухвековой истории своего полка и военной истории России. К сожалению, не удалось проследить судьбу всех реликвий полкового музея, перечисленных в «Описях» 1918–1920-х гг.²⁰. В процессе исследования удалось установить, что из 250 предметов полкового музея в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника хранится около 80. Дальнейшая работа по атрибуции может добавить новые сведения о славном пути двух старейших полков Русской армии.

1. Сибирский грендерский полк, сформированный в Москве весной 1700 года, был одним из первых полков создаваемой Петром I регулярной армии. Будущий Малороссийский грендерский полк был сформирован в 1756 году по указу императрицы Елизаветы Петровны как 4-й грендерский полк. Военные подвиги грендеров отмечены Георгиевскими знаменами, наградными серебряными трубами, высочайшими наградами и благодарностями. Этапы боевого пути полков прослежены автором в ранних публикациях, посвященных полковым знаменам: Воинские регалии и полковые святыни (Знамена 9-го Сибирского и 10-го Малороссийского грендерских полков в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника). Каталог. Владимир, 2013.

2. Попова М.П. Роль 9-го и 10-го грендерских полков в общественной и культурной жизни города Владимира в начале XX века // И поиск длится целый век... Владимир, 2002.

3. Владимирские Епархиальные Ведомости. 1900. № 15. С. 512.

4. Там же. С. 511, 512.

5. Там же. С. 510.

6. Постановление Президиума Губернского исполнительного Комитета Советов сол-

- датских, рабочих и крестьянских депутатов от 17 мая 1918 г. // Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 1826. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.
7. ГАВО. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
8. Там же. Л. 17—17 об.
9. Горбунова Н.И. История Владимирского музея в документах ГАВО (1918–1930 гг.) // ВСМЗ. Материалы исследований. Сборник № 11. Владимир, 2005. С. 15.
10. «Опись вещам из музея бывшего 9-го гренадерского Сибирского полка, из 10-го Малороссийского полка». ГАВО. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 13 об.
11. Там же. Л. 15.
12. Панченко А.М. Полковые музеи русской армии: от офицерских библиотек к библиотекам музеев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 2 (14). С. 94.
13. «Опись Военного отдела» музея-заповедника // ГАВО. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 30.
14. ГАВО. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.
15. В 1978 г. 300 негативов на стекле, запечатлевших фронтовую жизнь полка весной и летом 1917 г., были переданы на постоянное хранение в РГАКФД. В 1998 г. с 93 изображений сделаны копии, хранящиеся в музее-заповеднике.
16. ГАВО. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 110.
17. Там же. Д. 1. Л. 131.
18. «Опись предметов, поступивших во Владимирский исторический музей с 1 января 1920 г.» // ГАВО. Ф. 1826. Оп. 1. Д. 5. Л. 454.
19. Кузнецов А.М. Военные музеи в императорской России // Военно-исторический журнал. 2007. № 2. С. 56–61.
20. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. музейные предметы были включены в Главную инвентарную книгу Владимиро-Суздальского музея-заповедника под новыми номерами, без информации об их происхождении.

С.А. Пивоварчик (Гродно, Республика Беларусь)

АВИАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРОДНЕНСКОЙ КРЕПОСТИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГРОДНО был одним из городов Российской империи, где были сформированы первые воздухоплавательные и авиационные части. Этому способствовало наличие тут так называемой Гродненской укрепленной позиции (предмостного укрепления типа тет-де-пон), которая прикрывала коммуникационные пути из Восточной Пруссии и польских губерний в столицы империи Санкт-Петербург и Москву. Стратегическое значение Гродно возросло после Русско-японской войны в связи с разработкой новых мобилизационных планов. С введением плана 1912 г. на линии развертывания русских войск должны были быть укреплены Ковно, Брест-Литовск, Осовец, Гродно. Важность стратегического значения Гродно исходила из его флангового положения относительно направления германских войск на Брест-Литовск, прикрытия Петербургско-Варшавской железной дороги и мостов через Неман. В 1911 г. в окрестностях города были проведены рекогносцировочные работы и проект новой Гродненской крепости был утвержден императором Николаем II 4 августа 1912 г. Стратегическое назначение крепости Гродно было следующее (тут и далее стиль документов сохранен. – С.П.): «1) *Преграждать Санкт-Петербургско-Варшавскую железную дорогу и шоссе от Августова и Осовца на Лиду при пересечении их с р. Неман; 2) Облегчить свободу действий наших войск на обоих берегах р. Неман, сохраняя в наших руках железнодорожные и обыкновенные переправы через р. Неман в Гродно; 3) Совместно с укреплениями Ковно и Олиты содействовать нашему наступлению в Восточной Пруссии или южнее, а равно наступательной обороне р. Неман; 4) Служить опорой наших войск впереди р. Неман и по верхнему течению р. Бобр; 5) В случае удале-*

*ния от крепости Гродно наших полевых войск, сохранять, во всяком случае, переправы через р. Неман и Гродненский железнодорожный узел в наших руках».*¹ Гродно был объявлен крепостью 23 августа 1913 г., хотя работы на главной крепостной позиции и формирование гарнизона были на начальной стадии. Комендантом крепости был назначен начальник 26-й пехотной дивизии, дислоцировавшейся в Гродно, генерал от инфантерии Михаил Никифорович Кайгородов.

При формировании гарнизонов крепостей в преддверии Первой мировой войны особое внимание уделялось воздухоплавательным и авиационным частям. С конца XIX в. воздухоплавательное дело находилось в активном развитии и его достижения использовались для повышения обороноспособности страны.

Первые воздухоплавательные роты в русской армии были сформированы в 1911 г., в том числе в Гродно.² Подобные роты состояли из 2–3 наблюдательных станций, на вооружении которых были змейковые аэростаты с лебедками для подъема и спуска, а также подвижные газодобывающие аппараты для заправки аэростатов. Численность такой роты составляла от 60 до 100 человек. Вспомогательная часть воздухоплавательной роты ведала техническим снабжением и связью. В задачу воздухоплавательной роты входило наблюдение за противником при помощи аэростатов.

Командиром гродненской воздухоплавательной роты был назначен полковник Алексей Феодосьевич Никитюков (17.03.1866 – ?). Это был офицер, имеющий большой опыт службы в воздухоплавательных частях. Дворянин Каменец-Подольской губернии А. Никитюков был студентом Императорского университета Святого Владимира, но обучения не закончил. На военную службу вступил вольноопределяющимся 132-го пехотного Бендерского полка в 1887 г., затем был зачислен в Московское пехотное юнкерское училище. В 1890 г. произведен в унтер-офицеры воздухоплавательного парка, в октябре 1891 г. направлен в Варшавское крепостное воздухоплавательное отделение для исполнения обязанностей младшего офицера. В 1896 г. по первому разряду окончил курс в офицерском классе учебного Воздухоплавательного парка. В этом же году назначен начальником Либавской крепостной военно-голубиной станции. В 1905 г. переведен в 3-й Восточносибирский полевой воздухоплавательный батальон. В начале 1910 г. командирован в Санкт-Петербург для обучения работе с управляемыми аэростатами, а летом был назначен командиром 5-й воздухоплавательной роты в г. Гродно. 11 марта 1914 г. 5-я рота была

переименована в Гродненскую крепостную воздухоплавательную роту, а полковник Никитюков в конце этого месяца был назначен командиром 2-й авиационной роты.³

Начальником крепостной воздухоплавательной роты стал подполковник Матвей Михайлович Рейнфельд (09.06.1873 – ?). Это также был офицер, имевший богатый опыт воздухоплавания. Во время Русско-японской войны он входил в состав экипажа первого в российском флоте воздухоплавательного крейсера «Русь». 12 августа 1905 г. штабс-капитан Рейнфельд совершил свободный полет на воздушном шаре с крейсера «Русь» к Чудскому озеру. До своего назначения в Гродно подполковник Рейнфельд был командиром Брест-Литовского воздухоплавательного батальона.⁴ Перед войной в роте проходили службу штабс-капитан Александр Александрович Ванькович, капитан Александр Меркурьевич Пилькевич, штабс-капитан Леонид Петрович Фетисов, штабс-капитан Федор Федорович Андреев, поручик Александр Павлович Атурин, поручик Евгений Иванович Дукшт-Дукшинский.⁵

В 1910 г. в России начинается создание военной авиации, где в качестве боевой единицы должны были использоваться аэропланы (самолеты). Развитие нового вида вооружения требовало значительного финансового и материально-технического обеспечения: закупку (или разработку и производство) аэропланов, подготовку летных кадров и формирование специальных частей, создание аэродромной инфраструктуры. Все эти мероприятия осуществлялись в ходе выполнения военной реформы 1909–1912 гг.

Решение о создании авиационных отрядов было принято в 1911 г., но первые шесть авиаотрядов были сформированы в 1912 г. при крепостных инженерных управлениях. Необходимо отметить, что до лета 1912 г. авиация и воздухоплавание считались составной частью инженерного дела и находились в ведении Главного инженерного управления (ГИУ) Военного министерства. 12 августа 1912 г. приказом по военному ведомству вопросы воздухоплавания и авиации были изъяты из ГИУ и переданы специально созданному органу: Воздухоплавательной части Главного управления Генерального штаба, которую возглавил генерал-майор Михаил Иванович Шишкевич. В январе 1914 г. Воздухоплавательная часть Генерального штаба была ликвидирована, а ее функции по снабжению авиационной техникой были переданы в Главное военно-техническое управление Военного министерства, а по организации и боевой подготовке – в

отдел по устройству и службе войск Генерального штаба. Благодаря тому, что решение о строительстве в Гродно современной крепости было принято в 1911 г., город попал в число первых, где в составе 5-й воздухоплавательной роты был сформирован авиационный отряд.

Первые сведения об аэродроме и пилотах, служивших в отряде, датируются 1912 г. Известно, что командовал отрядом штабс-капитан Александр Александрович Карпов, один из первых выпускников Авиационного отдела Офицерской воздухоплавательной школы в Гатчине. В 1912–1915 гг. в отряде проходили службу поручик Павел Александрович Самойло, подпоручик Леонид Андреевич Самуилов, подпоручик Сергей Николаевич Головин, штабс-капитан Александр Федорович Жохов, унтер-офицер Т. Лагер, штабс-капитан Евгений Савич Редко-Татарский, подпоручик Захарий Прокофьевич Лемешко, штабс-капитан Николай Федорович Компанейцев, военный летчик Вячеслав Григорьевич Баранов, корнет Александр Соломонович Абаmeliнов, Сергей Николаевич Ефимов, военный летчик Алексей Иванович Семенов, штабс-капитан Владимир Александрович Черняев, военный летчик Роман Карлович Шоманский, младший унтер-офицер Иван Константинович Спатарель, механик Александр Федорович Федоров. Многие из них были выпускниками Офицерской воздухоплавательной школы, все принимали активное участие в событиях Первой мировой войны.⁶

Организация обеспечения деятельности воздухоплавательной роты и авиаотряда требовала постоянного внимания. Одной из задач Управления строителя Гродненской крепости было строительство аэродромных площадок и аэродромного хозяйства: ангаров для аэропланов, мастерских, складов, хранилищ для топлива и масла, казарм.

В ноябре 1913 г. комендант крепости Кайгородов сообщил строителю крепости Колосовскому, что в связи с выполнением программы усиления армии Главное управление Генерального штаба приступило к накоплению офицерских и нижних чинов для переформирования новых частей или создания новых. Особое внимание уделяется реорганизации полевых и крепостных инженерных, железнодорожных и воздухоплавательных войск, формированию новых частей этих войск, развитию авиационных частей и организации автомобильных частей. Предполагалось сформировать 19 авиационных отрядов, из которых 8 в крепостях Брест-Литовск, Ковно, Гродно,

Осовец, Севастополь, Новогеоргиевск, Карс и Владивосток. Согласно новой таблицы в авиаотряде должно быть 8 собранных аэропланов и 8 в разобранном виде в ящиках. Лошади и конский обоз отменялись, обслуживание возлагалось на один легковой и один грузовой автомобиль.⁷

В связи с переформированием 5-й воздухоплавательной роты в крепости потребовались помещения для 16 офицерских чинов и 206 нижних по штату и 1 офицера и 11 нижних чинов сверх штата. Это потребовало расширения казармы на Скидельском шоссе в Гродно, в которой располагались рота и авиационный отряд.⁸

Для крепостного авиационного отряда жилые и служебные постройки рассчитывались по числу чинов, согласно штату мирного времени. В штат авиаотряда включались офицеры: начальник отряда – 1, младшие офицеры летчики – 5, а также нижние чины: старшие унтер-офицеры – 6 (из них 3 летчика, из которых старший в команде нижних чинов заведует отрядной мастерской, остальные 3 – мотористы), младшие унтер-офицеры – 3 (мотористы), ефрейторы – 8 (хозяева (термин документа. – *С.П.*) аэропланов), рядовые – 25 (из них 6 денщиков), мастеровые старшего разряда – 1, младшего – 1. Авиаотряд состоял из двух отделений и отрядной мастерской. Начальник отряда – капитан или штабс-капитан. Младшие офицеры безразлично в чинах – штабс-капитан, поручик и подпоручик. На одного из них возлагалось ведение делопроизводства отряда. Из числа старших унтер-офицеров 3 летчика могли быть подпрапорщиками. Итого, согласно штату авиационного отряда мирного времени, в нем было 6 офицеров, 42 нижних чина и 2 нестроевые нижние чины. Денежное содержание начальника отряда составляло 1020 р., летчика – 660 р., унтер-офицера – 360 р.⁹

Для обеспечения крепостных авиаотрядов необходимо было построить аэродромы. Согласно указаниям начальника Генерального штаба в каждой из крепостей желательно было иметь в различных секторах обороны не менее трех площадок для аэропланов. Одна из них, большого размера, могла бы служить в мирное время в качестве крепостного аэродрома.

Назначением площадок было *«достижение возможно совершенной связи между воздушными разведчиками крепостного сектора и лицами, стоящими во главе его обороны. Посему эти площадки должны быть расположены в секторах крепости таким образом, чтобы донесения спустившегося летчика или приказание ему на-*

чальствующие на секторах лиц могли передаваться по возможности быстро и непосредственно, без участия ординарцев и других лиц.

Число таковых площадок определено числом секторов обороны. Наименьшие размеры площадок 100 × 200 сажень. Место площадки должно быть по возможности ровное и горизонтальное, допускаемый уклон не должен быть более уклонов шоссеиных дорог. При отсутствии таковых в натуре, необходимо спланировать. Крепостной аэродром должен заменять одну площадку. При удалении площадок от вероятного местонахождения секторального начальства связать эти места крепостным телефоном».¹⁰

В течение месяца необходимо было избрать площадки для крепостных авиаотрядов, разработать проекты и предоставить для утверждения в Главное инженерное управление.

Необходимо отметить, что в Гродно вблизи лагеря 26-й пехотной дивизии еще в 1912 г. был устроен аэродром и возведены временные ангары для аэропланов. Однако комиссия, назначенная 6 апреля 1913 г. в составе командира 26-й артиллерийской бригады генерал-майора Мамонтова, начальника авиаотряда 5-й воздухоплавательной роты штабс-капитана Карпова и военного инженера подполковника Антонова для выбора мест площадок и разработки проекта крепостного аэродрома, пришла к заключению о нецелесообразности использования имеющейся площадки в качестве аэродрома: «Отведенное ныне место под аэродром вблизи лагеря 26-й ПД, как показало годичное им пользование, позволяет вести только крайне сокращенную практику, т. к. не допускает взлета и спуска в произвольном направлении, а только вдоль передней линейки лагеря, ввиду того, что весь аэродром расположен на косогоре, упираясь с одной стороны в старый форт, а с другой примыкает к самому лагерю с его постройками и высокими деревьями. Спуски затрудняются еще постоянным неизбежным нахождением даже на самом аэродроме не только отдельных нижних чинов, но и войсковых частей, следующих на учения или возвращающихся с них. Кроме того в непосредственной близости к аэродрому и именно в направлениях обоих единственно возможных вылетов и спусков имеются по глубокому пересекающему путь оврагу.

Все эти условия не позволяют вовсе вести практику в сумерки и ночью и крайне затрудняют ее при сколько-нибудь сильном ветре,

а испытания новых аппаратов или практика с ожидаемыми вскоре быстроходными «Фарманами 1б» совершенно не возможна».¹¹

При выборе площадок для аэропланов комиссия учитывала возможность в данном секторе скрытно от неприятеля спуститься и подняться и иметь укрытие для аэроплана и летчика. Имел значение также размер площадки и ее близость к месту расположения начальника сектора обороны. Кроме того необходимо было принять во внимание взаимное расположение лесов, водных пространств, скатов местности, которые влияли на воздушные течения.

Комиссия, осмотрев в районе сооружений крепости места, удобные для устройства площадок для взлета и спуска аэропланов, остановила свой выбор на следующих:

- в западном секторе между д. Адамовичи и шоссе, примыкая своей восточной частью к проселочной дороге Адамовичи – Барановичи;
- в южном секторе в районе XI форта возле дороги на д. Лунно, примыкая своей длинной южной стороной к Бузыловскому лесу;
- в восточном секторе в районе X форта между Лидским шоссе и старым трактом на Скидель восточнее корчмы Рубановка;
- в северном секторе между д. Переселка и грунтовой дорогой из Гродно на д. Грандичи, примыкая своей короткой стороной к проселочной дороге к р. Неман.

Вместе с тем, комиссия признала необходимым приспособить еще пятую площадку, которая должна заменить собою крепостной аэродром. Площадка под крепостной аэродром была выбрана у фольварка Чеховщизна между двумя железными дорогами и р. Лососной размером около 92 десятин.

Площадка имела форму неравнобокой трапеции, а поэтому: *«если отчуждить под аэродром лишь часть ее в виде эллипса, то по углам площадки останутся обесцененные участки, стоимость которых неминуемо отразится на увеличении оценки эллиптического аэродрома, или же владелец возведет на обесцененных участках какие-нибудь постройки, препятствующие практике с аэропланами с тем, чтобы вынудить приобрести у него эти же участки впоследствии. Постройки, имеющиеся на окраине предполагаемой к отчуждению площади, могут быть использованы под мастерские, помещение сторожа, телефонную станцию, склад бензина и т. п.».¹²*

Комиссия предлагала подготовить участки для приема аэропланов и для этого провести определенные работы: укрепить грунт, чтобы можно было передвигаться на автомобиле или аэроплане во всех на-

правлениях, убрать камни, заровнять каналы, рывтины и т. п. Периметры площадок сделать хорошо видимыми сверху, например, снятием дерна на полосе шириною в один аршин и забелкою известью, а также в середине участка обозначить номер площадки римскими цифрами размерами около 10 сажений. Для каждой площадке, на хорошо скрытом от противника участке местности, возвести сарай для аэропланов размером $7 \times 7 \times 2,5$ сажений, отопливаемое помещение для сторожа и телефонной станции, хранилище для бензина и масла (сарайного типа для лучшей вентиляции) и установить мачту с флагом для определения спускающимся летчикам направления ветра.

На аэродроме было необходимо помещение для 8 аэропланов, мастерская, отопливаемое помещение для хранения моторов, винтов, разного рода приборов и запасных частей, склад для бензина на 480 пудов в железных 10-пудовых бочках, помещение для сторожа с телефонной станцией, мачта, барак для нижних чинов на 50 человек, помещение для 8 офицеров и хозяйственные постройки: фотографический кабинет, помещение для 2 автомобилей, конюшня на 14 лошадей, кухня и т. п. Для этих нужд могли быть частично приспособлены постройки фольварка Чеховщизна, а наличие по окраине аэродрома железной дороги и течение р. Лососны делали излишним искусственное обозначение его периметра.

В мае 1913 г. Воздухоплавательная часть Главного управления Генерального штаба одобрила предложение о выборе пяти площадок для взлета в районе крепости Гродно и просила скорейшего распоряжения о приведении в исполнение. Однако финансирование этих объектов в 1913 г. не было запланировано в смете расходов на крепостное строительство. Кроме того, проекты аэродрома и секторных площадок вызвали возражение у постоянного члена Инженерного комитета ГИУ генерал-лейтенанта Кирпичева на заседании 25 июня 1913 г.¹³

В результате на протяжении второй половины 1913 г. строителю Гродненской крепости генералу Колосовскому, а также начальнику Воздухоплавательной части Главного управления Генштаба генералу Шишкевичу пришлось переписываться с Инженерным комитетом ГИУ по вопросу устройства аэродрома и секторных площадок. Наконец, генеральный план крепостного аэродрома был утвержден 27 марта 1914 г., а Главное военно-техническое управление сообщило, что Военный совет разрешил постройку специальных помещений для авиачастей в Гродненской крепости на сумму 135 000 рублей:

1) оборудование четырех площадок и аэродрома – 60 000 рублей;
2) постройка сараев для хранения восьми аэропланов в собранном виде и восьми в разобранном виде (в ящиках) – 75 000 рублей. На нужды аэродромного строительства был открыт кредит на 29 000 рублей.¹⁴

В конце 1913 г. в Гродно стало поступать имущество крепостного авиационного отряда. Первыми прибыли семь аэропланов, ожидалось еще девять. Однако авиаторы столкнулись с проблемой размещения в имеющихся ангарах прибывающей техники. Об этом в январе 1914 г. начальнику штаба Гродненской крепости генералу Лащилину докладывал начальник авиаотряда: *«...Между тем ангары, которыми теперь приходится пользоваться, далеко не удовлетворяют своему назначению. Построены они с расчетом на один год, а служат уже два, не имеют пола и вообще построены весьма не солидно. За это время они уже подвергались капремонту, и все же последняя комиссия в январе сего года признала их отчасти пригодными на самый незначительный срок при условии ремонта теперь же и в то же время выразила опасения за их целостность во время сильного ветра. Кроме того ангары эти построены для Фарман VII, где размах крыльев 12 м. У Фармана XVI, которыми снабжен крепостной авиаотряд размах крыльев 14 м, поэтому гнезда ангара малы, аппарат приходится выносить на руках, что часто ведет к поломке аппарата. Кроме того этих ангар не хватает на все аппараты отряда. Ангары не имеют пола, благодаря чему находящиеся в них аппараты подвергаются сильному действию сырости, что крайне вредно отзываясь на аппаратах.*

*На основании доложенного необходимо ходатайствовать, чтобы теперь же начались аэродромные постройки согласно плану, выработанного Управлением Строителя Гродненской Крепости, причем весьма необходимо, чтобы, прежде всего, начались постройки ангар и мастерских, а вся постройка была закончена к началу осени этого года. При постройке ангара необходимо взять размеры гнезда с запасом, а именно: ширина гнезда до 25 м, глубина до 20 м, а высота до 5 м».*¹⁵

Согласно плану, выработанному Управлением строителя Гродненской крепости, все работы для крепостного авиационного отряда разбивались на несколько этапов. В течение первого года предполагалось строительство железных сараев (ангаров) для 8 аэропланов; каменного здания мастерских; каменной казармы с кухней, пекарней и кладовой; каменного флигеля для 5 младших офицеров, а также

оборудование мастерских машинами; снабжение казарм мебелью. В течение второго года – строительство каменного флигеля для начальника авиаотряда. На третий год планировалось оборудование площадки крепостного аэродрома, строительство железных сараев (ангаров) еще для 8 аэропланов и на четвертый – оборудование четырех площадок для взлета и обнесение казармы забором.¹⁶

Однако по просьбе начальника штаба Гродненской крепости работы по аэродромному обеспечению были ускорены. Военный инженер штабс-капитан Бабаев приступил к разработке проектов строительства сразу для 16 аэропланов – 8 собранных на аэродромном участке в Чеховщизне, и 8 в разобранном виде на участке Валуши (Фолюш).

В конце февраля 1914 г. на основании приказа по Управлению строителя Гродненской крепости военные инженеры Балдин, Помозков и Бабаев произвели осмотр земельного участка, отчужденного от фольварка Чеховщизна. Цель осмотра – определение работ, необходимых для планировки и обработки почвы под устройство крепостного аэродрома. В осмотре принимали участие начальник авиационного отряда и уездный агроном Г.П. Дедов. В акте, представленном комиссией, предлагались меры по подготовке аэродромного поля: *«При осмотре выяснилось, что участок в 29 десятин, где намечены аэродромные здания, частью представляет свежую пахоть, частью покрыт кочками и в таком виде не может быть оставлен.*

Комиссия в полном составе единогласно признала, что для планировки и укрепления почвы этого участка является весьма целесообразно обсеменить его по способу, предложенному Ученым агрономом Г.П. Дедовым: первая вспашка; вторая вспашка; посев, считая на каждую десятину 6 пудов семян желтого люпина, 6 пудов синего люпина и 1 пуд шпегеля; заделка семян двойной пружинной бороной; прокатывание катком «Кэмбелла» один раз; запашка люпина; первое прокатывание; второе прокатывание.

Дальнейший уход за воздухоплавательным полем будет состоять в обсеменении, удобрении и даже, если потребуется, подвозке глины, торфа или навоза в те места, где пырей не укоренился и почва оголилась. Но это уже расходы будущего, которые в настоящее время предугадать невозможно.

Второй участок из 42 десятин представляет собой песчаную поверхность, два года не паханную и слабо заросшую травой. В настоящее время участок является пригодным для полетов, что не исключает желания впоследствии усилить его травянистый покров.

*В текущем 1914 г. можно будет ограничиться работой на первом участке, оставив укрепление почвы второго участка, если бы это понадобилось после опыта 1914 г. на будущее время т. к. теперь в этом не встречается большой надобности. Кроме того опыт 1914 г. может дать возможность вообще судить о результатах произведенной на первом участке работы и сделать на основании этого опыта те или иные предположения для работы на втором участке».*¹⁷

Таким образом, накануне Первой мировой войны в Гродненской крепости проводились активные работы по авиационному обеспечению. Были сформированы воздухоплавательная рота и авиационный отряд, где проходили службу как опытные пилоты, так и молодые, закончившие специальное учебное заведение. На вооружении авиаотряда находились современные на то время аэропланы «Фарман VII» и «Фарман XVI», и летчики активно осваивали технику, участвуя в различных учебных перелетах. Военные инженеры приобретали опыт при проектировании и строительстве аэродромных сооружений. Начавшаяся война не позволила завершить работы по сооружению Гродненской крепости и обеспечению ее полноценным гарнизоном. Однако в ходе войны она стала для русской армии важной операционной базой, местом формирования и обучения частей, принимавших затем участие в боевых действиях на фронте, пунктом материально-технического обеспечения войск, сильным моральным фактором для армии и населения.

¹ Соображения о стратегическом назначении Гродненской крепости 1912 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13129. Оп. 1. Д. 499. Л. 6–6 об.

² Лавренко В. Даю добро на взлет // Армия. 2009. № 6. С. 29–30.

³ Послужной список командира 5-й воздухоплавательной роты полковника Никитюкова // РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 65. Л. 38 об. – 43 об.

⁴ Послужной список командира Брест-Литовского воздухоплавательного батальона подполковника Рейнфельда // Там же. Л. 53 об. – 60.

⁵ Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1911 год. Гродно: Губернская типография, б.г. С. 135; Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1913 год. Гродно: Губернская типография, 1912. С. 64.

⁶ Послужной список подпоручика 56-го пехотного Житомирского полка Лемешко Захария Прокофьевича // РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 65. Л. 23–24 об; Свидетельство о ранении военного летчика корнета Александра Соломоновича Абабелинова // Там же. Л. 125; Лютик Д. Гродненская крепостная воздухоплавательная рота // Гродненщина в историческом, экономическом и культурном развитии 1801–1921 гг. (к 210-летию об-

разования Гродненской губернии): материалы Междунар. науч-практ. конф. (Гродно, 22–23 сент. 2011 г.). Гродно: ГрГУ, 2012. С. 280–286; Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1914 год. С. 69.

⁷ По оборудованию крепостных воздухоплавательных отрядов // РГВИА. Ф. 13129. Оп. 1. Д. 1278. Л. 32.

⁸ Там же. Л. 26.

⁹ Там же. Д. 1284. Л. 20 об.

¹⁰ Там же. Д. 1278. Л. 12.

¹¹ Там же. Д. 1284. Л. 40.

¹² Там же. Л. 40 об.

¹³ Там же. Л. 22–23 об.

¹⁴ Там же. Л. 10, 12.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁷ Там же. Д. 1278. Л. 53–54.

Г.Д. Пилишвили (Курск)

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДСКИХ КОМИТЕТОВ ОБОРОНЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ЧАСТЕЙ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ПРИ ОБОРОНЕ ГОРОДОВ ВОРОНЕЖ И КУРСК В 1941–1942 ГОДАХ

ОТМЕТИМ, что из-за обстановки, сложившейся в СССР в результате неудач в начальный период Великой Отечественной войны, пришлось коренным образом перестраивать государственные органы управления. Для того чтобы работа отдельных органов и ведомств получила должную целенаправленность, необходимо было постоянное руководство со стороны чрезвычайного центра, который был бы наделен особыми правами и полномочиями, распоряжения, директивы и постановления которого должны были иметь статус законов военного времени, с обязательным исполнением их всеми государственными, советскими, партийными органами и гражданами¹.

Создание Государственного комитета обороны (ГКО) не было заранее запланировано, а произошло под влиянием стечения обстоятельств. ГКО руководил страной через аппарат СНК СССР, центральные органы общественных организаций и, конечно, аппарат ЦК ВКП(б), который также не был обременен организацией работы коллективных органов партии (съездов, пленумов). Многие вопросы ГКО решал напрямую через наркоматы и ведомства, местные органы власти, в первую очередь, парткомы областного звена, где увеличивалось число отраслевых отделов. Активно использовались также структуры НКВД – НКГБ. Выполнение принятых решений ГКО находилось под контролем его членов, за каждым из которых закреплялся определенный участок государственных дел и которые со временем обзаводились заместителями и даже небольшим специальным аппаратом по линии ГКО².

В руках нового органа сосредоточивалась вся полнота власти в государстве, а все граждане, партийные, советские, комсомольские и военные органы обязывались «беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Оборонь»³.

Начиная с лета 1941 г. по инициативе местных работников и войскового командования стали возникать особые органы для организации самообороны городов и районов, которые объединяли и координировали действия гражданских и военных ведомств.

Однако создание широкой сети местных чрезвычайных органов власти в прифронтной зоне и в ближайшем тылу армии в годы Великой Отечественной войны возможно было только с санкции высшего руководства страны. Ее не было вплоть до конца октября 1941 г. Есть свидетельства, что Сталин в первые месяцы войны отрицательно относился к идее концентрации власти на местах в руках особых органов, не вписывавшихся в систему вертикального централизма. Как отмечает в своей книге Д.В. Павлов, бывший уполномоченный ГКО в Ленинграде, Сталин неодобрительно отнесся к созданию 20 августа 1941 г. Совета обороны Ленинграда, потребовал произвести изменения его персонального состава (включить К.Е. Ворошилова и А.А. Жданова, возглавлявших Военный совет Северо-Западного направления)⁴. Это привело к потере самостоятельного значения данного органа, путанице, смешиванию его функций с Военным советом направления. Решение же ГКО о создании в городах, близких к фронту, комитетов обороны последовало лишь в конце октября 1941 г.

Этот шаг был напрямую связан с обострением к тому времени до предела обстановки на советско-германском фронте. Немецко-фашистские войска находились в опасной близости к Москве, и политическое и военное руководство СССР приняло ряд мер, способных, по его мнению, остановить продвижение противника вглубь территории страны. Интересен с этой точки зрения следующий по содержанию документ. Постановление № ГКО-830 с. от 22 октября 1941 г. Москва, Кремль. О городских комитетах обороны: «1. В интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка в городах и в прилегающих районах, представляющих ближайший тыловой район фронта, создать следующие городские комитеты обороны, охватывающие город и прилегающие районы: Рыбинский, Ярославский, Иваново-Вознесенский, Костромской, Горьковский, Владимирский, Серпуховский, Тульский, Тамбовский, Пензенский, Казанский, Ульяновский, Саратовский,

Сталинградский, Астраханский, Ростовский, Воронежский, Кировский, Майкопский, Симферопольский, Вологодский, Краснодарский, Грозненский, Новороссийский, Махач-Калинский, Ворошиловский, Ворошиловградский, Шахтинский, Туапсинский, Тихорецкий, Армавирский, Кизлярский, Орджонекидзовский (Владикавказский), Пятигорский, Камышинский, Муромский, Ковровский, Рязанский, Севастопольский, Керченский, Орехово-Зуевский, Коломенский, Новочеркасский, Курский, Череповецкий, Нальчикский.

2. В каждом из означенных городов иметь коменданта, в распоряжение которого передать войска НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

3. Городской Комитет Обороны иметь в следующем составе: а) первый секретарь Обкома или секретарь Горкома ВКП(б) (председатель); б) председатель Облисполкома или председатель Горисполкома; в) начальник областного НКВД или начальник городского отдела НКВД; г) комендант города»⁵.

Основопологающим принципом в организации деятельности комитетов обороны являлась персональная ответственность их членов за конкретный участок работы, который определялся не только занимаемой должностью членов ГорКО, но и спецификой задач времени. Наиболее емко представление о распределении обязанностей между членами ГорКО дает решение Воронежского комитета обороны от 26 октября 1941 г. По нему председатель, первый секретарь обкома ВКП(б) осуществлял общее руководство; заместитель председателя, первый секретарь горкома партии контролировал строительство оборонительных рубежей, формирование и боеспособность рабочих отрядов ополчения; председатель облисполкома наблюдал за приведением в порядок дорог и мостов, эвакуацией, торговлей и общепитом; начальник гарнизона – комендант города – занимался разработкой и решением военно-тактических и военно-технических задач обороны города силами местного гарнизона, постановкой оперативных задач частям НКВД, милиции, народному ополчению, поддержанием боеготовности частей гарнизона, контролем за работой ПВО и охраной города; начальник УНКВД области отвечал за борьбу с подрывной деятельностью врага, за работу судов (трибуналов) и прокуратуры, МПВО, противопожарной охраны, подготовку объектов к необходимому разрушению в случае угрожающего положения. Начальнику областного управления милиции поручалось наблюдать за охраной порядка, соблюдением пропускового и прописного режима, борьбой

со спекуляцией⁶. Впрочем, объекты приложения внимания были настолько очевидны для членов комитетов обороны, что для этого не требовалось специального документального оформления, и оно делалось лишь в ГорКО расширенного состава.

На заседания комитетов обороны, проходившие в зависимости от обстоятельств в любое время суток, в необходимых случаях приглашались секретари обкомов и горкомов партии, работники исполкомов, руководители предприятий и военных организаций для того, чтобы получить более конкретные сведения по существу решаемого вопроса и оперативно ознакомить с заданием, которое возлагалось на кого-либо из них. Часто заседания собирали достаточно широкую аудиторию. Например, на заседании Воронежского ГорКО 18 мая 1943 г., где обсуждались вопросы МПВО, было вызвано 22 партийных, советских работника, сотрудника милиции, штабов и служб МПВО⁷.

Нахождение целого ряда комитетов обороны в зоне непосредственных боев обусловило их участие в организации вооруженной защиты городов, степень которой была различной. Решающее значение для начального момента обороны имели действия Тульского и Сталинградского ГорКО, вспомогательный характер – Севастопольского, Курского, Рязанского, Воронежского, Ростовского, Краснодарского, Новороссийского и других, не справились со своими задачами Ставропольский, Майкопский, Армавирский ГорКО⁸.

Уже в самом начале своей деятельности комитетам обороны ряда городов центра страны (Тулы, Курска, Рязани, Подольска, Коломны), Нижнего Дона и Крыма, оказавшимся в зоне военных действий, пришлось принимать решения о приведении народноополченческих формирований в боевую готовность и направлении их на защиту городских подступов.

С самого начала формирования народное ополчение складывалось как децентрализованная военная организация, не имевшая общего руководящего органа и повсеместной тесной связи с командованием кадровой Красной армии. Решения о создании ополчения в российской провинции принимали партийно-советские органы областного и даже городского звена. Не имея возможности в первый период войны полностью оснастить в централизованном порядке даже создаваемые армейские части и соединения, государственное руководство переложило заботу о формированиях самообороны на местные органы власти. Показателен в этом отношении и организационно-структурный раз-

нобой, который имел место при создании ополчения. Так, в Сталинградской области создавался корпус народного ополчения, в Воронеже – дивизия из 11 полков (28 тыс. человек), в Саратове – дивизия из 5 полков с личным составом свыше 10 тыс. человек⁹.

Передача народного ополчения, согласно постановлению ГКО № 830 с от 22 октября 1941 г., в ведение городских комитетов обороны, не решая в целом проблему эффективного им управления, поскольку любой военной организации централизация только на пользу, тем не менее вносила большую ясность в вопросы руководства ополченческими формированиями. В утверждаемых ГорКО планах вооруженной защиты этих населенных пунктов формирования получали свои участки обороны, перед нами ставились конкретные боевые задачи. Прежде всего потребность в установлении четких взаимоотношений с руководящим органом местной самообороны испытывало само командование ополчения.

Чрезвычайно неблагоприятная обстановка осенью 1941 г. сложилась для обороны Курска. Этот областной центр являлся в то время важным перевалочным пунктом эвакуантов с юга, в первую очередь из Харькова. Кроме того, противодействием противнику на подступах к городу необходимо было оттянуть сюда часть его сил от Москвы. Решению вопросов защиты Курска с самого начала была подчинена деятельность местного комитета обороны (председатель П.И. Доронин).

Летом 1941 г. в Курске были созданы 4 полка народного ополчения, в которые вступили около 5 тыс. человек. К началу боев они уменьшились по своему составу. После перевода ополченцев на казарменное положение по приказу начальника гарнизона 21 октября полки вышли на оборонительные рубежи¹⁰. 27 октября, согласно постановлению ГорКО, на помощь подразделениям 2-й гвардейской дивизии и полкам народного ополчения были выведены на линию обороны на подступах к Курску истребительные батальоны. Вот этими наличными силами и пытались организовать оборону Курска. И определенное сопротивление противнику ими было оказано. Выступая на городской конференции ВКП(б) 14 сентября 1946 г., П.И. Доронин отметил, что, «несмотря на недостаточную выучку и плохое вооружение, отряды народного ополчения вместе с частями 2-й гвардейской стрелковой дивизии дрались самоотверженно. Это особенно станет ясно, если мы перечислим действующие против Курска вражеские силы. Как установлено, против нас воевали тогда

9-я бронетанковая дивизия, 16-я мехдивизия и 299-я пехотная дивизия»¹¹.

Оценивая работу Курского ГорКО, можно отметить, что им было сделано немало для стягивания имевшихся в его распоряжении формирований, но силы самообороны объективно не могли выполнить общую задачу удержания города. В отличие от Тулы, сюда после первых дней боев не были введены дополнительные части регулярных войск. Это привело к тому, что 2 ноября 1941 г. Курск был захвачен немецкими войсками. При отходе большая часть бойцов и командиров полков народного ополчения и истребительных батальонов была придана 2-й гвардейской дивизии. Всего – около 10 тыс. человек¹².

Воронежу враг стал угрожать с осени 1941 г., когда его войска находились в районе Ельца. Тогда, согласно решениям Воронежского ГорКО (председатель В.Д. Никитин, с января 1942 г. В.И. Тищенко) от 26 октября и 4 ноября 1941 г., усилился северный участок обороны (Задонское шоссе), куда передислоцировались части 45-й стрелковой дивизии. На оборонительные рубежи выводилась дивизия народного ополчения, каждое подразделение которой получало соответствующие позиции. Все истребительные батальоны города сводились в один, с подчинением его в оперативном отношении командиру 229-го полка. Однако в связи со стабилизацией положения на фронте зимой 1941–1942 гг. вопрос об использовании указанных боевых формирований временно отпал¹³.

На первом заседании Воронежского городского комитета обороны (ВГорКО) 26 октября 1941 г. вопрос о состоянии обороны г. Воронежа был поднят одним из первых¹⁴. Члены ГорКо во главе с В.Д. Никитиным вынуждены были признать: «работы по обороне города проводятся медленно, вследствие чего оборона г. Воронежа находится в данное время в неудовлетворительном состоянии. До сих пор не закончено строительство первого противотанкового рва, особенно на флангах северного участка, не закончена постановка минных полей. Находящиеся в первом эшелоне обороны части отдельного Воронежского стрелкового полка несут службу обороны недостаточно четко и бдительно. Темпы постройки оборонительных сооружений в самом городе крайне недостаточны»¹⁵.

Воронежский комитет обороны немедленно приступил к проведению ряда мер, обеспечивающих создание прочной обороны города и на его подступах. Интересам обороны Воронежа он подчиняет работу всех производственных предприятий, мастерских, лабораторий

и учреждений и всех трудящихся. По поручению комитета обороны комендант города полковник Глатоленков представил план обороны Воронежа. После внесения в него коррективов с целью создания оборонительных сооружений план был одобрен¹⁶.

В отношении формирований народного ополчения, которые не передавались в это время в действующую армию, а находились в резерве местной самообороны, со стороны городских комитетов обороны принимались меры по их укреплению, поскольку из-за постоянного призыва в армию ополченцев они лишались значительной части своего состава. Там, где не имелось возможности осуществлять пополнение или было нецелесообразно это делать по условиям производственно-хозяйственной деятельности, производилась реорганизация ополченческих формирований¹⁷.

После направления части дивизии на пополнение войсковых соединений ополчение г. Воронежа стало готовить боевые резервы для армии и нести охранную службу. Но уже в ноябре 1941 г. состоялась передача еще одного полка численностью 2650 человек в состав 45-й стрелковой дивизии. В связи же с успехами на фронте в ополчении наблюдалось охлаждение к боевой подготовке: обучением было охвачено 30–45 % личного состава. Активизации его деятельности способствовало постановление Воронежского ГорКО от 3 февраля 1942 г. «О ходе боевой подготовки в подразделениях полка народного ополчения». Было решено провести в феврале итоговое полевое учение со стрельбами, ходьбой на лыжах, а в марте–апреле организовать общую проверку военных знаний личного состава. В период до начала боев в Воронеже в июле 1942 г. и участия в них ополченцев было проведено до трех занятий в составе полка на участке, отведенном ему по плану обороны, утвержденному ГорКО. За весенние месяцы численность полка выросла с 3,5 тыс. до 5 тыс. человек. Из его состава в июле 1942 г. было передано в армию до 1500 бойцов спецподразделений на пополнение 1-й гвардейской стрелковой дивизии¹⁸.

В период нового немецкого наступления, начавшегося 28 июня 1942 г., в Воронеже находились органы управления Брянского фронта, которые непосредственно занимались вопросами руководства частями, расположенными в городе. Однако этих сил было мало для полного удержания города. На 4 июля, когда противник, используя брешь в боевых порядках советских войск, приблизился к Воронежу, его гарнизон составляли несколько частей внутренних войск НКВД,

3-я дивизия войск ПВО страны и тыловые части и подразделения¹⁹. В помощь этим войскам на участок по улице Ст. Разина от Чернавского моста до Петровского сквера городской комитет обороны направил отряды народного ополчения и истребительный батальон²⁰. Эти формирования, вооруженные винтовками, незначительным количеством пулеметов и зенитной артиллерии, первыми встретили 5–6 июля 1942 г. врага, завязав упорные бои на улицах города, и тем обеспечили возможность для сосредоточения свежих сил Красной армии в районе Воронежа. Противник сумел овладеть лишь частью города, правда – большей. На Воронеж наступали 2-я пехотная и 4-я танковая немецкие армии, а также 2-я венгерская армия. Дальнейшее его продвижение было здесь остановлено²¹. Бои в городской черте приняли затяжной характер, с отдельными обоюдными выпадами сторон.

Следует в заключение отметить, что местные чрезвычайные органы власти функционировали в регионах страны тогда, когда те находились во фронтовой и прифронтовой зонах или в ближнем тылу действующей армии, что во многом уже подчеркивает их значение. Именно от мобилизации людских и материальных ресурсов этих регионов, в первую очередь, зависела действенность вооруженного сопротивления немецко-фашистским войскам. Вместе с тем громадные сложности представляло налаживание в этих экстремальных условиях непосредственно жизнедеятельности населения, функционирования социально-хозяйственной структуры и общественно-политических институтов, а также создание, обучение, вооружение, обмундирование и боевое использование полков народного ополчения.

¹ Горьков Ю.А. Государственный Комитет Оборона постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М., 2002. С. 30.

² Данилов В.Н. Война и власть: Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1996. С. 39–41.

³ Правда. 1941. 1 июля.

⁴ Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. М., 1958. С. 16.

⁵ Российский государственный архив общественно-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 180–181.

⁶ Данилов В.Н. Война и власть. С. 85.

⁷ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 19. Оп. 2. Д. 124. Л. 21.

⁸ Данилов В.П. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Оте-

чественной войны. Дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 1996. С. 288.

⁹ Данилов В.П. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. С. 178.

¹⁰ Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1. Курск, 1960. С. 463.

¹¹ Данилов В.П. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. С. 270.

¹² Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. С. 118.

¹³ Данилов В.П. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. С. 278.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 487. Л. 4.

¹⁵ ГАОПИ ВО. Ф. 2819. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

¹⁶ Тищенко В.И. Подвиг воронежцев // Воронежское сражение. Воронеж, 1968. С. 57.

¹⁷ Данилов В.П. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. С. 181.

¹⁸ ГАОПИ ВО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 119. Л. 38.

¹⁹ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 5. М., 1975. С. 150–151.

²⁰ ГАОПИ ВО. Ф. 19. Оп. 2. Д. 119. Л. 39.

²¹ Данилов В.П. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. С. 278.

И.Б. Пинк (Тула)

ОПЫТНЫЕ МАГАЗИННЫЕ ВИНТОВКИ КОНСТРУКЦИИ Л. НАГАНА В СОБРАНИИ ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ОРУЖИЯ

В ЭТОМ ГОДУ исполняется 125 лет со дня принятия на вооружение 3-линейной магазинной винтовки образца 1891 г. Именно 16 апреля 1891 г. императором Александром III был подписан указ о введении этого образца в российские войска¹. В дальнейшем она и ее модификации сыграли важную роль в отечественной военной истории, являясь самым массовым оружием пехоты на протяжении более 50 лет. (Официально винтовка обр. 1891/30 гг. была снята с производства постановлением Государственного Комитета Обороны от 17 января 1944 г.²)

Вопрос о ее авторстве продолжает вызывать оживленную дискуссию. В советское время она носила ярко выраженный идеологический и политический характер, весьма далекий от научной полемики³. Установка на «борьбу с космополитизмом» являлась определяющей даже для сугубо военно-технических исследований⁴.

В постсоветское время появились более объективные исследования по данному вопросу⁵, а дискуссия развернулась на страницах научно-популярных изданий⁶. В действительности установление авторства знаменитой «трехлинейки» не представляет собой научной проблемы. Винтовка обр. 1891 г., как практически все образцы стрелкового оружия российской армии досоветского периода, начиная с 60-х гг. XIX в., является итогом коллективной деятельности на базе иностранных образцов. Этот вывод нисколько не умаляет ведущей роли С.И. Мосина в проектировании этой модели.

Тем не менее, конструктивные особенности систем, представленных на конкурс С.И. Мосиным и Л. Наганом, представляют суще-

твенный интерес с точки зрения истории военной техники. Особо важное значение имеют сохранившиеся до нашего времени образцы. Задачей статьи является введение в научный оборот винтовок Нагана из собрания Тульского государственного музея оружия (далее – ТГМО) (ТГМО КП-1123 и ТГМО КП-1124).

Ранее к их исследованию обращался Анатолий Яковлевич Шайденко⁷. Однако он не приводит подробное описание данных музейных предметов, а в силу причин, которые будут указаны ниже, пропускает некоторые важные детали⁸. Фото винтовки Л. Нагана (КП-1124) опубликовано в работе В.В. Глазкова «Винтовки и карабины Российской армии», однако полная информация об этой винтовке и фото ее деталей не представлены⁹.

Первый образец (ТГМО КП-1123) имеет круглый ствол переменного сечения, уменьшающийся к дульной части. Канал с 4 нарезами. Мушка трапециевидная, на прямоугольном основании. Прицел ступенчато-рамочный с прямой рамкой. Цифры на прицеле отсутствуют.

Ствольная коробка круглая, с ее левой стороны расположен предохранитель. Затвор продольноскользящий, с поворотом при запирании, с двумя симметрично расположенными боевыми выступами в передней части. Боевые упоры в форме прямоугольной трапеции, передняя часть скошена. Боевая личинка затвора с резьбой на нижней части, к остову затвора крепится с помощью винта. В продольном пазе помещен выбрасыватель с плоской пружиной (рис. 1). Курок фиксируется с остовом с помощью оси с резьбой в верхней части. Магазин

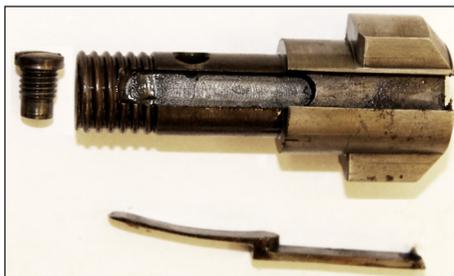

Рис. 1. Боевая личинка затвора винтовки Нагана

Рис. 2. Магазинная коробка со спусковой скобой и хвостовик спусковой скобы винтовки Нагана

Рис. 3. Магазинная коробка винтовки Нагана

Рис. 4. Отсечка патронов винтовки Нагана

Рис. 5. Отсечка патронов винтовки Нагана

Рис. 6. Пружина отсечки патронов винтовки Нагана

серединный, вертикальный, с однорядным расположением патронов, магазинная коробка объединена со спусковой скобой, боковые поверхности магазинной коробки гладкие (рис. 2). Подаватель патронов расположен на крышке магазина, закрепленной на шарнире.

Остановимся подробнее на описании отсечки патронов. Она расположена с левой стороны магазинной коробки (рис. 3) и представляет собой фигурную пластину с двумя расположенными один над другим продольными горизонтальными выступами, примерно параллельными центральной оси канала ствола (рис. 4, 5). На отсечку действует плоская пружина, также расположенная с левой стороны магазинной коробки (рис. 6). Нижний выступ удерживает патроны в магазине. Патрон, предназначенный для досылания в патронник, находится между двумя выступами. Верхний выступ отсечки совместно с постоянным выступом на правой стороне ствольной коробки направляют патрон, который движется под действием затвора, в патронник¹⁰.

Хвостовик спусковой скобы крепится к ней с помощью оси, к ложе – двумя шурупами, в средней части выступ (сосок) с рифлением на передней поверхности. Ложа деревянная, с длинным цевьем, прямой шейкой и плоским прикладом. Прибор стальной, состоит из наконечника цевья, двух разрезных ложевых колец и затыльника приклада. Нижняя антабка стальная, закреплена на магазинной коробке впереди, верхняя антабка отсутствует. Шомпол стальной, с цилиндрической бронзовой головкой со сквозным поперечным овальным отверстием. На ствольной коробке выбито: Brevet Nagant, 239; на казенной части ствола – ELG в овале; на прикладе – 561 (старый инвентарный номер).

На ствольной коробке второго образца (ТГМО КП-1124) слева выбито: Brevet Nagant, 423 (номер в произведенной партии), V под короной в овале, X под звездой; на казенной части ствола – ELG и звезда в овале, колонна, X под звездой (клейма испытательной станции в г. Льеже), 423. Цифры на прицеле также отсутствуют.

Основное отличие двух моделей заключается в форме рукоятки затвора: у № 239 она грушевидная (рис. 7), у № 423 – шарообразная (рис. 8).

Для того, чтобы оценить значение этих образцов из собрания ТГМО, рассмотрим кратко историю появления винтовки Нагана в России.

В 1887 г. братья Эмиль и Леон Наганы представили на конкурсные войсковые испытания в Бельгии 8-мм винтовку с серединным магазином на 5 патронов и затвором прямого действия с двумя передними боевыми упорами. Этот образец заряжался или по одному патрону, или с помощью пачки, которую вставляли в магазин. Винтовка Наганов была признана слишком сложной и уступила модели Маузера, выигравшей конкурс¹¹.

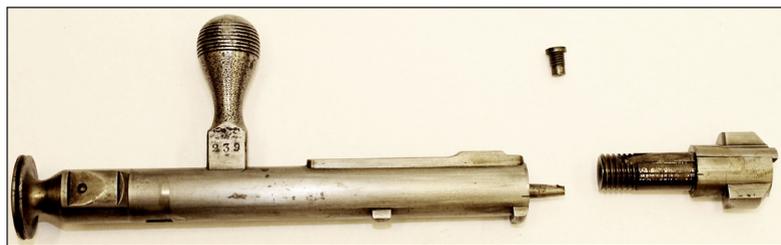

Рис. 7. Затвор винтовки Нагана с № 239 (ТГМО КП-1123)

Рис. 8. Затвор винтовки Нагана с № 423 (ТГМО КП-1124)

В сентябре 1888 г. в Россию поступил доклад инспектора местных arsenалов генерал-лейтенанта Ф.К. Фишера, в котором тот сообщал, что на Брюссельской выставке Наган показал ему магазинную винтовку своей конструкции, которая прошла успешные испытания в Бельгии. От винтовки 1887 г., представленная модель отличалась, по-видимому, в основном способом заряжания магазина: оно производилось вручную без помощи пачки¹².

Весной 1889 г. из Брюсселя в Россию были высланы брошюры с изображением образца винтовки Нагана 1888 г. и пачки к ней. В июле того же года военный министр П.С. Ванновский поручил полковнику А.И. фон-дер-Ховену направиться в Льеж и осмотреть образцы винтовок Нагана, предназначенные для отправки в Россию. Первый экземпляр 8-мм винтовки за № 181 с 500 патронами бельгийского образца был доставлен 11 октября 1889 г. 30 ноября того же года были получены еще две винтовки Нагана с № 184 и 185. От образца № 181 они отличались только конструкцией магазина.

13 января 1890 г. Л. Наган прислал в Россию винтовку с № 190 под 7,65-мм патрон к бельгийской винтовке Маузера. Ее затвор имел боевые выступы на обресте боевой личинки и был похож на затвор и личинку французской винтовки Лебеля. Магазин и пачка остались без изменений.

27 февраля того же года поступила 7,65-мм винтовка Нагана № 192. От образца № 190 она отличалась устройством предохранителя¹³.

3 марта на заседании комиссии для выработки образца малокалиберного ружья были рассмотрены результаты испытаний винтовок Нагана. Конструктору было предложено сделать несколько существенных изменений. Он согласился их внести, но обратился с просьбой предоставить ему несколько стволов и ряд других деталей для ускорения этих работ, а также некоторые инструменты. Председатель комиссии генерал-лейтенант Н.И. Чагин распорядился передать Л. Нагану несколько деталей винтовки, среди которых были боевая личинка затвора с экстрактором, два ствола с основанием для мушки и патронником, средняя часть затвора с рукояткой, передняя часть магазинной коробки, прицел. По решению комиссии Нагану планировали заказать 5 винтовок, а если результаты их испытаний окажутся благоприятными, то еще 300. Однако П.С. Ванновский в целях ускорить опыт постановил заказать Нагану 300 винтовок, не дожидаясь результатов испытаний пяти образцов.

Наган согласился выполнить заказ за пять месяцев, но заявил, что постарается сократить этот срок. Для удешевления этого заказа было принято решение прицелы и штыки к этим винтовкам изготовить в России. При этом стоимость одной винтовки не должна была превышать 225 франков¹⁴.

Перед заказом партии из 300 ружей Н.И. Чагину было поручено ознакомиться с винтовками Нагана в Бельгии. В июле в Россию поступило сообщение военного агента в Бельгии о результатах осмотра Н.И. Чагиным винтовок Нагана. Оружие было признано удовлетворительным, и Л. Наган, не дожидаясь заключения договора, приступил к изготовлению партии из 300 единиц¹⁵.

8 августа 1890 г. Л. Наган представил винтовку со стволом «нашего образца» № 26 калибра 7,62 мм (3 лин.), изготовленным в инструментальном отделе С.-Петербургского патронного завода. Магазин соответствовал магазину винтовки № 192 за исключением того, что дверца откидывалась на шарнире на переднем конце. Пружина рычага подавателя размещалась на магазинной дверце, а не в цевье, как прежде.

На левой стороне ствольной коробки имелся выем для пластинки отсечки с двумя губами, надавливаемой в сторону оси магазина особую пружиной. Нижняя губа пластинки удерживала очередной

патрон, пока затвор не был окончательно закрыт поворотом рукоятки направо. Это приспособление устраняло подачу второго патрона из магазина.

Отражатель выступал передним концом при отодвигании затвора назад. Боевая личинка ввинчивалась в стембель затвора и закреплялась винтом. Боевые выступы размещались, как у прежних образцов, но впереди были закруглены и отодвинуты немного назад от переднего среза личинки.

29 сентября Наган доставил из Бельгии четыре 7,62-мм винтовки под № 195, 196, 197 и 198. Их стволы российского образца были изготовлены Л. Наганом. Все винтовки имели пластину, которая свободно вращалась на заднем конце рычага и фиксировалась в крайнем верхнем положении для производства однозарядной стрельбы. Двухперая пружина рычага подавателя помещалась в дверце магазина. Коробка магазина и отсечка с губами незначительно отличались от этих деталей винтовки со стволом № 26.

Затворы винтовок № 196 и 198 были аналогичны образцу со стволом № 26. Однако затворы образцов № 195 и 197 имели боевую личинку с боевыми выступами у самого ее обреза, скошенными наклонно вперед, а не закругленными, как прежде.

Л. Наган считал винтовку № 197 заключительным образцом¹⁶. К числу ее улучшений он относил полукруглое утолщение в виде горба на переднем конце подавателя, которое препятствовало попаданию пули патрона в вырез на передней стенке магазина при его досылании в патронник¹⁷.

Согласно условию контракта к 18 ноября 1890 г. Л. Наган должен был представить 30 винтовок, к 18 декабря – 70 и к 1 марта 1891 г. – остальные 200. По каждому из этих сроков Наган имел отсрочку в 15 дней¹⁸.

Когда это оружие поступило реально, выявить в настоящее время не удалось. Согласно сведениям, приведенным Н.И. Юрловым, 72 винтовки Нагана были доставлены в С.-Петербург к 8 января 1891 г.¹⁹ Однако неясно, идет ли речь о завершении всего заказа или только о второй партии из 70 штук.

К испытаниям винтовок Нагана приступили в самом начале января 1891 г. Так, рота лейб-гвардии 1-го стрелкового батальона проводила их с 3 по 15 января²⁰. С 28 января по 8 февраля система Нагана проходила испытания в ротах лейб-гвардии Измайловского, Павловского и 147-го Самарского пехотного полков. С 13 марта на-

чались испытания 30 винтовок Нагана «последней доставки»²¹. Это подтверждает, что Л. Наган предоставил свои образцы в предусмотренные контрактом сроки.

Выше отмечалось, что прицелы обеих винтовок из собрания ТГМО не имеют делений, а эти детали устанавливались на образцы Нагана уже в России. Возможно, что деления на прицелы наносили непосредственно перед испытаниями.

Как было указано выше, винтовки Нагана из собрания ТГМО отличаются главным образом формой рукоятки. Грушевидную форму, по всей видимости, имели части затвора, которые были переданы Л. Нагану.

Однако неясно, по какой причине фабрикант изменил форму рукоятки, вернувшись к традиционному для него варианту. Можно предположить, что ему был передан комплект не на все 300 винтовок. Это косвенно подтверждает тот факт, что такая форма отмечена на более поздних образцах. Вопрос о первом образце винтовки Нагана с шарообразной рукояткой остается открытым. В собрании ВИМАИВиВС впервые такая рукоятка зафиксирована на образце с № 273, а последняя с грушевидной – на № 241. Таким образом, эта форма появляется на одной из винтовок с № от 242 до 273 включительно.

Следует отметить, что А.Я. Шайденко не приводит в своих исследованиях шарообразную форму рукоятки затвора у винтовки Нагана. Так как главной его задачей было доказать, что Л. Наган в своей системе все заимствовал у С.И. Мосина, то грушевидная форма служила одним из подтверждений данного вывода²².

Интересно отметить, что первые серийные винтовки обр. 1891 г. имели грушевидную форму рукоятки затвора, и только через несколько лет она была заменена на шарообразную²³. Между тем, последняя еще 12 марта 1891 г. на заседании комиссии под председательством В.В. Нотбека была признана лучшей формой рукоятки затвора²⁴. Причины, по которым это решение не было учтено при постановке на массовое производство винтовок обр. 1891 г., могут стать темой отдельного исследования.

Таким образом, винтовки Нагана из собрания ТГМО представляют собой заключительный вариант и относятся к партии из 300 винтовок, проходивших испытания в начале 1891 г., что подтверждает их ценность как памятников военной техники, связанных с историей разработки образцов стрелкового оружия для российской армии.

- ¹ Приказ по военному ведомству № 124 от 22 мая 1891 г. // Оружейный сборник. 1891. № 2. Правительственные распоряжения. С. 1–2.
- ² Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб.: Полигон, 1995. С. 57.
- ³ См. например: Ашурков В.Н. Конструктор С.И. Мосин (1849–1902). Тула: Обл. кн. изд-во 1949. 79 с.; Он же. С.И. Мосин – создатель русской винтовки. М.: Воениздат, 1951. 77 с. (Научно-популярная библиотека солдата); Чуднов Г.М. Конструктор С.И. Мосин. Тула: Приокское кн. изд-во, 1990. 174 с.: ил.; Селиванов Ф.Т. Слава без имени. М.: Воениздат, 1954. 196 с.
- ⁴ Шайденко А.Я. Некоторые конструкторские работы С.И. Мосина. К столетию со дня рождения (По материалам Тульского исторического музея оружия) // Труды Тульского механического института. Вып. 3. М.: Гос. изд-во оборонной промышленности, 1949. С. 154–164; Он же. Краткий анализ отдельных конструкторских работ С.И. Мосина // Очерки по истории отечественной артиллерийской науки и техники. Вып. 4. Сергей Иванович Мосин (1849–1902). М.: Издание Академии артиллерийских наук, 1953. С. 38–51.
- ⁵ Ильина Т.Н. Судьба винтовки. Ч. I // Орел. 1993. № 3. С. 36–39; Она же. Судьба винтовки // Музей военной истории и боевой славы: Сб. статей и материалов, посвященный 240-летию ВИМАИВиВС / Под ред. Н.И. Караулова. М., СПб.: Изд. ВИМАИВиВС, 1996. С. 308–323.
- ⁶ Христин В. Русская трехлинейная винтовка магазинная винтовка обр. 1891/30 г. Сказки и быль. Наган, Мосин и другие действующие лица // Ружье. Российский оружейный журнал. 1999. № 4. С. 14–19; № 5. С. 60–65; 2000. № 2. С. 71–78; 2001. № 2. С. 55–65; 2002. № 5. С. 45–55; Клишин А. Странная история «винтовки Мосина» и «револьвера Нагана»... // Мир увлечений. Охота & Оружие. 2010. № 5 (33). С. 62–75; Челноков С. Мосин vs Nagant // Мастерружье. 2007. № 6. С. 28–35; № 7. С. 54–62.
- ⁷ Шайденко Анатолий Яковлевич (1919–1993) – кандидат технических наук, профессор, организатор и заведующий кафедрой гироскопических приборов и устройств (1962–1978), декан факультета систем автоматического управления (1978–1982) Тульского государственного политехнического института. Большая часть его научных исследований проводилась по заданиям Совета Министров СССР.
- ⁸ Шайденко А.Я. Некоторые конструкторские работы С.И. Мосина. С. 158–163; Он же. Краткий анализ отдельных конструкторских работ С.И. Мосина. С. 45–51.
- ⁹ Глазков В.В. Оружие Великой войны. Винтовки и карабины Российской армии. М.: Русские витязи, 2015. С. 27, 28.
- ¹⁰ Составлено на основании описания действия задержки самим Л. Наганом в своем письме генерал-лейтенанту П.А. Крыжановскому в октябре 1890 г., приведенном Виктором Христинем (Архив ВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 171). – Христин В. Указ. соч. // Ружье. Российский оружейный журнал. 2001. № 2. С. 63.
- ¹¹ См., например: Христин В. Указ. соч. // Ружье. Российский оружейный журнал. 1999. № 5. С. 65.
- ¹² Юрлов Н.И. Обзор опытов, предшествовавших перевооружению нашей армии 3-х лин. винтовками обр. 1891 г. // Оружейный сборник. 1901. № 4. Отдел I. С. 34–36.
- ¹³ Юрлов Н.И. Указ соч. // Оружейный сборник. 1903. № 2. Отдел I. С. 8–10.
- ¹⁴ Юрлов Н.И. Указ соч. // Оружейный сборник. 1902. № 3. Отдел I. С. 1–5.
- ¹⁵ Там же. Отдел I. С. 7.

¹⁶ Впоследствии Л. Наган продолжал дорабатывать свой образец. Согласно поданной им 22 июня 1891 г. патентной заявке он изменил форму отсечки патронов.

¹⁷ Юрлов Н.И. Указ соч. // Оружейный сборник. 1903. № 2. Отдел I. С. 11–12.

¹⁸ Юрлов Н.И. Указ соч. // Оружейный сборник. 1902. № 4. Отдел I. С. 5.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Там же. С. 90.

²¹ Юрлов Н.И. Указ соч. // Оружейный сборник. 1903. № 1. Отдел I. С. 42.

²² Шайденко А. Я. Некоторые конструкторские работы С.И. Мосина. С. 159; Он же. Краткий анализ отдельных конструкторских работ С.И. Мосина. С. 48.

²³ См., например: Шайденко А. Я. Краткий анализ отдельных конструкторских работ С.И. Мосина. С. 44.

²⁴ Юрлов Н.И. Указ. соч. // Оружейный сборник. 1903. № 1. Отдел I. С. 67.

М.Ю. Пислегина (Вятка)

Г.С. ШПАГИН – КОНСТРУКТОР «ОРУЖИЯ ПОБЕДЫ»

СЛОВСОЧЕТАНИЕ «советский солдат» вызывает в воображении разные картины, единые в одном: в руках бойца есть ППШ с барабанным магазином. Фотографии Великой Отечественной, кинохроника и памятники, посвященные советскому солдату, расположенные на просторах бывшего СССР и освобожденных Красной армией территорий, запечатлели это оружие в руках воина-освободителя. Именно так вошел в историю пистолет-пулемет Шпагина, а в месте с ним и его конструктор – Георгий Семенович Шпагин.

Он родился в 1897 г. в д. Ключниково Ковровского района Владимирской области в семье крестьян и был одним из четырех детей. В 1907 г. «окончил трехклассное начальное училище и стал помогать в работе отцу. Продолжать учебу дальше не мог и не мог обучаться какому-либо ремеслу из-за бедности отца»¹. Семья испытывала нужду, и поэтому в 13 лет Георгия отправили на заработки – «мальчиком (в лавку купца. – *М.П.*) в город Рыльск Курской губернии, а в 1911 из-за непосильного труда сбежал от хозяина и... поступил на стекольный завод Вознесенска»². Но, несмотря на тяжелую жизнь, на досуге он постоянно что-то мастерил и ремонтировал. За такой работой получил травму сухожилия на указательном пальце правой руки, в результате чего палец оказался бездействующим.

Первая мировая война внесла коррективы в трудовую жизнь будущего конструктора. В 1916 г. Георгий Шпагин был призван в армию, но по состоянию здоровья, из-за полученной в детстве травмы руки, был зачислен сначала в 268-й запасной батальон, где прошел двухмесячную подготовку, а после – младшим оружейником в ору-

жейную мастерскую 14-го гренадерского грузинского полка на Западном фронте (рис. 1). Там и произошло знакомство Георгия Семеновича со стрелковым оружием, которое стояло на вооружении русской армии в тот период времени, именно там он и «получил квалификацию слесаря-оружейника»³. Природная сметка, врожденный талант к слесарному делу и желание учиться сделали его специалистом по ремонту стрелкового вооружения. Не существовало таких образцов, которые не смог бы отремонтировать Шпагин. Потом его коллеги, вспоминая Георгия Семеновича, будут говорить, что он «понимал» оружие.

Рис. 1. Г.С. Шпагин в период службы в 14-м гренадерском грузинском полку, 1916 г.

Сепаратным миром с Германией закончилась война для России, Шпагин демобилизовался в марте 1918 г. и, как пишет он сам, стал «заниматься хлебопашеством»⁴. В стране шла Гражданская война, и опыт мастера по ремонту оружия потребовался Красной армии, поэтому в ноябре 1918 г. Шпагина призывают в стрелковый батальон, на должность полкового оружейного мастера 8-го стрелкового полка, расквартированного в г. Владимире.

В 1919 г. Георгий демобилизуется по болезни и в 1920 г. поступает работать слесарем в опытную мастерскую производственно-конструкторского бюро Ковровского завода. Здесь происходит встреча, окончательно определившая дальнейшую судьбу молодого человека – с В.Г. Федоровым и В.А. Дегтяревым, создателями русского автоматического оружия, которые собирают вокруг себя талантливых «на все руки мастеров». Именно с ними он работает более 10 лет, получая раз от раза все более сложные задания, «вникает» в конструктивные и производственные особенности образцов оружия. Работая над оружейными деталями, Шпагин вносит предложения по оптимизации трудовых или материальных затрат на их выпуск. Так, когда ему «поручили собирать магазины к автоматам Федорова, он предложил делать меньше заклепок и расположил их так, что это не отразилось на прочности конструкции и ускорило изготовление магазинов»⁵.

В 1922 г. Георгий Семенович впервые пробует себя как конструктор: совместно с В.Г. Федоровым они создают 6,5-мм спаренный ручной пулемет, а в 1924 г. совершенствуют рамы с шаровой турелью для установки спаренного ручного пулемета в танке. В 1929 г. Георгий Семенович вместе с В.А. Дегтяревым создает шаровую установку для пехотного пулемета ДТ системы Дегтярева в танке, а после разрабатывает приемник барабанного типа с ленточным питанием к пулемету ДК. Без значительных переделок базовой модели пулемета была не только создана безотказно действующая система подачи патронов, но и увеличена скорострельность. По настоянию В.А. Дегтярева фамилия Шпагина была добавлена в название модели пулемета. С этого момента доработанный Шпагиным ДК стал называться ДШК – «Дегтярева – Шпагина крупнокалиберный», а молодого конструктора за эту работу награждают орденом Красной Звезды.

Работа Г.С. Шпагина по усовершенствованию конструкции пистолета-пулемета Дегтярева окончательно доказывает его способность к самостоятельным конструкторским решениям. Именно в это время он начинает задумываться об оружии своей конструкции. В.Г. Федоров «предложил ему обратить свое внимание на пистолет-пулемет, уж очень он нужен был армии»⁶. В это время усовершенствованием своего пистолета-пулемета занимался В.А. Дегтярев, а Шпагин, много работавший с образцами ППД, видел те недостатки, которые были в этом изделии: трудоемкость в изготовлении и сложность в

обращении. Поэтому Георгий Семенович решил создать свое оружие, которое было бы простым в изготовлении и обращении, тем более, что советско-финляндская война показала, насколько не хватает Красной армии хорошего автоматического оружия.

Основную проблему в изготовлении существующих пистолетов-пулеметов Шпагин видел в сложности работы с металлическими частями, они же и утяжеляли оружие. Он решил сделать невозможное – штамповать металлические части оружия, чего до него никто не предлагал. Это не только ускорило и упростило изготовление оружия, но и значительно уменьшало вес готового изделия.

Георгий Семенович изготовил из дерева и картона макет будущего ППШ и показал его В.А. Дегтяреву, который «одобрил оригинальность мысли, нестандартный подход в решении некоторых узлов»⁷, но высказал опасения по поводу штамповки металлических частей. Но Шпагин был уверен в том, что этот способ изготовления оптимален по качеству, трудозатратам и стоимости.

Все металлические части оружия изготавливались методом холодной штамповки, кроме ствола, который изготавливался при помощи точных сверлильных операций. ППШ действовал по принципу свободного затвора, передняя часть которого имела кольцевой поршень, охватывающий заднюю часть ствола. В капсюль патрона, который подавался из магазина, ударял боек, закрепленный на затворе. Спусковой механизм был рассчитан на ведение огня как очередями, так и одиночными выстрелами. Для повышения меткости и уменьшения отдачи при стрельбе конструктор скосил передний конец кожуха ствола, сделав таким образом дульный тормоз-компенсатор.

В результате полигонных испытаний, где пистолет-пулемет Шпагина сравнивали с образцом пистолета-пулемета Шпитального, работа Георгия Семеновича была признана лучшей и рекомендована на вооружение Красной армии вместо ППД. 21 декабря 1940 г. ППШ приняли на вооружение. С этого момента Г.С. Шпагин был занят организацией массового выпуска своего изделия и его доработкой.

Массовый выпуск ППШ был развернут на заводе в г. Загорске (ныне – Сергиев Посад). Однако начало Великой Отечественной войны внесло коррективы в расположение производства ППШ: из опасений, что быстро наступающие немецкие войска займут г. Загорск, в августе было принято решение об эвакуации завода № 367 в рабочий поселок Вятские Поляны. К октябрю в целом оборудование было перевезено, установлено на место постоянного расположения,

частично на открытом воздухе, и под руководством самого Г.С. Шпагина к 7 ноября 1941 г. была выпущена первая партия ППШ, так нужного для обороны Москвы.

Процесс улучшения ППШ не останавливался в течение всего периода его изготовления. С 1940 по 1945 г. Шпагиным было предложено более 10 изменений в конструктивную и технологическую карту пистолета-пулемета, что удешевило изготовление оружия почти в 5 раз. Так, в отчете партийной организации завода «Молот» (г. Вятские Поляны), на котором с 1941 по 1945 г. под руководством Георгия Семеновича было выпущено более двух с половиной миллионов ППШ, указано, что «тов. Шпагин (лауреат Сталинской премии) с предложениями об изменении конструкции деталей ППШ, переводе их с механической обработки на штамповку, резко снизил трудоемкость, улучшил качество и высвободил десятки станков и сотни рабочих. Общая эффективность внедренных предложений выражается в сумме 570 тысяч рублей в год, в том числе до 90 тонн металла»⁸.

Серьезным изменением можно считать и переход в 1943 г. к изготовлению вместо барабанного магазина секторного. «Технологические и эксплуатационные достоинства секторного магазина перед круглым состоят в большем применении холодной штамповки, которая занимает 62,3 % вместо 33, 7 % от круглого магазина, в минимальном количестве задержек и полной взаимозаменяемости его с пистолетами»⁹. Так Шпагиным была ликвидирована одна из наибольших проблем ППШ образца 1941 г.

Из воспоминаний очевидцев тех лет можно понять, как работал конструктор в то время: «Мы не знали, когда он спал и уходил ли домой. Он всегда был в цехах, постоянно объяснял, помогал, а иногда просто подбадривал работающих по 15–17 часов»¹⁰ (рис. 2). Многие в городе даже не знали, что простой человек в полувоенном костюме – сам Шпагин, настолько скромен он был. Его скромность характеризует и такой случай: в начале 1944 г. ему забыли предоставить литерную карточку на продукты питания, Шпагин об этом никому не напоминал. Выяснилось это только в апреле, именно тогда в наркомат вооружения была отправлена телеграмма с указанием на то, что «лауреат Сталинской премии Г.С. Шпагин питание по литерной карточке не получает с января»¹¹.

ППШ стал самым массовым автоматическим оружием РККА во время Великой Отечественной войны (всего за годы войны было выпущено более 5 с половиной миллионов штук), состоял на воору-

Рис. 2. Г.С. Шагин на занятиях с группой рабочей молодежи завода «Молот», 1943 г.

жения армии Советского Союза до 1951 г. и был главным детищем конструктора.

Но не только созданием ППШ вошел в историю Г.С. Шагин. Военные действия требовали и других видов вооружения. Так, в 1942 г. он разработал осветительный пистолет (ОПШ – осветительный пистолет Шагина), а в мае 1943 г. процесс производства ОПШ был отлажен и завод начал его выпуск в соответствии с программой, утвержденной ГКО. «ОПШ имел 34 детали, 15 из которых изготавливались методом холодной штамповки, 19 обрабатываются механическим способом из полосового или круглого металла. С технологической точки зрения процесс изготовления и сборки не сложен и позволяет применять высокопроизводительные методы обработки»¹².

В 1944 г. был запущен в производство СПШ – 26-мм сигнальный пистолет Шагина (осветительный пистолет Шагина образца 1943 г.), проектные работы по разработке техпроцессов и проектированию оснастки которого были закончены к 1 февраля 1944 г., а концу марта была выпущена первая партия из 100 штук. «Технологические преимущества СПШ сводятся к тому, что большинство деталей пистолета получается путем холодной штамповки (40,6 % деталей от общего количества), часть деталей может быть обработана на автоматах (соответственно 18 %), и остальные подвергаются различным методам механической обработки»¹³. СПШ как очень

легкий в производстве и использовании сигнальный пистолет еще до недавнего времени использовался в российской армии.

Во второй половине Великой Отечественной стало понятно, что век пистолетов-пулеметов заканчивается, так как условия войны выдвигали новые требования к стрелковому оружию, но перейти на массовый выпуск автоматов по разным причинам было невозможно, поэтому до конца Второй мировой войны главным оружием советских солдат оставался ПППШ.

После Победы Г.С. Шпагин работал над созданием автомата, но больших успехов в этом не достиг. В это время начала восходить звезда М.Т. Калашникова, на многие годы взявшего на себя лидерство в создании автоматического стрелкового оружия.

После войны Георгия Семеновича Шпагина в Ковров обратно не пригласили, поэтому он остался жить в Вятских Полянах. Работая главным конструктором завода «Молот», он оказался «за бортом» активной конструкторской деятельности, которая в это время шла в оружейных столицах СССР. Причины такой невостребованности еще предстоит выяснять.

Шпагин начал заниматься общественной деятельностью, став в 1946 г. депутатом Верховного Совета СССР. Главной своей задачей он видел помощь участникам войны и вдовам не вернувшихся с полей сражений. Эту работу он выполнял честно, стараясь, насколько возможно, облегчить людям жизнь и решить их проблемы и нужды.

Но автор предполагает, что огромное напряжение во время войны, обида за то, что когда в Коврове, Ижевске, Туле шла ак-

Рис. 3. Г.С. Шпагин, 1951 г.

тивная деятельность по созданию новых образцов оружия, он был вынужден находиться в Вятских Полянах, где на заводе стали выпускать патефоны, не могли не отразиться на его здоровье. Шпагин заболел, врачи долго не могли поставить правильный диагноз. Лишь к концу 1951 г. выяснилось, что Георгий Семенович болен раком желудка, лечить было его уже слишком поздно.

Умер талантливейший конструктор-самоучка, который прошел путь от слесаря до конструктора, за свою деятельность был награжден Сталинской премией, званием Героя Социалистического Труда, тремя орденами Ленина, орденом Суворова II степени, орденом Красной Звезды и многими медалями (рис. 3) 6 февраля 1952 г. в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище, прожив уникальную, но такую обычную для своего времени жизнь, которую он посвятил своей Родине.

В истории Великой Отечественной войны Г.С. Шпагин остался как создатель самого популярного отечественного пистолета-пулемета, в истории оружейного дела – как конструктор, который первым широко использовал в своем оружии штампосварные детали и узлы.

¹ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. 1290. Оп. 42. Д. 207. С. 35.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. Ф. 290. Оп. 12. С. 9.

⁵ «Столетию со дня рождения Г.С. Шпагина посвящается». г. Вятские Поляны, 1997. С. 4.

⁶ Бехтерев Л. Оружие и автор. Кировская правда. № 108. 09.05 1978. С. 3.

⁷ Там же.

⁸ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 50. С. 111–112.

⁹ Там же. Оп. 9. Д. 59. С. 99.

¹⁰ МБУК Вятскополянский исторический музей. ОФ. 126. С. 5. Воспоминания Храмова В.Т.

¹¹ ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп. 10. Д. 50. С. 21.

¹² Там же. С. 71.

¹³ Там же. С. 73.

М.А. Приходько (Москва)

ПЕРВИЧНАЯ СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МИНИСТЕРСТВА ВОЕННЫХ МОРСКИХ СИЛ В 1802–1811 ГОДАХ

МАНИФЕСТ «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. не внес существенных изменений в общую структуру центрального морского управления. Основное его практическое значение выразилось в учреждении должности нового военно-морского руководителя – министра военных морских сил.

По Манифесту 8 сентября 1802 г. в его управление переходила Адмиралтейств-коллегия «со всеми местами и делами, от нее зависящими»¹, установленными Штатом этого учреждения от 1 января 1798 г.²

Тем самым в ведение министра военных морских сил перешла Адмиралтейств-коллегия в составе пяти экспедиций: Комиссариатской, Интендантской, Счетной, Артиллерийской и Казначейской³, и совокупность местных учреждений, подчиненных ей – Канторы Главных командиров портов в Архангельске, Кронштадте и Ревеле, Канторы над портами в Астрахани, Риге и Роченсальме, Дирекция при Кронштадтском канале, Московская и Казанская Адмиралтейские канторы и Кантора Главного командира Черноморского флота и портов⁴.

После 8 сентября 1802 г. важное значение в деле первичной организации структуры Министерства военных морских сил приобретает деятельность Комитета для образования флота (1802–1805), созданного незадолго до учреждения министерств 24 августа 1802 г.⁵

Этот комитет под руководством А.Р. Воронцова приступил к разработке нормативных положений модернизации центрального морского управления в новых условиях – условиях учреждения Министерства военных морских сил.

Первоначальные изменения в структуре Министерства военных морских сил выразились в учреждении четырех новых структурных подразделений.

13 октября 1802 г. при министре военных морских сил создается Военная по флоту канцелярия⁶, под руководством начальника. В ее компетенцию вошли вопросы, связанные со сбором сведений, составлением ведомостей, реестров, списков личного состава флота и морского ведомства и ведение переписки по этим вопросам.

11 ноября 1802 г. на основе «высочайше» подтвержденного доклада Комитета для образования флота создается Главная контрольная экспедиция при Адмиралтейств-коллегии⁷ в целях осуществления материального и финансового контроля деятельности учреждений Министерства военных морских сил.

Главной контрольной экспедиции подчинялись контрольные экспедиции, образованные в десяти крупных портах (Кронштадте, Ревеле, Архангельске, Роченсальме, Москве, Казани, Николаеве, Севастополе, Херсоне, Таганроге⁸). Ее возглавил первоприсутствующий⁹.

26 февраля 1803 г. образуется Инспекторская экспедиция Адмиралтейств-коллегии¹⁰. В ее компетенцию вошло: составление списков всех служащих в адмиралтейской зависимости (в этом вопросе экспедиция дублировала деятельность Военной по флоту канцелярии), производство рекрутских наборов во флот, сбор точных сведений о причинах болезней и отлучек флотских чинов, соби́рание послужных списков флотских чинов, контроль за соблюдением старшинства в производстве чинов.

5 мая 1803 г. был утвержден штат Департамента министра военных морских сил¹¹ – основного исполнительного органа в первые годы деятельности Министерства военных морских сил, в составе двух экспедиций и под руководством директора.

В 1804 г. при Адмиралтейств-коллегии был учрежден Генеральный кригсрехт¹², в качестве высшего военно-морского судебного органа и в целях обособления системы военно-морских судов от системы судов военно-сухопутных¹³. В состав этого органа вошли непременно (первый) член, генерал-аудитор-лейтенант, обер-аудитор и два аудитора¹⁴. Генеральный кригсрехт действовал почти 2 года до 11 октября 1805 г.¹⁵ За это время состоялось 103 заседания¹⁶. По Указу Адмиралтейств-коллегии от 9 октября 1805 года¹⁷ он был упразднен в связи с преобразованием Генерал-аудиториата.

Только 4 апреля 1805 г. императором Александром I был утвержден доклад Комитета для образования флота «О преобразовании Морского департамента»¹⁸, которым собственно и определялась общая, первичная организация Министерства военных морских сил.

Главным выводом этого доклада было признание необходимости существования в морском управлении Адмиралтейств-коллегии: «Существование совещательного собрания, какова Адмиралтейств-коллегия, полезно и необходимо»¹⁹. Причем, комитет обосновывал свой вывод ссылкой на удачный опыт управления флотом в Англии, где действовала Адмиралтейств-коллегия, и на неудачный опыт Франции, где центральное морское управление осуществлялось министром²⁰.

Кроме того, комитет признал необходимым в текущей деятельности Министерства военных морских сил обратиться снова к «Регламенту о управлении Адмиралтейств-коллегии» Петра Великого²¹.

Исходя из этого, комитет разделил все части и места центрального морского управления на два отделения – «воинское» и «художественное», поручив управление ими соответственно Адмиралтейств-коллегии и Адмиралтейскому департаменту, под общим руководством министра военных морских сил.

В ведение Адмиралтейств-коллегии переходило содержание, комплектование и снабжение флота, постройка судов и руководство действиями флота. Члены коллегии назначались императором в составе шести или не менее четырех флагманов, под председательством министра военных морских сил. Это означало, что начальники экспедиций лишались своего прежнего права участия в управлении Адмиралтейств-коллегией.

Адмиралтейств-коллегия подразделялась на пять экспедиций: Хозяйственную, возглавляемую генерал-кригс-комиссаром; Исполнительную (бывшую Инспекторскую), возглавляемую генералом-интендантом; Артиллерийскую, возглавляемую генерал-цейхмейстером; Казначейскую, возглавляемую генерал-казначеем и Счетную, руководимую генерал-контролером. Экспедиции подразделялись на отделения, под руководством начальников, а отделения – на столы, под руководством столоначальников.

В ведение Адмиралтейств-коллегии переходили конторы главных командиров портов, за исключением Конторы главного командира Черноморского флота и портов, дела которой рассматривались Адмиралтейств-коллегией только в случае направления их в коллегию министром военных морских сил.

Адмиралтейскому департаменту поручалось заведование ученой и строительной частями, т. е. управление Морским кадетским корпусом, всеми мореходными училищами, библиотеками, обсерваториями и другими учебными заведениями и всеми адмиралтейскими строениями, принадлежащими военно-морскому управлению.

Адмиралтейский департамент состоял из неперменных и почетных членов, количество которых не ограничивалось. Непременные члены назначались по представлению министра императором, а почетные члены избирались общим собранием неперменных членов и утверждались министром. Председательствующим в Адмиралтейском департаменте был также министр военных морских сил. Для производства дел в Адмиралтейском департаменте была образована канцелярия под руководством правителя, состоящая из двух отделений. Тем самым, Адмиралтейств-коллегия должна была стать совещательным собранием по военно-морской части, а Адмиралтейский департамент – совещательным собранием по ученой части.

Комитет для образования флота в своем докладе уделил внимание организации делопроизводства в Министерстве военных морских сил. Вводился упрощенный порядок делопроизводства на основе единых форм письмоводства, образцы которых приводились в конце доклада комитета²².

Важным следствием доклада Комитета для образования флота от 4 апреля 1805 г. было изменение правового статуса Адмиралтейств-коллегии. Из центрального учреждения государственного управления она превращалась в одно из подразделений Министерства военных морских сил. Но при этом Адмиралтейств-коллегия сохранила коллегиальное устройство, более того, к ней добавилось еще одно коллегиальное учреждение – Адмиралтейский департамент.

Таким образом, в Министерстве военных морских сил установился смешанный коллежско-министерский порядок управления, в котором наряду с соподчиненностью подразделений и четким определением круга учреждений, имевших прямой контакт с министром, – Адмиралтейств-коллегия, Адмиралтейский департамент, главные командиры портов, а также управляющие экспедициями по конкретным вопросам и инспекторы морских команд²³, – все-таки значительную роль играла Адмиралтейств-коллегия, в качестве основной инстанции по управлению действиями флота и хозяйственным вопросам под руководством министра.

Уже 19 апреля 1805 г. был утвержден руководящий состав Адмиралтейств-коллегии, Адмиралтейского департамента и экспедиций²⁴.

Затем началась реорганизация управления медицинской частью военно-морского ведомства.

4 августа 1805 г. на основе «высочайше» утвержденного доклада министра внутренних дел²⁵ медицинское управление военно-сухопутного и военно-морского ведомств отделено от Министерства внутренних дел. Это привело к созданию самостоятельного органа медицинского управления по морской части – Медицинской экспедиции Министерства военных морских сил, в составе генерал-штаб-доктора, его помощника – генерал-штаб-лекаря и определенного числа канцелярских служащих²⁶.

В 1808 г. изменения в центральном морском управлении затронули и Контору Главного командира Черноморского флота и портов, которая еще в 1796 г. была подчинена Адмиралтейств-коллегии²⁷, но из-за особенностей своего организационного устройства, большого штатного состава и стратегического значения Черноморского флота, а также отдаленности своего постоянного местопребывания (в городе Николаеве) пользовалась значительной автономией и оставалась неохваченной административными преобразованиями.

8 апреля 1808 г. высочайше утвержден доклад министра военных морских сил «О преобразовании Главного Черноморского управления»²⁸.

В этом докладе впервые с конца XVIII в. официально подтверждалось, что «Адмиралтейская коллегия и Черноморская контора учреждены для одинакового предмета, управляются одними законами»²⁹.

Исключительное положение Черноморского управления (т. е. Конторы Главного командира Черноморского флота и портов) среди всех контор главных командиров закреплялось юридически, переименованием его в Черноморский департамент³⁰.

Черноморский департамент разделялся на шесть экспедиций: Хозяйственную, Исполнительную, Артиллерийскую, Строительную, Казначейскую и Счетную³¹.

Экспедиции в своей деятельности должны были руководствоваться порядком, установленным докладом Комитета для образования флота от 4 апреля 1805 г. «О преобразовании Морского департамента» для экспедиций Адмиралтейств-коллегии.

Но, в отличие от Адмиралтейств-коллегии, управление в Черноморском департаменте сосредотачивалось непосредственно в лице Главного командира Черноморского флота и портов, при котором учреждалась Канцелярия или Управление Черноморского департамента.

По всем делам, превышающим его власть, Главный командир относился непосредственно к министру военных морских сил. Адмиралтейств-коллегия рассматривала дела Черноморского департамента только в случае передачи их министром на ее рассмотрение³².

Ввиду этого Черноморский департамент, будучи юридически и функционально местным учреждением Министерства военных морских сил, все же сохранил организационное устройство, аналогичное Адмиралтейств-коллегии, и особое место в структуре Министерства военных морских сил.

Далее, 25 мая 1810 г. производится перераспределение дел между Исполнительной и Хозяйственной экспедициями Адмиралтейств-коллегии³³. В Исполнительной экспедиции сосредотачиваются дела по части кораблестроительной, а в Хозяйственной – по части комиссариатской и провиантской.

В 1811 году Счетная экспедиция Адмиралтейств-коллегии и Черноморская Счетная экспедиция были присоединены к Главному управлению ревизии государственных счетов³⁴.

Законодательные акты завершающего периода министерской реформы – Манифест от 25 июля 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов каждому управлению принадлежащих»³⁵, «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г.³⁶ и «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г.³⁷ – не оказали существенного влияния на Министерство военных морских сил.

Манифест от 25 июля 1810 г. оставил «предметы и принадлежности» Министерства военных морских сил в пределах, установленных Манифестом от 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств»³⁸.

«Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» не затронуло Министерство военных морских сил.

«Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. подтвердило предмет ведения Министерства военных морских сил – «все военные морские силы, в составлении их, в устройстве, продовольствии, снабжении и движении», и подтвердило факт существования в составе Министерства военных морских сил Адмирал-

тейств-коллегии³⁹, оставив структуру данного министерства без изменений.

Таким образом, организационное устройство Министерства военных морских сил, введенное 4 апреля 1805 г., осталось не затронутым «Общим учреждением министерств», и существование смешанного коллежско-министерского порядка управления в Министерстве военных морских сил продолжилось и далее.

Непрерывные войны, в которых участвовала Российская империя с 1805 г., акцентировали внимание на делах главных образом военно-сухопутного управления и отвлекли внимание от дел военно-морского управления, что выразилось в малой активности флота, недостатке финансирования Министерства военных морских сил и прекращении преобразований в структуре центрального морского управления к концу первого десятилетия XIX в.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. (Далее: ПСЗ-1). Т. 27. № 20406. Статья II. С. 244.

² РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 68. Л. 36–38 об., 131–146 об.

³ ПСЗ-1. Т. 20. № 14673. С. 569; Т. 44. Ч. I. Отд. 2. К № 14673. С. 165–167.

⁴ Месяцослов... на ... 1802. СПб., 1802. С. 114–120.

⁵ ПСЗ-1. Т. 27. № 20383. С. 230.

⁶ Там же. № 20456. С. 305–306.

⁷ Там же. № 20503. С. 343–348.

⁸ Реестр высочайше конфирмованным докладам, штатам и прочим положениям, касающимся до Морского департамента, состоящим с 1802 г. СПб., 1805. С. 28–33.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 27. № 20637. С. 478–479.

¹¹ Там же. № 20747. С. 584.

¹² ПСЗ-1. Т. 28. № 21396. С. 452–453.

¹³ Шендзиковский И.А. Конспект лекций по истории русского военно-уголовного законодательства. СПб., 1885. С. 195–196.

¹⁴ ПСЗ-1. Т. 28. № 21396. С. 452–453.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 5. Л. 63–64.

¹⁶ Там же. Л. 1–3 об.; Д. 8. Л. 1–168.

¹⁷ Там же. Д. 5. Л. 63–64.

¹⁸ ПСЗ-1. Т. 28. № 21699. С. 935–970.

¹⁹ Там же. С. 941–942.

²⁰ Там же. С. 939–942. Кроме того, ссылка на «Генеральный регламент об управлении коллегий» будет подтверждена и позднее (ПСЗ-1. Т. 20. № 22234. С. 685).

²¹ Там же. С. 939.

²² Там же. Т. 28. № 21699. С. 968–970.

²³ Чубинский В.Г. Историческое обозрение устройства управления морским ведомством в России. СПб., 1869. С. 152.

- ²⁴ РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–1 об.
- ²⁵ ПСЗ-1. Т. 28. № 21866. С. 1153–1165.
- ²⁶ Там же. С. 1160.
- ²⁷ РГАВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.
- ²⁸ ПСЗ-1. Т. 30. № 22952. С. 173–175; Т. 44. Ч. I. Отд. 2. К № 22952. С. 60–61.
- ²⁹ Там же. С. 174.
- ³⁰ Там же. С. 174–175. (В этом прослеживается косвенная терминологическая переключка с самим Министерством военных морских сил, которое в начале XIX в. именовалось также Департаментом министра военных морских сил или Морским департаментом).
- ³¹ Там же. Т. 44. Ч. I. Отд. 2. К № 22952. С. 57.
- ³² Там же. Т. 30. № 22952. С. 173, 175.
- ³³ Там же. Т. 31. № 24241. С. 196.
- ³⁴ ПСЗ-1. Т. 31. № 24502. С. 529–531.
- ³⁵ Там же. № 24307. С. 278–280.
- ³⁶ Там же. № 24326. С. 323–328.
- ³⁷ Там же. № 24686. С. 686–719.
- ³⁸ Там же. № 24307. С. 279, § 5.
- ³⁹ Там же. № 24686. С. 687–688. § 6, 26.

В.Н. Прямыцын (Москва)

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ГИБЕЛИ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА МАЙОРА МАРИНЫ РАСКОВОЙ

ИМЯ Марины Михайловны Расковой широко известно как в России, так и за ее пределами. Ее достижения на ниве установления авиационных рекордов, а также заслуги в деле формирования женских авиационных полков в годы Великой Отечественной войны хорошо известны любителям военной истории и истории авиации. Они нашли отражение в значительном количестве книг и статей. В абсолютном большинстве из них смерть выдающейся летчицы описывается фразами: *«погибла в авиакатастрофе в сложных метеоусловиях при перелете на фронт»* или *«погибла при исполнении служебных обязанностей»*. Спустя десятилетия после окончания Великой Отечественной войны рассекречивание архивных документов военной поры дает нам возможность в деталях восстановить обстоятельства гибели одной из первых женщин, удостоенных звания Героя Советского Союза.

Марина Раскова родилась 28 марта 1912 г. в Москве. Свою карьеру в авиации она начала в 1932 г. с должности лаборантки аэронавигационной лаборатории. Спустя два года Раскова окончила Ленинградский институт инженеров гражданского воздушного флота, став штурманом, а еще через год освоила программу обучения школы летчиков при Центральном аэроклубе. Несмотря на то, что в 23 года развелась с мужем, оставшись с четырехлетней дочерью, ее настойчивость привела к заветной цели – работе инструктором в Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. Способности молодой летчицы были замечены, и в 1937 г. ей было доверено установление мирового авиационного рекорда дальности полета в качестве штурмана на самолете АИР-12. В 1938 г. Марина Раскова

записала на свой счет еще два мировых рекорда дальности полета, на этот раз на гидросамолете МП-1. Однако всемирную славу и всенародную любовь хрупкой девушке принес полет на самолете АНТ-37 «Родина»¹.

24–25 сентября 1938 г. экипаж из трех советских женщин: В. Гризодубовой (командир), П. Осипенко (второй пилот) и М. Расковой (штурман) совершил беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток протяженностью 6450 км, длившийся более 26 часов

Рис. 1. Марина Раскова, Полина Осипенко, Валентина Гризодубова на фоне самолета «Родина»

(рис. 1). При вынужденной посадке «Родины», связанной со сложными метеорологическими условиями, командир экипажа приказал штурману покинуть самолет с парашютом. Так Марина Раскова оказалась в глухой тайге, имея с собой всего две плитки шоколада. Десятки самолетов вели поиски отважной летчицы с воздуха, тысячи человек искали на земле, миллионы людей следили за ходом поисков у радиоприемников. Штурмана АНТ-37 обнаружили лишь спустя 10 суток. За установление женского мирового авиационного рекорда дальности полета, а также проявленные при этом мужество и героизм капитан Марина Михайловна Раскова была удостоена звания Героя Советского Союза².

Наряду со своими коллегами по перелету Марина Раскова стала кумиром миллионов советских женщин, увлеченных в предвоенные годы авиацией не меньше мужчин. В 1939 г. издательство «Молодая гвардия» выпустило тиражом 15 000 экземпляров ее книгу «Записки штурмана», которая пользовалась большой популярностью и впоследствии не раз переиздавалась. Неудивительно, что когда началась Великая Отечественная война, к М. Расковой стали массово приходить письма от авиаторов-женщин с просьбой о содействии в направлении на фронт.

Пользуясь авторитетом Героя Советского Союза и личным знакомством с И. Сталиным, Марина Раскова выступила с инициативой использования на фронте авиаторов-женщин. Результатом ее организаторской деятельности стал приказ Народного комиссара обороны № 0099 от 8 октября 1941 г. «О сформировании женских авиационных полков ВВС Красной армии». Приказ предписывал создать три авиаполка с дислокацией в районе города Энгельса и укомплектовать их *«летно-техническим составом из числа женщин cadres ВВС КА, ГВФ и Осоавиахим»*³. Так в составе ВВС Красной армии появились 586-й истребительный, 587-й бомбардировочный и 588-й ночной бомбардировочный авиационные полки.

Марина Раскова с присвоением воинского звания майора была назначена командиром 587-го бомбардировочного авиационного полка (бап), вооруженного самолетами Су-2. Эти машины уже были сняты с производства и считались устаревшими. Решать вопрос о перевооружении полка Марина Раскова направилась к народному комиссару авиационной промышленности А. Шахурину. Она добилась того, чтобы ее полк одним из первых в ВВС получил новейший пикирующий бомбардировщик Пе-2, производство которого началось лишь годом ранее. Следует отметить, что 587-й бап был «условно женским». При преобладании военнослужащих прекрасного пола в нем служили и мужчины.

В июле 1942 г. в 587-й бап поступили 20 самолетов Пе-2. Командир полка майор М. Раскова организовала изучение новой боевой машины личным составом (рис. 2). *«Для того чтобы хорошо командовать, нужно самой хорошо летать и, конечно, в совершенстве знать машины, на которых летают твои подчиненные»*, – говорила она. Раскова заняла должность командира полка, минуя предыдущие ступени карьеры военного летчика. В качестве пилота она до сих пор летала мало, в основном на легкомоторных самолетах, поэтому ей

пришлось прикладывать значительные усилия, чтобы не отставать от подчиненных в деле освоения новой техники. В своем письме родным М. Раскова писала: *«Я почти не чувствую усталости, хотя больше четырех часов в сутки никогда не сплю и совсем не имею выходных дней»*⁴.

Истребительный и ночной бомбардировочный женские полки уже находились на фронте, а 587-й бап все еще осваивал новые самолеты в тылу. Лишь в декабре 1942 г. после череды перебазирований было принято решение о направлении полка под Сталинград. Над аэродромом

Лопатино (аэродромный узел Самары) установилась плохая погода с частыми снегопадами и низкой облачностью. Майор М. Раскова организовала отправку технического персонала полка к месту новой дислокации по железной дороге, а 27 декабря, воспользовавшись «окном» хорошей погоды, «выпустила» на Сталинград эскадрильи Пе-2 и «Дуглас» со штабом полка. В канун нового года в Лопатине остались всего три экипажа: летчиц Г. Ломановой и Л. Губиной, чьи самолеты были неисправны, а также командира полка М. Расковой, решившей дожидаться ремонта машин и проконтролировать их перелет на фронт⁵.

Прежде чем перейти к рассказу о событиях 4 января 1943 г., необходимо осветить положение дел в авиации Красной армии с аварийностью, а также организацию перелетов подразделений к линии фронта. Широко известно, какой ущерб нанес противник советским ВВС в первые месяцы войны. Менее распространен факт, что в период с 1 июля по 15 декабря 1941 г. во внутренних округах и запасных

Рис. 2. Командир 587-го бомбардировочного авиационного полка Герой Советского Союза майор Марина Раскова

авиаполках произошло 337 катастроф и 586 аварий. При этом погибло 604 человека личного состава и было разбито 747 самолетов. Одной из причин сложившейся ситуации была названа неспособность командиров правильно оценивать метеорологическую обстановку. По этой причине в указанный период случилось 22 катастрофы и 20 аварий. В приказе № 005 от 4 января 1942 г. «О мерах по борьбе с аварийностью в частях ВВС округов и запасных авиаполках» заместитель народного комиссара обороны СССР генерал-полковник авиации П. Жигарев предписывал: *«Внеаэродромные полеты и перелеты в составе групп самолетов выполнять при условии высоты облаков не ниже 200 м и видимости не менее 2 км»*⁶.

Не менее остро в начальный период войны встал вопрос об организации перелетов самолетов ВВС Красной армии над своей территорией. Для перелетов авиатехники между авиационными заводами и фронтом использовались воздушные трассы – утвержденные маршруты, оборудованные средствами навигационного и метеорологического обеспечения⁷. Однако командиры авиационных подразделений часто сами выбирали маршрут перелета к линии фронта. Если и пользовались назначенными трассами, то существенно отклонялись от них или игнорировали подачу заявок на перелет. Такое самоуправство существенно усложняло работу войскам ПВО и авиационным метеорологам. Приказ № 0184 от 9 марта 1942 г. «Об упорядочивании перелетов над своей территорией» устанавливал строгий порядок действий для командиров перелетающих групп, нарушение которого каралось судом военного трибунала⁸.

Организация использования воздушных трасс была возложена на отдел перелетов штаба ВВС Красной армии, в котором, начиная с 1942 г., было установлено круглосуточное дежурство инженеров Главной авиационно-метеорологической станции (ГАМС) ВВС. В обязанности дежурного синоптика отдела перелетов входило информирование командования ВВС и начальников авиационных соединений о фактической погоде и ее прогнозе по воздушным трассам. Непосредственное обеспечение перелетающих групп было возложено на аэрометеорологические станции батальонов аэродромного обслуживания (АМС БАО) и на метеорологические бюро соответствующих военных округов⁹.

В осенне-зимний период количество установленных маршрутов перелетов авиатехники между внутренними округами и фронтом сокращалось. Это обуславливалось перераспределением ресурсов ме-

теорологической службы для обеспечения безопасности полетов при преобладании сложных метеорологических условий. В ежегодных приказах «О подготовке органов Службы Погоды к обслуживанию осенне-зимней летной навигации» начальник Главного управления гидрометеорологической службы Красной армии (ГУГМС КА) генерал-майор Е. Федоров обращал особое внимание на обеспечение перелетов самолетов по воздушным трассам, устанавливая высокую личную ответственность прогнозистов: *«за авиационные происшествия по вине метеослужбы принимать самые строгие меры взыскания вплоть до отдачи под суд»*¹⁰.

Вернемся на аэродром Лопатино. В последние дни уходящего года бомбардировщики Пе-2 летчиц Г. Ломановой и Л. Губиной были отремонтированы, но сложные метеорологические условия не позволяли трем экипажам вылететь в район Сталинграда и воссоединиться с 587-м бомбардировочным авиационным полком. В ожидании улучшения погоды майор М. Раскова встретила на аэродроме новый 1943 г. Каждый день летчицы очищали от снега стоянки своих самолетов в надежде на то, что получат разрешение на вылет. Ежедневно командир полка посещала аэрометеорологическую станцию 180 БАО, обслуживавшую аэродром Лопатино. В пункте вылета, пункте посадки и по всему маршруту наблюдался сильный снегопад¹¹.

4 января метеорологические условия над аэродромом Лопатино улучшились. Утром майор М. Раскова прибыла на АМС 180 БАО, где на период 13:00–15:00 по маршруту Лопатино – Разбойщина (аэродромный узел Саратов) ей предоставили следующий прогноз погоды: *«Облачность слоисто-кучевая 7–10 баллов, высотой 300–600 метров... В районе Петровска метель при видимости 1–2 км...»*. Начальник АМС ознакомил Марину Раскову и с донесениями о фактической погоде в районе Петровска, где высота нижней границы облаков была ниже 100 метров, а видимость менее километра. С такой фактической погодой и прогнозом о подписании заявки на перелет по маршруту не могло идти речи. Оперативный дежурный аэродрома Лопатино запретил звену М. Расковой вылет в Разбойщину¹².

Вероятно, усомнившись в компетентности специалистов АМС 180 БАО, Марина Раскова не стала лично знакомиться с синоптической картой, подготовленной ими. Минувя следующее звено метеорологической иерархии (метеорологическое бюро Приволжского военного округа), она связалась по ВЧ с отделом перелетов штаба ВВС Красной армии и пригласила к телефону дежурного синоптика. 4 января

1943 г. в отделе перелетов дежурил один из самых опытных прогнозистов ГАМС ВВС инженер-капитан П. Астапенко (рмс. 3). Несмотря на то, что заявки на данный перелет в установленные сроки представлено не было и что дежурному синоптику запрещалось консультировать отдельные экипажи и командиров перелетающих групп, П. Астапенко сделал для Героя Советского Союза исключение. Он сообщил М. Расковой свои соображения по поводу перелета ее звена из Лопатино в Разбойщину. Прогноз инженер-капитана П. Астапенко на пункт вылета и большую часть маршрута оказался благоприятным. Однако он предупредил, что в конце маршрута есть вероятность столкновения со сложными метеорологическими условиями, а на посадке следует ожидать метели с ухудшением видимости до 1 км. Несмотря на это, майор М. Раскова добилась от оперативного дежурного отдела перелетов штаба ВВС КА разрешения на вылет в период 13:00 до 13:30¹³.

**Рис. 3. Инженер ГАМС
ВВС П. Астапенко**

Следует отметить, что метеорологам 180 БАО и ГАМС ВВС все же удалось донести до сознания командира 587-го бап, какая погода может встретиться ее звену на перелете. При подготовке к вылету майор М. Раскова проинструктировала своих ведомых: *«в случае ухудшения погоды на маршруте возвращаться на аэродром вылета»*. В 14:05 (на 35 минут позже разрешенного времени вылета) три бомбардировщика Пе-2 вылетели из Лопатина в Разбойщину, о чем оперативный дежурный аэродрома Лопатино доложил оперативному дежурному отдела перелетов штаба ВВС. Последний грубо нарушил требования руководящих документов и не предупредил оперативного дежурного аэродрома посадки о том, что к нему направляется звено самолетов¹⁴.

В полете командир 587-го бап пренебрегла требованиями руководящих документов и не установила связь с аэродромом посадки. В Разбойщине в тот момент уже усиливалась метель, и дежурная служба аэродрома непременно сообщила бы об этом и Москве, и перелетающему звену. Столкнувшись при подлете к Разбойщине со сплошной облачностью, Марина Раскова нарушила свой собственный план

перелета и вместо возвращения на аэродром вылета, предприняла попытку «пробить» облака. Это решение оказалось роковым. Под облаками бушевала метель, в которой и оказались все три бомбардировщика. Экипажам Г. Ломановой и Л. Губиной с большим трудом удалось произвести вынужденную посадку в поле. Около 16:00 самолет Марины Расковой столкнулся с землей. Вместе с командиром 587-го бап погиб и экипаж ее Пе-2: штурман полка К. Хиль, инженер полка В. Круглов и стрелок-радист Н. Ерофеев¹⁵.

Расследованием обстоятельств крушения самолета Героя Советского Союза М. Расковой занялась Главная военная прокуратура Красной армии. По ее инициативе было принято решение об образовании экспертной комиссии под руководством заместителя начальника Управления формирования и боевой подготовки ВВС Героя Советского Союза полковника Б. Смирнова, которая дала бы оценку действиям всех должностных лиц, причастных к катастрофе. В состав комиссии вошли офицеры управлений штаба ВВС, а также руководители центральных органов военной гидрометеорологии: заместитель начальника ГУГМС бригадинженер М. Беляков, временно исполняющий должность начальника метеослужбы ВВС майор П. Борисовец, и.о. начальника Центрального института прогнозов ГУГМС военинженер 2 ранга П. Евсеев, начальник ГАМС ВВС инженер-подполковник В. Альтовский¹⁶.

Как часто случается при разборе авиационных катастроф, первыми в ряду потенциальных «виновников» оказались метеорологи. В отношении инженер-капитана П. Астапенко заговорили о преступной халатности. Комиссия начала свою работу со сбора и изучения всего документального материала, связанного с катастрофой. В ответ на ее запрос ГАМС ВВС и ЦИП ГУГМС Красной армии подготовили экспертные заключения о правильности прогнозов, составленных на перелет звена М. Расковой. Было установлено, что и в АМС 180 БАО и в отделе перелетов штаба ВВС КА весь наличный объем метеорологической информации был проанализирован правильно, прогнозы составлены на высоком профессиональном уровне и доведены до командира вылетающей группы. Начальник метеорологической службы ВВС Приволжского военного округа военинженер 3 ранга Перминов в своей объяснительной записке сообщил, что метеорологическое бюро округа узнало о перелете М. Расковой по маршруту Лопатино – Разбойщина лишь в 18:00 из телеграммы о розыске пропавших самолетов¹⁷.

Единственным недочетом в работе оперативных метеорологических служб было названо то, что на АМС 180 БАО не настояли на личном изучении М. Расковой синоптической карты, как того требовали руководящие документы: *«АМС на аэродроме вылета должна была подробно проконсультировать т. Раскову по синоптической карте... Так для т. Расковой было бы более очевидно, что в случае наличия плохой погоды в районе Саратова следует идти дальше за Волгу»*. Кроме того, срок действия прогнозов, разработанных для перелета конкретного звена по конкретному маршруту, ограничивался 15:00. Однако из-за задержки с вылетом крушение произошло через час после окончания срока действия прогноза. Это автоматически снимало ответственность с прогнозистов и перекладывало ее на плечи оперативных служб аэродрома вылета и отдела перелетов ВВС.

Больше, чем к другим фигурантам расследования, у комиссии возникло вопросов к действиям командира 587-го бап. Будучи талантливым штурманом и энергичным организатором, Марина Раскова была совершенно неопытным пилотом. Было установлено, что ее суммарный налет составляет всего 30 часов на самолетах У-2 и СБ в летной школе, а также 30 часов на самолете Пе-2 в полку. С таким «багажом» глупо было рассчитывать на успешное выполнение группового перелета в сложных метеорологических условиях, практически вслепую. Истинность этого заключения подтверждает хотя бы тот факт, что индивидуальное летное мастерство строевых летчиц, сумевших посадить свои машины, оказалось выше индивидуального летного мастерства командира полка¹⁸.

При подготовке и осуществлении вылета майор М. Раскова нарушила требования целого ряда руководящих документов. Строгое соблюдение любого из них исключало возможность случившейся трагедии:

1. приказ НКО № 005 от 4 января 1942 г. разрешал групповые внеаэродромные полеты лишь при видимости не менее 2 км и высоте облаков не ниже 200 метров. 4 января 1943 г. все прогностические службы предсказали для маршрута Лопатино – Разбойщина худшие условия, исключающие перелет;

2. инструкция по боевой службе штурмана авиаполка разрешала групповые перелеты только в том случае, если посадка совершалась за час до наступления темного времени суток. 4 января 1943 г. заход солнца в районе аэродрома посадки случился в 16:06, следовательно, вылет в 14:05 не мог быть разрешен;

3. наставление по производству полетов 1938 г. (НПП-38) предписывало командирам вылетающих групп не менее чем за час до вылета подавать оперативному дежурному заявку на перелет. В таком случае, располагая неблагоприятным прогнозом, метеорологическое бюро ВВС Приволжского округа запретило бы вылет. Кроме того, НПП-38 предписывало командиру группы в полете поддерживать двухстороннюю связь с аэродромами вылета и посадки. Этого сделано не было, иначе оперативный дежурный аэродрома Разбойщина запретил бы посадку звена;

4. приказ НКО № 0876 от 10 ноября 1942 г. предписывал оперативному дежурному, давшему разрешение на вылет, на протяжении всего перелета информировать группу об изменениях метеорологической обстановки и удостовериться, что аэродром посадки готов к ее приему. Ни первого, ни второго сделано не было;

5. еще одним документом, грубо нарушенным в этом перелете, оказался план перелета, разработанный самим командиром 587-го бап. При всех нарушениях, допущенных при организации перелета, возвращение при встрече со сложными метеорологическими условиями в пункт вылета могло сохранить майору М. Расковой жизнь¹⁹.

15 февраля 1943 г. комиссия по расследованию авиационной катастрофы завершила свою работу. В итоговом заключении причинами трагедии были названы неудовлетворительная организация руководства перелетов со стороны отдела перелетов штаба ВВС и личная недисциплинированность майора М. Расковой²⁰.

Бомбардировщик Пе-2 обнаружили лишь спустя двое суток в окрестностях села Михайловка под Саратовом. Тела членов экипажа были преданы земле в Саратове, а тело Марины Расковой доставили для прощания в Москву. После кремации прах легендарной летчицы был замурован в Кремлевской стене на Красной площади.

После трагической гибели командира летчицы 587-го бомбардировочного авиаполка обратились в ЦК ВКП(б) с ходатайством: *«Мы заверяем, что дело, начатое Мариной Расковой, доведем до конца... Личный состав полка входит с ходатайством о присвоении нашему полку имени Расковой, пусть ее имя будет нашим знаменем борьбы, с которым мы, ее ученики, полетим в бой, чтобы сбросить не только свои, но и ее бомбы на головы проклятых фашистов»*. Управляя пикирующими бомбардировщиками Пе-2, женщины-авиаторы 587-го бап совершили за годы Великой Отечественной войны 1134 боевых вылета, сбросив на врага от Волги до Балтийского моря

Рис. 4. Самолет Як-7, построенный на пожертвования женщин Молдавии и названный именем Марины Расковой

980 тонн бомб. За участие в боях в небе Сталинграда, Северного Кавказа, Орла, Курска, Белоруссии и Прибалтики полк удостоился орденов Суворова, Кутузова III степени, а также Гвардейского знамени²¹. Не меньший вклад в Победу внесли и другие женские полки, созданные по инициативе Марины Расковой. Спустя почти два года после трагедии, 30 сентября 1944 г. Командующий ВВС Красной Армии, Главный Маршал Авиации А. Новиков посчитал возможным и необходимым посмертно наградить командира 587-го бап майора М. Раскову орденом Отечественной войны I степени²².

Авиационная катастрофа самолета Героя Советского Союза Марины Расковой, случившаяся 4 января 1943 г., позволяет сделать ряд выводов, в полной мере актуальных и в наши дни:

1. как правило, авиационные катастрофы происходят по причине стечения нескольких обстоятельств;
2. требования руководящих документов в вопросах обеспечения авиационной безопасности написаны и многократно подтверждены кровью авиаторов;
3. метеорологические условия являются важнейшим фактором, влияющим на авиационную безопасность, а метеорологическая служба – надежным инструментом обеспечения этой безопасности.
4. небо не прощает самонадеянности и ошибок, оно равно-

душно к чинам и регалиям. Небо ценит дисциплину и профессионализм.

Даже после своей трагической гибели Марина Раскова осталась «знаменем» борьбы советских женщин против немецко-фашистских захватчиков. Ее имя не раз присваивалось боевым машинам, построенным на пожертвования женских трудовых коллективов (рис. 4). Сегодня место, в котором 4 января 1943 г. разбился пикирующий бомбардировщик Пе-2, отмечено небольшим обелиском. На белом мраморе лишь дата катастрофы и имена погибших в ней авиаторов. Однако между строк недвусмысленно читается призыв помнить трагические ошибки прошлого, учиться на них, и не повторять их в будущем.

¹ Раскова М.М. Записки штурмана. М.: Молодая гвардия, 1939. С. 223.

² Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. В 2 т. М.: Воениздат, 1988. Т. 2. С. 345.

³ Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 356.

⁴ Маркова Г.И. Взлет: О Герое Советского Союза М. М. Расковой. М.: Политиздат, 1986. С. 96.

⁵ Там же. С. 107.

⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 67. Л. 9–14.

⁷ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 35. Оп. 11264. Д. 25. Л. 11.

⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 69. Л. 481.

⁹ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 55. Л. 11–14.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Маркова Г.И. Указ. соч. С. 108.

¹² ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 55. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 28.

¹⁴ Там же. Л. 31.

¹⁵ Маркова Г.И. Указ. соч. С. 110.

¹⁶ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 55. Л. 28.

¹⁷ Там же. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 31.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 32.

²¹ Маркова Г.И. Указ. соч. С. 111.

²² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3552. Л. 124.

Р.Н. Рахимов (Уфа)

НАЧАЛО РУССКОГО ПРОДВИЖЕНИЯ В ТУРКЕСТАН: ПОХОД НА АК-МЕЧЕТЬ 1853 г. В.А. ПЕРОВСКОГО И СОЗДАНИЕ СЫРДАРЬИНСКОЙ ЛИНИИ

В НАЧАЛЕ 50-х гг. XIX в. оренбургским и самарским генерал-губернатором В.А. Перовским было предпринято движение в степь, известное как «кокандские походы». План продвижения на юг, с целью захвата Хивы, был предложен оренбургским военным губернатором В.А. Обручевым в записке от 27 марта 1851 г. Император его не поддержал, более того, сместил с этой должности, назначив на нее вновь Перовского¹. Последний подверг критике действия предшественника, особенно его план постройки укреплений в степи. Он считал, что лучше высылать отряды в степь и таким образом ее контролировать. Вместо Хивы Перовский, мечтавший о ней десять лет назад, теперь предлагал взять под контроль кокандские владения при Сыр-Дарье, чтобы «утвердить русское владычество в Средней Азии»². Его взгляды были одобрены императором³.

Кокандский поход в 1850 г. осуществлялся действиями с Сибирской и Оренбургской линий. Вызван он был нападением 16 февраля кокандцев на казахов у Сыр-Дарьи, разграбивших 20 аулов, убивших 6 человек, угнавших скот⁴. Со стороны Сибири отряд русских войск провел рекогносцировку крепости Таучубек, а со стороны Оренбурга отряд майора Ф.Ф. Энгмана взял крепость Каш-Курган (гарнизон 10 человек). В 1852 г. отряд полковника И.Ф. Бларамберга провел рекогносцировку степи до Ак-Мечети (построена в 1817 г.), получив негласное указание Перовского крепость взять, что, в общем, было авантюрой.

В отряде Бларамберга было всего 125 человек пехоты, 200 уральских казаков, 3 пушки с прислугой, башкиры с 10 телегами и 125 верблюдов с казаками-проводниками. Ак-Мечеть в это время пред-

ставляла собой крепость с двойным рядом стен в форме параллелограмма со сторонами в 100 сажений, окруженного рвом с водой. Внешние стены, высотой 9–10 футов, были построены из саманного кирпича или глины. Вдоль внутренних стен располагались постройки, возведенные из глины, конюшни и склады. Внешняя стена была зубчатой. В центре параллелограмма находилась цитадель, тоже в такой же форме, с толстыми зубчатыми стенами высотой в 4 сажени; по четырем углам цитадели возвышались башни. Цитадель также была окружена глубоким рвом⁵.

20 июля Бларамберг атаковал крепость двумя колоннами. Артиллерией были выбиты ворота, одной колонной они были захвачены, другая взошла на внешнюю стену. Казаки бросились штурмовать цитадель, но безуспешно, поскольку лестницы были коротки, а ядра вязли в глине и не пробивали стен, кокандцы сверху сыпали куски глины на нападающих⁶. Во время штурма 10 человек русских было убито и 40 ранено⁷. Бларамберг отступил, но сжег постройки за внешними стенами, а затем разрушил крепости на Сыр-Дарье: Кош-Курган, Чим-Курган и Кумыш-Курган. За этот поход Бларамберг получил чин генерал-майора, 20 нижних чинов – Знаки отличия Военного ордена. Несмотря на неудачу, Перовский стал усиленно готовиться к походу на следующий год.

В составе отряда, выступившего в поход на Ак-Мечеть в 1853 г., находились: штаб, офицеры и солдаты Оренбургского линейного 4-го батальона (командир подполковник Йоней), 36 орудий с прислугой, ракетная команда с конгревовыми ракетами (командир гвардейской конной артиллерии прапорщик Йогонсон), саперная команда с гальваническими батареями для взрыва мин (командир штабс-капитан лейб-гвардии Саперного батальона Орловский), 4 сотни оренбургских казаков с наказным атаманом генерал-майором И.В. Падуровым, 5,5 сотен уральских казаков⁸. Оренбургский линейный 4-й батальон был разбросан по укреплениям: 3-я рота шла из Орска, 4-я рота была поделена между Оренбургским и Уральским укреплениями, 1-я и 2-я роты ждали в Аральске. Только после него, на марше к Ак-Мечети батальон был собран полностью. Выбор батальона был связан с тем, что его солдаты имели опыт переносить жаркий климат. Уральских казаков вышло из Оренбурга 2 сотни. В Аральске к ним присоединились 3 сотни⁹. Оренбургские казаки оставили по одной сотне взамен пехоты в Оренбургском и Уральском укреплениях, поэтому к Ак-Мечети подошли только 2 сотни. Башкиро-мещеряжское войско было

представлено 3 сотнями (3 обер-офицера, 6 зауряд-чиновников, 23 унтер-офицера, 295 башкир) и башкирской сенокосной командой (1 штаб-офицер, 4 зауряд-чиновника, 10 унтер-офицеров, 417 башкир). Сенокосная команда выступила задолго до начала похода. Перевозка грузов была возложена на башкир (494 подводы, 228 волов), верблюды были взяты у казахов (2038 верблюдов) с ними 150 казахов-добровольцев. По Аральскому морю и Сыр-Дарье войска сопровождал пароход «Перовский» под командованием капитан-лейтенанта А.И. Бутакова (будущий адмирал); на корабле везли несколько железных барок. На Аральском море – железный баркас «Обручев» под командой лейтенанта Эрдели.

Первая колонна выступила из Оренбурга 25 апреля в составе 26 офицеров и 1082 нижних чинов при 6 орудиях (командир подполковник Ионей). Колонна соединилась 14 мая в форте Карабутаке с колонной, шедшей из Орска в составе 30 офицеров, 1029 нижних чинов и 6 орудий (командир генерал-майор Падуров)¹⁰. Весь отряд составлял 2168 человек при 12 орудиях и 150 казахах – погонщиках верблюдов. По Блаرامбергу, отряд насчитывал 3 тыс. человек с 25 пушками, по Костенко – 2167 человек, 12 орудий, по Макшееву – 2250 человек¹¹. Из Карабутака двумя колоннами отряд двинулся к Уральскому укреплению (23 мая туда прибыл). Здесь было оставлено 109 больных. Башкирская сенокосная команда, высланная вперед, заготавливала сено на промежуточных пунктах похода.

В начале июня отряд прибыл в Аральск (ранее, с 1847 г. Раим). Оренбургская колонна сделала 930 верст в 46 дней, Орская – 687 верст в 36 дней. Оставив в Аральске 1 роту, 4 сотни и 13 орудий, присоединив две роты и 3 сотни уральских казаков, отряд 15–17 июня выступил вверх по Сыр-Дарье четырьмя эшелонами (командиры полковник Марк, генерал-майор Падуров, подполковник Ионей, войсковой старшина Филатов). 410 верст до Ак-Мечети были пройдены в 16 переходов с тремя дневками. По дороге были заложены укрепления: форт № 1 при отделении от Сыр-Дарьи рукава Казалы и форт № 2 при урочище Кармакчи.

Перовский 15 мая выехал из Оренбурга с конвоем из полусотни уральских казаков и штабом. 3 июля он, с полусотней казаков, саперной и ракетной командами при трех орудиях подошел к крепости. Парламентеру прокричали со стен, чтобы Перовский сам озвучил свои требования, но когда он приблизился к ней со своей свитой, его обстреляли¹². Ак-Мечеть готовилась к осаде. Два рва были соедине-

ны между собой и заполнены водой, наружный вал скрыт, осталась одна цитадель с 8 башнями. Цитадель была в виде квадратного реду-та с длиной фасов по 50 сажен. Стены имели толщину 4 сажени. На вооружении она имела 3 медные пушки, были заготовлены бревна и комья глины («кисьяк») для сбрасывания на штурмующих и заделки пробитых стен, что успешно было проделано в 1852 г. Численность гарнизона составляла 300 человек.

В этот же день прибыл отряд оренбургских казаков с генерал-майором И.В. Падуровым и капитаном Генерального Штаба А.И. Макшеевым. 4 и 5 июля подошли остальные части и пароход «Перовский», ставший на якорь в двух верстах. Был отслужен молебен. Сразу начали строить первую осадную батарею в 250 саженях от крепости. Осада официально началась 6 июля и завершилась 28 июля. Николай I направил в распоряжение Перовского генерал-майора С.А. Хрулева, который прибыл к лагерю на Сыр-Дарье. Он должен был командовать артиллерией, но Перовский передал ему и общее командование осадой¹³. Было решено бомбардировать крепость и вынудить к сдаче. В случае отказа взорвать миной стену и штурмовать. К 8 июля действовало 5 осадных батарей (2 из 6-фунтовых и 1 из 12-фунтовых фунтовых пушек, 2 из ½-пудовых и 4 из ¼-пудовых единорогов, 5 мортир, 1 ракетный станок), с 10 июля началось ведение траншей¹⁴. В артиллерию входил дивизион конно-артиллерийской № 19 батареи Оренбургского казачьего войска под командой сотника В.П. Соколова. Вместе с последним находился есаул офицер Оренбургского казачьего войска К.Н. Харитонов¹⁵. По мнению некоторых участников событий, Хрулев расположил артиллерию неграмотно, она часто обстреливала позиции своих войск, поскольку ядра перелетали крепость¹⁶.

В осаждавшем лагере находились 3 роты, 8 сотен (3,5 уральских, 1,5 оренбургских, 3 башкирских), 17 орудий, обоз из 500 подвод с башкирской командой в 400 человек – 100 офицеров и чиновников, 2250 нижних чинов, 300 казахов. Известно, что кокандцы старались отвечать на обстрел из своей немногочисленной артиллерии. За неимением гранат они стреляли кожаными шарами, начиненными порохом. Многие солдаты, казаки и офицеры демонстрировали примеры пренебрежения к неприятельским выстрелам во время рытья траншей. Башкиры никогда не укрывались за турами или повозками, иногда выбирались на открытое место или украдкой фуражировали арбузы и дыни в кокандских огородах под крепостью. Показывая

другим, как следует закрываться от пуль лопатами, они железную держали перед лицом плашмя, а деревянную ребром, чтобы «казенную вещь не испортило пулей»¹⁷.

Поскольку обстрел высоких толстых стен не имел успеха, было решено сделать подкоп. Кокандцы пытались этому помешать. 19 июля 20 человек днем спустились на веревках со стен, напали с саблями на часовых, двух утащили в крепость, где с них с живых содрали кожу. 22 июля вторая попытка вылазки была своевременно замечена и обстреляна¹⁸. Контрмина, которую вели кокандцы, была выявлена и обрушена ручными гранатами.

Узнав, что, возможно, к Ак-Мечети идет подкрепление, Перовский решил устроить поиск по дороге на Ташкент. Генерал-майор Падуров и капитан Макшеев с отрядом в 1,5 сотни уральских, 50 оренбургских казаков и 50 башкир с одним единорогом 21 июля были командированы для взятия и разорения кокандской крепости Джулек. Гарнизон в страхе крепость покинул, она была взорвана. После выполнения приказа 27 июля отряд вернулся в лагерь.

Работы по сооружению подкопа велись под руководством Хрулева. Через 21 день саперы вышли к крепостному рву. Через него соорудили крытый проход, заминировали стену двумя минами и с помощью гальванической батареи взорвали ее на рассвете 28 июля. 27 июля ночью выстроились штурмовые колонны. Одну из колонн возглавил генерал Хрулев.

Диспозиция, разработанная им же, была противоречивой. Он предполагал всю ночь беспокоить гарнизон крепости обстрелами артиллерией и ракетами, трубить тревогу несколько раз, создав впечатление ложного нападения. По мнению генерала, гарнизон к утру должен был уснуть от утомления. Далее, опасаясь ранения солдат при взрыве мины, он предполагал слишком далеко отвести их от стены. Это давало время кокандцам занять места на ее развалинах. После взрыва 1-я и 2-я роты должны были занять стены и оттуда сверху обстреливать крепость. Затем в брешь должна была войти 3-я рота и атаковать внутренние постройки. 1-я и 2-я должны были в это время прекратить огонь. Чтобы не быть ранеными, Хрулев предлагал солдатам «присесть на закорки и отстреливаться»¹⁹.

После взрыва мины в 3 ч 30 мин начался штурм. В нем принимали участие 1-я и 2-я роты и 50 спешенных оренбургских казаков-охотников из сотни есаула Сильнова. С 1-й ротой в бой пошли 50 башкир и 6 матросов парохода «Перовский». Брешь шириной в 40

саженной была обстреляна картечью, но кокандцы ее успели занять. 1-я рота два раза штурмовала брешь и была отбита. На третий раз, с подошедшей 2-й ротой и казаками она смогла захватить брешь. Роты овладели стенами и башнями и начали оттуда обстреливать внутреннее пространство крепости. 2-я рота, преследуя убежавший гарнизон, попала под перекрестный огонь 1-й роты, сидевшей на стенах «на закорках». Увлечшейся роте пришлось срочно лезть на стены. В это время первый взвод 3-й роты и с ним 1,5 сотни казаков, пройдя брешь, начали вести бой внутри крепости и также попали под перекрестный огонь уже 1-й и 2-й рот. 2-й взвод с сотней казаков и полторы сотни башкир и 25 казаков и полсотни башкир ловили и брали в плен бежавших из крепости кокандцев²⁰. Хрулев на южной башне за неимением флага поднял свой носовой платок. Стрельба прекратилась, штурм был окончен, пехота пошла внутрь крепости.

Сам бой описал Бларамберг: «Едва дым и пыль рассеялись, как обнаружилось страшное действие мины. Толстая глиняная стена, сорванная с фундамента, обрушилась, и образовалась широкая брешь; земля перед нею была усеяна глиняными глыбами. Был дан сигнал к штурму. С громкими криками «ура!» наши воины ринулись в брешь, но кокандцы, оборонявшиеся саблями, презирая смерть, дважды отразили их натиск. Тут капитан Эрдели взял своих стрелков, и, когда штурмовая колонна в третий раз пошла вперед, они перелезли возле бреши через стену и напали на защитников с фланга; после этого наши войска яростно бросились вперед и поразили всех штыками. Так как кокандцы защищались мужественно до последнего человека, скоро почти весь гарнизон вместе с командиром был уничтожен, не тронули только 79 стариков, женщин и детей. Крепость разграбили, а узкие, грязные жилища (сакли) спалили»²¹. Крепость была взята к 16 ч 30 мин. Во время штурма ее комендант Мухамет-Вали-хан был убит, в плен было взято 74 человек (из них 35 раненые), погибло 230 человек. Потери русских во время штурма: убитыми – 1 офицер (прапорщик Гурьев) и 12 нижних чинов, ранеными – 2 офицера и 49 солдат. Итого: убито и умерло от ран 33 нижних чина, убит 1 офицер, ранено 10 офицеров и 120 рядовых, без вести пропал 1, на обратном пути умерло 10 рядовых. Всего в кампанию потеряно 11 офицеров и 164 нижних чина убитыми и ранеными²². Трофеями Ак-Мечети были 2 бунчука, 8 значков, 2 орудия, третье разорвалось, 3 фальконета, 66 крепостных ружей, 150 шашек, ядра, свинец, порох. Взятие в общем

ничтожной крепости с большими потерями 1 : 2 для отряда в 2,5 тыс. человек, тем не менее, рассматривалось как значимое дело.

Блармберг сообщает, что «Ак-Мечеть была переименована в Перовское укрепление. Восстановили стены и постройки и оставили там гарнизон в тысячу человек»²³.

Последовали награды. Хрулев получил чин генерал-лейтенанта, Падуров – орден Св. Станислава 1-й степени, майор Генерального Штаба В.Д. Дандевиль, состоявший при Перовском, произведен в подполковники. Оренбургские казаки-артиллеристы Харитонов и Соколов – чины войскового старшины, последний, кроме того – орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, капитан Макшеев – орден Св. Анны 2-й степени с императорской короной. Всего 36 офицеров получили ордена и золотые сабли, 67 – чины, 14 – денежные награды. Нижним чинам вручили 50 Знаков отличия Военного ордена и 12 таких же знаков для мусульман²⁴.

География Туркестана с трудом входила в общественное сознание. Как вспоминал генерал Н.Г. Залесов, один начальник дивизии, которому ранее сообщили о походе Перовского на Хиву, получив от своего знакомого письмо о взятии Ак-Мечети, собрал гостей, и объявил им «о победе русского оружия», и, помня только, что место, куда пошел Перовский, носит короткое название, поздравил торжественно всех со взятием Уфы»²⁵.

Ответный удар пришелся на этот же год. Во время восстановления Ак-Мечети 7 тыс. кокандцев во главе с Сабдан-Ходжей 24 августа сделали попытку напасть, но были разбиты у Кум-Суата войсковым старшиной К.Ф. Бородиным с отрядом из 275 человек уральских казаков с 3 легкими орудиями конноартиллерийской № 19 батареи Оренбургского казачьего войска²⁶. Противник потерял 235 человек убитыми, казаки – 5. Бородин получил чин подполковника, казакам выдано 6 Знаков отличия Военного ордена²⁷.

14 декабря 13-тысячная кокандская армия Суфи-бека, в основном состоявшая из кавалерии, с 17 пушками, расположилась напротив Ак-Мечети на левом берегу покрытой льдом Сыр-Дарьи, чтобы блокировать крепость ее и взять измором. По кокандским источникам, в поход отправились 30 тыс. человек во главе с Касим-минбаши (Касым-бек)²⁸. Гарнизон крепости составлял 1055 человек (631 пехотинец, 237 кавалеристов, 95 артиллеристов, 42 матроса) имелось 14 орудий и 5 мортир (включая казачью батарею № 19). Отбиться форт мог, гораздо в опасном положении находились форты № 2 и 3. Но о

них кокандцы не вспомнили и на штурм не отважились, несмотря на свое численное превосходство. 14, 16 и 17 декабря шла перестрелка.

Комендант, подполковник М.В. Огарев (до этого комендант Оренбургского линейного 5-го батальона), не обладавший достаточными силами для атаки и разгрома осаждавших в обычном бою, решил предпринять ночную вылазку, чтобы захватить лагерь врасплох. Подполковник Бородин отказался возглавить отряд, и свободу действий командования вылазкой дали капитану Шкупу. Как сообщал Бларамберг: «18 декабря, в 4 часа утра, храбрый капитан Шкуп (поляк) вышел из крепости, имея 450 человек, 4 пушки и одну конгревовскую ракетную установку. Они бесшумно прокрались по снегу через замерзшую Сырдарью к вражескому лагерю, т. е. к тому месту, где стояла вся кокандская артиллерия, нацеленная на Ак-Мечеть, и увидели, что лагерь, по азиатскому обычаю, почти не охраняется. Бесшумно установив пушки и дав из них залп, а также выпустив несколько ракет, горстка храбрецов с громким «ура!» ринулась на кокандский лагерь»²⁹. По другой информации, у Шкупа было 350 пехотинцев, 190 казаков (2 сотни уральских казаков есаулов М.Г. Щапова, В.И. Михайлова) при четырех орудиях и двух ракетных станках³⁰. Русские овладели кокандской артиллерией, развернули ее против неприятеля. Кокандцы в лагере разобрались в ситуации, самые храбрые, сев на лошадей попытались окружить русский отряд.

Огарев, увидев начавшийся бой, послал в подкрепление отряды штабс-капитана Погурского и прапорщика Алексеева по 80 человек пехоты и матросов с 1 орудием в каждом. Далее, традиционная казачья инициатива с созданием переполоха была осуществлена простым способом: «У кого-то из казаков возникла удачная идея поджечь кокандские палатки, и, так как лагерь, по азиатскому обычаю, представлял собой настоящий лабиринт из тесно уставленных палаток и кибиток, распространившийся огонь быстро охватил лагерь. Кокандцами овладела паника, и вся масса войск в ужасе бежала отсюда, побросав верблюдов и артиллерию»³¹. Отряд из 450 казахов («наших киргизцов») во главе с переводчиком башкирским сотником Карамышевым, казаками и ракетным станком был направлен в бой³². В этом бою Карамышев «нашим киргизам» «вселил дух неустрашимости и действовал с ними довольно успешно, показывая прежде во всех стычках пример собою, а когда неприятель был оттиснут от правого фланга, то Карамышев, соединясь с отрядом, преследовал бегущих кокандцев за лагерь, нанося им значительный урон. После

же действия был командирован с командой при одном орудии и с надлежащим числом прислуги для преследования неприятеля»³³. Со стен противника обстреливала казачья артиллерия. Кокандцы потеряли до 2 тыс. человек убитыми, 4 бунчука, 7 знамен, все орудия. Русские потери – 18 убитыми, 49 ранеными³⁴. По кокандским источникам, причиной поражения было то, что порох у русских оказался «сильным»³⁵.

За эту оборону Огарев получил сразу чин генерал-майора, а В.А. Шкуп – майора. Все остальные офицеры – следующий чин, нижние чины – по 2 р. На рядовых было выдано 30 Знаков отличия Военного ордена. В бою отличились из башкиро-мещерякского войска, кроме переводчика, зауряд-сотник, урядник и 8 казаков – все они были представлены к награждению³⁶.

Итогом кокандских походов было то, что в 1854 г. на заседании комитета, обсуждавшего устройство юго-восточных границ, с участием оренбургского и сибирского генерал-губернаторов, было принято решение о соединении оренбургских и сибирских линий³⁷. Была создана Сырдарьинская линия, которой поочередно командовали: полковник, затем генерал-майор барон Фитингоф (1853–1857), полковник, затем генерал-майор А.Л. Данзас (1857–1859), генерал-майор Дензевиль (1859), генерал-лейтенант А.О. Дебу (1859–1861), полковник Н.А. Веревкин (1862–1865). Линия вдоль правого берега Сыр-Дарьи от устья до форта Перовский состояла из 4 укреплений: форт № 1, форт № 2, форт № 3 (Кумыш-Курган), форт Перовский (с 1867 г. Перовск, с 1925 по 1991 г. Кзыл-Орда, ныне Кызылорда). Они были заложены в 1853 г. В 1855 г. Перовский упразднил Аральское укрепление (современный аул Раим), гарнизон перевел в укрепление на правом берегу Сырдарьи, в урочище Казалы, названное фортом № 1 (совр. г. Казалинск). Форт № 2 был построен в урочище Кармакчи (совр. пос. Джусалы) на месте слияния Караозека с Жандарьей. Форт № 3 был построен на разрушенной в 1852 г. кокандской крепости Кумыш-Курган на рукаве Куандарья и упразднен в 1855 г. после того, как хивинцы оставили укрепление на Куандарье. Линия делилась на фланги: правый: форт № 1 и посты; левый: форты № 2, № 3, Перовский и посты.

К линии относилась Аральская флотилия, имевшая железный пароход «Перовский», железный баркас «Обручев», две баржи, два железных баркаса, пять железных шлюпок. Пароход и баркасы в разобранном состоянии были перевезены на верблюдах.

Вновь образованная линия принесла много хлопот, связанных с ее содержанием. По свидетельству современника, «устройство новой линии крайне необходимо для пользы края, но местным начальством и строителями Сыр-Дарьинской линии дело поведено дурно, ими забыта самая простая истина, что никакая военная линия не может существовать без средств к существованию, а тут средств на месте нет, они за тысячу верст, следовательно, если не прежде, то по крайней мере вместе с устройством новой линии необходимо было устроить достаточное число этапных пунктов и иметь постоянные перевозочные средства»³⁸. Причиной такого положения автор видел в том, что «ближайшими распорядителями по устройству Сыр-Дарьинской линии были два генерала, долго служившие на Кавказе, один из них инженер, другой – коротко знакомый с линейными казачьими войсками. Нельзя не удивляться, что ими выпущены из виду самые необходимые соображения, а от того хорошее дело вышло нехорошо: людей и денег потрачено много, а пришлось переделывать то, что сделано, т. е. громадные укрепления перестраивать в меньшие, плохие помещения для гарнизонов в новые, немного впрочем лучше прежних»³⁹.

На линии несли службу солдаты оренбургских линейных батальонов, полк уральских казаков и сотня башкир, часть которых использовалась в качестве рабочих команд⁴⁰. Например, в 1854 г. башкиромещерякское войско командировало в форт Перовский 6 урядников, 300 башкир с 75 телегами из 6-го кантона и столько же из 7-го кантона⁴¹. Если учесть, что полагалось им по 158 строевых лошадей, то речь идет о трех сотнях, а остальные составляли рабочие команды. Для работ в форт № 1 было командировано 2 урядника и 100 казаков-башкир с 25 телегами и 53 строевыми лошадьми. 10-й кантон командировал в форт № 3 2 урядников и 100 башкир с 25 телегами и 53 строевыми лошадьми, столько же в Аральское укрепление, в форт Перовский – 3 урядников и 50 казаков⁴².

Генерал-адъютант В.А. Перовский в 1855 г. разработал «Инструкцию командующему Сырдарьинской линией и старшему чиновнику Министерства иностранных дел», высочайше утвержденную 2 декабря. Целью учреждения линии декларировалось «охранение юго-восточной части степи оренбургских киргиз от вторжения и воровских набегов хищных хивинцев и коканцев»⁴³. Гарнизоны, согласно инструкции, должны были ежегодно сменять половину своего подвижного казачьего резерва и башкир, назначаемых для производства крепостных работ, из пехоты и гарнизонной артиллерии сменялись только солдаты, неспособные к службе.

Предписывалось, в случае получения «достоверных слухов о неприятельских скопищах не слишком многочисленных, то, не довольствуясь одними оборонительными мерами, должно стараться предупреждать приближение неприятеля к форту, формируя на этот предмет летучий отряд, в составе коего, в случае надобности, можно назначать легкое орудие или ракетный станок с потребным числом боевых ракет». Пояснялось, что «если не имеется положительных сведений о силах неприятеля, надлежит действовать с осмотрительностью и не слишком далеко увлекаться в преследовании»⁴⁴.

Обращалось внимание на то, чтобы «не происходило бесполезной траты снарядов и патронов, стрелять лишь на близких дистанциях, не только потому, что доставка снарядов на Сыр-Дарьинскую линию затруднительна и обходится дорого, но и потому, что неудачное действие нашим оружием ободрило бы неприятеля и увеличило его дерзость».

По представлениям генерал-адъютанта, «если бы коканцы приблизились к форту Перовский для обложения одного, то гарнизон в состоянии не только отразить покушения их на форт, но по всей вероятности может воспрепятствовать и самой переправе на Ак-Мечетский остров. Допустив даже эту переправу, гарнизон, пользуясь удобным случаем, может нанести величайший урон неприятелю, у коего в тылу труднопроходимый проток Бер-Казанский и река Сыр-Дарья» Уточнялось, что «вылазки гарнизона ни в каком случае не должны быть делаемы в размере, слишком ослабляющем оборону форта»⁴⁵. Но если бы противник успел обложить форт, то гарнизон «может делать вылазки в ближайшем расстоянии для отражения покушений на самый форт или для уничтожения батарей, наносящих действительный вред, но, во всяком случае, лишь с достаточным ручательством в успехе, так как рассчитывать постоянно на одну лишь оплошность коканцев было бы крайне не осторожно, а в случае неудачи неизвинительно»⁴⁶.

По мнению Перовского, «при средствах, коими снабжен форт и при благоразумной защите одного никакие силы неприятельские не могут овладеть им. Можно при том утвердительно предположить, что чем более соберется коканцев, тем менее времени останутся они в сборе, по затруднительности продовольствия людей и лошадей. Главною и первою заботою командующего линиею должно быть сбережение боевых снарядов и патронов. С первого дня следует употреблять их с такою умеренностью, как если бы в них был уже ощутителен недо-

статок; ни артиллерия, ни пехота не должны стрелять по произволу без приказа, и по отбою тотчас прекратить огонь»⁴⁷.

Впоследствии, после начала завоевания Туркестана в 1864 г., Сырдарьинская линия утратила свое стратегическое значение и была упразднена. В 1866 г. она выглядела уже таким образом: «Казала, или форт № 1, состоит из крепости и слободки <...> форт Перовский разрушается»⁴⁸. В начале 90-х гг. запустение стало еще более существенным: «Перовск или Ак-Мечеть не представляет ничего особенного. Крепость с глиняной стеной, остатком древней развалившейся башни посередине, рвом, через который висит подъемный мост – все это покрыто толстым слоем пыли»⁴⁹.

В 50-е гг. XIX в. в результате кокандских походов юго-восточная граница империи была перенесена далеко на юг. Россия окончательно закрепила за собой всю степь от Оренбурга до Аральского моря и Сыр-Дарьи. Как справедливо писал Бларамберг: «Занятие крепости Ак-Мечеть имело важное значение для усиления морального влияния нашего правительства в Центральной Азии, и это был первый шаг к нашим позднейшим завоеваниям в этой части света»⁵⁰. Дорога на Туркестан была открыта.

¹ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1906. Т. I. С. 209.

² Там же. С. 210.

³ Костенко Л.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1871. С. 140.

⁴ РГВИА. Ф. 483. Оп. 1. Д. 24. Л. 1. Все даты даны по старому стилю. В 1850 г. угнали 56 тыс. голов, в 1851 г. – 75 тыс. голов. См.: Терентьев М.А. Указ. соч. С. 212.

⁵ Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, 1978. С. 304.

⁶ Там же. С. 306.

⁷ Это данные Бларамберга. У Терентьева 15 убитых и 57 раненых. См. Указ. соч. С. 216. У Макшеева 20 убитых и 52 раненых. См.: Макшеев А.И. Путешествие по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб.: Военная типография, 1896. С. 160.

⁸ Казачьи войска. Хроника / Сост. В.Х. Казин, под ред. В.К. Шенк. СПб., 1912. Репринт. изд. 1992. С. 229.

⁹ Макшеев А.И. Указ. соч. С. 183.

¹⁰ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 219.

¹¹ Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 319; Костенко Л.Ф. Указ. соч. С. 142; Макшеев А.И. Указ. соч. С. 192.

¹² Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 319.

¹³ Там же. С. 320.

¹⁴ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 221.

¹⁵ Мякутин А.И. Песни Оренбургских казаков. Оренбург: Типолитография Б. Бреслина,

1904. Т. 1. Песни исторические. С. 277.
- ¹⁶ Макшеев А.И. Указ. соч. С. 198.
- ¹⁷ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 224.
- ¹⁸ Макшеев А.И. Указ. соч. С. 200.
- ¹⁹ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 226.
- ²⁰ Макшеев А.И. Указ. соч. С. 212.
- ²¹ Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 320.
- ²² Терентьев М.А. Указ. соч. С. 227.
- ²³ Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 321. С 26 августа 1853 г. рескриптом Николая I.
- ²⁴ Макшеев А.И. Указ. соч. С. 217.
- ²⁵ Залесов Н.Г. Записки Н.Г. Залесова // Русская старина. 1903. № 5. С. 287.
- ²⁶ Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 321; Мяскутин А.И. Указ. соч. С. 277; Мяскушин Н.Г. Сборник уральских казачьих песен. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. С. 121.
- ²⁷ Макшеев А.И. Указ. соч. С. 244.
- ²⁸ Веселовский Н. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. Текст, перевод и приложения. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1894. С. 1–2.
- ²⁹ Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 321–322.
- ³⁰ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 230.
- ³¹ Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 321–322.
- ³² Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7854. Л. 2.
- ³³ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7854. Л. 2.
- ³⁴ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 231.
- ³⁵ Веселовский Н. Указ. соч. С. 4.
- ³⁶ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7854. Л. 1.
- ³⁷ Романовский Д.И. Заметки по Средне-Азиатскому вопросу. СПб.: Тип. Второго отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1868. С. 25.
- ³⁸ «Заметки об Оренбургском крае». Секретная записка неустановленного лица от 27 января 1860 г. // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 169. Картон 44. Ед. хр. 36. Л. 6.
- ³⁹ Там же. Л. 7.
- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 67. Л. 22.
- ⁴¹ НА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 7843. Л. 3 об., 5.
- ⁴² Там же. Л. 6 об., 9 об.
- ⁴³ РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 66. Л. 2–2 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 3 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 4.
- ⁴⁶ Там же. Л. 4 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 6.
- ⁴⁸ Татаринов А.А. Семимесячный плен в Бухарии. СПб.: Тип. М.О. Вольфа, 1867. С. 3–6.
- ⁴⁹ Сорокин Н. Очерки из путешествия по Средней Азии // Известия и Ученые записки императорского Казанского университета. 1892. № 1. С. 16.
- ⁵⁰ Бларамберг И.Ф. Указ. соч. С. 321.

А.А. Рогожин (Орел)

ТАЙНЫЕ АГЕНТЫ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ШВЕЦИИ В 1719–1721 ГОДАХ

«ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ» всегда были одной из наиболее интересных составляющих военной истории. Судьба государств зачастую зависела не только от стойкости солдат или изворотливости дипломатов, но и от незаметной деятельности тайных агентов, способных приносить известия из стана врага. Вопрос об организации разведывательной работы в армии Петра I и борьбе с иностранным шпионажем в России в первой половине XVIII в. уже затрагивался в историографии¹, но необходимо развить эти наблюдения, проанализировав роль и основные направления деятельности тайных агентов русского правительства в Швеции в последние годы Великой Северной войны.

Русское правительство прибегало к услугам тайных агентов и до 1719 г. В частности, в 1716 г. в Стокгольм был отправлен известный «прожектор» Г. Фик, незадолго до этого поступивший на русскую службу. В течение года он старательно выискивал все документы из шведских канцелярий, которые могли бы заинтересовать Петра I в преддверии административных преобразований. Прибегая, судя по всему, к банальному, но от того не менее действенному подкупу должностных лиц, Г. Фик сумел переписать около тысячи документов. Среди них были регламенты и указы, хранившиеся в Королевском архиве, доступ в который был строго ограничен. Изобретательный шпион был вынужден вшивать скопированные бумаги в юбки своей жены, отправившейся вместе с ним в Стокгольм, и таким способом вывозить их из Швеции².

В 1719–1721 гг. известия о шведских военных приготовлениях, реальное состояние армии противника, а также настроения в пра-

влящих верхах Стокгольма продолжали интересоваться русское правительство. После гибели Карла XII русской стороне были необходимы верные ориентиры, чтобы выстраивать свои отношения со Швецией. На Аландском конгрессе в 1718 г. стало понятно, что приобрести прибалтийские территории дипломатическим путем невозможно. Противодействие Англии, а также «дело царевича Алексея», чувствительно ударившее по международному престижу России, завели переговоры в тупик. Аландский конгресс продолжался и в 1719 г., но русская сторона начала подготовку к продолжению войны и более действенному давлению на ослабленную Швецию³.

В 1719 г. высокопоставленные офицеры и чиновники, отправляемые в Швецию с тем или иным поручением, старались, кроме своей основной деятельности, собрать новости, которые могли пригодиться русскому внешнеполитическому ведомству. Однако исполнить это было не столь просто. Русские дипломаты на Аландском конгрессе, несмотря на все свои усилия, были отрезаны от остального мира и не получали никаких известий о Швеции или шведском дворе. Путешествие же в Стокгольм капитан-поручика З.Д. Мишукова, который должен был не только передать письма канцлера Г.И. Головкина шведскому правительству, но и «проведывать» состояние шведских вооруженных сил и настроения двора, и вовсе сорвалось из-за непогоды⁴. После этого, весной 1719 г., в Стокгольм был отправлен с дипломатическим поручением бригадир П. Лефорг. Он должен был узнать численность войск, состояние береговых укреплений, состав командования и прочее, но за ним по прибытии в шведскую столицу было установлено столь пристальное наблюдение, что это исключало какие-либо неофициальные контакты⁵. Столь же безрезультатным было пребывание в Стокгольме летом 1719 г. А.И. Остермана. Перед его домом был выставлен караул из нескольких десятков рейтар и гвардейцев, которые пропускали внутрь только посланников шведской королевы Ульрики Элеоноры⁶. В связи с этими неудачами русское правительство возлагало надежды на деятельность агентов, не имеющих каких-либо дипломатических поручений и попадавших на территорию Швеции под разными предлогами. Именно они должны были доставить требуемые достоверные известия о противнике.

Агентами становились иностранцы, которые могли сочинить повод для путешествия в Швецию. Из тех иностранцев, которые были наняты представителями русского правительства и работали в Скандинавии в 1719–1721 гг., нам известны имена французов

Т. де Барайлльона, Лаулеса и Блонвиля, немцев майора фон Голдена и Б. Сауера, голландца Г. Рейха, венгра И.Т. Войновича. Вероятно, были и другие, документы о работе которых пока не найдены. С ними договаривались о найме посланники и резиденты России за границей, в тех городах, которые были сравнительно ближе к Швеции, в первую очередь в Северной Германии. Одним из таких городов в конце 1710-х гг. был Гамбург, где иностранцев для разведки в Швеции вербовал не только резидент И.Ф. Беттигер⁷, но и брат известного «камерата» Г. Фика⁸. Вторым вербовочным центром была Голландия, где действовал русский дипломат кн. Б.И. Куракин⁹. Чаще всего на территорию Швеции тайные агенты попадали через города Северной Германии, с которыми шведы вели активную торговлю и чьи корабли часто швартовались в гавани Стокгольма. Б. Сауер, нанятый в начале 1719 г., в Швецию отправился из Любека, причем ему, чтобы добраться до скандинавских берегов, пришлось почти месяц ждать попутный ветер¹⁰. Иностранцы могли использовать и другие варианты для своего путешествия. Майор фон Голден прибыл в Стокгольм в феврале 1720 г. из Голландии через Копенгаген, где он добился от адмирала К.К. Габеля «паса» на проезд в Швецию. Любой повод для поездки мог пригодиться, если он не вызывал лишних вопросов у шведской администрации. В частности, майор взял с собой жену с дочерью, потому что поводом для своего путешествия в Стокгольм он указал тяжбу за причитающееся его жене наследство¹¹.

В самом начале работы агент мог встретить непредвиденные препятствия. Для того, чтобы не вызывать подозрений шведских властей, агент старался получить документы от представителей любых нейтральных государств. Нанятый в 1719 г. кн. Б.И. Куракиным венгр И.Т. Войнович для получения «паса» на поездку в Швецию был вынужден отправиться сначала в Ганновер, а затем, не сумев здесь добиться своего, в ландграфство Гессен-Кассель. В Гессен-Касселе агент русского правительства подал прошение о выдаче ему проездных документов в Швецию под предлогом вербовки на шведскую службу, чем сразу же вызвал подозрение гессен-кассельских властей. В Гессен-Касселе справедливо считали, что в этот период Швеция была не самым привлекательным вариантом для службы, и настойчивость И.Т. Войновича представлялась странной. Тайный агент был вынужден сначала наняться на службу к гессен-кассельскому ландграфу, а затем уже по его поручению отправиться в Швецию, где он и начал работать на русское правительство. Интересно,

что шведские власти попытались нанять И.Т. Войновича для шпионской деятельности в Санкт-Петербурге, но венгр, по его словам, согласился лишь притворно, оставшись верным договору с русским правительством¹². Сам путь в Швецию также таил в себе опасности, ведь война на Балтике продолжалась, и любой корабль, шедший к Стокгольму, мог подвергнуться нападению каперов. Француз Лаулес был вынужден выбросить за борт все секретные документы и паспорт, когда его корабль был атакован датским капером. Лаулес был доставлен в Копенгаген в числе прочих пассажиров судна. Он был отпущен только благодаря заступничеству посла кн. В.Л. Долгорукова, которому пришлось рассказать о вербовке на русскую службу и шпионской миссии в Стокгольм¹³.

В Швеции тайные агенты должны были «проедывать» все, что интересовало русское правительство, отвечая на те вопросы, что были поставлены в их инструкциях. Наиболее очевидным способом получить нужные известия было наблюдение, но в состоянии войны и настороженности шведов это было опасным занятием. Далеко не все агенты могли увидеть шведский флот, и если в Стокгольме это было осуществить сравнительно просто, то Карлскруна все-таки была военным портом, и побывать в ней и не быть арестованным можно считать верхом искусства шпионажа. Б. Сауер оправдывал свою неудачу с визитом в Карлскруну тем, что так и не смог отыскать корабля из Европы, который бы шел напрямую в этот порт, а не в Стокгольм, а путешествующих по Швеции иностранцев шведские власти жестко допрашивали, проверяя состоятельность их доводов¹⁴. Майор фон Голден, попытавшийся в пику шведам вести шпионаж в Карлскруне, и вовсе был арестован адмиралом Левеном за то, что «чрез прешпективу» следил за шведским флотом, стоявшим в гавани. К счастью для майора, никакого наказания ему не последовало, он каким-то чудом смог оправдаться и был отпущен после того, как целую ночь провел «за караулом»¹⁵. Перед этим провалилась вся разведывательная работа майора в Стокгольме. Он был узан шведским подполковником, с которым фон Голден встречался ранее в Висмаре, и агент был вынужден на всякий случай оставить столицу и перебраться в Карлскруну¹⁶.

Вторым способом вести разведку в Швеции, по всем правилам искусства шпионажа, были личные связи со шведскими чиновниками и офицерами. В этом деле некоторые тайные агенты добивались настоящих успехов. «Своим человеком» тайного агента Т. де Барайллона,

пребывавшего в Швеции с 1717 г.¹⁷, был не кто иной, как шведский адмирал К.Х. Вахтмейстер, которого француз называл единственным «добрым» офицером в морских силах Швеции. Т. де Барайльон имел с ним «великое обхождение», благодаря чему мог точно назвать русскому правительству число шведских кораблей, их состояние и вероятные ближайшие действия¹⁸. Известия о «гражданских» делах, связанных с состоянием государства и перипетиями борьбы в правящих кругах Швеции, Т. де Барайльон черпал от некоего господина Кронгитли и, особенно, от секретаря барона Г.Г. фон Герца А.Э. Штамке. Гессен-кассельский герцог Фридрих, муж шведской королевы Ульрики Элеоноры, один из претендентов на шведскую корону, а заодно и ненавистник Г.Г. фон Герца, говорил о его секретаре, что «хотя б он ему в один миллион стал, токмо б его в руках своих имел»¹⁹. Т. де Барайльон же не только получал через А.Э. Штамке нужные ему известия, но и уговорил того работать на русское правительство в дальнейшем, о чем он писал канцлеру Г.И. Головкину, заметив, что этот секретарь «может вам добрыя известия подать»²⁰. Связи, установленные со А.Э. Штамке, привели к тому, что он перешел в январе 1719 г. на русскую службу. А.И. Остерман, работавший в это время на Аландском конгрессе, придавал большое значение этому и даже отдельно писал в Санкт-Петербург, прося срочно предоставить А.Э. Штамке все необходимое (квартиру, питание, дрова и т.д.)²¹.

Тайный агент обычно возвращался из Швеции в тот город, который ему определит русское правительство. Однако и возвращение агента из Швеции могло быть также опасным. О том, что иностранец выполнял поручение правительства на территории неприятельского государства, были в курсе считанные единицы, поэтому встреча с петровскими офицерами превращалась в настоящее испытание. Корабль, на котором выбирался из Стокгольма Б. Сауер, наткнулся на русский фрегат «Самсон». Капитан «Самсона» отобрал у пассажиров судна паспорта и приказал шведскому капитану лавировать следом за ним. Пять дней в открытом море матросы корабля с Б. Сауером на борту пытались откачивать воду из трюма, но из-за неисправности помп получалось это не слишком успешно. Едва не затонув, судно все же дошло до Ревеля, но сошедший на берег агент остался без каких-либо документов и денег, поэтому был вынужден писать отсюда русскому правительству²².

По возвращении агент представлял русскому правительству подробный отчет, в котором отвечал на те вопросы, что были постав-

лены в инструкции, врученной ему перед отправлением. Отчет пересылался в Санкт-Петербург через доверенных лиц русского правительства в Европе. Часто это были европейские торговцы, исполнявшие русские поручения. В Гамбурге таким доверенным лицом был торговец Франц Поппе, причем к 1719 г. он уже умер, о чем в Санкт-Петербурге не знали, продолжая предлагать агентам пересылать отчеты через него, так что за отца некоторое время работал его сын, унаследовавший состояние²³. Свой представитель, имя которого неизвестно, был у русского правительства и в Любеке, причем он не только передавал письма тайных агентов в Санкт-Петербург, но и сам был не прочь подзаработать на ниве шпионажа, поставляя вести о состоянии Швеции, собранные им при расспросах моряков и торговцев. Г. Фик утверждал, что именно от него узнал о гибели Карла XII раньше кого бы то ни было в Санкт-Петербурге, включая иностранных резидентов²⁴. В Гданьске такого человека у русского правительства не нашлось. Сам канцлер Г.И. Головкин, если ему нужно было срочно связаться с агентом, остающимся в этом городе, писал бургомистру Кенигсберга и действовал через него²⁵. Если тайный агент возвращался из Швеции через Гданьск, он должен был искать способ связаться с Россией, не нарушая инструкций. Т. де Барайллоном летом 1719 г., добравшись на оставшиеся деньги только до Гданьска, был вынужден ожидать писем от русского правительства. Свой отчет он мог передать через прибывшего в город «господина Лефорта», но не решился нарушить инструкцию, по которой не мог доверять донесение кому бы то ни было, кроме оговоренных заранее лиц, и отправлять его вне определенного порядка²⁶. Француз все же смог встретиться в Гданьске с П.А. Толстым, который направлялся из Санкт-Петербурга в Берлин, и получить от царского дипломата 100 червонцев на проезд к царю. Сам П.А. Толстой, поговорив с тайным агентом, признавал, что он «человек видится умной» и одного только донесения о его деятельности будет недостаточно, царю необходимо расспросить Т. де Барайллона лично²⁷.

Иногда, чтобы подтвердить, что он действительно был в Швеции, а не тратил русские деньги на берегах Европы, агент прикладывал к своему письму дополнительные документы, в частности, «пропускное письмо» на шведском языке, выданное на имя иностранца властями²⁸. Далее документы пересылались в канцелярию коллегии иностранных дел, но порой отправка агента совершалась в такой тайне, что и его отчет, если он не попадал в руки нужного человека,

мог долго пылиться на столах среди прочих бумаг. Агент Т. де Барайльльон жаловался, что переправленный в Санкт-Петербург через сына Ф. Поппе его отчет провалялся несколько недель в канцелярии, потому что никто не знал, кому его передавать²⁹, а канцлер Г.И. Головкин и подканцлер П.П. Шафиров, которые ждали вестей от француза, в это время отсутствовали в городе. Это лишний раз говорит о той секретности, в которой совершались вербовка на русскую службу и отправка в Швецию тайного агента. Подавляющее большинство чиновников коллегии иностранных дел не были в курсе, кто именно и каким способом проводил разведку. Строго предписывалось всем чиновникам нигде в документах о выдаче денег тайному агенту не писать о том, куда и зачем он отправлен, но лишь, что деньги даны «для некоторой секретной комиссии»³⁰.

Русское правительство требовало от агента возвращения в определенный город, в том числе и для того, чтобы в случае необходимости быстро вызвать его для личного допроса перед высокопоставленными лицами. Это происходило тогда, когда отчета было недостаточно, чтобы получить исчерпывающее представление, или же принесенные агентом вести были настолько важны, что нужно было допросить его подробно для уточнения всех нюансов. Б. Сауер был вызван «камератом» Г. Фиком в Санкт-Петербург, потому что в его отчете вопрос о состоянии шведской армии и флота затрагивался в недостаточной степени. Агент отвечал на статьи инструкции, не отступая от них ни на шаг, порой очень расплывчато, практически не уточняя. Г. Фик при расспросе Б. Сауера ставил более четкие вопросы. В инструкции Б. Сауера вопросы о шведской армии затрагивали вооруженные силы в Финляндии – русское правительство интересовалось численностью войск, отправленных для обороны «финской стороны», и строительством здесь фортификационных сооружений. Относительно флота агент должен был лишь узнать число военных кораблей в гаванях Стокгольма и Карлскруны, готовых выйти в море, и ориентировочные даты их отправки. Соответственно, и ответы Б. Сауера в отчете были кратки, «многие войска к финской стране маршируют», без столь нужных деталей³¹. В допросе же Г. Фика эти три статьи инструкции превратились в 10 отдельных вопросов: «Сколко подлинно полков в Финляндскую сторону отправлено», «Сам ли он тех 6 военных кораблей видел, которым итти надлежало из Стекхолма и какой оные величины», «Подлинно ли ведает, что пойдет 12 караблей и с Карлскрона», «Маршировали ли которые

полки против дацкой земли и Норвегии», «Сколько тысяч человек могут ныне шведы в поле ставить», «Вербовали ли в Стекхолме и в больших городах и был ли какой набор в государстве солдатом», «Не опасаются ли какого транспорта от его царского величества войска», «Подлинно ли ведает, что против Финляндской стороны никакой устроено фортификации и не послано ж туды какой артиллерии для какой обороны от нападения», «Сделали шведы какие в приморских местах фортификации или поставили ли какие блокгаузы и прамы» и «Кому вручена команда при дефизии против России». Отдельно Г. Фик упрекнул Б. Сауера в том, что тот лично не был в Карлскруне и свой отчет составил со слов других людей, «чего сам в Карлс крон не поехал и состояние флота не осмотрил». Практически на все эти вопросы Б. Сауер дал четкие ответы, доказывающие, что краткость первоначального отчета проистекала не от нерадивого служения, а лишь от неточно составленных статей инструкции³².

Вторую часть причитающегося ему жалованья тайный агент получал либо после возвращения в указанный город, либо после расспроса. Судя по всему, русское правительство, если было довольно деятельностью агента, никогда не скупилось на оплату его работы, не только полностью и без лишних проволочек выдавая жалованье, но и награждая его сверх этого. Французу Т. де Барайльону, представившему чрезвычайно подробный и важный отчет о состоянии Швеции, было велено выдать жалованье в 2 тыс. ефимков на 1719 г., считая с мая 1719 по май 1720 г., «хотя ему сей год бытия в службе его царского величества не исполнился, за его многие показанные труды и верность»³³. Агенту предлагалось получить деньги через русского посланника в той стране, куда он направлялся, чтобы не опасаться воров по пути. Возвращавшийся в Голландию Т. де Барайльон из 2 тыс. ефимков лишь 400 получил в Кенигсберге в качестве аванса, остальные же 1600 ефимков ему должен был выдать русский посланник в Голландии кн. Б.И. Куракин. Дорожные траты отпущенного с русской службы агента оплачивались отдельно, и все тому же французу было велено сразу же, «в походе», выдать 100 р. на дорогу в Голландию³⁴.

Стоит очертить круг вопросов, который интересовал русское правительство в первую очередь. Особый интерес России, в свете провала Аландских переговоров, вызывало состояние шведской армии и флота. Значительная часть донесений агентов состояла из ответов именно на эти вопросы. В этом отношении показателен отчет о де-

тельности в Швеции француза Т. де Барайлляна, который не просто назвал все возможные группировки шведских войск в 1719 г. и кто ими должен был командовать, но и их численность, заметив заодно, что для солдат недостаточно провианта, а офицерам давно уже не дают жалованье, так что многие иностранцы на шведской службе «с великою противностию отъезжают»³⁵. Судя по всему, последний всплеск военной активности Швеции наблюдал во время своего пребывания в Стокгольме майор фон Голден. Он писал в своем отчете, что в середине января 1720 г. был проведен смотр войск и выявлены многочисленные недостатки, которые было решено устранить к 1 марта³⁶. Майор смог даже посчитать списочную численность войск на территории шведского королевства и написать, где именно они были расквартированы, за исключением лишь полков на территории Финляндии. По его подсчетам, в начале 1720 г. в Швеции должны были быть на службе 35 тыс. пехотинцев и 24,3 тыс. кавалеристов³⁷. Отдельно русское правительство интересовалось состоянием вооруженных сил в пограничной Финляндии. Однако в силу того, что непосредственно в Финляндии побывать никому из агентов не удалось, а известия обо всех военных приготовлениях на этом направлении были строго секретными, никто не смог узнать что-либо определенного.

В 1719–1721 гг. резко возросло значение морских операций, поэтому от тайных агентов требовали сколь возможно точно разведать состояние флота противника, его численность и качественный состав, способность к действиям в открытом море. Шведский флот тайные агенты могли наблюдать воочию, потому что в начале 1719 г. все имеющиеся в наличии корабли группировались в портах Стокгольма и Карлсруны. Наиболее подробен отчет Т. де Барайлляна, который отметил плачевное состояние шведского флота³⁸. Эти известия могли пригодиться уже спустя несколько месяцев. Проведенная летом 1719 г. операция галерного флота привела к значительному урону для шведской промышленности, а заодно продемонстрировала со всей наглядностью уязвимость Стокгольма³⁹. Год спустя, в 1720 г., майор фон Голден смог назвать только приблизительное число военных кораблей в портах Стокгольма и Карлсруны, а также на рейде в их окрестностях. Он лишь уточнил, что к 1720 г. в Гамбурге было завербовано 5 тыс. матросов, что должно было восполнить их нехватку⁴⁰. Однако майору удалось нечто более впечатляющее. Он смог, хотя и довольно схематично, составить план Карлсруны, главного

военного порта Швеции. Майор обозначил, где именно, на каком из островов находятся батареи, где построена цитадель, где стоит флот, приведя даже глубину при входе в гавань (24 фута)⁴¹. Слабую готовность шведского флота к реальным военным действиям отмечал неизвестный агент в своем отчете в начале 1721 г.⁴²

Русское правительство интересовало и внутреннее состояние Швеции. Одним из острых вопросов стала политическая борьба в Стокгольме, развернувшаяся после смерти Карла XII, а также роль, которую в этой борьбе играл риксдаг. Наиболее подробно об этом отчитался вновь Т. де Барайльон, который извещал русское правительство, что в Швеции после смерти Карла XII началась борьба между тремя партиями. Первая выступала за передачу власти королеве Ульрике Элеоноре, вторую партию составляли сторонники ее мужа, ландграфа гессен-кассельского Фридриха, а третья партия поддерживала претензии на власть голштинского герцога Карла Фридриха⁴³. Писал об этом, хотя и довольно кратко, Б. Сауер, отвечая на вопросы Г. Фика после возвращения из Швеции⁴⁴. Также агенты старались узнать отношение к войне шведского населения. Здесь каких-либо разночтений между разными источниками не было. Практически все агенты в один голос говорили о бедственном состоянии крестьянства. Это было связано не только с войной, но и с неурожайными 1717–1719 гг. в Швеции, когда в отдельных районах крестьяне были вынуждены питаться древесной корой, распространялись болезни, в том числе и чума, что приводило к запустению значительного числа крестьянских дворов⁴⁵. Майор фон Голден писал, что крестьяне уже не могли на своих плечах вытягивать содержание войска, поэтому в среднем шведские солдаты не получали денежного жалованья два с половиной года. Многие крестьяне начали открыто проявлять недовольство продолжающейся войной, отказываясь нести повинности и платить все новые и новые налоги на армию. В самой Швеции была дороговизна, а в большинстве провинций, за исключением Блекинге и Сконе, «превеликая скудость во всем». Горожанам, особенно столичным, в этом отношении было проще. В Стокгольме провиант был в достатке, а вдобавок в порту около 60–70 пришвартованных торговых кораблей распродавали привезенные из Европы припасы⁴⁶.

В 1719–1721 гг. русское командование могло опираться в своей деятельности на информацию, которую получало из разных источников, включая сюда допросы перебежчиков, новости от русских дипломатов за рубежом и т. д. При этом заметную роль играли отчете-

ты тайных агентов, которые дают нам возможность более четко определить, какие известия о Швеции имело русское правительство в последние годы Великой Северной войны и как учитывало их в своей работе. Благодаря изощренной и опасной работе тайных агентов русское правительство могло составить верное впечатление о шведской армии и флоте, политической борьбе в правящей верхушке и прочих вопросах и, соответственно, выстроить свою стратегию войны.

¹ Иванюк С.А. Веприк – центр разведывательно-диверсионной деятельности русской армии в декабре 1708 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2014. № 4 (28). С. 6–13; Он же. «Зело нужно чрез добрых шпигов... проведать». Русская военная разведка в период малой войны на Украине (1708–1709) // Родина. 2014. № 9. С. 64–67; Филошкин А.И. Войны Российской империи и борьба с государственной изменой и иностранным шпионажем в первой половине XVIII в. // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко (1700–1762). Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Вып. II. / Отв. ред. С.В. Ефимов. СПб., 2002. С. 69–73.

² Прокопенко Я.И. Политический инженер Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) / Ред. М.М. Кром, Л.А. Пименова. СПб., 2013. С. 334–336.

³ Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 351–352.

⁴ Там же. С. 371, 373.

⁵ Там же. С. 419–422.

⁶ Там же. С. 435–439.

⁷ РГАДА. Ф. 96. Сношения России с Швецией. Оп. 1. 1719 г. № 5. Л. 1.

⁸ Там же. № 7. Л. 4.

⁹ Там же. № 25. Л. 1.

¹⁰ Там же. № 7. Л. 4.

¹¹ Там же. № 5. Л. 1.

¹² Граф А.Г. Головкин – князю Б.И. Куракину. Переписка кн. Бориса Ивановича Куракина 1710–1722. № 224 // Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. II / Под ред. М.И. Семевского. СПб., 1891. С. 411–413.

¹³ РГАДА. Ф. 96. Сношения России с Швецией. Оп. 1. 1719 г. № 16. Л. 3–4.

¹⁴ Там же. № 7. Л. 14.

¹⁵ Там же. № 5. Л. 1 об.

¹⁶ Там же. Л. 1.

¹⁷ Письма князя Б.И. Куракина к разным лицам. 1705–1720. № 277 // Архив кн. Ф.А. Куракина. Т. III / Под ред. М.И. Семевского и В.Н. Смольянинова. СПб., 1892. С. 380–381.

¹⁸ РГАДА. Ф. 96. Сношения России с Швецией. Оп. 1. 1719 г. № 18. Л. 11–12.

¹⁹ Там же. Л. 13.

²⁰ Там же.

²¹ Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной

войны. С. 372.

²² РГАДА. Ф. 96. Сношения России с Швецией. Оп. 1. 1719 г. № 7. Л. 5–5 об.

²³ Там же. № 18. Л. 10.

²⁴ Там же. № 7. Л. 22, 24.

²⁵ Там же. № 18. Л. 19.

²⁶ Там же. Л. 9 об.

²⁷ Там же. Л. 1–1об., 18.

²⁸ Там же. № 7. Л. 10.

²⁹ Там же. № 18. Л. 10.

³⁰ Там же. № 25. Л. 1.

³¹ Там же. № 7. Л. 6 об.–7 об.

³² Там же. Л. 13–14.

³³ Там же. № 18. Л. 17.

³⁴ Там же. Л. 17.

³⁵ Там же. Л. 10 об.–11.

³⁶ Там же. № 5. Л. 1 об.–3.

³⁷ Там же. Л. 7–8.

³⁸ РГАДА. Ф. 96. Сношения России с Швецией. Оп. 1. 1719 г. № 18. Л. 11–12, 14–14 об.

³⁹ История Северной войны. 1700-1721 гг. / Отв. ред. И.И. Ростунов. М., 1987. С. 151–162.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 96. Сношения России с Швецией. Оп. 1. 1719 г. № 5. Л. 3–4.

⁴¹ Там же. Л. 9.

⁴² Выписка из реляции, что отправленный шпион в бытность свою в Карлскроне проведать мог, 1721 года март // Материалы для истории русского флота. Ч. IV. СПб., 1867. № 246. С. 213–215.

⁴³ РГАДА. Ф. 96. Сношения России с Швецией. Оп. 1. 1719 г. № 18. Л. 12 об., 14.

⁴⁴ Там же. № 7. Л. 4 об.

⁴⁵ Некрасов Г.А. Швеция первой половины XVIII в. Северная война 1700–1721 гг. Режим сословного парламентаризма // История Швеции / Отв. ред. А.С. Кан. М., 1974. С. 252.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 96. Сношения России с Швецией. Оп. 1. 1719 г. № 5. Л. 2–3, 4 об.–5.

Е.А. Родионов (Гатчина)

НАРЕЗНЫЕ РУЖЬЯ XVII–XVIII ВЕКОВ В КОЛЛЕКЦИИ ГАТЧИНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ

ОДНА из основных задач, которую приходилось и приходится решать изготовителям огнестрельного оружия – это увеличение точности стрельбы. Самым действенным средством достижения этого стало использование винтообразных нарезов в канале ствола, придающих пуле либо снаряду вращение вокруг оси движения и, вследствие гироскопического эффекта, большую стабильность в полете. Сведения о появлении первых нарезов в европейском оружии, их назначении и форме неоднозначны. По одной из версий, изначально, в конце XV в., нарезы были прямыми и служили для сбора нагара, оседавшего на стенках канала ствола и, по мере накопления, затруднявшего зарядание¹. Через некоторое время, к середине XVI в., вероятно, случайно, мастера-ствольщики начали изготавливать винтообразные нарезы и, постепенно осознав на практике, насколько положительно они влияют на точность стрельбы, сделали выбор в их пользу, отказавшись от прямых нарезов. Как указывалось, в частности, в труде отечественного оружейоведа В.Е. Маркевича, «С введением винтовых нарезов прямые нарезы потеряли в пульном оружии всякое значение. В дробовых охотничьих ружьях прямые нарезы сохранились почти до наших дней (до 1880-х годов)»².

Однако эта по-своему стройная и логичная теория уже довольно давно поставлена под сомнение. Указывалось на то, что в самых старых из сохранившихся нарезных стволов нарезы именно винтообразные³. Кроме того, стволы с прямыми нарезами продолжали производиться и быть в употреблении до XIX в. включительно, причем в оружии, предназначенном для стрельбы не только дробью, но и пулями – о колесных ружьях с такими стволами упоминал в 1724 г.

во втором томе своего известного трактата «Совершенный немецкий охотник» Иоганн Фридрих фон Флеминг⁴. Также в качестве примера можно привести производимые в XVIII–XIX вв. для европейских поселенцев в Южной Африке кремневые ружья с прямыми нарезами, так называемые «Sape rifles»⁵, и результаты недавно проведенного исследования оружия из коллекции Гатчинского дворца, выявившего 28 европейских ружей XVII–XVIII вв., каналы стволов которых также имеют прямые нарезы.

В рамках данной статьи будут более подробно описаны некоторые наиболее интересные с конструктивной точки зрения образцы из гатчинского собрания, сгруппированные по странам происхождения, при этом основное внимание будет уделено их стволам и нарезами.

Отдельно хочется затронуть вопрос терминологии. Ружья с прямыми нарезами в стволах некорректно называть просто ружьями, равно как штуцерами (слово «штуцер» происходит от нем. «stutzen» – «укорачивать», что подразумевает относительно короткий ствол) и винтовальными ружьями/винтовками, так как нарезы не винтовые. Наиболее подходящим в данном случае кажется определение «нарезное ружье» с уточнением относительно конструкции замка. Следует отметить, что в описях гатчинского арсенала XVIII–XIX вв., разделявших оружие по конструктивным и «национальным» признакам (например, «шведские ружья», «немецкие штуцеры с немецкими замками и ложами» и т. п.), ружья с прямыми нарезами в стволах не выделялись в отдельный вид и перечислялись вместе со штуцерами или ружьями, в зависимости от длины и сечения ствола. Подобная же неточность была допущена и при составлении первого и второго томов полного каталога Гатчинской коллекции оружия, где ружья с прямыми нарезами были названы винтовками либо штуцерами⁶.

Начнем со стран, которые в отношении оружейного производства можно условно назвать зоной германского культурного влияния, то есть, территории современной Германии, а также Чехии и Австрии, где изготовление и использование нарезных стволов было распространено больше, чем где-либо еще в Европе. Пожалуй, самым ранним из нарезных ружей в коллекции Гатчинского дворца является колесное ружье инв. № ГДМ-339-IX⁷ (рис. 1). Его ствол железный, в казенной части восьмигранный, на большей части длины круглый, канал имеет четыре мелких полукруглых прямых нарезов⁸. На верхней грани ствола гравированная надпись с датой «WH 1672», клеймо в виде фигурного щитка с гербом Саксонии (?), а на правой грани в

Рис. 1. Колесное нарезное ружье инв. № ГДМ-339-IX. Германия, Саксония, 1672 г.

казенной части клеймо в виде сердца (Neue Stöckel 5122)⁹, вероятно, относящееся к городу Зуль в Тюрингии. Ложа аркебузного типа, украшена выполненными в технике глубокой резьбы завитками и изображением бегущего оленя между замочными винтами, многие элементы резного орнамента дополнены маленькими гвоздиками. Конструкция замка и оформление ложи вполне соответствуют дате на стволе.

Примерно к тому же времени (1660–1670-е гг.) относится и колесное нарезное ружье инв. № ГДМ-473-IX¹⁰, изготовленное в Богемии в г. Эгер (ныне Хеб) мастером Хансом Кейнером (на верхней грани в казенной части гравированная надпись: «Hans Keiner E»). Ствол шестигранный, канал имеет шесть полукруглых прямых нарезов¹¹. Замок колесный, замочная доска плоская, с плоским круглым выступом над колесиком, спуск со шнеллером. Ложа орехового дерева, приклад аркебузного типа, с широкой щекой, пеналом и скошенной задней стороной. В целом это ружье имеет вид классического «немецкого колесного штуцера», отличаясь только более длинным и тонким стволом.

Последней четвертью XVII в. можно датировать кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-796-IX¹² (рис. 2). Его ствол железный, круглый, в казенной части по бокам две плоские грани, на большей части длины узкая плоская грань по верху, в казенной части рельефное изображение львиной морды. Канал имеет семь неглубоких полукруглых прямых нарезов¹³. Замок кремневый, французского типа, замочная доска выпуклая, украшенная гравированным изображением человека в античной одежде и венке, срывающего цветок. Отсутствие клейм и надписей затрудняет надежное определение его

Рис. 2. Кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-796-IX. Германия, Голландия или Франция, 4-я четверть XVII в.

Рис. 3. Кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-456-IX. Германия, Саксония, Дрезден, мастер Иоганн Генрих Морро, 1740-е гг.

«национальной» принадлежности – не исключены Германия, Голландия или Франция.

Пара одинаковых кремневых нарезных ружей под инв. №№ ГДМ-465-IX и ГДМ-758-IX¹⁴ демонстрируют еще один вариант обработки

каналов стволов: в них по восемь неглубоких полукруглых прямых нарезов, которые начинаются примерно через 2,5 см от дульного среза, так что при осмотре канала без подсветки их практически невозможно обнаружить (рис. 3). Сами стволы железные, вороненые (кроме хвостовика казенника), круглые, с двумя плоскими гранями по сторонам в казенной части и со слабо выраженной гранью по верху. Прицел в виде выемки в низком валике на казенном срезе, мушка латунная. В средней части ближе к казне рельефная морда чудовища, еще ближе к казенному срезу выбиты цифры «1573» у ружья инв. № ГДМ-758-IX и «1576» у ружья инв. № ГДМ-465-IX. Также у ружья инв. № ГДМ-758-IX на нижней стороне в казенной части ствола глубокое прямоугольное клеймо с изображением клещей (?). Даты на стволах явно не подлинны: на это указывает использовавшийся шрифт, соответствующий XVIII в., детали конструкции самих стволов и, наконец, крайне малая вероятность того, что два совершенно одинаковых ствола были изготовлены с разницей в три года. Гравированная надпись на замочных досках «MORRO A DRESDEN» свидетельствует, что они были изготовлены дрезденским мастером Иоганном Генрихом Морро, а данные о жизни оружейника и детали оформления ружей позволяют датировать их 1740-ми гг.¹⁵ Вероятно, тогда же были выполнены и стилизованные под более раннюю эпоху стволы.

Своим оформлением выделяется собранное, по-видимому, в Австрии в 1730-х гг. кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-701-IX¹⁶

Рис. 4. Кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-701-IX.
Ствол – Османская империя, замок и ложа – Австрия, 1730-е гг.

(рис. 4). Его ствол, очевидно, изготовлен на территории Османской империи, он кованный из дамасской стали (кроме хвостовика казенника), его поверхность разделена на круглые и граненые участки и украшена таушированным серебром, стилизованным растительным орнаментом, арками и пальметками. На казенном срезе массивная стрельчатая планка с глубоким полукруглым прицельным вырезом, мушка латунная. Пятигранное золоченое клеймо с надписью арабским письмом, к сожалению, читается не полностью. Канал имеет восемь неглубоких полукруглых прямых нарезов¹⁷. Замок кремневый, ударный, французского типа, при этом курок и подогнивная пружина смонтированы на внутренней стороне замочной доски, украшенной рельефной и гравированной на канфаренном фоне охотничьей сценой. На шейке приклада латунный золоченый щиток в форме герба, предположительно относящегося к австрийскому семейству баронов фон Кюниц фон Вайссенбургов (von Kuniz von Weissenburg). До 1740 г. это ружье находилось в коллекции князя Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского¹⁸.

Семь прямых неглубоких полукруглых нарезов в канале ствола ружья со скрытым кремневым замком инв. № ГДМ-788-IX¹⁹ (рис. 5).

Рис. 5. Нарезное ружье со скрытым кремневым замком инв. № ГДМ-788-IX. Юго-восточная Германия или Богемия, середина XVIII в.

Его ствол железный, в казенной части восьмигранный, в дульной круглый, с плоской гранью по верху. Механизм замка расположен в восьмигранном корпусе, прикрепленном к казенной части ствола и являющемся как бы его продолжением. Курок находится внутри кор-

пуса, взводится нажатием на рукоятку перед спусковым крючком и освобождается под действием витой пружины при нажатии на спуск. Прибор латунный. Клейм или подписей данное ружье не имеет, исходя из особенностей декора и аналогий с другим известным оружием такой конструкции, можно предположить, что оно изготовлено в юго-восточной Германии (возможно, Саксонии), либо в Богемии в середине XVIII в.

В двухствольном кремневом нарезном ружье инв. № ГДМ-69-IX канал одного из стволов гладкий, другого – имеет восемь полукруглых прямых нарезов²⁰ (рис. 6). Стволы расположены один над дру-

Рис. 6. Двухствольное кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-69-IX. Германия, Тюрингия, г. Зуль, мастер И.И. Каргес, 1720–1740-е гг.

гим, железные, вороненые (кроме хвостовиков казенников), круглые, разделенные ближе к казенной части двумя рельефными поясками. На нижней поверхности верхнего ствола и на верхней поверхности нижнего в казенной части по три клейма: в виде щитка с литерами в три строки «I I K», в виде силуэта петуха с литерой «W» (близко к Neue Stöckel 1714) и клеймо с литерами «SVL». Замок кремневый, ударный, французского типа, поверхности замочной доски и курка выпуклые. Замок имеет две затравочные полки: стационарную с отверстием, от которого идет канал к затравочному отверстию нижнего ствола, и поверх нее подвижную, соответствующую затравочному

отверстия верхнего ствола. Подвижная полка может сдвигаться назад, открывая стационарную. Между перьями подогнивной пружины клеймо в виде сердцевидного щитка с литерами «I V B» и силуэтом петуха. Исходя из деталей оформления ружья и клейм, можно заключить, что оно изготовлено в Германии, в Тюрингии, в городе Зуль, стволы – возможно, мастером И.И. Каргесом в 1720–1740-е гг.

В стволах ружей производства скандинавских мастеров из гатчинской коллекции также можно обнаружить прямые нарезы. Изготовленное в находившемся тогда на территории Шведской Померании г. Штеттине в 1660–1680-е гг. Бернхардом Ортнером нарезное кремневое ружье инв. № ГДМ-527-IX внешне не отличается от совре-

Рис. 7. Кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-527-IX. Шведская Померания, г. Штеттин, мастер Бернхард Ортнер, 1660–1680-е гг.

менного ему кремневого штуцера²¹ (рис. 7). Канал его массивного восьмигранного ствола имеет двенадцать неглубоких полукруглых прямых нарезков. На верхней грани в казенной части выбита надпись «BERNDHARD ORTNER STETTIN». В казенной части клейма – на верхних боковых гранях по два клейма одно над другим с различными изображениями цветов (ближнее к казенному срезу – Neue Stöckel 6491), на средней грани глубокое клеймо в виде сердца (близко к Neue Stöckel 5121), возможно, указывающее на изготовление ствола в г. Зуль в Тюрингии. Замок кремневый, ударный, английского типа с внешним крючком-предохранителем (так называемый «собачий замок», dog-lock). Крючок-предохранитель в форме гротескной женской фигуры в шляпе. Любопытно отметить, что в пенале этого ружья до сих пор сохранилась навинчивающаяся на задний конец шомпола насадка с двумя загнутыми шипами для извлечения застрявшей в стволе пули.

Нарезное кремневое ружье инв. № ГДМ-925-IX²², исходя из гравируемых надписей на замочной доске и затыльнике приклада, изготовлено в Стокгольме мастером Адамом Антоном Герхардом в 1738 г. Ствол железный, вороненый, круглый, разделен ближе к

казенной части двумя рельефными поясками. Канал имеет восемь полукруглых нарезов, при этом поля срезаны так, что сечение канала близко к восьмиугольнику²³.

Из Франции, где в рассматриваемый период нарезные стволы для охотничьего оружия изготавливались весьма редко, происходит кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-960-IX²⁴. Изготовлено оно в Париже, о чем свидетельствуют гравированная надпись на замочной доске «CHARRIERE A PARIS» (по-видимому, мастер Жозеф Шарье) и клеймо с литерами «NP» на нижней стороне казенной части ствола, принадлежавшее, вероятно, парижскому мастеру-ствольщику 2-й четверти XVIII в. Николя Пиеррону. Ствол железный, в казенной части сверху пятигранный, снизу круглый, на большей части длины круглый с плоской гранью по верху. Канал имеет восемь прямых неглубоких полукруглых нарезов²⁵, что для французских стволов охотничьего оружия представляет большую редкость.

Обращает на себя внимание также кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-697-IX²⁶ (рис. 8). Его ствол железный, круглый, крепится к

**Рис. 8. Кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-697-IX.
Испания (?), сер. XVIII в.**

ложе крюком на казенном винте и тремя шпильками, канал имеет семь прямых полукруглых нарезов²⁷. Замок кремневый, ударный, так называемого «мадридского» типа – боевая пружина расположена на внутренней стороне замочной доски и действует вниз, курок на

предохранительном и боевом взводе фиксируется горизонтальными шепталами, проходящими сквозь замочную доску; рабочая поверхность огнива рифленая. Ружье явно армейского назначения, о чем свидетельствует как отсутствие декора, относительная грубость в проработке деталей, так и два прилива для крепления штывка в дульной части ствола. К сожалению, однозначно определить страну происхождения данного ружья представляется затруднительным из-за отсутствия подписей и четко атрибутируемых клейм (единственное клеймо на внутренней стороне замочной доски в виде литеры «В» не поддается бесспорной интерпретации, а замок так называемого «мадридского типа» возможно, но вовсе не гарантированно указывает на Испанию). Датировать его можно серединой XVIII в.

Наконец, нельзя не упомянуть и русские нарезные ружья из гатчинского собрания. Это, прежде всего, кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-1042-IX²⁸ (рис. 9), сделанное в Туле в 1767 г. специ-

**Рис. 9. Кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-1042-IX.
Россия, г. Тула, 1767 г.**

ально по случаю посещения Тульского оружейного завода графом Григорием Григорьевичем Орловым, при этом сам высокий гость (он в то время занимал должность генерал-фельдцейхмейстера) принял участие в его производстве, о чем сообщает таушированная серебром надпись на стволе. Его канал имеет двенадцать неглубоких прямоугольных прямых нарезов²⁹, на замочной доске таушированная золотом надпись «Тула».

Кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-930-IX изготовлено в Туле мастером А. Леонтьевым в 1760–1780-е гг.³⁰ (рис. 10). Ствол желез-

**Рис. 10. Кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-930-IX.
Россия, г. Тула, мастер А. Леонтьев, 1760–1780-е гг.**

ный, круглый, имеет по верху казенной части плоскую полосу, завершающуюся чеканным изображением цветка. Канал ствола имеет восемнадцать прямых нарезов, девять из которых полукруглые и девять треугольные³¹. Замок кремневый, ударный, французского типа, с дополнительным предохранителем в виде скользящей защелки за курком. Поверхности замочной доски и курка выпуклые, на замочной доске гравированная надпись «А: LEONTIEV», под подогнивной пружиной клеймо «ЛП». В пропорциях ружья, оформлении ложи и деталей прибора заметно подражание стилю английских оружейников того времени.

Еще одно тульское кремневое нарезное ружье инв. № ГДМ-341-IX³² изготовлено в конце 1770 – начале 1780-х гг. известным мастером Иваном Полиным, Канал ствола имеет шестнадцать неглубоких полукруглых прямых нарезов, при этом ширина как нарезов, так и полей четко не выдерживается. На стволе золоченая надпись «John Polin» (Полин стажировался в Англии и нередко подписывал свое оружие на «английский» манер).

Петербургские оружейники представлены в гатчинском дворцовом арсенале кремневым нарезным ружьем инв. № ГДМ-413-IX³³, изготовленным мастером Иваном Пермяком, о чем свидетельствуют гравированная надпись на замочной доске («Иванъ: Пермякъ: С: П:бургъ») и таушированная золотом – на стволе («Иванъ Пер`мякъ Санктпетербургъ»). Датировать его можно 1755–1775 гг. Ствол же-

лезный, вороненый, в казенной части восьмигранный, на большей части длины круглый, с плоской гранью по верху по всей длине. Канал имеет 32 неглубоких полукруглых нареза, и здесь также ширина полей различается.

Обобщая рассмотренный материал, можно заключить, что стволы, чьи каналы имели прямые нарезы, в отличие от штуцерных, обычно круглые в сечении (из 28 нарезных ружей гатчинского собрания только у 3 стволы граненые по всей длине), имеют большую длину, более тонкие стенки и, в среднем, большее количество нарезов. При этом стволы с каналами подобной конструкции изготавливались оружейниками различных европейских стран, в том числе и России³⁴. В то же время, в оружейном собрании Гатчинского дворца не выявлено ни одного пистолета, чей ствол имел бы прямые нарезы.

Причины употребления в рассматриваемую эпоху нарезных ружей, вероятно, кроются в том, что они до некоторой степени сочетали достоинства как гладкоствольных ружей, так и штуцеров/винтовок. С одной стороны, нарезы позволяли загонять пулю в ствол более плотно, что способствовало лучшей obturation и, как следствие, большей дальности стрельбы, а также большей точности в сравнении с гладкоствольными ружьями, поскольку в процессе движения пули по стволу исключались удары о его стенки³⁵. В то же время, при стрельбе дробью ствол с прямыми нарезами, несомненно, давал большую кучность, чем ствол с винтообразными. Также играло свою роль и свойство нарезного ствола в меньшей степени забиваться пороховым нагаром.

¹ Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. История развития со времен возникновения до середины XX века. СПб., 1995. С. 64; Lugs, Jaroslav. Handfeuerwaffen. B. 1. Berlin, 1977. S. 21.

² Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. С. 64.

³ Durdík J., Mudra M., Šáda M. Alte Handfeuerwaffen. Praha, 1977. S. 148.

⁴ Von Fleming H.F. Der Vollkommene Teutsche Jäger. Leipzig. B. 2. 1724. S. 149–150. Цит. по: Blackmore, Howard L. Hunting Weapons. Mineola, New York, 2000. P. 271.

⁵ Blackmore, Howard L. Hunting Weapons. P. 279.

⁶ Родионов Е.А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. Т. 1. СПб., 2012; Т. 2. СПб., 2013.

⁷ Общая длина 145,7 см, длина ствола 116 см, калибр 18 мм.

⁸ Ширина нарезов около 3 мм, толщина стенок ствола на дульном срезе варьируется от 2 до 3 мм.

⁹ Клейма атрибутируются в соответствии с нумерацией, присвоенной им в справочнике, т.н. «Der Neue Stöckel». См.: Heer Eugène. Der Neue Stöckel. Internationales Lexikon

der Büchsenmacher, Handfeuerwaffen-Fabrikanten und Armburstmacher von 1400–1900. Bd. 1–3. Schwäbisch Hall. 1978–1979.

¹⁰ Общая длина 133,2 см, длина ствола 106,3 см, калибр 13 мм.

¹¹ Ширина нарезов около 2,5 мм, ширина полей около 5 мм, минимальная толщина стенок у дула 3,5 мм.

¹² Общая длина 152 см, длина ствола 113,8 см, калибр 16 мм.

¹³ Ширина нарезов около 4 мм, ширина полей около 3 мм, толщина стенки ствола у дула около 3 мм.

¹⁴ Общая длина 140 см, длина ствола 101,6 см, калибр 18 мм, минимальная толщина стенки ствола у дула 3 мм.

¹⁵ Schaal, Dieter. Katalog Dresdener Büchsenmacher 16.-18. Jh. Dresden., 1975. S. 111.

¹⁶ Общая длина 143,1 см, длина ствола 104,5 см, калибр 21 мм.

¹⁷ Ширина нарезов около 3,5 мм, ширина полей около 4,5 мм.

¹⁸ Родионов Е.А. Оружие из коллекции Гюнтера I Шварцбург-Зондерсхаузенского в собрании Гатчинского дворца-музея // Война и оружие. Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. Часть IV. СПб., 2014. С. 110–120.

¹⁹ Общая длина 136,7 см, длина ствола 86,1 см, калибр 14 мм, ширина нарезов около 2 мм, ширина полей около 4 мм, толщина стенок ствола у дула 2,5 мм.

²⁰ Общая длина 128,7 см, длина стволов 90,4 см, калибр верхнего нарезного ствола 12 мм, калибр нижнего гладкого ствола 12 мм, ширина нарезов около 2 мм, ширина полей около 3 мм, толщина стенки нарезного ствола у дула 1,5 мм.

²¹ Общая длина 113,5 см, длина ствола 76,1 см, калибр 17 мм, ширина нарезов и полей в среднем по 2 мм, минимальная толщина стенки ствола 4 мм.

²² Общая длина 137,3 см, длина ствола 98,6 см, калибр 19 мм.

²³ Ширина нарезов около 3 мм, ширина полей около 4 мм, толщина стенок ствола у дула 2,2 мм.

²⁴ Общая длина 124,5 см, длина ствола 84,8 см, калибр 16 мм.

²⁵ Ширина нарезов около 1,5 мм, ширина полей 5 мм, толщина стенки ствола у дула 1,7 мм.

²⁶ Общая длина 149,1 см, длина ствола 111,4 см, калибр 20 мм.

²⁷ Ширина нарезов 5 мм, ширина полей 3 мм, толщина стенки ствола у дула 3 мм.

²⁸ Общая длина 135 см, длина ствола 92,1 см, калибр 17 мм.

²⁹ Ширина нарезов и полей по 2,5 мм, толщина стенки ствола у дула 2 мм.

³⁰ Общая длина 132 см, длина ствола 91 см, калибр 18 мм.

³¹ Ширина полукруглых нарезов около 2,5 мм, ширина треугольных 1 мм, толщина стенки ствола у дула 2,7 мм.

³² Общая длина 142,5 см, длина ствола 98,7 см, калибр 17 мм, ширина стенки ствола у дульного среза 2 мм.

³³ Общая длина 134 см, длина ствола 93 см, калибр 19 мм.

³⁴ Помимо перечисленных в данной статье к нарезным ружьям в коллекции оружия Гатчинского дворца-музея относятся инв. № ГДМ-374-IX (Дания, Копенгаген, мастер Генрих Каппель, нач. XVIII в.), ГДМ-555-IX (Германия, Саксония, Дрезден, мастер Валентин Ревер, 1700–1720-е гг.), ГДМ-588-IX (Германия, ствол – Тюрингия, Зуль, 1720-е гг.), ГДМ-935-IX (ствол – Чехия, Прага, мастер Пауль Позер (?), 1720-е гг., замок – Англия, Лондон, мастер Джон Харман, 1720–1740-е гг., ложа и прибор – Чехия (?)), ГДМ-956-IX (Швеция, Стокгольм, мастер Мориц Фридрих Нуссбаум, 1730–

1745-е гг.), ГДМ-586-IX (Германия (?), 1710–1720-е гг.), ГДМ-615-IX и ГДМ-830-IX (Германия, Ангальт, Дессау, мастер Нехлер, 1720–1730-е гг.), ГДМ-753-IX (Германия, Брауншвейг, мастер Йонас Хейнеманн, нач. XVIII в.), ГДМ-782-IX (Германия, Гессен-Кассель, мастер Матиас Конрад (?) Пистор, 1720-е гг.), ГДМ-800-IX (Германия, Брауншвейг (?), мастер Вадт, 1750–1760-е гг.), ГДМ-954-IX (Германия, Брауншвейг, мастер Иоганн Ульрих Мантц, 1730–1740-е гг.).

³⁵ Hoff, Arne. Feuerwaffen. В. 2. Braunschweig, 1969. S. 62.

М.Ю. Романов (Москва)

**НЕСКОЛЬКО КОММЕНТАРИЕВ
К ОПРЕДЕЛЕНИЯМ СТАРИННЫХ ТЕРМИНОВ
«ТОЩЕЕ ДРЕВКО», «ПОДЗНАМЕННОЕ КОПЬЕ»,
«ЧЕХОЛ», «ЛОПАСТЬ»**

СУЩЕСТВУЮЩАЯ в настоящее время справочная база по военно-исторической терминологии далеко не в полной мере охватывает весь спектр понятий, применявшихся в повседневной практике на ранних этапах развития оружейного дела в нашей стране. Во многом это объясняется отсутствием необходимых документальных сведений, позволяющих провести точную атрибуцию сохранившихся в музейных собраниях артефактов. И напротив, по той же причине использованные в исторических источниках термины нередко довольно трудно соотнести с какими-либо конкретными предметами.

Одним из примеров, иллюстрирующих подобную ситуацию, может служить распространенный в XVII в. термин «тощее древко», чаще всего использовавшийся в связи с описанием различных военных знамен. Источники, содержащие данное понятие, были хорошо известны еще исследователям XIX столетия, однако первый краткий комментарий в отношении этого термина последовал только в 1984 г. Сделала его известный специалист по исторической лексикологии В.Л. Виноградова, внесшая в свой «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”» определение «тощего древка» как древка полого¹.

Данное определение, скорее всего основанное только на лексических параллелях, находит прямое материальное подтверждение в виде сохранившихся в составе Шведской Государственной трофейной коллекции нескольких древков, в том числе двух древков к стрелецким знаменам, изготовленным в 1691 г., которые имеют внутренние полости, выточенные токарным способом (рис. 1). Ак-

Рис. 1. Полое древко к ротному знамени 13-го московского стрелецкого полка. Длина – 363 см (высота полотнища – 265 см), внешний диаметр – 56,9 мм, толщина стенки – 8,5 мм, глубина внутренней полости – 125 см. Россия, конец XVII в.

Музей Армии. Стокгольм. Инв. № ST21:43

варельные рисунки стрелецких знамен 1691 г., созданные шведским рисовальщиком Олафом Гофманом в первой четверти XVIII в., позволяют представить эти знаменные комплексы практически в первоизданном виде. На них указанные выше полые древки имеют продолжения (рис. 2). Конструктивно отсутствующие в настоящее время части древков предполагают наличие у них выточенных под диаметр противоположных осевых отверстий окончаний в виде штырей. В собрании Музея Армии сохранились части древков, имеющих подобные окончания, но от других русских знаменных комплексов того же периода (рис. 3). Этот факт дает нам основания считать, что термин «тощее древко» подразумевал составную конструкцию изделия, одна из частей которого имела выточенную полость².

Можно предположить, что при наличии знамен, высота полотнищ которых нередко превышала 2,5 м, такая конструкция была предназначена для того, чтобы облегчить задачу знаменщика при переводе древка из по-

Рис. 2. Ротное знамя 13-го московского стрелецкого полка. Рисунок из альбома «Troféabildningar». 1-я четв. XVIII в. Военный архив Швеции. Стокгольм

Рис. 3 Древяк к стрелецкому знамени. Длина – 321,6 см. Россия, конец XVII в. Музей Армии. Стокгольм. Инв. № ST21:24,2 (деталь)

ложения упора в землю в положение упора во «втоку», она крепилась на «знаменном ремне» или «тесъме». Однако приходится констатировать, что без выяснения целого ряда конструктивных особенностей древков подобного типа говорить о каких-либо практических аспектах их использования пока рано. Необходимо отметить, что перспективы более глубокого изучения конструкции полых древков весьма велики, так как в собрании Музея Армии сохранился по крайней мере один полный комплект подобного изделия³, который еще ждет своего исследователя.

Другим примером недостаточности наших знаний об оружейной терминологии «допетров-

ского» времени может служить термин «подзнаменное копье», примененный при составлении росписи «полкового строения» стрелецкого полка Ильи Нармацкого в 1682 г.⁴ Лексическое значение данного словосочетания может иметь двойное толкование. С одной стороны, гипотетически таким термином могло обозначаться знаменное древко, имевшее копьевидное навершие. Известны образцы знаменных гротиков, не имеющих каких-либо прорезных изображений, которые воспроизводят форму наконечников копий, но таковыми не являются (рис. 4). Возможно, к таким навершиям относилось определение гротик «на копейное дело»⁵. Нельзя исключить и вариант использования обычного копья, приспособленного для крепления на нем знамени или прапора.

Однако более вероятно, что стрелецкие «подзнаменные копьа» представляли собой определенный вид древкового оружия, имевшего отношение к исполнению служебных обязанностей стрельцов, входивших в состав знаменных групп своего подразделения. Важно отметить, что «подзнаменные копьа» упоминаются в документе наряду с протазанами и алебардами, что исключает возможность применения данного термина в качестве синонима к этим распространенным образцам вооружения стрелецких начальных людей. Видимо, о таких же копьях идет речь и в росписи имущества Афанасьева приказа Парасукова, составленной в 1679 г., в которой вслед за десятью знаменами указывались «20 копей на древках, 21 барабан, 8 протазанов цветных, древка витые писаны по красному бакану золотом...». Данные

Рис. 4. Гротик к стрелецкому знамени. Россия, конец XVII в. Музей Армии. Стокгольм. Инв. №ST21:19 (деталь)

копья были вынесены в отдельную статью в отличие от «спис», находившихся в тот момент на вооружении рядовых стрельцов⁶.

Сохранилось также документальное свидетельство о том, что в некоторых случаях подобными копьями могли заменяться протазаны, находившиеся на вооружении стрелецких «протазанщиков»⁷, составлявших почетный конвой своих старших командиров. В 1696 г. во время торжественного вступления царских войск в Москву после победоносного завершения 2-го Азовского похода в числе прочих чинов шествовал стрелецкий полковник Иван Озеров, «около его, вместо протазанов, с копья 6-ть человек»⁸.

За неимением прямых указаний источников, позволяющих соотнести стрелецкое «подзнаменное копье» с конкретным видом древкового оружия, единственную возможность определить его внешний облик дает метод аналогии. Самым близким по времени и по смыслу термином в данном случае выступает «подпрапорщичыё копье», находившееся на вооружении помощника прапорщика в солдатских полках в период Северной войны (1700–1725)⁹. В разновременных росписях имущества Воронежского пехотного полка как синоним «подпрапорщичыёго копья» употреблялось и понятие «подпрапорщичыё полупика»¹⁰. Сопоставляя названные выше термины с изображениями стрелецкого древкового оружия, запечатленного на одной из миниатюр из «Книги об избрании на царство Великого Государя, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича» (1673) (рис. 5), можно сделать наблюдение, что подобные копья (полупики) в значительной

Рис. 5. Фрагмент миниатюры из «Книги об избрании на царство Великого Государя, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича». 1673 г.

мере по своему функционалу напоминают позднейшие для русской военной терминологии эспонтоны. В переводе с французского языка термин «*esponton*» определяется именно как полупика («*demi pique*»)¹¹.

Скорее всего, в практике стрелецкой службы в роли «подзнаменных копий» выступали обычные «грановитые» копьа, возможно, отличавшиеся от стандартных образцов увеличенными размерами наконечников и наличием у них каких-то элементов декоративного оформления. Некоторые виды таких копий в отечественном оружиеведении могут атрибутироваться как рогатины¹². Как следует из приведенного фрагмента миниатюры 1673 г., подобные копьа могли иметь кисти подобно протазанам и алебардам, что подчеркивало должностной статус их обладателя.

Учитывая проводившиеся во второй половине XVII в. правительственные мероприятия по адаптации традиционного «стрелецкого строя» к новым требованиям организации службы пехотных частей, основанным на действовавших западноевропейских военных уставах, упомянутым выше копьа могли быть приданы функции статусного оружия, аналогичного эспонтонам (рис. 6). Выше сказанное

Рис. 6. Образец офицерской полупики. Фрагмент картины Дж. Леонардо «Осада Бризака». 1634–1635 г. Музей Прадо. Мадрид

в значительной мере согласуется с мнением Н.Р. Бискуп о том, что данный вид древкового оружия получил ограниченное использование в русском войске еще в царствование Алексея Михайловича (1645–1676) и в начале XVIII столетия постепенно вытеснил более распространенный ранее протазан¹³.

Нельзя исключать, что неизвестный изограф – автор миниатюры 1673 г. отразил реальную практику применения подобных копий, в том числе и в качестве древков к прапорам. В частности, известно, что к «первым» (полковым) стрелецким знаменам могли прилагаться специальные «большие» прапоры, которые в комплексе создавали особую знаменную группу¹⁴. Число подобных прапоров в стрелецких полках к началу XVIII в. могло превышать два десятка¹⁵. Вполне вероятно, что такое количество «подзнаменных прапоров» объяснялось наличием в полках запасных комплектов знаменной атрибутики¹⁶. К сожалению, многие детали организации стрелецкой службы остаются неизученными, что не позволяет в настоящий момент делать однозначные выводы относительно процесса унификации стрелецкого и солдатского «ратного строя», начавшегося в годы русско-польской войны 1654–1667 гг.

Хорошо известно, что в практике военной службы использование знамен и многих видов оружия, включая парадное, подразумевает применение матерчатого или кожаного покрытия для их сохранения. В наше время подобные предметы чаще всего определяются универсальным понятием «чехол». Однако относительно XVII столетия и более раннего периода необходимо отметить использование различных терминов, не только близких по своему семантическому значению («нагалище» («влагалище»), «сорочка», «чюшка», «чемодан» и т. д.), но и во многих случаях выступавших прямыми синонимами одновременно существовавшего понятия «чехол». Исключение составляют только особые виды чехлов для конкретных типов оружия и предметов вооружения, таких как «ольстра» (чехол на некоторые виды огнестрельного оружия) и «тохтуй» (чехол на колчан).

Ряд письменных источников и музейных предметов позволяет внести некоторые дополнения в данную тему, несомненно, представляющую интерес, в том числе для изучения процесса формирования терминологического аппарата в сфере военного строительства в России в эпоху раннего Нового времени. В составе Шведской Государственной трофейной коллекции сохранилось три однотипных изделия, созданных в 1693 г. для одного из московских стрелецких

полков. Они представляют собой открытые матерчатые цилиндры высотой, в среднем, 81 см и шириной 45 см. В верхних основаниях цилиндров сделаны кулиски со вставленными в них шнурами. Боковые поверхности изготовлены из нескольких отрезков шелковой ткани разных цветов, сшитых между собой. По шелку выполнена роспись, содержащая сцены из жития архангела Михаила, помещенные

Рис. 7. «Полковой чехол». Россия, 1693 г.
Высота – около 80 см, ширина – 44 см.
Музей Армии. Стокгольм. Инв. № ST24:364,2

в два крупных медальона. Ниже их расположены меньшие медальоны, содержащие тексты, возможно, являющиеся частями единого текста для каждого образца, подобного летописям на знаменах. Остальное пространство заполнено богатым растительным узором (рис. 7).

В настоящий момент удалось установить содержание только одной части текста, повествующий о том, что «... СЕЙ ПОЛКОВОЙ ЧЕХОЛЬ В 13 ПОЛКЪ... ТОГО ПОЛКУ СТОЛНИКА И ПОЛКОВНИКА АЛЕКСЕЯ ЛАВРЕНТИЕВИЧА

ОБУХОВА ЛЕТА 7202 СЕНТЕБРЯ»¹⁷. Несмотря на значительные утраты, в тексте сохранились ключевые исходные данные, отразившие время и цель проделанной работы, а также название выполненного изделия – «полковой чехол». Тем самым мы получаем материальное подтверждение конструктивного сходства таких понятий, как

«чехол» и «сорочка», а также правомерности их использования как синонимов. Из сохранившегося описания «сорочек» известно, что на таких изделиях, изготовлявавшихся для полотнищ знамен и знаменных древков, на одной из открытых сторон также присутствовали «гайтаны шолковые красные чем завязывати»¹⁸.

В то же время выясняется и принципиальное отличие «чехлов» и «сорочек» от такого термина, как «чемодан», одной из особенностей которого было наличие «застешек». В частности, эти детали присутствовали на «чемодане», изготовленном в 1675 г. «в аглинском, в добром, в червчетом сукне» для знамени Белгородского полка¹⁹. Знание подобных конструктивных нюансов порой помогает более точно понимать отдельные частные эпизоды из повседневной русской жизни давно минувшей эпохи. Например, в январе 1679 г. государь повелел выдать из Оружейной палаты в один из воеводских полков знамя «с чемоданом». В течение трех дней знамя было подобрано и выдано в Разряд, но с «сорочкою». Очевидно, чины Оружейной палаты, учитывая необходимость срочного исполнения поступившего распоряжения, сочли возможным несколько подкорректировать затребованную комплектацию знамени, скорее всего из-за отсутствия в казне подходящего готового «чемодана». При передаче знамени представителю Разряда с него была получена расписка, в которой дьяк указал, что принял знамя «с чехлом»²⁰.

Приведенный пример со всей очевидностью рисует необходимость дальнейшего изучения старинной терминологии, многое в которой остается неясным. Присутствующие в собрании Стокгольмского Музея Армии «чехлы» представляют собой образцы изделий двух видов. Часть из них соответствует приведенному выше описанию «полковых чехлов», другие имеют аналогичный вид раскроя, но дополненный пришитыми к нижнему основанию цилиндра длинными узкими матерчатыми привесками. На образцах, не имеющих утрат, количество таких привесок достигает пяти, длина которых варьируется от 19 до 28 см (рис. 8).

Среди старинных русских терминов подобным деталям наиболее соответствует понятие «лопасть». Данный термин сегодня определяется как «лоскутки материи с треугольным или квадратным полотнищем»²¹, что не в полной мере соответствует действительности. В области военного дела XVII столетия понятие «лопасть» применялось в нескольких значениях:

– как разновидность «хвоста» к знамени, видимо, отличавшегося своим не клинчатым окончанием²² (подобно церковным хоругвям);

– как одна из лент, крепившихся попарно по краям «ушей» шлемов, в совокупности выполнявших функцию завязок²³;

– как элемент декоративного убранства парадного древкового оружия, близкого по назначению кистям на протазанах.

Для нашей темы «лопасти» последнего типа представляют наибольший интерес. В упомянутой выше росписи имущества стрелецкого полка Ильи Нармацкого данные детали военного снаряжения имеют непосредственную связь с рассмотренными ранее понятиями: «14 копей подзнаменных с чехлы тафтяными и с лопастью».

Если бы не присутствие разделительного союза «и», то приведенные в документе последние два термина полностью соответствовали бы описанию чехлов из коллекции Музея Армии – чехлы с лопастью. Однако более близким к действительности представляется наличие у этих копий отдельно чех-

Рис. 8. Чехол с лопастью. Россия, конец XVII в. Высота с лопастью – 60 см, ширина – 36 см. Музей Армии. Стокгольм. Инв. № ST24:380 а-в

лов, предохранявших наконечник, и особых лопастей, скорее всего, крепившихся, как и кисти, под трубкой. Подобное копые упоминается среди военного имущества, выданного в 1673 г. воеводе князю Ю.Н. Борятинскому: «копые красного железа, яблоко позолочено, Куземкина дела Плотникова, из подносных дел нынешнего 181-го году; на древке красного аспиду вооружено, лопасти тафтяные»²⁴.

Таким образом, чехлы с пришитыми лопастями, скорее всего, представляли собой особый вид «чехлов», который одновременно мог иметь собственное название. Несколько лет назад В.С. Великанов, опубликовавший свое исследование об истории Салатского сражения 1703 г. и судьбе русского военного имущества, оказавшегося в числе шведских трофеев, на основании ряда выявленных им архивных документов пришел к выводу, что чехлы, хранящиеся сегодня в фондах стоковского Музея Армии, могли именоваться «кутасами», предназначенными для укрытия протазанов²⁵.

Аргументация, приведенная автором, несомненно, имеет под собой определенные основания, однако не дает полной уверенности в правоте сделанного заключения, прежде всего, в силу неясности способа крепления подобных изделий на наконечниках протазанов. Применительно к XVII столетию и более раннему времени термин «кутас» в большей мере ассоциируется с таким элементом конского убора, как «кутаз» (шелковый или шерстяной шнур с кистью, крепившийся под шеей коня)²⁶. В то же время, на примере термина «лопасть» можно видеть, что на практике то или иное понятие могло применяться в значительно более широком спектре. В нашем случае кистевая форма «кутаза» в своем названии могла проявиться как лексический аналог чехла, имевшего кистевидную форму.

Однако нельзя исключать и иные трактовки термина «кутас», зафиксированного в архивных источниках начала XVIII в. («20 кутасов камчатых», «13 кутасов малых тафтяных»²⁷). Использование этих понятий в росписях имущества стрелецких полков в связи с упоминанием в документах древкового оружия, предназначенного для выдачи соответствующим чинам, невольно приводит к мысли о взаимосвязи этих предметов. Известно, что камка и тафта являлись самыми распространенными видами тканей, употреблявшимися для изготовления опушки или бахромы для различных изделий. Как следует из росписи «воинских припасов» киевского гарнизона, составленной в 1682 г., среди находившегося на складах древкового оружия присутствовали «88 протазанов, в том числе 20 протазанов

обшиты сукном красным с кистми шолковыми, сукна на них и кисти побиты, в том числе 4 протазана с нагалищами и с бохрамами...»²⁸. Таким образом, можно предположить, что «кутасами» в 1702 г. были названы разновидности декоративных украшений на протазаны, также имевшие кистевую форму, которые были сделаны из лоскутков материи, а не из шелковых нитей, применявшихся для изготовления кистей. Такие атрибуты статусного оружия могли храниться отдельно и были выданы для последующей раздачи стрелцким «урядникам», после распределения между ними соответствующих их чину видов древкового оружия.

В то же время приведенные выше доводы никак не проясняют реальное предназначение образцов чехлов, сохранившихся в собрании Музея Армии, которые во многом являются уникальными предметами военного быта рубежа XVII–XVIII вв. Выразим надежду, что новые историко-архивные изыскания и будущие предметные исследования смогут пролить свет на этот и многие другие вопросы и тем самым в значительной степени обогатят наши знания в сфере военно-исторической терминологии.

¹ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В.Л. Виноградова. Вып. 6. Л., 1984. С. 46.

² Возможно, конструктивное сходство со знаменными «тощими древками» имели и некоторые виды копейных древков: «дrevko чинаровое, складное от копья», упоминаемое в описи военного имущества кн. В.В. Голицина 1689 г. (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 4. СПб., 1893. С. 135), а также «тощие» дrevки («скопища») к рогатинам, находившиеся в оружейной казне царя Бориса Федоровича (Савваитов П.И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей Архива Московской Оружейной палаты. СПб., 1865. С. 32).

³ Catalogue of Exhibits in the Swedish State Trophy Collection Exhibition // In hoc signo vinces. A presentation of The Swedish State Trophy Collection. Halmstadt, 2006. № 31. P. 235.

⁴ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией (далее – ДАИ). Т. 10. СПб., 1867. № 33. С. 108.

⁵ Яковлев Л.П. Древности Российского государства. Дополнение к III отделению. Русские старинные знамена. М., 1865. Примечания. С. 22.

⁶ Русская историческая библиотека. Т. 11. СПб., 1889. С. 483.

⁷ РГАДА. Ф. 1467. Оп. 1. № 72. Л. 34–35.

⁸ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Ч. 1. СПб., 1899. С. СXXXVIII.

⁹ Татарников К.В. Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение.

М., 2008, С. 73, 120.

¹⁰ Там же. С. 127.

¹¹ Clergeau J-R. Espontons d'officiers et hallebardes d'sergents // Gazette des Armes. № 204. 1990. P. 45. Длина французских эспонтонов образцов конца XVII в. составляла 2,27–2,6 м. Наконечники к ним имели длину от 17 до 26 см, ширину – от 4,5 до 6 см.

¹² Городцов В.А. Описание холодного оружия. Копье и пика. Рогатина. Навершие знамени // Отчет императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1911 г. Приложение. М., 1913. С. 18.

¹³ Бискуп Н.Р. Оружие на древках из собрания Государственного Эрмитажа. Проблема терминологии // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой Международной научно-практической конференции. Ч. 1. СПб., 2014. С. 169.

¹⁴ Романов М.Ю. Знаменные регалии 13-го московского стрелецкого полка // Старый Цейхгауз. 2015. №1 (63). С. 7.

¹⁵ Висковатов А.В. Указ. соч. С. CLII.

¹⁶ Великанов В.С. «Салатские трофеи». Полковое имущество стрелецких полков Нечаева и Протопопова, потерянное в сражении при Салагах. 1703 // Старый Цейхгауз. 2013. № 2 (52). С. 3–4.

¹⁷ Приведенный текст присутствует на экспонате с инв. № ST 24:364,2. Музей Армии. Стокгольм.

¹⁸ Яковлев Л.П. Указ. соч. Приложения. № 22. С. 43.

¹⁹ Там же. № 8. С. 21.

²⁰ Там же. № 11. С. 30.

²¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 282.

²² Солнцев Ф.Г. Древности Российского государства. Отделение III. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1853. С. 2.

²³ Там же. С. 8, 12; Яковлев Л.П. Указ. соч. Приложения. № 56. С. 120.

²⁴ Яковлев Л.П. Указ. соч. Приложения. № 19. С. 39.

²⁵ Великанов В.С. Указ. соч. С. 7, 11.

²⁶ Висковатов А.В. Указ. соч. С. 23.

²⁷ Великанов В.С. Указ. соч. С. 4.

²⁸ ДАИ. Т. 10. № 33. С. 98.

Л.П. Рудакова (Санкт-Петербург)

РУССКИЙ УДАРНЫЙ БАТАЛЬОН В ИТАЛЬЯНСКОМ ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ (1943–1945)

СО ДНЯ окончания Второй мировой войны, унесшей жизни более 40 миллионов жителей Европы, Азии и Америки, прошло более 70 лет. Об этой самой кровопролитной из всех войн написано огромное количество научных трудов и воспоминаний непосредственных участников военных действий. Но до сих пор находятся герои, чьи подвиги не известны и требуют новых исследований и публикаций.

В архивном фонде ВИМАИВиВС хранится краткая записка «О причинах возникновения итальянского движения Сопротивления»,¹ написанная в 1962 г. В.М. Переладовым, командиром Русского ударного батальона, сражавшегося в рядах итальянского движения Сопротивления. К записке Переладова приложены фотографии бойцов Русского батальона, принимавших участие в партизанском движении в Италии в период Второй мировой войны. Документы поступили в архив в 2003 г.²

В советской историографии как, впрочем, и в итальянской, тема участия советских военнопленных в партизанском движении, развернувшемся в Италии, изучалась и анализировалось довольно мало. Об итальянском движении сопротивления написано множество воспоминаний, но они носят чисто описательный характер и дают лишь частичное представление о событиях и даже иногда грешат против истины. Масса книг, изданных на эту тему, содержит скорее литературный, чем научно-исторический характер³. Наиболее справедливую оценку участию советских военнопленных в движении Сопротивления дает известный итальянский общественный деятель и публицист Мауро Галлени: «Размеры вклада, внесенного в ита-

янское движение Сопротивления советскими людьми, значительно превышает общий вклад англичан, американцев и граждан других стран, которые, как и большинство советских партизан, были бывшими пленниками немцев»⁴. В настоящее время вклад советских военнопленных в освобождение Италии от фашизма нуждается в серьезном исследовании и анализе современными историками. Изучение данной темы позволит в дальнейшем выявить всю сложность и многогранность проблемы, с которой столкнулись народы Советского Союза в период Второй мировой войны и, одновременно, показать роль и значение простого человека на фоне глобальных событий⁵.

Исходным моментом в развитии итальянского движения Сопротивления послужила высадка 10 июня 1943 г. англо-американских войск на Сицилии, в районе Салерно. Вслед за этим событием 25 июля в Риме произошел государственный переворот. На заседании большого фашистского совета Бенито Муссолини, не получив поддержки большинства своих единомышленников, был арестован по приказу короля Виктора Эммануила III. К власти пришло правительство во главе с маршалом Пьетро Бадольо⁶, которое стремилось вывести Италию из войны. В конце июля 1943 г. начались мирные переговоры с представителями англо-американской коалиции в Лиссабоне, которые закончились на Сицилии 3 сентября 1943 г. подписанием условий договора о военном перемирии. 8 сентября Бадольо объявил по радио о перемирии, заключенном 3 сентября, и отдал приказ итальянским войскам прекратить военные действия. Однако правительство ничего не предприняло для защиты страны от нашествия немецких войск⁷.

Условия выхода из войны, подписанные Италией, не устраивали германское военное командование, поскольку ставили под удар господство вермахта в Западной Европе. В связи с этим 8 сентября 1943 г. германская армия под командованием генерал-фельдмаршала Кессельринга и генерал-полковника Генриха фон Фиттингофа предприняла оккупацию всей Северной и Центральной Италии, свергнув правительство Бадольо и восстановив власть Муссолини. Правительство Бадольо и король Виктор Эммануил III, покинув столицу, бежали на юг Италии, в Пескару, под защиту англо-американских войск⁸. Самая богатая часть Италии, ее северная часть была прочно захвачена немецкими войсками, которые втрое превосходили остатки итальянской армии⁹.

А между тем англо-американские войска, высадившиеся в начале сентября на Сицилии, выдвинулись к концу осени 1943 г. на рубеж

ожнее Неаполя и остановились на зимовку. В оккупированной немецкими войсками части Италии началась партизанская национально-освободительная война. Датой ее начала принято считать 8 сентября 1943 г. – день вступления частей германской армии в Рим¹⁰.

Движение Сопротивления в Италии формировалось на основе разрозненных групп, стихийно образованных представителями различных политических партий, запрещенных фашистским режимом. Осенью 1943 г. после жесточайшего подавления гитлеровцами восстания в Риме и центральных районах Италии движение Сопротивления стало поистине всенародным. Но в связи с различной ориентацией партизанских формирований особенно остро встал вопрос о координации действий и общем политическом руководстве. Вскоре стихийное движение разрозненных групп взял под свой контроль Комитет национального освобождения, созданный 9 сентября 1943 г. представителями шести партий: коммунистической, христианско-демократической, либеральной, социалистической, партией действия, трудовой демократической. Комитет, преодолев разногласия между различными политическими течениями и объединив все силы для борьбы с фашистской Германией, пользовался лояльностью большинства партизанских отрядов и корректировал свою деятельность с министрами короля Виктора Эммануила III и представителями стран антигитлеровской коалиции¹¹.

Начальный период движения Сопротивления был исключительно трудным и тяжелым и менее широким, чем можно было ожидать¹². Итальянское сопротивление, в отличие от Франции, не имело своего заграничного центра. Штаб движения – Комитет национального освобождения Северной Италии находился в Милане, в сердце оккупированной немцами Северной Италии. Это обеспечивало Сопротивлению известную самостоятельность по отношению к союзникам¹³.

Основные силы движения Сопротивления, в рядах которого сражалось большое количество иностранцев, были представлены тремя группами: Гарибальдийские бригады (коммунисты), «Справедливость и свобода» (связанная с партией действия) и бригады Маттеотти (социалисты). Наиболее крупные отряды Сопротивления действовали в горных районах Альп и Апеннин¹⁴.

Важнейшим направлением в деятельности Сопротивления была организация диверсий против немецких войск и чернорубашечников Муссолини и нападений на небольшие гарнизоны и автоколонны противника, а также укрывательство военнопленных, бежавших из фашистских лагерей.

Первые пленные из Советского Союза появились на Апеннинском полуострове в начале 1942 г. Это были заключенные трудовых лагерей, военные и гражданские пленные, мобилизованные на принудительные работы на предприятиях военной промышленности и на строительных работах. Население Италии с симпатией относилось к советским пленным: приносило им продукты и одежду, помогало в организации побега и переброске в партизанские отряды.

Советские военнопленные, бежавшие из трудовых лагерей, вливались, как правило, в уже существовавшие партизанские отряды. Иногда в итальянских отрядах создавались целые советские подразделения. По изученным данным итальянского историка Мауро Галлетти, в итальянских партизанских отрядах сражалось 5100 советских военнопленных, из которых 429 пали в бою. Но автор утверждает, что эти цифры не окончательные и в освободительной войне участвовало более значительное количество советских военнопленных¹⁵. В Италии существовало несколько более крупных партизанских отрядов, состоявших практически из советских граждан. Например, в области Эмилия-Романья (северная Италия) сражалось, по разным данным, до 1000 советских граждан, 82 из которых погибли¹⁶. Там же был создан Русский ударный батальон под командованием капитана В.Я. Переладова, где комиссаром с сентября 1944 г. состоял А.М. Тарасов, поступивший в русский отряд в мае 1944 г. и успевший приобрести среди итальянцев славу отважного бойца¹⁷. «Не проходило и дня, – вспоминал Переладов, – чтобы партизанские отряды нашей, да и не только нашей зоны, не пополнялись все новыми и новыми бойцами, бежавшими из немецкого плена. С весны 1944 г. в наш отряд стало прибывать все больше беглых советских военнопленных, как в сопровождении итальянских проводников, так и самостоятельно»¹⁸.

Партизаны стали переходить к более крупным боевым операциям. На севере Италии появились целые зоны, так называемые «партизанские республики», освобожденные от нацистов и фашистов. К появлению одной из них – «республики Монтефиорино», расположенной к югу от Пармы в тылу немецкой армии, площадью до 1 тысячи квадратных километров с населением 50 тысяч человек, – причастен и Русский ударный батальон. Именно в этой провинции с большим размахом велись военные действия¹⁹.

Партизаны сами искали боя, стараясь столкнуться с противником лицом к лицу. Бюллетень о боевых действиях партизан в июне

1944 г. зарегистрировал 519 убитых и 38 раненых гитлеровцев, 336 убитых и 152 раненых солдат фашистской милиции, 2 пущенных под откос поезда и 20 нападений на казармы противника²⁰.

Рис. 1. В.Я. Переладов (третий слева в среднем ряду) с группой итальянских партизан, входивших в состав Русского ударного батальона. Фототека ВИМАИВиВС. Негатив № 14007-а

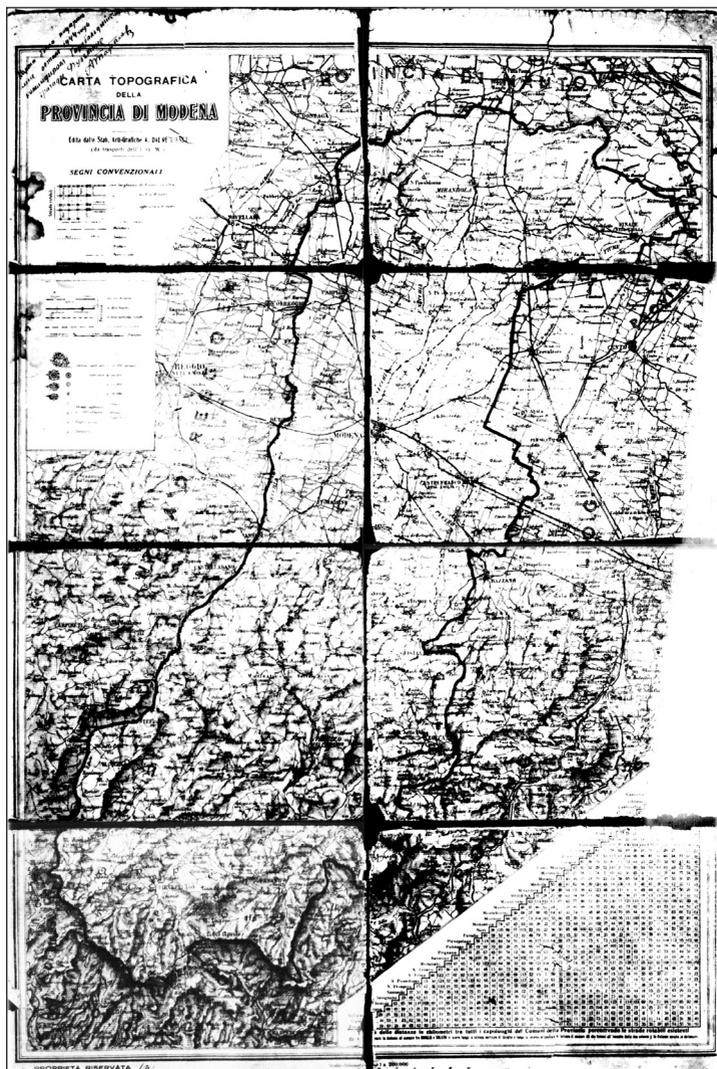
Созданный в 1944 г. близ г. Монтефиорино Русский ударный батальон, вооруженный автоматическим оружием, состоял в непосредственном подчинении штаба партизанских бригад провинции Эмилия-Романья, который использовал его для особо ответственных заданий²¹. Подразделение состояло из двух рот. Командиром 1-й роты и одновременно всего батальона был В.Я. Переладов, командиром 2-й роты – Н.Я. Черноус²². Это был интернациональный отряд, но все были согласны называть его «русский батальон», поскольку советских воинов было большинство²³. В Русском ударном батальоне воевал взвод чехов и словаков, отделение сербов, несколько англичан, австриец Карл, добровольно перешедший из немецкой армии на сторону партизан, и даже чернокожий американский солдат по имени Джон. Русский ударный батальон внес ценный вклад в победу Италии над Германией. Советские партизаны, по высказыванию

Луиджи Бенедетти, даже в самые трудные минуты были примером дисциплины, доблести и сознания ответственности²⁴.

В «республике Монтефиорино» две автостреды и две узловые железные дороги оказались под контролем партизан, что создавало определенные трудности немецким войскам. Это раздражало германское командование, которое вынуждено было бросить на борьбу с партизанами хорошо вооруженный карательный отряд эсэсовской дивизии «Герман Геринг», который вторгся 5 июля 1944 г. в партизанскую зону в районе деревни Пьнделаготти. Смяв заграждение итальянских партизан, немцы вошли в деревню и устроили настоящий террор. Русскому ударному батальону пришлось выбивать противника из горящей деревни. Освободив селение, бойцы увидели на улицах жуткую картину: на площади лежали расстрелянные старики и дети, выброшенные из окон партизаны, лечившиеся от ран в деревенском госпитале, всюду следы грабежа и насилия. По единодушному решению партизан и местных жителей пленных эсэсовцев из карательного отряда расстреляли в деревне у стены старой католической церкви²⁵. За голову бесстрашного командира русских партизан В.Я. Переладова немцы объявили награду в 300 тысяч лир²⁶.

За боевые успехи Русский батальон получил название «ударный» и неоднократно поощрялся в приказах командования. За период военных действий его бойцы уничтожили 350 машин с боеприпасами и живой силой противника, подорвали 121 мост, совершили нападение на 500 гарнизонов чернорубашечников, захватили в плен не менее 4500 немецких и итальянских солдат и офицеров. Осенью 1944 г. батальон успешно выполнял задачи по взрыву мостов на пути движения немецких автоколонн²⁷.

В конце июля 1944 г. для бойцов «республики Монтефиорино» настали тяжелые времена. На борьбу с партизанами немецкое командование направило три хорошо вооруженные дивизии. Силы оказались неравными. Партизаны заняли оборону на подступах к Монтефиорино. Немецким войскам удалось окружить бойцов Сопротивления²⁸. Началось сражение у Монтефиорино, которое продолжалось в течение четырех дней. Оно вошло в историю движения сопротивления как самое крупное сражение в открытом поле между партизанами и итало-немецкими фашистами и было кульминационной точкой сопротивления в районе Эмилии²⁹. На исходе четвертого дня боевое окружение немцев было прорвано и отряды партизан вместе с мирными жителями устремились в направлении Тосканы³⁰.

**Рис. 2. Топографическая карта провинции Модена, где принимал участие в боевых действиях Русский ударный батальон.
Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 10. Д. 24. Раздел фото. Л. 3**

По оценке Луиджи Бенедетти, русский батальон внес ценный вклад в победу над Германией. Даже в самые трудные минуты рус-

ские партизаны были примером дисциплины, доблести и сознания ответственности³¹.

Покинув Монтефиорино, Русский батальон Переладова переместился в провинцию Болонья, в состав 6-й Гарибальдийской бригады. В октябре 1944 г. командующий всеми партизанскими соединениями провинции Модена Марио Риччи (Армандо) с небольшим отрядом перешел линию фронта для установления контакта с представителями командования американских войск. Подчиняясь приказу единого командования отрядами Сопротивления, в ночь с 13 на 14 ноября Русский ударный батальон, штурмом преодолев заставы немцев, перешел Апеннины и прорвался в район боевых действий 5-й американской армии. Утром батальон встретили итальянские партизаны и отвели его на место отдыха. После отдыха русский отряд построился и начал движение по улицам небольшого городка. «Вдруг у партизан пробудилось давно забытое чувство строя. Кто-то запел песню “По долинам и по взгорьям”», и весь батальон подхватил припев. Местные жители приветливо улыбались и махали нам руками, а американские солдаты с завистью смотрели, как браво шагал по улицам итальянского городка Русский ударный батальон»³².

Бригадный генерал армии США Джо Колли устроил гарибальдийцам теплый прием. Позднее командование 5-й американской армии предложило Русскому ударному батальону перейти на службу в американскую армию. Затем, когда предложение было отвергнуто, американцы предложили сдать оружие. Но из этого ничего не получилось³³. «Мы сказали: оружие отдадим только после того, как нас свяжут с офицерами нашей советской миссии. Требование это было выполнено. Рано утром нас отправили в Рим»³⁴, а затем в Неаполь³⁵. В Неаполе русских партизан встретили офицеры советской военной миссии во главе с майором Белобоковым. Но отправить русский батальон на родину было не просто. Надо было ждать, когда союзники предоставят военный транспорт. В конце декабря русских партизан погрузили на английский военно-транспортный корабль и повезли, но не в СССР, а в Египет и высадили в Порт-Саиде. Затем всех русских перевезли на окраину Каира и разместили в военном палаточном лагере³⁶. Только в апреле 1945 г. после долгого путешествия по морю на норвежском торговом судне «Святая Мария» 150 «русских гарибальдийцев» увидели редкие огни полуразрушенной Одессы.

Командир батальона В.Я. Переладов, как и многие бывшие военнопленные, до выяснения обстоятельств его пребывания в плену

Рис. 3. В. Переладов // Записки русского гарибальдийца. Новосибирск, 1988. Вклейка № 1

был в фильтрационном лагере, но, к счастью, пробыл там недолго. Затем в течение трех лет восстанавливал здоровье в госпиталях. После лечения продолжил образование, прерванное войной. По окончании института и аспирантуры в 1951 г. девять лет работал заместителем главного инженера шахты № 2 комбината «Инуголь» на Крайнем Севере. В начале 1960 г. был переведен на работу Госплан СССР, где проработал главным специалистом в одном из отделов 17 лет. Написал книгу «Записки русского гарибальдийца», изданную в 1988 г.

Награжден орденом Красного Знамени и орденом Отечественной войны I степени.

Рис. 4. Старый итальянский рабочий, коммунист Дини Руэрико и его супруга Роза, спасшие В.Я. Переладову жизнь после побега из лагеря для военнопленных. Фототека ВИМАИВиВС. Негатив № 14009-а

Рис. 5. В.Я. Переладов возлагает от советской делегации ветеранов венок к мемориальной доске в г. Модена.

1961 г. Фототека ВИМАИВиВС.

Негатив № 14009-а

ских военнопленных из концентрационных лагерей и возвращения их на Родину³⁷. Имея большой боевой опыт, хорошо зная итальянский язык и прекрасно ориентируясь на местности, Тарасов перешел линию фронта с проводником и продолжил воевать в группе лейтенанта Ивана Данильченко в провинции Модена и Реджо-Эмилия. Почти каждый день с его помощью отправлялись партии советских пленнх через линию фронта. Согласно справке, выданной председателем уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан из Италии полковником Яковлевым, 14 октября 1945 г. лейтенанту А.М. Тарасову удалось переправить через линию фронта 325 советских граждан³⁸. В дальнейшем к отряду Данильченко было прикомандировано отделение английских артиллеристов вместе с пушкой, минометами и двумя джипами³⁹. В апреле 1945 г. силами партизан были освобождены Модена, Реджеро, Парма и Болонья⁴⁰.

После войны Италия отметила героя высшим знаком отличия итальянских партизан – двумя медалями «Гарибальдийская звезда» и тремя Золотыми именными медалями.

Несколько иначе сложилась судьба А.М. Тарасова. После перехода Русского ударного батальона в расположение войск 5-й американской армии в декабре 1944 г. Тарасов получил специальное задание. Решением миссии по репатриации советских граждан он был отправлен в тыл противника для организации побегов совет-

Рис. 6. А.М. Тарасов (слева) и партизан М. Кабияров с оружием, отобранном у врага в бою. Италия. Местечко Моните-Фьеорино. 30 июня 1944 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 10. Д. 24. Раздел фото. Л. 10

Вернулся А. Тарасов в родной Ленинград в 1948 г. и вскоре был арестован. Три года он провел в заключении, затем приехал в Ленинград и работал художником-гравером в типографии Лениздата. Написал две книги: «В горах Италии», изданную в 1960 г., и «Италия в сердце», вышедшую в 1976 г. Награжден орденом Отечественной войны I степени и итальянскими наградами: медалью «Гарибальдийская звезда», памятной медалью Национальной Ассоциации партизан Италии «Иностранному участнику Сопротивления»,⁴¹ медалью 76-й Гарибальдийской бригады и медалью в честь XX-летия итальянского Сопротивления. В 50-е годы прошлого века Анатолию Макаровичу от итальянского товарища по оружию В. Оффелини была подарена скульптура «Итальянский партизан»⁴².

В настоящее время все воинские награды А.М. Тарасова хранятся в Государственном музее политической истории России. В 2015 г. они были представлены на выставке «Освобождение Европы», открытой в музее⁴³.

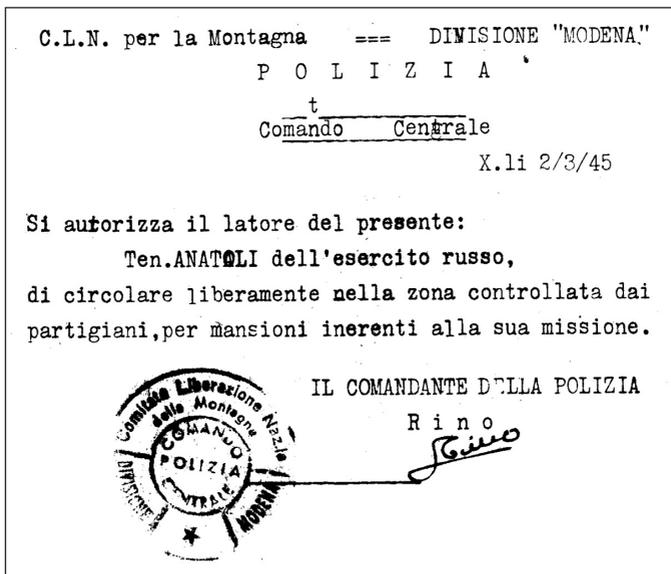

Рис. 7. Пропуск, выданный А.М. Тарасову командованием партизан провинции Модена. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 10. Д. 24. Раздел фото. Л. 6

Рис. 8. На снимке (слева направо) Михаил Алманаев, Анатолий Тарасов, маленький итальянский партизан, Освальдо Кло и Михаил Кобиясов // Тарасов А. В горах Италии. Л., 1960. С. 103

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ПО ДЕЛАМ РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ИЗ ИТАЛИИ
RAPPRESENTANTE DELL'INCARICATO
DEL CONSIGLIO DEI COMISSARI DEL POPOLO DELL'URSS
PER IL RIMPATRIO DEI CITTADINI SOVIETICI DALL'ITALIA

№ 17
14 декабря 1945
130 VIA NOMEZIANA, ROMA - Tel. 86393

С П Р А В К А /Характеристика/

Дана лейтенанту ТАРАСОВУ Анатолию Макаровичу, рождения 1921г.,
в том, что он, как подлежащий репатриации, направляется в Союз.

Попав в плен 20.10.41., он бежал из плена 8.9.42. С этого времени
он в горах Италии вел партизанскую борьбу, команду в качестве комиссара
батальоном партизан, состоящего из русских.

17.11.44. Тарасов с отрядом перешел линию фронта. Весь личный
состав отряда был отправлен на родину, а Тарасов был послан нами
обратно в немецкий тыл с заданием сбора советских граждан и органи-
зации работы по уходу их из немецких частей.

До окончания военных действий тов. Тарасову удалось переправить
через линию фронта к нам 325 чел. советских граждан.

после окончания боев, тов. Тарасов помогал нам в сборе советских
граждан.

За энергичную, добросовестную работу тов. Тарасов был представлен
к правительственной награде.

Представитель Уполномоченного СНК СССР
по делам репатриации советских граждан
из Италии
Подковник Яковлев/

Рис. 9. Справка, выданная представителем уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан из Италии на имя А.М. Тарасова. 14 декабря 1945 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 10. Д. 24. Раздел фото. Л. 4

Рис. 10. А.М. Тарасов (в центре) и М. Кабияров (справа) в Артиллерийском историческом музее в зале Великой Отечественной войны. Ноябрь 1958 г. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 10. Д. 24. Раздел фото. Л. 9

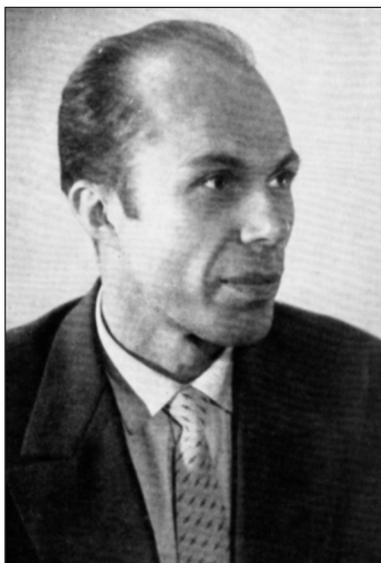

Рис. 11. А. Тарасов // Тарасов А. Италия в сердце. Л., 1976. Вклейка № 1

На современном этапе участие Русского ударного батальона в итальянском движении Сопротивления недостаточно изучено и его вклад в разгром немецко-фашистских войск в Северной Италии до конца не оценен. Необходимо исследование новых источников и, в первую очередь, итальянских.

- ¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 10. Д. 24. Л. 1.
- ² Там же. Дело фонда № 52 Р. Акт от 3 декабря 2003 г.
- ³ Батталья Р. История итальянского движения сопротивления. М., 1954. С. 7.
- ⁴ Галлени М. Советские партизаны в итальянском движении сопротивления. М., 1988. С. 8.
- ⁵ Бычков М.А. Полетаев и итальянское движение сопротивления. С. 1.
- ⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 10. Д. 24. Л. 4.
- ⁷ Комолова Н.П. Движение сопротивления и политическая борьба в Италии. 1943–1947 гг. М., 1972. С. 37.
- ⁸ Там же. С. 58.
- ⁹ Батталья Р. История итальянского движения сопротивления. С. 105.
- ¹⁰ Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2014. Т. 3. № 3. С. 41–45.
- ¹¹ Батталья Р. История итальянского движения сопротивления. С. 171.
- ¹² Там же. С. 179.
- ¹³ Комолова Н.П. Движение сопротивления и политическая борьба в Италии. С. 59.
- ¹⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 10. Д. 24. Л. 6.
- ¹⁵ Галлени Мауро. Советские партизаны в итальянском движении сопротивления. М., 1988. С. 7.
- ¹⁶ Там же. С. 149.
- ¹⁷ Анатолий Макарович Тарасов – русский гарибальдиец // Удомельская старина. Краеведческий альманах. 2010. № 40. С. 2.
- ¹⁸ Переладов В.Я. Записки русского гарибальдийца. Новосибирское книжное издательство, 1988. С. 74.
- ¹⁹ Галлени Маурио. Советские партизаны в итальянском движении сопротивления. С. 167.
- ²⁰ Батталья Р. История итальянского движения сопротивления. С. 406.
- ²¹ Переладов В.Я. Записки русского гарибальдийца. С. 75.
- ²² Тюрин Денис. Советские пленные в Западной Европе. sgline.org>cat/16/1091226.01.2016.
- ²³ Галлени Мауро. Советские партизаны в итальянском движении сопротивления. С. 168.
- ²⁴ Там же. С. 174.
- ²⁵ Переладов В.Я. Записки русского гарибальдийца. С. 87.
- ²⁶ Там же. С. 89.
- ²⁷ Анатолий Макарович Тарасов – русский гарибальдиец. С. 6.
- ²⁸ Переладов В.Я. Записки русского гарибальдийца.
- ²⁹ Батталья Р. История итальянского движения сопротивления. С. 411.
- ³⁰ Там же. С. 412.
- ³¹ Галлени М. Советские партизаны в итальянском движении Сопротивления. С. 174.
- ³² Тарасов А.М. Италия в сердце. Лениздат, 1976. С. 150.
- ³³ Переладов В.Я. Записки русского гарибальдийца. С. 151.
- ³⁴ Тарасов А.М. . В горах Италии. С. 170–171.
- ³⁵ Морозов А.Я. Гарибальдиец из Лизиновки.

³⁶ Переладов В.Я. Записки русского гарибальдийца. Новосибирское книжное издательство, 1988. С. 158.

³⁷ Тарасов А. В горах Италии. Л., 1960. С. 134.

³⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52 Р. Оп. 10. Д. 24. Л. 4. Фото.

³⁹ Тарасов А. Италия в сердце. С. 153.

⁴⁰ Там же. С. 168.

⁴¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 10. Д. 24. Л. 14.

⁴² Иллюстрированная книга «Изъятию не подлежит... Хранить вечно!» К 100-летию коллекции Государственного музея политической истории России. 1907–2007. СПб.: Славия, 2007. С. 191.

⁴³ Государственный музей политической истории России. Альбом выставки «Освобождение Европы» / Сост. А.П. Смирнов. СПб., 2015.

С.А. Рябая (Ижевск)

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВА ОХОТНИЧЬИХ РУЖЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

СПРОВЕДЕНИЕМ РЕФОРМ 60–70-х гг. XIX в. в экономике Вятской губернии, как и во всей стране, начался необратимый процесс капиталистической перестройки и утверждения новой социально-экономической структуры. Как и повсюду, первые два послереформенных десятилетия в развитии промышленности были периодом разрушения старых хозяйственных отношений и формирования новых сил, накопления капиталов и оснащения техникой. Однако результаты реформы проявились здесь со значительным опозданием: в 80–90-е гг. XIX в. на основе мелкотоварного производства в массовом масштабе складывалась капиталистическая мануфактура, и только в начале XX в. происходило оснащение отдельных предприятий машинами и механизмами, возникали фабрики и заводы. В период капитализма как результат многоукладного характера экономики промышленность Вятской губернии представляла сложную картину переплетения различных экономических форм и их промежуточных состояний, а именно: ремесло, мелкотоварное производство, простая капиталистическая кооперация, капиталистическая мануфактура, фабрика.

Отмена крепостного права в России в 1861 г. и последующие реформы, в том числе перевод ижевских оружейников в 1866 г. из военного ведомства в гражданское и увольнение части из них с Ижевских железоделательного и оружейного заводов, создали условия и дали толчок для возникновения и развития частного оружейного производства в Вятской губернии. Этому способствовало и то, что казенные Ижевские заводы не выпускали охотничьих ружей для населения. Большинство освободившихся квалифицированных масте-

ровых Ижевских заводов и составили контингент самостоятельных кузнецов и слесарей-оружейников.

Большая часть освободившихся оружейников сосредоточилась в с. Ижево и близлежащих деревнях, занявшись привычным для себя ружейным делом, но уже в частном порядке. Так, ижевские кузнецы А. Храмов, В. Малаков, П. Прилуков, З. Федоров, П. Погорелов, Е. Иванов ковали «вещи для ружейных замков и приборов»¹ с последующей их продажей другим мастерам, осуществлявшим сборку ружей.

Продукция ижевских кустарей предназначалась в основном для конкретных потребителей. Большим спросом у добытчиков пушнины пользовались малокалиберные шомпольные винтовки с капсюльным и даже кремневым воспламенением – «сибирки». Охотники на белку использовали так называемую «турочку», напоминавшую по внешнему виду «сибирочку», но с гладким каналом ствола небольшого калибра. «Турочка» заряжалась несколькими дробинками. Такие ружья ценились промысловиками за их бой, «дальний и резкий»².

Многие оружейники, будучи охотниками, делали ружья сообразно своим интересам и возможностям, проявляя при этом незаурядное техническое творчество. Примером может служить казнозарядная «уточница», изготовленная в домашней мастерской поселка Ижевский завод в начале XX в.³

Кустарное производство ряда оружейных мастерских Ижевска к началу XX в. переросло в мелкотоварную форму промышленности. Их владельцы – И.С. Васильев, И.А. Егоров, И.С. Колпаков, П.И. Мезрин, И.В. Минеев, И.П. Пономарев, П.И. Рохлин, Н.Ф. Тукмачев – находили сбыт своему товару на ярмарках Урала и Поволжья. Известно, что Пономарев продавал до 350 ружей на ярмарках в г. Чердыни Пермской губернии⁴. Отметим, что к этому времени аналогичные заведения в Тульской губернии «прекратили свое существование»⁵. На фабричный уровень производства ни одно из частных оружейных предприятий Тулы не вышло. В начале XX в. ижевские частные оружейники оставались единственными крупными производителями отечественного охотничьего оружия. Среди них особо заметны предприятия И.Ф. Петрова, А.Н. Евдокимова, Н.И. Березина, выделение которых из общей массы предпринимателей отмечается уже в 1870–1880 гг.

По данным 1888 г. наиболее крупным по числу рабочих (47 чел.) было предприятие И.С. Березина, поставлявшее на рынок 3000 охот-

ничьих ружей на сумму 5000 р. Ему значительно уступали заведения А.Н. Евдокимова (25 рабочих; сумма производства 1100 р.) и И.Ф. Петрова (30 рабочих; 3600 р. соответственно)⁶. В 1890-х гг. предприятие И.С. Березина перешло к его сыну – Н.И. Березину, а лидирующее место в конкурирующей тройке занял Иван Федорович Петров.

В конце 1880-х гг. Петров построил в заречной части поселка Ижевского завода небольшую фабрику, где вначале делали одноствольные, а затем и двуствольные охотничьи ружья. Обладая незаурядными коммерческими способностями, он вскоре превратился в крупного предпринимателя. В фабричных и торговых делах ему ревностно помогали четыре сына: они ездили по ярмаркам, бывали за границей, перенимали новинки ружейного производства.

Фабрикант И.Ф. Петров был высококвалифицированным специалистом-ружейником, умевшим подобрать квалифицированных рабочих и выпускавшим действительно добротные ружья. В своем прейскуранте 1911 г. он писал: «До основания своей фабрики я собственноручно вырабатывал ружья, а потому, благодаря моей опытности и знанию ружейной техники, покупатели и охотники всегда относились ко мне с полным доверием как специалисту по оружейному делу. Будучи сам ружейным охотником и мастером по производству ружей и оценке их качества, я легко вникал в нужды своих заказчиков и охотников, имея при себе в управлении фабрикой и складами не менее компетентных в ружейном деле сыновей, большой штат опытных мастеров, оборудовав свою фабрику новейшими усовершенствованиями, специально-ружейными станками и машинами»⁷.

В Екатеринбурге, Омске, Нижнем Новгороде фабрикант имел свои магазины. В 1894 г., установив связь с закавказскими торговцами, Петров отгрузил в их адрес 1710 ружей, в том числе в Кутаиси – 1050, в Поти – 210, в Ленкорань – 150, в Тифлис – 250 и в Батуми – 50⁸. Успеху способствовала широкая реклама в виде красочных иллюстрированных каталогов и прейскурантов, плакатов, объявлений в газетах, почтовых открыток с изображением охотничьих сюжетов и даже крупных надписей на крышах пакгаузов железнодорожных станций сибирских железных дорог.

До 1900-х гг. И.Ф. Петров изготавливал шомпольные ударно-капсюльные одноствольные и двуствольные ружья, а затем перешел на перделываемые из винтовок систем Бердана-2 и Крнка одностволь-

ные и двуствольные курковые ружья, а также двуствольные бескурковые ружья центрального боя с гладкими и нарезными стволами.

Армейские винтовки систем Крнка и Бердан-2 переделывались и в гладкоствольные, и в нарезные ружья. Охотничья винтовка Крнка предназначалась для стрельбы в крупного зверя: медведя, лося, кабана, моржа.

Производилась также нарезная одностволка системы Веблея (с рычагом под скобой) с откидывающимся стволом.

Двуствольные ружья центрального боя собирались из деталей выделки Ижевского оружейного завода. Они выпускались 12, 16 и 20-го калибров. По заказу эти ружья выпускались и в более дорогом исполнении.

По индивидуальным заказам И.Ф. Петров делал дробовые ружья крупных калибров, восьмого и даже четвертого, а также шомполки с ударно-кремневыми замками для невзыскательных охотников и для приверженцев старины. С 1900 г. фабрика Петрова выпускала в месяц по 450–500 ружей разных систем, преимущественно переделные и шомпольные, с 1910 г. стала изготавливать одноствольные ружья центрального боя системы Ивер–Джонсона, но конструктивно несколько измененные.

Петров занимался также и перепродажей иностранного охотничьего оружия. В 1900 г. Иван Федорович закупил у фабрики «Иосиф Коллет в Люттихе» 100 охотничьих ружей и 200 револьверов⁹. В 1902 г. он, реализуя в год более 60 двуствольных, заряжаемых с казны ружей своего изготовления, продал одновременно более 300 дешевых заграничных ружей. В различное время реализовывалась продукция фирм «Зауер», «Пипер», «Винчестер», «Ф. Н. Ивер–Джонсон», «Маузер», «Шмидт и Габеман» и др., через торгового агента Попова поставлялось оружие Тульского завода. Покупаемые за границей готовые ружья и пистолеты его мастера подвергали дополнительной проверке на качество боя и безотказность работы механизмов, доводя оружие до кондиции. Но большую часть прибыли давало оружие собственного производства.

Вместе с ружьями своей фабрики Петров продавал продукцию кустарей-надомников и мелких предпринимателей: Матявина, Никитина, Колпакова и др.

Для изготовления ружей Петров выписывал с казенного завода основные детали, например, затворы, гладкие стволы; часто он покупал всевозможные оружейные отходы, отдельные детали и части

устаревших образцов, которые подправлял или переделывал, после чего пускал их в работу.

Как правило, машинная обработка деталей производилась на фабрике, а значительное количество лож, замков и других деталей изготовлялось кустарями-надомниками. Окончательная сборка ружей, окраска, гравирование велись на предприятии.

Непосредственно на фабрике в 90-х гг. XIX в. работало до 230 человек, не считая значительно большего числа надомников. Количество работников в 1914 г. достигло 228 мужского и 18 женского пола.

В 1901 г. на фабрике Петрова функционировало 6 токарных станков, 10 сверлильных и два деревообрабатывающих, приводимых в действие паровой машиной в 8 л. с. Через 5 лет станочный парк вырос еще на 10 единиц¹⁰, среди которых был гильошировочный станок стоимостью 450 р., изготовленный по заказу в ствольно-коробочной мастерской Ижевского оружейного завода¹¹. В 1913 г. на фабрике действовало 69 станков, молот, 2 штампа, 3 горна, печи Феллениуса. Машины увеличили «интенсивность труда рабочих». Годовой объем производства за период с 1900 по 1913 гг. вырос в 5,8 раза¹². По данным статистики годовой объем производства в 1909 г. достиг 92 800 р.¹³

С начала Первой мировой войны фабрика стала выполнять заказы Ижевского оружейного завода, количество основных рабочих на ней возросло более чем вдвое.

Фабрика И.Ф. Петрова сыграла положительную роль в развитии производства охотничьего оружия и подготовке кадров оружейников. За высокое качество ружей и охотничьих принадлежностей Иван Федорович получил на различных промышленных и сельскохозяйственных выставках следующие награды: в 1888 г. – медаль в г. Глазове, в 1890 г. – медаль в г. Казани, в 1907 г. – медаль в г. Саранске, в 1907 г. – медаль в г. Ростове-на-Дону, в 1907 г. – Grand Prix (высшая награда в Бельгии, г. Брюссель), в 1910 г. – медаль от Общества сибирских охотников в г. Иркутске¹⁴.

Чтобы показать товар лицом, ижевские фабриканты умело использовали рекламу. Один из сыновей И.Ф. Петрова, Василий Иванович, учредил при оружейной фабрике рекламное агентство, завалившее покупателей рекламными открытками и каталогами.

С петровскими ружьями вплоть до 1918 г. соперничала продукция оружейной фабрики А.Н. Евдокимова. В начале XX в. его фабрика представляла собой процветающее предприятие, оборудованное

по последнему слову техники. Выпуск ружей доходил до 9300 шт. в год. Одноствольные и двуствольные шомпольные ружья, изготавливаемые на этом предприятии, славились резкостью боя, прочностью и отличным качеством отделки, пользовались устойчивым спросом. Евдокимов имел свои торговые точки в Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Вятке и Перми.

На Казанской научно-промышленной выставке в 1890 г. ружья фабрики Евдокимова были удостоены серебряной медали¹⁵, а на международной выставке в 1910 г. в Лондоне за ружье, гравированное Н.В. Маланиным, предприятие было также получило награду¹⁶.

В 1870 г. была основана оружейная мастерская И.С. Березина, позже преобразованная в фабрику охотничьих ружей. Сын, Н.И. Березин, после смерти отца в 1896 г. значительно расширил дело отца. В 1904 г. он построил небольшой чугунолитейный завод в Вятском переулке Ижевска. Помимо чугунного литья, на заводе изготавливали детали ружей (ствольные коробки, курки, спусковые скобы и крючки), которые продавали частным оружейникам¹⁷. В начале XX в. за хорошее качество продукции оружейная фабрика была награждена Большой серебряной медалью¹⁸. В 1911 г. Н. И. Березин был первым предпринимателем в Ижевском поселке, оснастившим свою фабрику дизельным двигателем мощностью 60 л. с. В 1914 г. здесь действовало 2 дизельных двигателя суммарной мощностью в 160 л. с.¹⁹ В 1913 г. Н.И. Березин ввел в строй первую частную электростанцию²⁰.

В 1899 г. на оружейной фабрике Березина работало 50 рабочих, объем производства составлял 50 000 р.²¹ К началу Первой мировой войны объемы производства фабрики значительно выросли, численность рабочих выросла более чем втрое.

До начала XX в. в Ижевском поселке работала небольшая фабрика сельского обывателя М.А. Будакова. На ней работало 12 рабочих, годовой объем производства составлял 1100 р.²² В 1908 г. эта фабрика перешла к В.И. Петрову.

В конце 1914 г. в условиях Первой мировой войны частные оружейные фабрики Вятской губернии, выпускавшие охотничьи ружья, стали выполнять заказы Ижевского оружейного завода по обработке стволов для трехлинейных винтовок С.И. Мосина из заготовок сталелитейного завода, прекратив изготовление охотничьего оружия²³. Кроме этих работ, зимой 1916 г. И.Ф. Петров обязался к апрелю 1917 г. поставить Ижевскому оружейному заводу 100 000 березовых ложевых болванок²⁴.

В 1918 г. предприятия и лесные дачи всех владельцев оружейных фабрик Ижевска были национализированы и присоединены к Ижевским заводам²⁵.

Таким образом, зародившееся в Вятской губернии в конце 60-х гг. XIX в. частная оружейная промышленность по производству охотничьих ружей в форме мелкотоварного производства к концу XIX в. складывается как мануфактура, переросшая в начале XX в. в фабрику. Частные оружейные фабрики Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв. являлись единственными в России крупными частными производителями сравнительно недорогого и качественного охотничьего оружия, пользовавшегося устойчивым спросом на внутреннем рынке России, в первую очередь, на Урале и в Сибири. Охотничьи ружья, изготовленные в частных мастерских Вятской губернии, продавались в сорока городах России и экспонировались на международных выставках.

¹ Кировское областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Кировской области» (КОГКУ «ГАКО»). Ф. 574. Оп. 1. Д. 383. Л. 415–416.

² Природа и жизнь. 1891. № 3. С. 43.

³ Васильев А.П. К истории ижевского частного оружейного производства (1867–1917 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. 1861–1985. Сб. ст. Устинов, 1986. С. 92.

⁴ КОГКУ «ГАКО». Ф. 582. Оп. 181. Д. 180. Л. 38.

⁵ Шокарев Ю.В. Производство охотничьего оружия тульскими оружейниками во 2-й половине XIX в. // Рабочие оружейной промышленности в России и русские оружейники в XIX – начале XX вв. Сб. ст. М., 1977. С. 86.

⁶ КОГКУ «ГАКО». Ф. 574. Оп. 1. Д. 1149. Л. 126–126 об.

⁷ Горбов М. Знаменитые ружья. Петров // Охота и охотничьи ружья. 1983. № 5. С. 31.

⁸ Изметинский Н.Л., Михайлов Л.Е. Ижевские ружья. Т. 1. Ижевск, 1995. С. 12.

⁹ КОГКУ «ГАКО». Ф. 582. Оп. 159. Д. 96. Д. 6.

¹⁰ КОГКУ «ГАКО». Ф. 841. Оп. 1. Д. 8. Л. 9, 30.

¹¹ Государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» (ГКУ «ЦГА УР»). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3831. Л. 9.

¹² Васильев А.П. К истории ижевского частного оружейного производства... С. 96.

¹³ Пугаева Н.П. Развитие промышленности Удмуртии в периоде капитализма (1861–1917 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. С. 76.

¹⁴ Горбов М. Знаменитые ружья. Петров // Охота и охотничье хозяйство. 1983. № 5. С. 31.

¹⁵ Пушкарева Н.Г. Ружейные конкуренты // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1995. № 1–2. С. 129.

¹⁶ Предпринимательские династии Камско-Вятского региона. XVIII–XX вв. / Отв. ред. Н.П. Лигенко. Ижевск, 2008. С. 113.

¹⁷ КОГКУ «ГАКО». Ф. 841. Оп. 1. Д. 135. Л. 16, 18; Горбов М. Ижевские оружейники.

Ижевск, 1982. С. 31–32.

¹⁸ГКУ «ЦГА УР». Ф. Р-15. Оп. 2. Д. 31. Л. 20 об.

¹⁹ Липина С.А. Модернизационные процессы в промышленности Удмуртии накануне и в годы Первой мировой войны (1910–1917 гг.). Ижевск, 2010. С. 29.

²⁰ Жилин С. Оружейный фабрикант // Центр. 27 июля 2000 г. С. 14.

²¹КОГКУ «ГАКО». Ф. 574. Оп. 1. Д. 394. Л. 18.

²² Там же. Д. 1193. Л. 56.

²³ Обзор Вятской губернии за 1915 г. Приложение к Всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. Вятка, 1916. С. 48.

²⁴ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4578. Л. 336–338.

²⁵ Вятское народное хозяйство. 1919. № 7. С. 26–29.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахов Сергей Алексеевич – Тульский государственный университет, главный инженер, кандидат технических наук, доцент.

Бельтюков Виталий Леонидович – Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург), профессор.

Малахов Геннадий Викторович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Мионов Юрий Александрович – историк-исследователь (г. Ардатов, Мордовия)

Мирошникова Ирина Павловна – Дом Русского Зарубежья им. А.С. Солженицына (Москва), ведущий научный сотрудник.

Михайлов Андрей Александрович – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (Санкт-Петербург), научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент.

Михайлов Александр Владимирович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Мороз Владимир Николаевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, научный сотрудник.

Мосунов Вячеслав Альбертович – фирма «Wargaming Ltd» (Санкт-Петербург), исторический консультант.

Наумов Владимир Валентинович – Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева (Санкт-Петербург), кандидат военных наук, профессор.

Немцев Александр Дмитриевич – Курский институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета, кандидат исторических наук, доцент.

Нератова Елизавета Ивановна – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), заведующая отделом.

Несин Михаил Александрович – Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, аспирант.

Никитин Владимир Олегович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, начальник отдела.

Новоселов Василий Рудольфович – Музеи Московского Кремля, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Ноздрин Олег Яковлевич – Среднерусский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Орел), кандидат исторических наук, доцент.

Оводков Никита Алексеевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, младший научный сотрудник.

Окунев Сергей Юрьевич – Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, доцент, кандидат исторических наук, доцент.

Орленко Сергей Павлович – Музеи Московского Кремля, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Оськин Максим Викторович – Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (Тула), доцент, кандидат исторических наук.

Оточкин Вячеслав Валентинович – Военный институт физической культуры им. С.М. Кирова (Санкт-Петербург), старший преподаватель, кандидат исторических наук.

Павлов Иван Владимирович – Всероссийский научно-исследовательский проектно-конструкторский и технологический институт электромашиностроения (Санкт-Петербург), инженер.

Павлов Михаил Владимирович – Институт военной истории Генерального Штаба ВС РФ (Москва), старший научный сотрудник, кандидат технических наук.

Павлович Марина Кировна – Музеи Московского Кремля, заведующая сектором, кандидат исторических наук.

Панкратов Александр Германович – Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, аспирант.

Пасхин Сергей Михайлович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник.

Пацута Валерий Лукич – Военный институт физической культуры, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой, доцент.

Пенской Виталий Викторович – Белгородский государственный университет, профессор, доктор исторических наук

Перевозник Юрий Яковлевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, старший научный сотрудник.

Петрова Елена Петровна – Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Владимир), хранитель фондов.

Пивоварчик Сергей Аркадьевич – Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, заведующий кафедрой, доктор исторических наук, доцент.

Пилишвили Георгий Джунглович – Курский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент.

Пинк Игорь Борисович – Тульский государственный музей оружия, заместитель директора, кандидат исторических наук.

Пислегина Марина Юрьевна – Вятскополянский исторический музей (Вятка), директор.

Поярков Алексей Александрович – Военный институт физической культуры, кандидат педагогических наук, доцент.

Приходько Михаил Анатольевич – Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, старший преподаватель, кандидат юридических наук.

Прямыцын Владимир Николаевич – Научно-исследовательский институт военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, заместитель начальника отдела, кандидат военных наук.

Птицын Виктор Викторович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Рахимов Рамиль Насибуллович – Российский институт стратегических исследований (Уфа), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, доцент.

Рогожин Александр Александрович – Орловский музыкальный колледж, преподаватель, кандидат исторических наук.

Родионов Евгений Александрович – Государственный музей-заповедник «Гатчина» (Ленинградская обл.), старший научный сотрудник.

Романов Максим Юрьевич – Московское краеведческое общество союза краеведов России, историк-краевед.

Рудакова Людмила Петровна – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, научный сотрудник.

Рябая Светлана Анатольевна – Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, кандидат исторических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Миронов Ю.А.</i> Николай Альбертович Бенуа – первооткрыватель, изобретатель звуковой разведки артиллерии.....	3
<i>Миронов Ю.А.</i> Применение акустических приборов для разведки артиллерии в Первой мировой войне.....	16
<i>Мирошникова И.П.</i> В память пребывания Русской армии в военных лагерях на чужбине: кресты и кольца «Галлиполи» в музейном собрании Дома русского зарубежья	28
<i>Михайлов А.А.</i> Морские твердыни. Отечественная публицистика второй половины XIX века о создании военно-морской базы на севере России: А.Е. Конкевич и В.Н. Семенович	37
<i>Михайлов А.В., Малахов Г.В.</i> Знамена из арсенала Тульского оружейного завода (1825–1859).....	58
<i>Михайлов А.В., Птицын В.В., Астахов С.А.</i> Из истории ружейных технологий (работы по правке стволов поручика А. Корсакова (1861) и техника А. Иванова (1928))....	67
<i>Мороз В.Н.</i> Перестройка крепости Свеаборг перед Первой мировой войной.....	73
<i>Мосунов В.А.</i> Наступление 67-й армии в феврале 1943 года.....	92
<i>Наумов В.В.</i> Взгляд с обеих сторон на вооруженный конфликт на острове Даманском	108
<i>Немцев А.Д.</i> Боевые действия в ходе Харьковской операции войск Юго-Западного направления на территории Курской области и северных районов Харьковской области (май 1942 года)	112
<i>Нератова Е.И.</i> По итогам Крымской войны... Несколько предметов из коллекции Русского этнографического музея.....	125

<i>Несин М.А.</i> О локализации места Шелонской битвы и иных боевых действий московско-новгородской войны 1471 года	136
<i>Никитин В.О.</i> Участие артиллерийских офицеров из русских приморских крепостей в походах Практических эскадр Балтийского и Черноморского флотов в 90-е годы XIX века	149
<i>Новоселов В.Р.</i> Две наградные бриллиантовые шпаги XVIII века из собрания Музеев Московского Кремля.....	153
<i>Ноздрин О.Я.</i> Борец Кармайкла. К вопросу о генералитете XVI века	159
<i>Оводков Н.А.</i> 4,2-линейная переделочная магазинная винтовка системы Квашневского модели 1883 года. История разработки и испытаний	165
<i>Окунев С.Ю., Бельтюков В.Л.</i> Некоторые особенности войн и вооруженных конфликтов современности	175
<i>Орленко С.П.</i> Оружейной палаты два «первых мастера»: Никита Давыдов, Григорий Вяткин	181
<i>Оськин М.В.</i> Питание русского солдата в период Первой мировой войны (1914–1917).....	205
<i>Оточкин В.В.</i> Персонализация участия нижних чинов русской артиллерии в основных сражениях Семилетней войны 1756–1763 годов.....	223
<i>Оточкин В.В., Пашута В.Л., Поярко А.А.</i> Битва за Ленинград: новые подходы отечественной и зарубежной историографии и мемуаристики.....	234
<i>Павлов И.В., Павлов М.В.</i> Истоки советской самоходной артиллерии	245
<i>Павлович М.К.</i> История фонда оружия в Музеях Московского Кремля в 1950 – начале 1980-х годов.....	259
<i>Панкратов А.Г.</i> Павеза в комплексе русского вооружения	270
<i>Пасхин С.М.</i> Управление связи с 1918 по сентябрь 1920 года и первый начальник связи Красной армии	287
<i>Пенской В.В.</i> Черкасское «сидение».....	302
<i>Перевозник Ю.Я.</i> Конструктор проводных средств связи И.М. Растокин (к 120-летию со дня рождения)	316
<i>Петрова Е.П.</i> Экспонаты музея 9-го гренадерского Сибирского полка в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника	324

<i>Пивоварчик С.А.</i> Авиационное обеспечение Гродненской крепости накануне Первой мировой войны	333
<i>Пилишвили Г.Д.</i> Роль и значение городских комитетов обороны в организации частей народного ополчения при обороне Воронежа и Курска в 1941–1942 годах	345
<i>Пинк И.Б.</i> Опытные магазинные винтовки конструкции Л. Нагана в собрании Тульского государственного музея оружия	354
<i>Пислегина М.Ю.</i> Г.С. Шпагин – конструктор «оружия Победы»	364
<i>Приходько М.А.</i> Первичная структура организации Министерства военных морских сил в 1802–1811 годах.	372
<i>Прямыцын В.Н.</i> Обстоятельства гибели Героя Советского Союза майора Марины Расковой	380
<i>Рахимов Р.Н.</i> Начало русского продвижения в Туркестан: поход на Ак-Мечеть 1853 года В.А. Перовского и создание Сырдарьинской линии	392
<i>Рогожин А.А.</i> Тайные агенты русского правительства в Швеции в 1719–1721 годах	405
<i>Родионов Е.А.</i> Нарезные ружья XVII–XVIII веков в коллекции Гатчинского музея-дворца	417
<i>Романов М.Ю.</i> Несколько комментариев к определениям старинных терминов «тощее древко», «подзнаменное копьё», «чехол», «лопасть»	431
<i>Рудакова Л.П.</i> Русский ударный батальон в итальянском движении Сопротивления (1943–1945)	444
<i>Рябая С.А.</i> Предпринимательство в сфере производства охотничьих ружей в дореволюционной России (на примере Вятской губернии)	460

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Седьмой Международной
научно-практической конференции

В четырех частях

Часть 4

Редактор: *Н.В. Медведев*
Художник: *Н.Ю. Якубовская*
Технический редактор: *В.И. Хоронеко*
Верстка: *В.И. Хоронеко*
Компьютерный набор: *Я.В. Камашина*

Подписано в печать. 29.04.2016.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 15.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman PS MT.
Тираж 200 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ.
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.
Издательско-полиграфический центр
Санкт-Петербургского государственного университета
промышленной технологии и дизайна.
Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 262.

==== Для заметок ====

=====**Для заметок**=====

==== Для заметок ====

=====**Для заметок**=====

==== Для заметок ====